

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Южный научный центр
Институт социально-экономических и гуманитарных
исследований

С.Я. Суций

**АРМЯНЕ ЮГА РОССИИ И КРЫМА
(геодемографический очерк)**

Ростов-на-Дону
2015

УДК 314
ББК 60.7(235.7)
С77

Рецензент:
Доктор философских наук, М.Д. Розин

Суций С.Я.

С77 Армяне Юга России и Крыма (геодемографический очерк)
/ С.Я. Суций. – Ростов н/Д.: Изд-во Копи-центр, 2015. – 287 с.

ISBN 978–586216–135–9

В работе анализируются различные аспекты исторической и современной геодемографической динамики армянского населения Юга России и Крыма. Изучена пространственная, расселенческая, гендерная эволюция отдельных региональных общин, определены возможные перспективы их развития в первой трети XXI века.

Исследование рассчитано на специалистов в области регионалистики, демографии, миграционных процессов, а также на всех интересующихся историей и современностью армянского народа, этносоциокультурной проблематикой Юга России.

Издание книги осуществлено в рамках культурно-просветительского проекта РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» (Председатель Правления Сурмалян А.А.)

УДК 314
ББК 60.7(235.7)

ISBN 978–586216–135–9

© С. Я. Суций, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. Армяне Юга России – общий демографо-расселенческий анализ (история и современность)	12
1.1. Античность и средневековье	12
1.2. Российский имперский период	20
1.3. Советский период	32
1.4. Армяне в РФ и на Юге России в постсоветский период	53
1.4.1. Динамика армянского населения в РФ (конец XX – начало XXI века)	56
1.4.2. Армянские общины Юга России в постсоветский период	64
Глава 2. Армяне на Дону и в степном Предкавказье	75
2.1. Армяне Дона	75
2.2. Кубанские земли (Краснодарский край и Адыгея)	107
2.3. Армяне Ставрополя (Кавказская губерния/Ставропольский край)	140
Глава 3. Армяне на нижнем Поволжье и на Северном Кавказе	159
3.1. Нижнее Поволжье	159
3.1.1. Астраханская и Волгоградская области	159
3.1.2. Калмыкия.	175

3.2. Республики Северо-Западного Кавказа	
3.2.1. Кабардино-Балкария (1930-е – 2010-е гг.)	184
3.2.2 Карачаево-Черкесия (1950-е – 2010-е гг.)	190
3.3. Центральный и Северо-Восточный Кавказ	195
3.3.1. Северная Осетия	195
3.3.2. Чечено-Ингушетия (Чеченская республика)	205
3.3.3. Дагестан	211

Вместо заключения.

Демографические и расселенческие перспективы армянских общин на Юге России – первая треть XXI века	223
---	------------

Приложения

№ 1. Геодемография армянской общины Крыму (история и современность)241
№2. Доля армянского населения в городах и районах степного Предкавказья, Дона, нижнего Поволжья (%)	251
№3 Численность армян в населенных пунктах южнороссийских регионов, 2002-2010 гг.	260

ВВЕДЕНИЕ

Юг России¹ на протяжении двух последних веков является одним из крупнейших средоточий армянского населения за пределами непосредственно Закавказья и собственно Армении. Достаточно сказать, что в середине 1920-х гг. в южном макрорегионе проживало почти 90% всех российских армян (рис. 1). В дальнейшем, по мере расширения географии армянского народа, успешно осваивавшего городскую систему (отчасти и сельскую местность) различных районов гигантской страны, эта доля сокращалась. Но и в конце советского периода она приближалась к 70%.

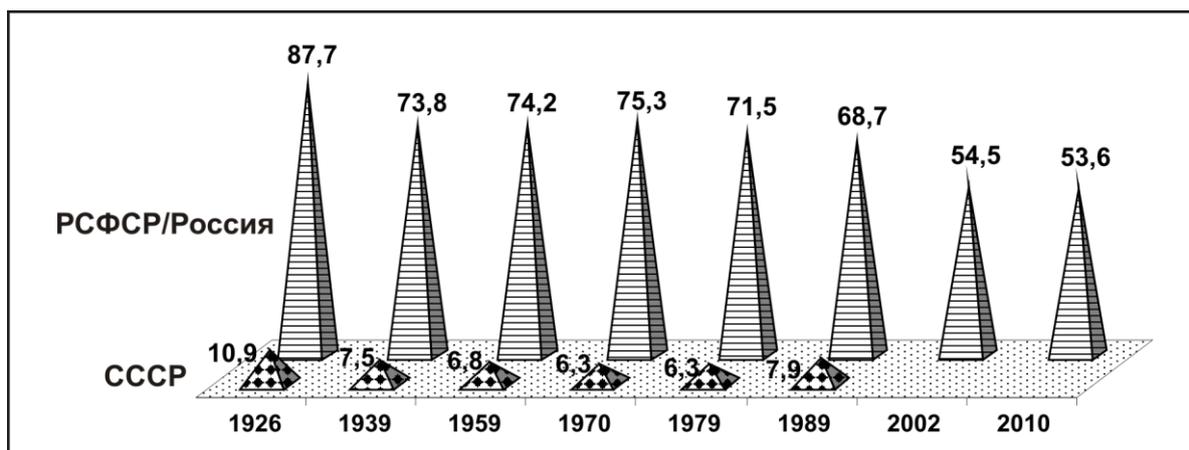

Рис. 1. Доля Юга России в численности всех армян СССР и РСФСР/России, 1926–2010 гг. (%)

Распад СССР сопровождался стремительным всплеском миграционной активности, обернулся своего рода новым «переселе-

¹ Мы будем рассматривать его в формате двух федеральных округов – Южного и Северо-Кавказского. Появление в составе Российской Федерации Крыма естественным образом расширяет пространственные контуры южного макрорегиона РФ. И поэтому, даже не рассматривая в основном тексте геодемографическую историю армянской общины крымского полуострова, мы не можем обойти ее вниманием. Данной теме посвящено одно из приложений исследования.

нием народов». В течение одного десятилетия армянская диаспора России выросла более чем вдвое. И хотя удельный вес ее южнороссийской компоненты в постсоветский период сократился, больше половины российских армян в настоящее время – по-прежнему жители южного макрорегиона.

Согласно переписи 2010 г. в его пределах проживает более 630 тыс. армян. Иными словами, Юг России в настоящее время оказывается крупнейшим средоточием армян за пределами самой Армении (в том числе демографически превосходя армянские общины в США и Франции)¹.

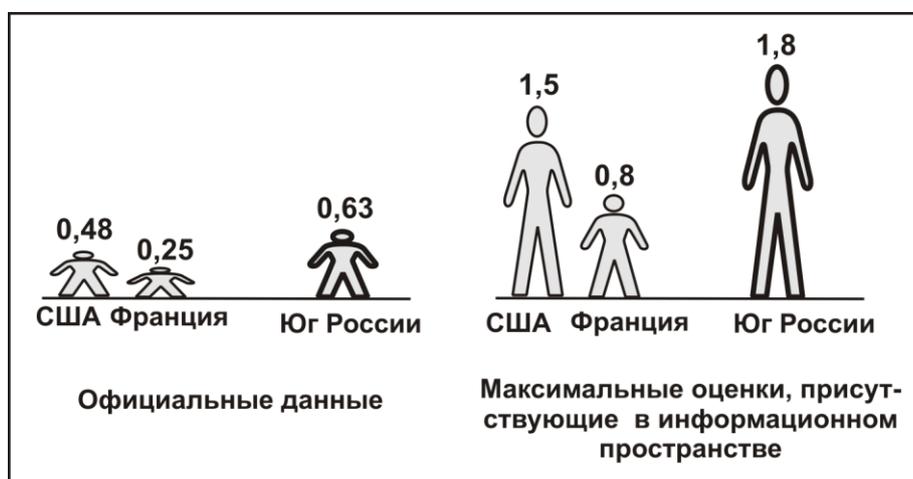

Рис. 2. Крупнейшие современные территориальные группы армянского населения за пределами Армении (млн. чел.)

Но что не менее существенно – на рубеже XXI в. армяне становятся по численности вторым народом южного макрорегиона, опередив украинцев². Не менее представительной является и их

¹ В данном случае мы исходим из официальной статистики. Конечно, в Сети присутствуют множественные количественные оценки крупнейших зарубежных диаспор. Община США оценивается в диапазоне 0,48-1,5 млн., французская – 0,25–0,75 млн. человек. Нижняя планка представляет данные переписи, верхняя – разнообразные, далеко не всегда научно корректные расчеты. Но даже если ориентироваться именно на максимальный показатель, то и здесь Юг России возьмет вверх. Согласно подобной интернетовской статистике в одном только Краснодарском крае в настоящее время число армян составляет около 1 млн. человек.

² В данном случае мы не учитываем титульную часть северокавказских народов проживающих в своих республиках.

география – по уровню пространственного распространения в пределах Юга России, армяне уступают только русским. И судя по современной демографо-расселеческой динамике, эта позиция сохранится с диаспорой на всю обозримую перспективу.

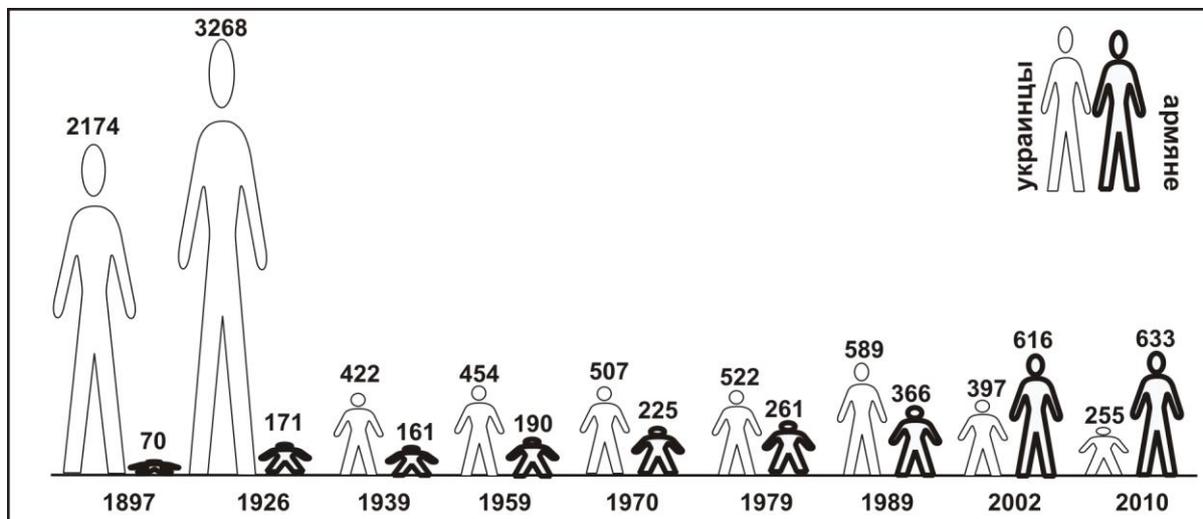

Рис. 3. Динамика украинского и армянского населения Юга России, 1897–2010 гг. (тыс. человек)

Но речь не только о демографии или расселенческом ареале. Нет ни одной крупной социальной сферы жизни южного макро-региона, ни одной статусной социoproфессиональной группы, в которой бы присутствие и влияние армян в настоящее время не было ощутимым (и при этом не продолжало бы постепенно увеличиваться).

Не удивительно, что армянское сообщество Юга России не обделено вниманием исследователей. Различным аспектам жизни региональных общин посвящена обширная литература. В центре научного интереса история появления различных территориальных групп, особенности их развития и взаимодействия с другими национальными сообществами; языковая специфика, особенности материальной и духовной культуры.

Среди работ посвященных геодемографической динамике всего армянского народа и потому неизбежно уделивших значительное внимание его южнороссийским общинам выделим исследования А.Г. Абрамяна, Ж.А. Ананяна, В.А. Хачатуряна, А.Е. Тер-

Саркисянц¹. Вполне закономерно и то, что максимальный интерес региональных исследователей посвящено крупнейшим на Юге общинам Донского края и степного Предкавказья. Среди исследователей, изучавших особенности становления и развития армянской общины Дона можно выделить работы П.А. Авакова, В.З. Акопяна, Г.М. Багдыкова, В.Б. Бархударяна, С.С. Казарова, А.Г. Малхасяна, С.М. Саядова, Сидорова В.С., В.В. Смирнова, Р.Г. Тикиджьяна, В.Ц. Худовердян².

Вопросы исторической и современной этнодемографии и системы расселения различных территориальных общин Кубани и

¹ Абрямян А.Г. Краткий очерк истории армянских поселенческих очагов. Т., Ереван, 1964 (на арм. яз.); Ананян Ж.А. Хачатурян В.А. Армянские общины России., Ереван, 1993; Тер-Саркисянц А.Е. Армяне – история и этнокультурные традиции. М., 1998; Ее же. История и культура армянского народа (с древнейших времен до начала XIX века). М., 2005.

² Аваков П.А. Армяне на Дону в XVII–XVIII вв. (до 1779 г.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 120-125; Багдыков Г.М. Краткая история Нахичевани-на-Дону, Ростов-на-Дону, 2013; его же Из истории донских армян. Ростов-на-Дону, 2006; его же. Краткая история донских армян. Ростов-на-Дону, б.г.; Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779-1917 гг.). Ереван, 1996; Казаров С.С. Армянский этнос на Дону //Донская история в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону, 1997; его же. Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века), Ростов-на-Дону, 2012; Малхасян А.Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян. Ростов-на-Дону, 2010; Сидоров В.С. Энциклопедия истории старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Ростов-на-Дону, 1993-1995; Смирнов В.В. Летопись Нахичевани-на-Дону: в историческом, бытоописательном, статистическом, иллюстративном интерьере с приложениями. Ростов-на-Дону, 2014; Тер-Саркисянц А.Е., Худовердян В.Ц. Армянская диаспора Юга России. Положение и перспективы. М., 1993; Тикиджьян Р.Г. Донские, нахичеванские армяне // История и культура народов Донского края и казачества. Ростов-на-Дону, 2010, С. 304–348; его же. Основные этапы формирования и трансформации этносоциального сообщества донских армян в конце XVIII – начало XXI века // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 284-290; Тикиджьян Р.Г., Мелконян В.В. Донские казаки и армяне XVIII – XX вв., из истории взаимоотношений // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2015, С. 164–171.

Ставрополья анализируются в трудах В.З. Акопяна, Г.С. Аракелян, М.А. Аствацатуровой, Н.Н. Великой, В.Б. Виноградова, Н.Г. Волковой, С.Н. Ктиторова, Б.Т. Ованесова, В.И. Ракачева, Л.А. Погосяна, А.Е. Тер-Саркисянц, Ф.А. Щербины¹. Становлению и развитию астраханской диаспоры посвящены работы В.А. Хачатуряна².

Но свои исследователи находились и у всех других территориальных армянских общин Юга России. Вопросы количественной динамики, исторической и современной географии армянского населения национального Северного Кавказа анализируются в работах Д.В. Аганесовой, А. Арутюняна, Р. Багдасаряна, З.В. Кануковой, Н.А. Магомедова, Ш.А. Магарамова, С.А. Минасяна, И.А. Суздальцевой³.

¹ Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России. Пятигорск, 2005; Акопян В. и др. Эдиссия. Страницы истории. Б.м., 1993; Аракелян Г.С. Черкесогай (историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984. С. 43–130; Аствацатурова М.А., Савельев В.Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2000; Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII – начале XIX вв. Армавир, 2001; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974; Волкова Н.Г. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века // Историко-филологический журнал. 1966. №3, С. 259–264; Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период). Армавир, 2002; Ованесов Б.Т. "Роль армянского населения Российской Империи в развитии Северного Кавказа", Ставрополь, 2008; Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981; Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.). Краснодар, 2003; Тер-Саркисянц А.Е. Из истории черкесогаяев (черкесских армян) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 279–284; Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогаяев. Екатеринодар, 1916.

² Хачатурян В.А. Населения армянской колонии в Астрахани во второй половине XVIII века. – Известия Академии наук. Общественные науки. 1965, №7; он же. Образование армянской колонии в Астрахани. – Историко-филологический журнал. 1983, №4.

³ Аганесова Д.В., Суздальцева. Армянские общины Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 2007; Арутюнян А. первая мировая война и

Значительное число работ посвящено и различным аспектам жизни армянской общины – Крыма, одной из старожильческих и наиболее крупных национальных общин полуострова, история развития которой насчитывает многие столетия. Отметим здесь исследования В. Григорьянца и В.А. Микаеляна¹.

Региональные армянские общины неоднократно становились и объектом масштабных социологических исследований, позволявших получить интересный и разнообразный материал, касающийся важнейших социокультурных характеристик местного армянского населения, в том числе уровень его социокультурной, экономической и ментальной адаптации; степень аккультурации (культурно-языковой русификации); сферы социопрофессиональной специализации и статусные позиции в регионах Юга России. Выделим здесь исследования А.Е. Тер-Саркисянца (конец 1980-х – середина 1990-х гг.) и опрос 2010 г., проведенный в общинах Краснодарского края и Ростовской области².

В заключение отметим, что для составления помещенных в исследовании карт и таблиц использовались материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а

армянские беженцы (1914–1917 гг.): дис. ... к.и.н. Ереван, 1989; Багдасарян Р. История армянской общины Грозного (середина XIX в. – 1920 г.): дис. ... к.и.н. Ереван, 1999; Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2006; Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. Образование армянской диаспоры Дербента и ее роль в развитии торговых контактов города в XVIII веке // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2015, С. 43–49; Минасян С.А. Армяне беженцы на Северном Кавказе: 1918–1920 гг. // там же, С. 49–54; Яхшибекян Д.Д. Роль армянского купечества в торгово-экономических взаимоотношениях Дагестана с Россией в XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... к.и.н. Махачкала, 2010.

¹ Григорьянец В. Армяне Крыма: прошлое и настоящее. Симферополь, 1997; Микаелян В.А. История армянской колонии Крыма. Ереван (Т. I – II), 1964–1970; *он же*. На крымской земле (история армянских поселений в Крыму). Ереван, 1974; *он же*. История крымских армян. Симферополь-Ереван, 2004.

² Тер-Саркисянец А.Е. Армяне – история и этнокультурные традиции. М., 1998; Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов-на-Дону, 2011.

также Всесоюзных переписей населения 1926–1989 гг. и Всероссийских переписей населения 2002–2010 годов¹.

Статистика армянского населения на 2002 и 2010 гг. по районам и городским центрам регионов Юга России была собрана с сайта Госкомстата РФ, а также с сайтов его региональных отделений. Следует также указать, что полученная из разных источников статистическая информация не всегда совпадала (для некоторых центров и территорий количественные показатели могли различаться на 10–20%). И данное обстоятельство серьезно осложняло, а иногда исключало возможность корректного научного анализа демографической динамики данных территориальных групп армянского населения в начале XXI века.

¹ Электронный ресурс: [перепись 1897 г. — http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php; перепись 1926 г. — http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg; перепись 1939 г. — http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php; перепись 1959 г. — http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php; перепись 1970 г. — http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php; перепись 1979 г. — http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php; перепись 1989 г. — http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; перепись 2002 г. — http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php; перепись 2010 г. — http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php].

Глава 1

АРМЯНЕ ЮГА РОССИИ – ОБЩИЙ ДЕМОГРАФО-РАССЕЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

1.1. Античность и средневековье

Хорошо известно, что армяне появились на южнороссийских землях задолго до того как данные территории вошли в состав Российского государства и стали формироваться в качестве структурных элементов крупного самобытного макрорегиона.

Армянское присутствие на землях Причерноморья и Северного Кавказа фиксируется рядом письменных источников уже в античную эпоху и раннее средневековье. Данная тема остается малоизученной. Но можно предположить, что в большинстве случаев речь идет о небольших группах армянского населения и отдельных представителях, заброшенных в местные сообщества самыми разными обстоятельствами.

Как известно, в начале XX в. Ф. Кларком и В.И. Вернадским была выдвинута гипотеза о рассеянном пребывании химических элементов в природе. Иными словами, отобранная в любой точке планеты проба земного вещества должна была обнаружить многие десятки элементов (значительную часть таблицы Д.И. Менделеева). Гипотеза подтвердилась, а уровень распространения отдельных химических элементов в различных природных сферах и точках земной поверхности стал обозначиться термином «кларк» (учитывая, что именно американский ученый предложил рабочую методiku его определения).

Но знакомство с географией народов и этнических групп мира обнаруживает сходную закономерность. В одном территориальном социуме, подчас даже небольшом, могут при-

существовать представители десятков национальностей. Конечно, данная особенность человеческих обществ резко усилилась в эпоху глобализации, и шире – в Новое время. Однако и в предыдущие исторические периоды она в той или иной степени обнаруживалась в большинстве районов человеческой ойкумены, наиболее очевидным образом проявляя себя в городах, выступавших как средоточия торговли и ремесла, центры экономического и социокультурного взаимодействия разных стран и народов.

Для того, чтобы оценить формы проникновения и характер расселения армян в пределах будущего Юга России, необходимо напомнить, что представляли собой эти территории в древности и средневековье. В самом первом приближении в пределах данного макрорегиона можно было выделить три крупных природных ареала, в силу своей пространственной и ландшафтно-климатической специфики формировавшие сообщества разных хозяйственно-культурных типов:

- приморские территории (земли, прилегающие к Азовскому и Черному морям на западе и Каспийскому морю на востоке);
- степной ареал, обширное «Дикое поле» (один из сегментов гигантской степной зоны, пересекающей Евразию в широтном направлении от среднего течения Дуная до Монголии);
- горы и предгорья (Кавказская горная система – территория расселения огромного множества этнокультурных сообществ, впоследствии сформировавших комплекс народов Северного Кавказа и Закавказья).

Побережье Черного и Азовского морей становится объектом греческой колонизации за несколько веков до нашей эры. В приморской зоне формируется разветвленная сеть греческих колоний – достаточно крупных, средних и совсем небольших средоточий городской жизни, центров ремесла и торговли. К середине I тыс. н. э. этот периферийный ареал античной цивилизации, следом за ее средиземноморским центром, приходит в упадок и запустение. Но удобное географическое расположение способствует возрождению некоторых поселений, восстанавливающихся к рубежу – началу II тыс. н.э. как портовые города, центры активной эконо-

мической жизни. А параллельно, транзитная торговля, связывающая земли к северу и югу от Кавказа, способствует становлению цепочки городских центров вдоль восточного побережья Каспийского моря. Тем самым города, как бы оторачивают обширную территорию будущего Юга России по его азово-черноморско-каспийской прибрежной кайме.

А внутренние степные пространства на протяжении веков оставались территорией расселения множества кочевых племен, иногда мирно сосуществовавших, но чаще вытеснявших и непрерывно сменявших друг друга (киммерийцы, скифы, меоты, сарматы, савроматы, аланы, хазары, болгары, печенеги, половцы, татары и др.)

К югу степь упиралась в Кавказ. Изрезанный ландшафт его горных территорий позволял устойчиво существовать и автономно развиваться огромному числу локальных сообществ, более или менее активно (иногда минимально) включенных в торгово-экономические и культурные связи крупных цивилизационных ареалов, в пограничной зоне которых данный горный этносоциокультурный ареал располагался.

Очевидно, что различным по своему масштабу и времени проникновения могло быть и появление армян в разных частях этого обширного и разнообразного пространства. В причерноморских античных центрах армяне должны были появляться как торговцы и ремесленники. И если единичное их присутствие в местных греческих городах несомненно, то с известной вероятностью в некоторых из них могли складываться и более-менее устойчивые группы армянского населения, хотя достоверных подтверждений данному предположению в настоящее время нет.

В степной зоне присутствие армян скорее могло быть случайным, связанным с прихотливыми обстоятельствами отдельной человеческой судьбы. Аналогично редким и случайным было появление армян и в горных сообществах Северного Кавказа. Хотя пространственная сопредельность Северного и Южного Кавказа – материнской территории и основного пространственного средоточия армянского народа, могла существенно увеличивать час-

тотность таких «разовых», единичных проникновений даже в античную эпоху¹.

Ситуация могла несколько измениться в первых веках нашей эры – в период активного христианского миссионерства, в котором принимали участие и выходцы из Армении.

«Источники содержат многочисленные сведения о миссионерской деятельности христианских проповедников из Армении с народами Северного Кавказа уже в первые века христианской эры, то есть, в позднеантичный период. Например, внук Григория Просветителя Григорис в первой половине IV в. отправился с проповедью Евангелия в Южный Дагестан... По свидетельству сирийца Захария Ритора, примерно в V в., семь священнослужителей во главе с проповедником Кардосом направились в страну гуннов. Кардоса, который 14 лет приобщал кочевников к христианству, сменил другой армянский епископ – Макарий...»

Средневековый историк Мовсес Каганкатваци приводит одно из посланий (V в.) предводителя гуннов к царю Армении и католикосу с просьбой прислать епископа для проповеднической деятельности среди его соплеменников. В письме говорится, что о Христе они впервые узнали «со времен наших набегов в вашу страну». И далее: «Исполнилось слово Христа – Бога нашего, и у нас, в стране северян, было проповедано Евангелие Его, которому нас основательно обучил Исраэл – муж превосходный, епископ области Мец Кохманк. Теперь же, услышав от прибывших к вам о знамениях, совершившихся у нас, соблаговолите исполнить нашу просьбу – отправьте к нам блюстителем того же Исраэла... Ведь если он будет находиться среди нас и мы с вами будем иметь одну веру, то и набегии войск диких народов на вашу страну прекратятся. Будьте здоровы!». Форпостом армянских миссионеров был го-

¹ Впрочем, если брать чисто географический аспект, то и многотысячные армянские воинские контингенты Тиграна Великого, охранявшие окраины Понтийского царства Митридата VI, располагались в I веке до н. э. в пределах современного Юга России. [Армяне в Краснодарском крае. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

род Чор (Джора) вблизи Дербента. Здесь находилась резиденция армянских епископов Агванка. Однако набеги хазар заставили епископа переехать в армянский город Партав (Барда), расположенный на реке Куре. После смерти Аттилы, установившего с князьями Армении тесные отношения, племенной союз гуннов распался, что значительно ослабило влияние армянских миссионеров на Северном Кавказе»¹.

И все же это по-прежнему были отдельные представители армянского народа или малые его группы, оказывавшиеся в отдельных центрах и территориальных сообществах Черноморско-Каспийского региона волею обстоятельств. Подобное положение сохранялось до XI – XIII вв., когда присутствие армян в пределах будущего Юга России могло стать несколько более устойчивым и заметным. Вместе с тем, анализируя многовековую геодемографическую динамику армянского населения на данных территориях, не следует забывать, что речь идет только об одном пространственном сегменте обширного ареала расселения армян – географии, сформированной сложной и во многом трагической историей данного народа.

Конечно, определение «трагическое» с достаточным основанием можно отнести и к прошлому большинства других народов, имеющих за плечами многовековую историю развития. Но и на фоне «многострадальности» всей мировой истории, как и «частной» истории едва ли не любого долго прожившего человеческого сообщества, своей извилистой сложностью выделялись судьбы этнокультурных групп, чье месторазвитие пришлось на стык ряда цивилизаций, оказалось в черте трансконтинентальных коридоров, по которым на протяжении тысячелетий перемещались не только караваны купцов, но и волны завоевателей.

Сказанное относится к народам обширного пространственного ареала, включавшего Малую Азию, Южный Кавказ и Ближний Восток – соединившего все три континента Старого света (Евро-

¹ Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России. Пятигорск, 2005. URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/4-istoriya-armyanskikh-poselenij-na-yuge-rossii.html>

пу, Азию и Африку)¹. Не удивительно, что практически у всех этнокультурных сообществ данного макрорегиона имелись большие проблемы с формированием собственного государства, тем более с его устойчивым сохранением. Каждое из них в поисках самосохранения находило собственные ответы на брошенные исторические вызовы, нащупывало свои способы выживания в горниле непрерывных войн и сменяющихся нашествий.

Ответом армянского народа стало формирование обширной диаспоры, развитие способности к дисперсному существованию и устойчивому самовоспроизводству в чужой (зачастую не самой дружественной, если не враждебной) социоэтнокультурной среде. Иными словами, данный способ выживания предполагал формирование в народе алгоритма перемещения – способности после ряда веков развития в определенном центре/регионе, при необходимости (серьезной угрозе жизни, национальной или конфессиональной идентичности) «сниматься» с места и находить новое, более безопасное/благоприятное для данной территориальной группы месторазвитие.

То есть, широта расселенческого ареала, способность «перетекать» с места на место, из одного социума в другой, для рассеянного народа становилось одним из основных условий самосохранения, надежного этнического самовоспроизводства. И армяне (наряду с евреями) своей тысячелетней историей дали, быть может, наиболее яркие образцы такой пульсирующей, текучей этнической географии.

В конце I – начале II тыс. нашей эры ареал расселения армянского народа помимо основных средоточий (к которым относились территории Армянского нагорья и Киликии), заключал уже значительную часть Малой Азии, а также множество торговоремесленных общин, расположенных в городах самых разных государств и обществ от Константинополя и византийского Крыма до Волжской Булгарии, хазарского Итиля и Дербента. Как видим, география армянского этнического присутствия была самой ши-

¹ И потому, скорее ко всему данному макрорегиону, может быть отнесено определение «солнечное сплетение Евразии», данное Ю.А. Ждановым Кавказу (одному из сегментов данной пространственной системы).

рокой, хотя в большинстве перечисленных центров речь шла о малых группах торгового и ремесленного населения.

Территория будущего российского южного макрорегиона полностью попадала в пределы очерченной выше армянской этнической ойкумены. Однако центральными качествами последней были непрерывная пространственная подвижность и внутренняя дисперсность. Почти лишенные населения обширные степные пространства Черноморско-Каспийского ареала не притягивали к себе армянских переселенцев. Их устойчивые группы появлялись только в центрах, возникавших по границам данного региона, у морских побережий и по большим рекам. Повторим, городская сеть на протяжении всей тысячелетней дороссийской истории южного макрорегиона скорее «оторачивала» его территорию по внешнему контуру, нежели заполняла и структурировала его внутренние пространства.

Появление в XIII в. в степном Предкавказье татар и создание ряда ордынских городов способствует расширению и географии местных армянских диаспор. В первой столице Золотой Орды имелись две армянские церкви – свидетельство известной многочисленности местной общины. Армянская церковь существовала и в Сарай-Берке (столица Орды после 1330-х гг.). Появляется армянское население и в других степных городах. А параллельно формируются армянские общины в других степных центрах¹, как и в прибрежных городах (одна из них существовала в Азаке/Азове предположительно с конца XIII века)².

¹ «Армянские ремесленники и купцы составляли значительную часть населения практически всех ордынских городов. В числе строителей почти повсеместно фигурируют армяне. О существовании значительной армянской общины в ордынском городе Маджары (на востоке Ставрополья) свидетельствуют найденные там образцы армянской архитектуры» [Акопян В.З. Указ. соч.].

² Ананян Ж., Хачатурян В. "Армянские общины России", Ереван, 1993. URL:<http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/134-vozniknovenie-razvitie-i-khozyajstvennaya-zhizn-armyanskikh-obshchin-v-rossii-do-17-veka.html>.

Но по-прежнему черноморско-каспийский ареал представлял только сегмент куда более широкой армянской расселенческой сети, включавшей в XIII – XV вв. территории от Молдавии и Подолии, Волжской Булгарии и Северо-Восточной (Московской) Руси, до Центральной Азии и Индии. Сохранился и пульсирующий характер данной этнической географии, непрерывно менявшей свои контуры. Так, с упадком Орды и запустением ордынских городов, прекратили существование и местные армянские общины, как несколькими веками раньше «растворились» территориальные группы армян вместе со столичным Итилем и другими центрами Хазарского каганата.

Но если городские средоточия армянского населения зачастую оказывались «эфмероидами», быстро возникавшими и исчезающими, то армяне, оседавшие в сельской местности, укоренившись, могли создавать более прочные сообщества. Одной из таких устойчивых субэтнических групп армянского народа на Западном Кавказе стали черкесогаи, формирование которых может относиться к первым столетиям II тысячелетия нашей эры. Развалины церкви в окрестностях Белореченска с армянской строительной надписью, датированной 1170 г. могут быть одним из свидетельств появления на данной территории первых переселенцев¹.

В целом, к началу XVI в. в пределах будущего южного макро-региона (нижнее Подонье и степное Предкавказье, нижнее Поволжье и Северный Кавказ) армянские общины могли существовать в нескольких городских центрах (в том числе, в Дербенте и Астрахани), а также в отдельных районах Прикубанья, горной и предгорной местности Северо-Западного Кавказа, населенной адыгскими сообществами.

¹ Согласно Г.С. Аракелян первые армянские переселенцы на Северо-Западном Кавказе появились еще ранее – в конце X – XI веках [Аракелян 1984: 29 – 73]. Но в научной литературе имеется и много других точек зрения на время формирования данной территориальной группы. Детальной различные исследовательские версии и периодизации происхождения черкесогаев будут рассмотрены в параграфе, посвященном армянам Кубани.

1.2. Российский имперский период

Появление в XVI – XVII вв. в Черноморско-Каспийском регионе России, способствовало росту армянского присутствия. Прежде всего, в нижнем Поволжье, вошедшем в состав Российского государства. В Астрахани быстро идет в рост община, специализированная на ремесле и транзитной торговле между Русским царством южными странами (Персией, Индией и Центральной Азией).

Однако плотное закрепление России в степном Предкавказье, а затем и в предгорной зоне Северного Кавказа начинается только в следующем столетии. Азовский и персидский походы Петра I открывают период активной колонизации и освоения Россией данных обширных территорий. Но помимо чисто военной составляющей, связанной с надежным закреплением их в составе империи, речь шла о масштабном, комплексном проекте – формировании нового крупного региона страны. Для реализации этого масштабного начинания, прежде всего, требовались значительные свободные человеческие ресурсы, с которыми у малонаселенной России были проблемы.

Тем самым, социально-экономическая интеграция вновь присоединенных земель – запущенный с XVIII в. в реализацию проект российского «южного макрорегиона» изначально оформляется как полиэтничный, предполагающий активное участие представителей самых разных народов и этнических групп. И армяне включаются в него одними из первых, в числе других национальных сообществ, конфессиональная близость и торгово-экономическая взаимодополнительность которых с русскими (стержневым народом страны), делала их присутствие в степном Предкавказье для империи удобным и максимально полезным.

В свою очередь, государственные преференции, а также возможность жить и трудиться в христианской стране среди единоверцев, становятся сильнейшими стимулами для переселения армян в пределы данного региона. Они включаются в реализацию южнороссийского проекта. На протяжении XVIII в. на Юге Рос-

сии формируется несколько крупных средоточий армянского населения, преимущественно относящихся к вновь возникающим городским центрам и прилегающим к ним сельским районам.

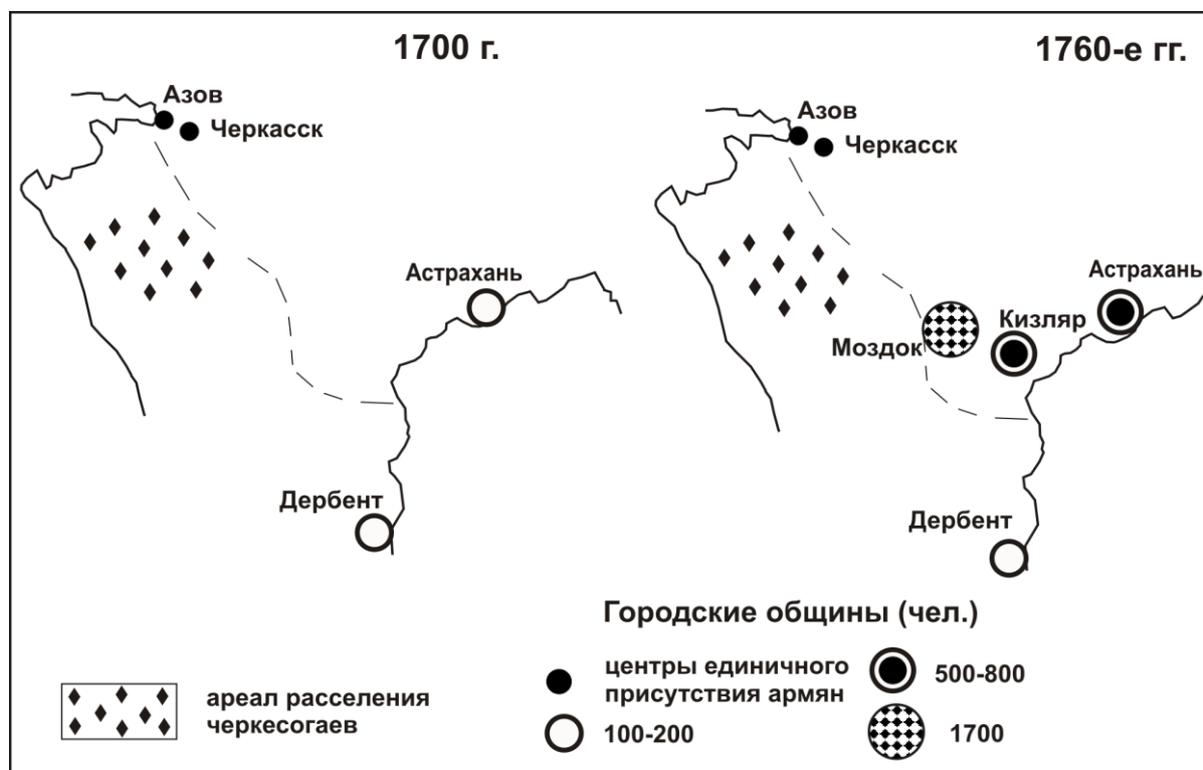

Рис. 1.1. Основные средоточия армянского населения на Юге России в XVIII веке

Включение после персидского похода (1722 г.) в состав России прикаспийских районов оборачивается быстрым ростом армянского населения Дербента и окрестных земель южного Дагестана (прежде всего за счет миграции из сопредельных районов, оставшихся под властью Ирана и Османской Порты). В середине следующего десятилетия, после возвращения данных территорий Ирану, значительная часть дербентских армян перемещается в пределы российской Кавказской губернии (Кизляр). Во второй половине века в пределах степного Предкавказья значительная группа армян расселяется в Моздоке и его окрестностях, а в конце столетия на нижнем Подонье (с центром в Нор-Нахичевани). Причем в отличие от всех предыдущих очагов армянского этнического присутствия в макрорегионе, новые общины составляют значительное (а иногда и подавляющее) демографическое большинство в своих городских и сельских поселениях.

Тем самым, многовековой период стихийной динамики армянского населения в пределах степной и предгорной зон Черноморско-Каспийском региона, связанный с возникновением, развитием и упадком городских армянских общин (его можно обозначить как «стихийный дисперсный») сменяется временем организованной армянской миграции.

Сказанное не означает, что все перемещения армян в пределах южнороссийских земель отныне носили исключительно «регулярный», санкционированный государством характер. Но именно организованные (или стимулируемые властью) миграции закладывают основы формируемой в это время армянской поселенческой сети Юга России. Основные ее средоточия с этого времени становятся центрами притяжения и концентрации все новых групп мигрантов.

Соответственно, самым существенным образом меняется и территориальная «центрировка» армянского присутствия в макрорегионе. Если в XVI–XVII вв. основные средоточия армян – Астрахань, Дербент, адыго-черкесский ареал черкесогаев; то в середине – второй половине XVIII в. на значимые позиции выдвигаются нижнее Подонье (Нор-Нахичеван с прилегающими армянскими селами), Кизлярский и Моздокский уезды Кавказской области.

В общей сложности армянское население Юга России на рубеже XIX в. составляет порядка 23–24 тыс. человек (без черкесогаев, учет которых может увеличить данные цифры до 30–35 тысяч). Но в любом случае, к этому времени армяне уже крупнейший диаспорный народ постепенно формируемого южного макрорегиона. Причем народ не только городской (торгово-ремесленный), но и сельский (земледельческий). Подстраиваясь к социально-экономической политике империи на данных территориях, армяне не только создают новые города (зачастую полностью или преимущественно армянские по составу своего населения), но по возможности формируют и сельскую поселенческую округу, примыкающую к данным центрам.

Итак, основные черты географии и миграционной активности армян в пределах Черноморско-Каспийского макрорегиона в пе-

риод его постепенного включения в состав Российского государства существенно меняются. Начиная с середины – второй половины XVIII в. демографо-расселенческую динамику армян на данных территориях отличает:

- преимущественно организованный (санкционированный российской властью) характер миграции;
- ареально-очаговая структура расселения (ориентация переселенцев как на города, так и на сельскую местность);
- движение от побережий Черного, Азовского и Каспийского морей вглубь макрорегиона; освоение степных районов нижнего Подонья и Предкавказья;
- известная устойчивость создаваемых общин, а значит и всей их формируемой расселенческой сети.

Обращая внимание на последнюю особенность, напомним, что одной из основных характеристик армянского присутствия в Черноморско-Каспийском макрорегионе на протяжении многих веков оставалась непрерывная «текучесть» этой этнической географии, смена ее очагов и территориальных средоточий.

Безусловно, данная демографо-расселенческая особенность не могла исчезнуть полностью. Армяне-переселенцы далеко не всегда приживались на новом месте и многие вновь возникшие общины со временем не только не шли в рост, но и теряли свое население. Другие же демонстрировали быстрое разнонаправленное движение, связанное с различными конкретными обстоятельствами, способствовавшими или, наоборот, тормозившими их развитие. Демографическая динамика едва ли не всех крупных южнороссийских общин, основанных в XVIII в. – наглядная тому иллюстрация. Достаточно посмотреть, как пульсировала на протяжении иногда одного десятилетия численность армянского населения Моздока, Кизляра или г. Св. Креста, чтобы убедиться в отсутствии какой-либо линейной тенденции.

Но эта констатация не противоречит сделанному ранее выводу о большей устойчивости, формируемой в XVIII в. армянской поселенческой сети. А с этой географической стабильностью связана и поступательность демографического роста, незаметная на коротких временных отрезках, но все более отчетливая, когда мы рассматриваем более длинные интервалы (например, четверти

века). Тем самым, поверх непрерывной и непредсказуемой демографической пульсации множества локальных армянских общин, в большом историческом времени проступает устойчивая тенденция количественного роста всего южнороссийского армянского массива. Оформившись в середине XVIII в. данный восходящий тренд сохраняется до настоящего времени, изменяя себе на протяжении этих трех столетий, лишь эпизодически.

И по-прежнему эти поступательно включаемые в состав России земли, многократно административно реформатируемые, быстро заселяемые и экономически осваиваемые, составляют только один из сегментов широкой армянской расселенческой сети. И в качестве такового, Юг России заполняется переселенцами из множества других диаспор. В степные районы Подонья и Предкавказья армяне прибывают из Крыма, южного Дагестана и Карабаха. А в дальнейшем перечень мест миграционного выхода южнороссийских переселенцев значительно возрастает, включая многие районы Турции и Персии. Что делает данный демографо-расселенческий процесс еще более пестрым по своему социокультурному содержанию, учитывая специфику отдельных территориальных групп армянского населения.

Основные черты, отличавшие геодемографическую динамику армянских общин Юга России в XVIII в., переходят и в следующее столетие. Число территориальных групп растет, а география их поселенческой сети постепенно расширяется. Наиболее значимые вехи данного процесса – поэтапное освоение армянами различных районов степного Предкавказья – от Армавира и Майкопа до района Кавминвод, Моздока, Эдессы и Кизляра; а во второй половине XIX в. – формирование в Причерноморье сочинско-сухумского и анапо-новороссийского ареалов расселения.

Поступательно растет не только география армянской поселенческой сети, но и размеры многих территориальных общин. Однако, эта поступательность, как уже говорилось, проступала в интервалах протяженностью в 20–30 и более лет. А иногда даже таких периодов оказывалось недостаточно.

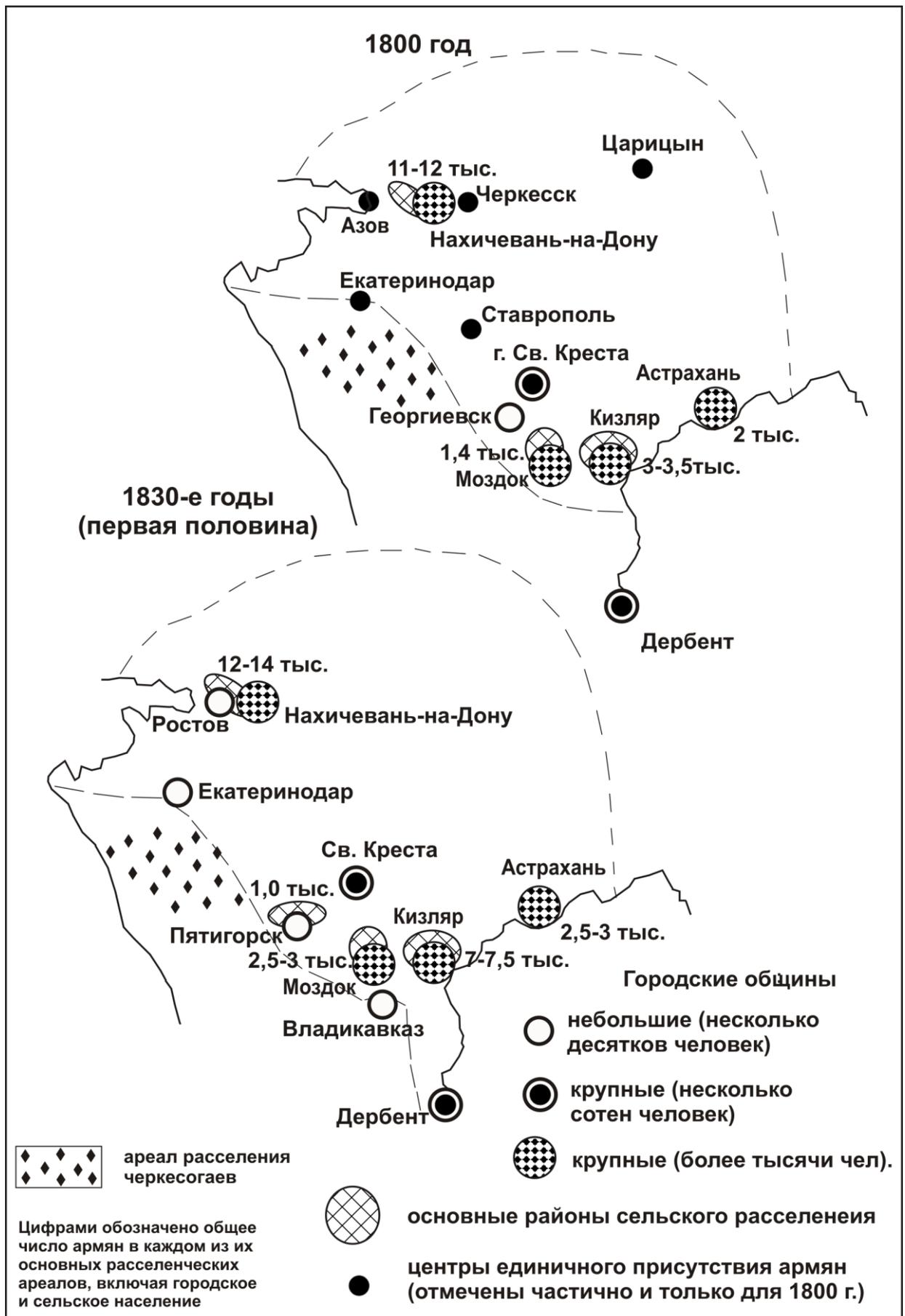

Рис. 1.2. Крупнейшие средоточия армянского населения на Юге России в первой трети XIX века

К примеру, по расчетам известного специалиста по вопросам исторической этнодемографии Российского государства В.М. Кабузана, армянское население на Северном Кавказе (1795–1834 гг.) не только не выросло, но даже чуть сократилось (с 11,2 тыс. до 10,9 тыс. человек)¹. Подобное демографическое «плато» вполне может соответствовать действительности и численность армян на данной территории (земли двух будущих южнороссийских краев и северокавказских республик) в первой трети века не росла. Однако сама называемая В.М. Кабузаном цифра вызывает сомнения, поскольку согласно ему армяне в первой половине XIX в. полностью отсутствовали на кубанских землях. Иными словами, он практически не учитывает черкесогаев, проживавших на данных территориях. А их число в любом случае должно было исчисляться многими тысячами².

Нам неизвестна детальная количественная динамика армян Подонья и нижнего Поволжья на протяжении отдельных периодов XIX века. Но в обоих расселенческих ареалах их число в первой трети данного столетия должно было несколько возрасти в сравнении с его началом. И с учетом всех остальных территориальных общин, в первом приближении численность армянского населения Юга России на 1830–1835 гг. можно определить в 25–30 тыс. человек, а с черкесогаями – 35–40 тысяч³.

¹ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб, 1996, с. 145, 213.

² Существует и куда более «щедрая» оценка – Г.С. Аракелян определяет минимальную численность черкесогаев в 16,2–18,0 тыс. человек. Детальной демография данной этнокультурной группы будет проанализирована в следующей главе.

³ В данном случае мы условно определяем численность черкесогаев в 8–10 тыс. человек, имея в виду не их общую численность, которая могла быть несколько выше, но обозначая этим количественным диапазоном ту часть черкесогайского сообщества, которая более менее отчетливо идентифицировала себя с армянами (что, как известно, было свойственно не всем черкесогаям).

В дальнейшем восходящий вектор этой динамической кривой становится все очевидней. К концу 1850-х гг., армянский массив южнороссийских земель уже составляет 35–40 тыс. человек (плюс несколько тысяч черкесогаев). А в пореформенный период Юг России начинает заполняться армянским населением еще активней. К концу XIX в. его численность превышает 70 тыс. человек, основная масса которых (до 70 %) сосредоточена на западе и юго-западе макрорегиона. При этом общее количество крупных и средних территориальных групп существенно возрастает и они существуют уже практически во всех областях и губерниях Юга России.

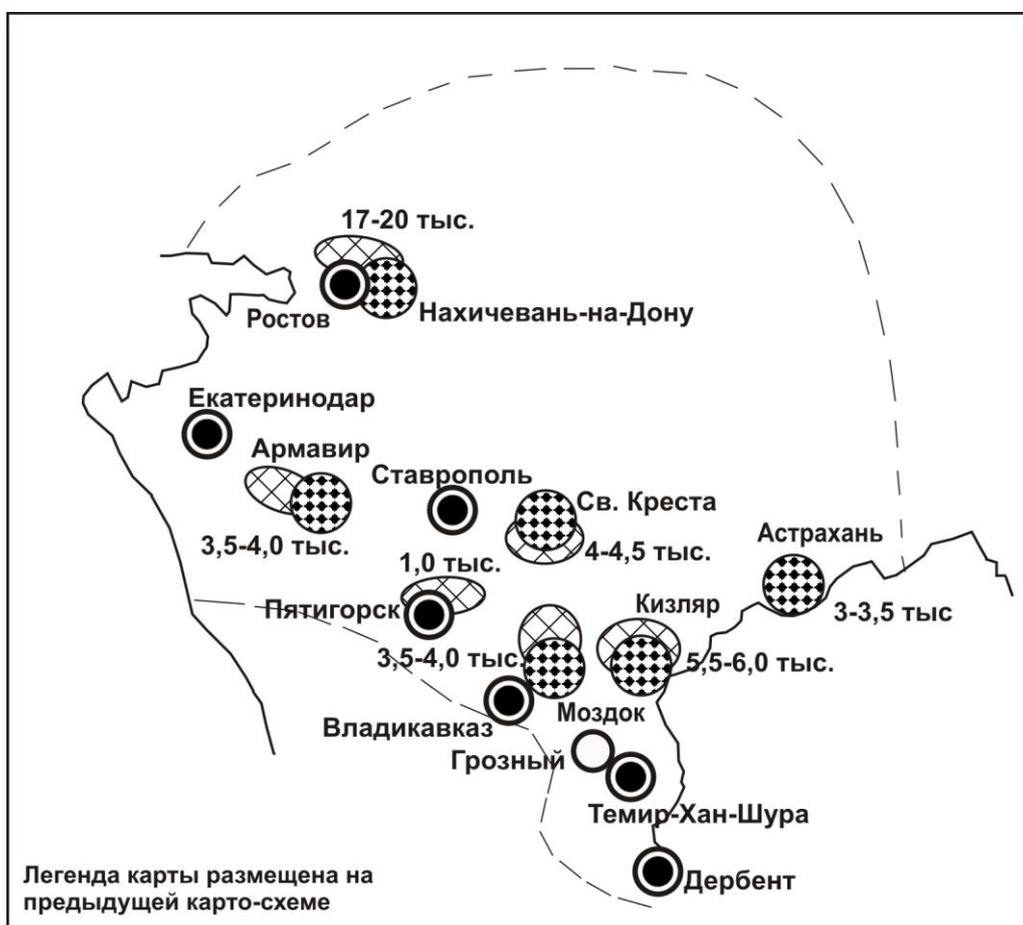

Рис. 1.3. Крупнейшие средоточия армянского населения на Юге России во второй половине 1860-х гг.

Ведущим демографическим средоточием южнороссийских армян остается нижнее Подонье, с центром в Нор-Нахичевани (Нахичевани-на-Дону, армянское население которой в конце XIX в. насчитывает более 8 тыс. человек). А в целом на Область войска

Донского в это время приходилось почти 39% южнороссийских армян, 26% в сумме проживало в пределах Кубанской и Черноморской областей, 14% в Ставропольской губернии.

Расселенческая динамика армян, как уже отмечалось, с XVIII в. включала не только города, но и сельские территории. И, тем не менее, торгово-ремесленная специализация региональных общин брала свое, определяя повышенную их ориентацию на крупные города. По уровню урбанизации южнороссийские армяне уступали только евреям, самому урбаноцентричному национальному сообществу императорской России.

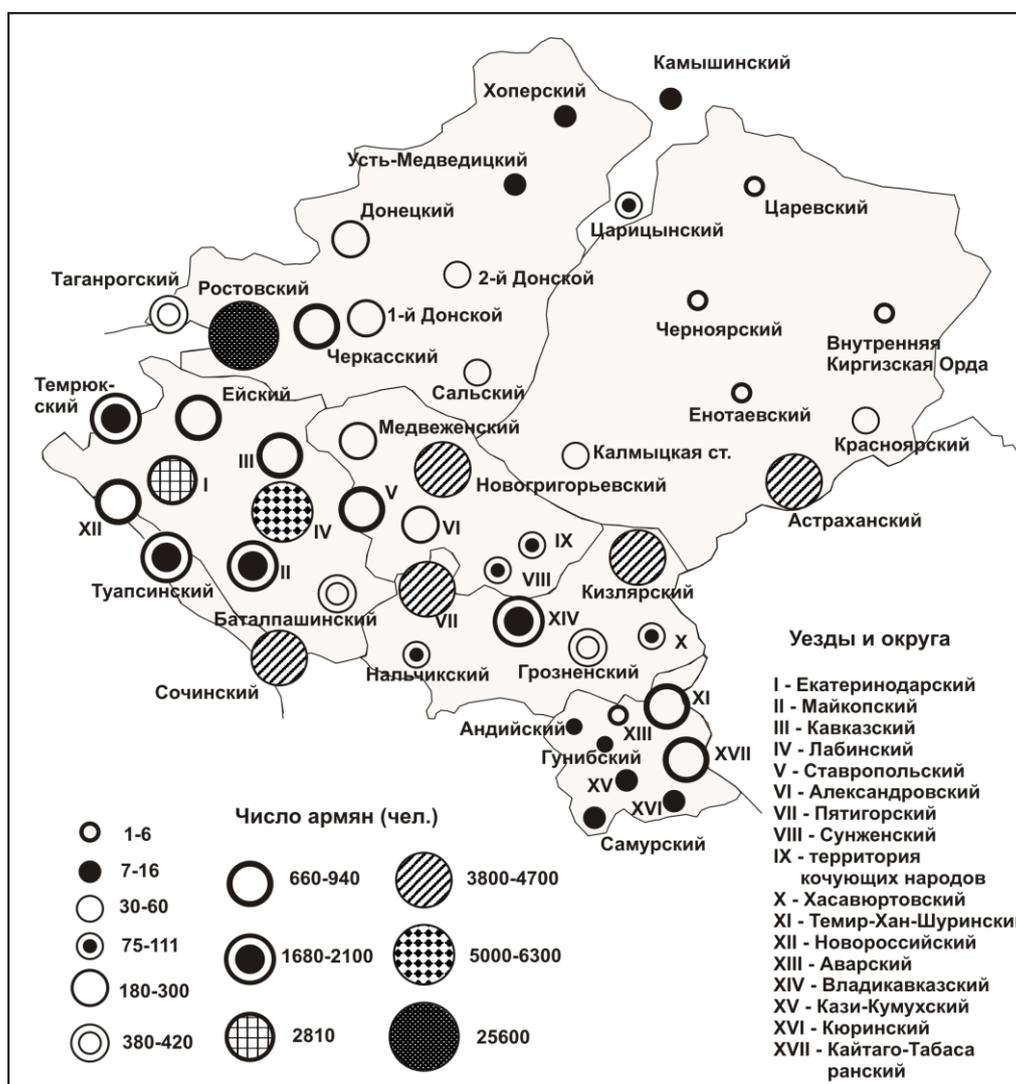

Рис. 1.4. Численность армянского населения по уездам и округам Юга России, 1897 г. (чел.)

Впрочем, расселенческая структура отдельных региональных армянских общин отличалась серьезной спецификой, заклады-

ваемой самой историей их формирования. К примеру, общины сложившиеся в допетровский период очевидным образом тяготели к городам (Астрахань в нижнем Поволжье, Дербент в Дагестане). Зато в регионах нового освоения, в которых власти были готовы выделить переселенцам достаточное количество земли, армяне по-прежнему охотно становились и сельскими жителями. Лучшая иллюстрация – община Черноморской области. По уровню урбанизации местные армяне уступали региональному показателю в четыре раза – исключительный для Юга России случай (рис. 1.5).

Рис. 1.5. Уровень урбанизации армянского и всего населения по областям и губерниям Юга России, 1897 г. (%)

Значимым показателем уровня интеграции этнической группы в принимающий социум является гендерное соотношение. У большинства региональных армянских общин Юга России оно было хорошо сбалансированным, указывая на плотную укорененность в местную этнокультурную и социально-экономическую среду. Только стремительно идущие в рост в 1890-е гг. армянские общины Черноморского округа характеризовались весомым мужским перевесом. Как и быстро формируемые в это время общины молодых городов Дагестана – Петровска и Темир-Хан-Шуры (совр. Махачкалы и Буйнакск).

Пореформенные десятилетия, период быстрого демографического и социально-экономического развития Юга России. Но еще

более оно ускоряется на рубеже – в начале XX века. За неполные два десятилетия (1897 – 1914/1916 гг.) население степного Предкавказья и Северного Кавказа выросло более чем в 1,5 раза – с 4,35 млн. до 6,66 млн. человек. Однако региональные армянские общины демонстрировали еще более уверенный рост.

Рис. 1.6. Гендерный баланс в армянских общинах Юга России, 1897 г.

В.М. Кабузан определяет численность армянского населения Северного Кавказа (то есть Юга России без учета Области Войска Донского и Астраханской губернии) в 1914–1920 гг. в 82,2 тыс. человек¹. Однако сам указанный временной интервал слишком широк, учитывая максимальный динамизм этого периода. Поэтому имеет смысл ориентироваться на данные, приводимые для 1914 г. В.Е. Ходжабекианом – 70 тыс. армян в пределах Северного Кавказа². Тем самым, с учетом армянского населения нижнего Подонья и нижнего Поволжья общая численность армян

¹ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб, 1996, С. 207

² Ходжабекиан В.Е. Воспроизводство и перемещение населения Армении в XIX–XX вв. на пороге XXI века. Ереван, 2002, С. 115.

в пределах Юга России могла составлять перед Первой мировой войной порядка 105–110 тыс. человек¹.

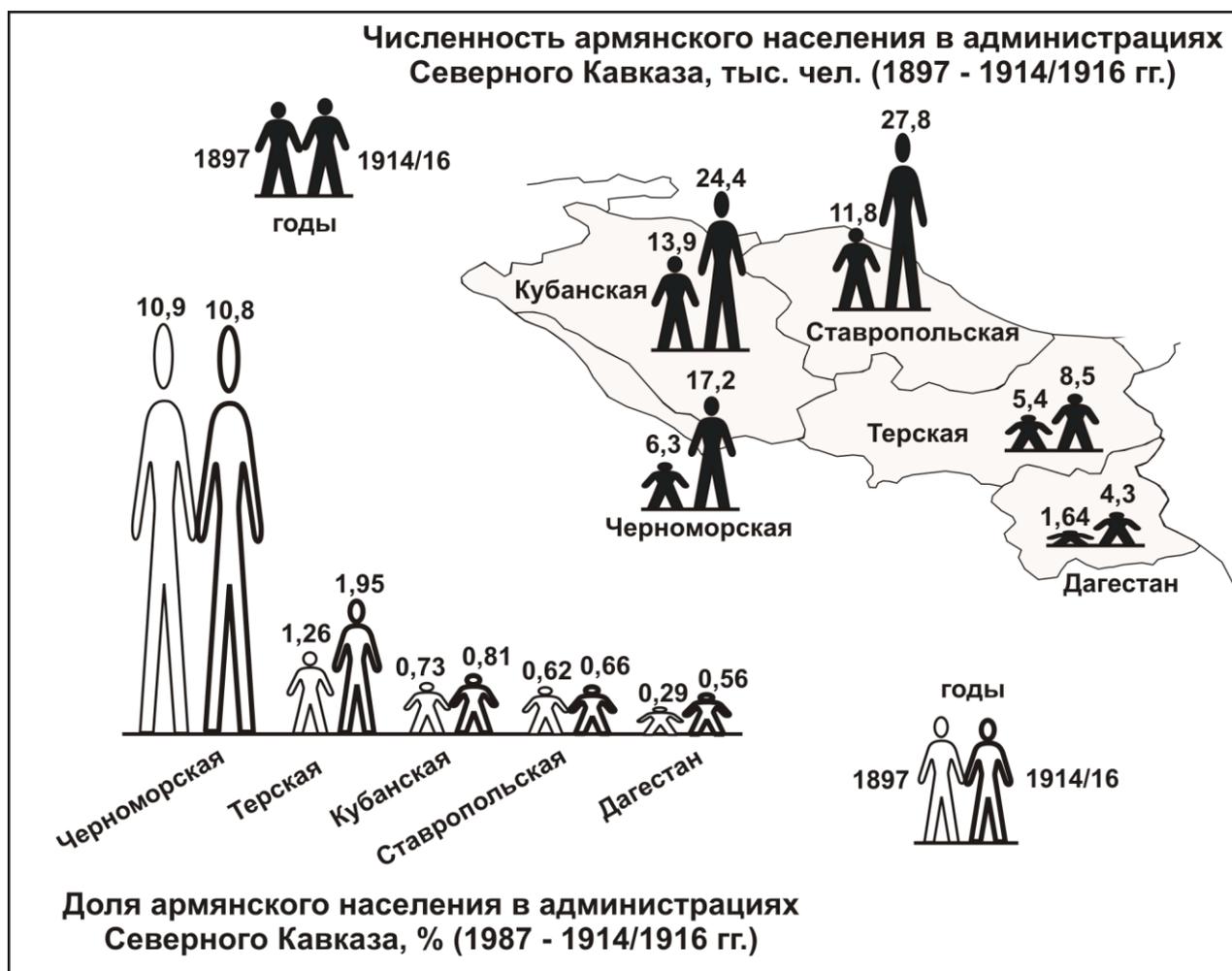

Рис. 1.7. Динамика армянского населения областей Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века (тыс. чел., %)

¹ Тем самым, армянское сообщество Юга России, в начале XX в., окончательно закрепились на позиции крупнейшего «диаспорного» народа макрорегиона. Перед войной армянская община степного Предкавказья и Северного Кавказа – значительно превосходила немецкую (54 тыс. чел.); греческую (40,5 тыс.); грузинскую (32,6 тыс.); еврейскую (31,5 тыс.); польскую (18,2 тыс. чел.). Заметим, что к числу диаспорных, мы не относим украинцев, число которых на данных территориях составляло в начале XX в. 1,99 млн. человек. Очевидно, что на Кубани и в пределах Ставропольской области они в данное время вместе с русскими являлись регионообразующими народами.

Но уже в следующие несколько лет эта цифра самым существенным образом выросла. Этот демографический рост был, прежде всего, связан с трагическими событиями в Османской империи. Массовое истребление армян в 1915–1916 гг. обернулось новой волной беженцев, самая значительная часть которых осела в южнороссийских регионах. По расчетам С.А. Минасяна только в пределах Северного Кавказа в эти годы оказалось сосредоточено порядка 20–30 тыс. человек бежавших из Западной Армении¹.

Тысячами исчислялись и мигранты, направлявшиеся в эти годы и в Область войска Донского. Тем самым, к началу 1917 г. армянское население Юга России могло достигать уже 130–150 тыс. человек. Однако значительную его часть представляли вынужденные переселенцы – люди, сорванные с места социальным катаклизмом и в течение короткого времени многократно менявшие свое пристанище. А с этими стремительными миграционными перетоками армянского населения непрерывно пульсировала их география. В таком «взвихренном» состоянии и застала армянскую диаспору Юга России Октябрьская революция.

1.3. Советский период

Дальнейшая демографо-расселенческая эволюция армянских региональных общин была существенным образом скорректирована геополитической динамикой Закавказья и развернувшейся в России кровопролитной Гражданской войной, одним из эпицентров которой стал южный макрорегион. Масштабное вооруженное противоборство сторонников и противников советской власти должно было еще более усилить миграционную активность местного армянского населения. Но в состоянии хаоса, глубокого политического и социально-экономического кризиса оказался не

¹ Минасян С.А. Армяне беженцы на Северном Кавказе в 1918–1920 гг. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2015, С. 50.

только юг, но и вся Россия, как и большая часть Европы. Говоря иначе, бежать было некуда¹.

Приобретение Арменией самостоятельной государственности могло бы увеличить в 1918 – 1919 гг. отток армян на этническую родину. Однако патриотический порыв самым существенным образом купировался политической неопределенностью и сложным социально-экономическим положением, в котором находились все три новообразованные закавказские государства, почти с первого дня своего существования начавшие жестко оспаривать друг у друга многие пограничные территории. Но центральным событием, определившим миграционную динамику армянского населения Закавказья стало масштабное наступление турецких войск, предпринятое в первой половине 1918 года (после захвата Западной Армении к лету этого года они двинулись в Восточную Армению и Грузию).

Начинается новый массовый исход армян на север. В течение весны – осени 1918 гг. в пределы Северного Кавказа (от Екатеринодара и Армавира до Петровска и Дербента) из трех государств Закавказья по расчетам С.А. Минасяна прибывает порядка 122–125 тыс. армян-беженцев. С учетом переселенцев Первой мировой войны и местным старожильческим населением, численность армянского массива Северного Кавказа на пике этого миграционного вала (конец 1918 г.) достигает 200 тыс. человек². А в пределах всего Юга России могла превышать четверть миллиона (рис. 1.8).

Но и пространственная динамика этого гигантского демографического множества достигает в это время максимальной интенсивности. Массивы беженцев почти непрерывно «перетекают» с места на место с тем, чтобы уже в первой половине 1919 г. начать активное возвращение в пределы Армении. Продолжился

¹ Разве что за океан, в Новый Свет (и, прежде всего, в США). Однако такое перемещение в условиях Гражданской войны требовало слишком значительных

усилий, предполагало соответствующие возможности, которые имелись только у малой части населения. Соответственно и решались на столь решительный шаг очень немногие.

² Минасян С.А. Указ соч. С. 51.

отток армян и после установления в республике советской власти. К концу 1920 г. из 120-тысячного множества в пределах степного Предкавказья и Северного Кавказа осталось не более 40 тыс. беженцев, так или иначе закрепившихся на новом месте.

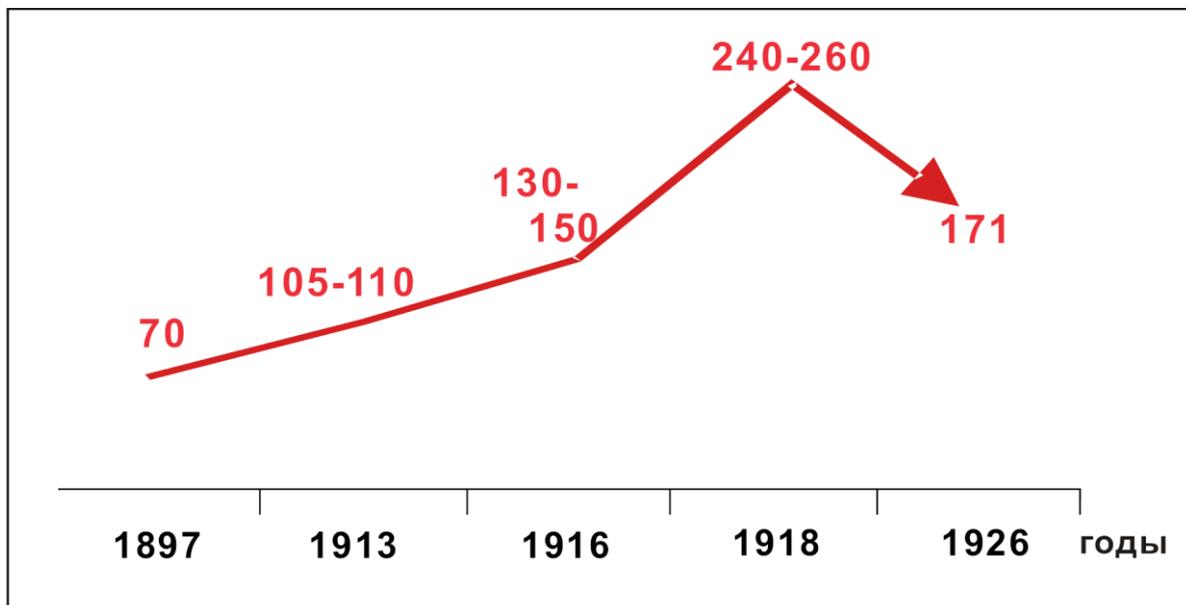

Рис. 1.8. Динамика численности армянского населения Юга России, 1897–1926 гг. (тыс. чел.)

1920–1930-е годы

Следом за постепенной политической и социально-экономической стабилизацией Советской России, «застывает» и демография армянских общин, приобретает устойчивые черты их поселенческая сеть. Перепись 1926 г. обнаружила на Юге России диаспору размером более 170 тыс. человек (почти 11% всех армян Советской России и 87,7% РСФСР). Основным пространственным средоточием южнороссийских армян по-прежнему оставалось нижнее Подонье (Донской округ) – Ростов, поглотивший сопредельную Нахичевань, а также Мясниковский район, в которых в общей сложности проживало 44,5 тыс. армян. Вторым эпицентром системы армянского расселения являлось Причерноморье – почти 28 тыс. человек (рис. 1.8). Сохранились и другие крупные территориальные очаги, сформированные в XVIII – XIX вв. на Кубани (Кубанский, Армавирский и Майкопский округа) и в Ставрополье (Терской округ). В общей сложности на данные шесть округов Юга России, занимавшие не более 15% площади

макрорегиона, приходилось 143,6 тыс. армян (почти 84 % их общей численности).

А в пределах самого данного пространственного ядра общины, происходило отчетливое удельное перераспределение армянского населения. Донская область, на которую еще в конце XIX в. приходилось почти 40% южнороссийских армян, в середине 1920-х гг. заключала только 27% их общего числа. Доля кубанских земель (будущего Краснодарского края и Адыгеи) изменилась прямо противоположным образом (выросла с 29% до 46%). Прежде всего, за счет опережающего роста армянских общин самого Екатеринодара и причерноморских районов.

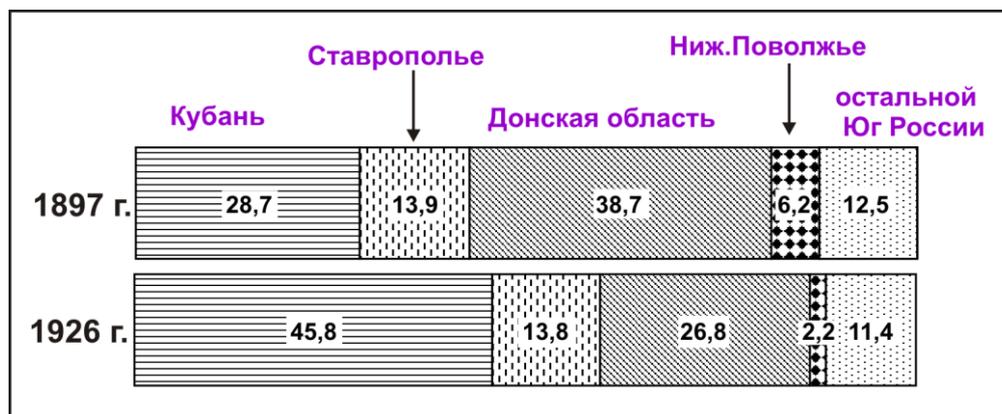

Рис. 1.9. Доля отдельных региональных общин в общей численности армянского населения Юга России, 1897-1926 гг. (%)

В середине 1920-х гг. армяне по-прежнему один из самых урбанизированных народов Юга России. Однако дистанция между ними и большинством других региональных национальных сообществ по этому показателю несколько сократилась. Сохранились и все сложившиеся ранее ареалы сельского расселения армян в макрорегионе – на нижнем Дону, в Причерноморье, окрестностях Майкопа и Терском округе (рис. 1.11).

А гендерное соотношение обнаруживало точки пространственного роста географии расселения южнороссийской диаспоры – территориальные группы армян, только обживавшие новые для себя центры и сельские районы, и потому имевшие существенный перевес мужчин (рис. 1.12). Как видим, к числу таковых в

своем большинстве относились общины северокавказских автономий, а также малочисленное армянское население северных округов Донской области и Сталинградской губернии, в дореволюционный период армян не привлекавшие.

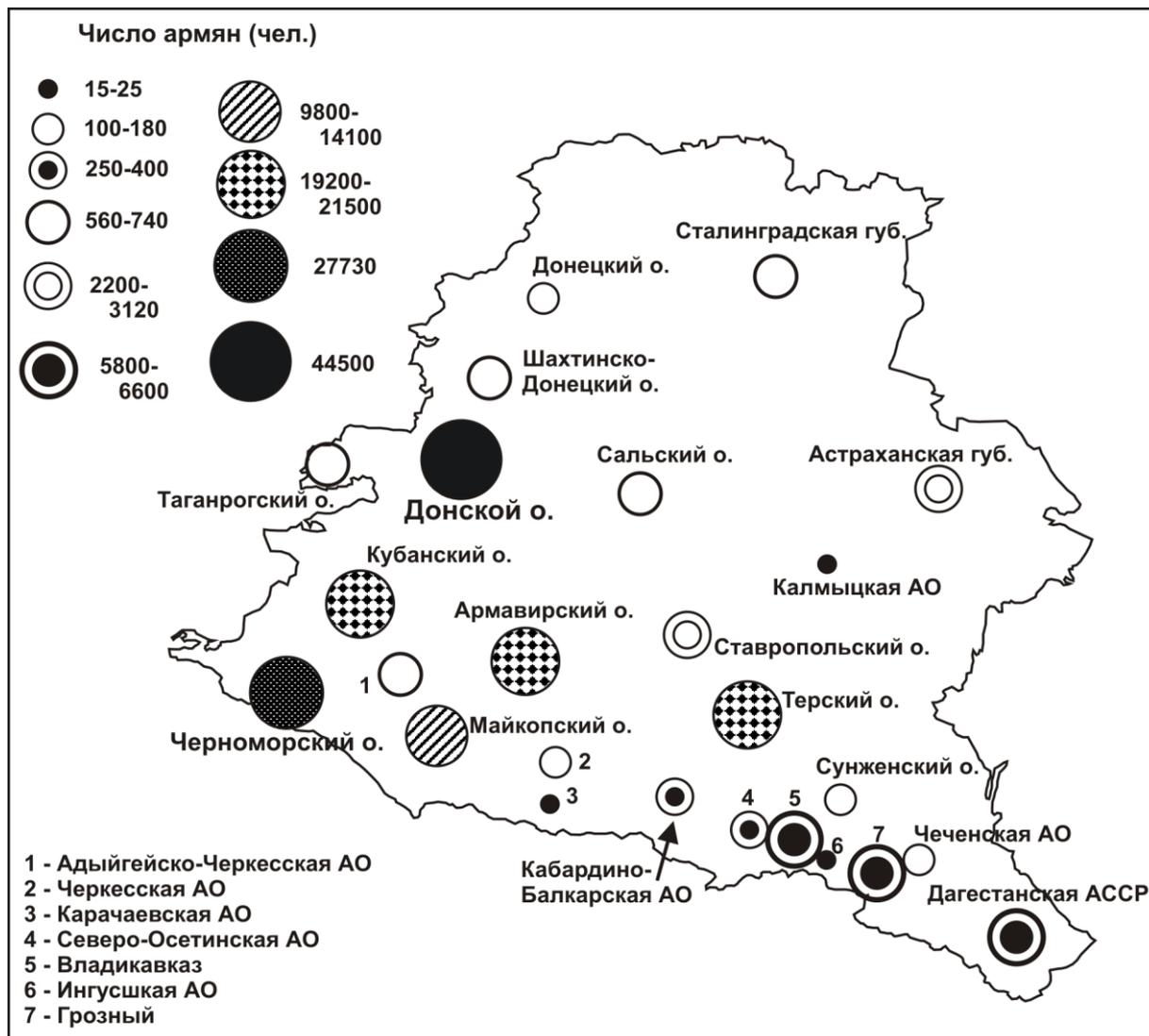

Рис. 1.10. Численность армянского населения по округам и губерниям Юга России, 1926 г. (чел.)

Вторая четверть XX в. – время масштабных свершений и серьезных испытаний, выпавших на долю Советского Союза и всех его народов. Первые пятилетки, а затем Отечественная война и послевоенные годы – период мощной социальной турбулентности, массовых добровольных и вынужденных перемещений населения, прямо влиявших и на демографо-расселенческую динамику южнороссийских армянских общин.

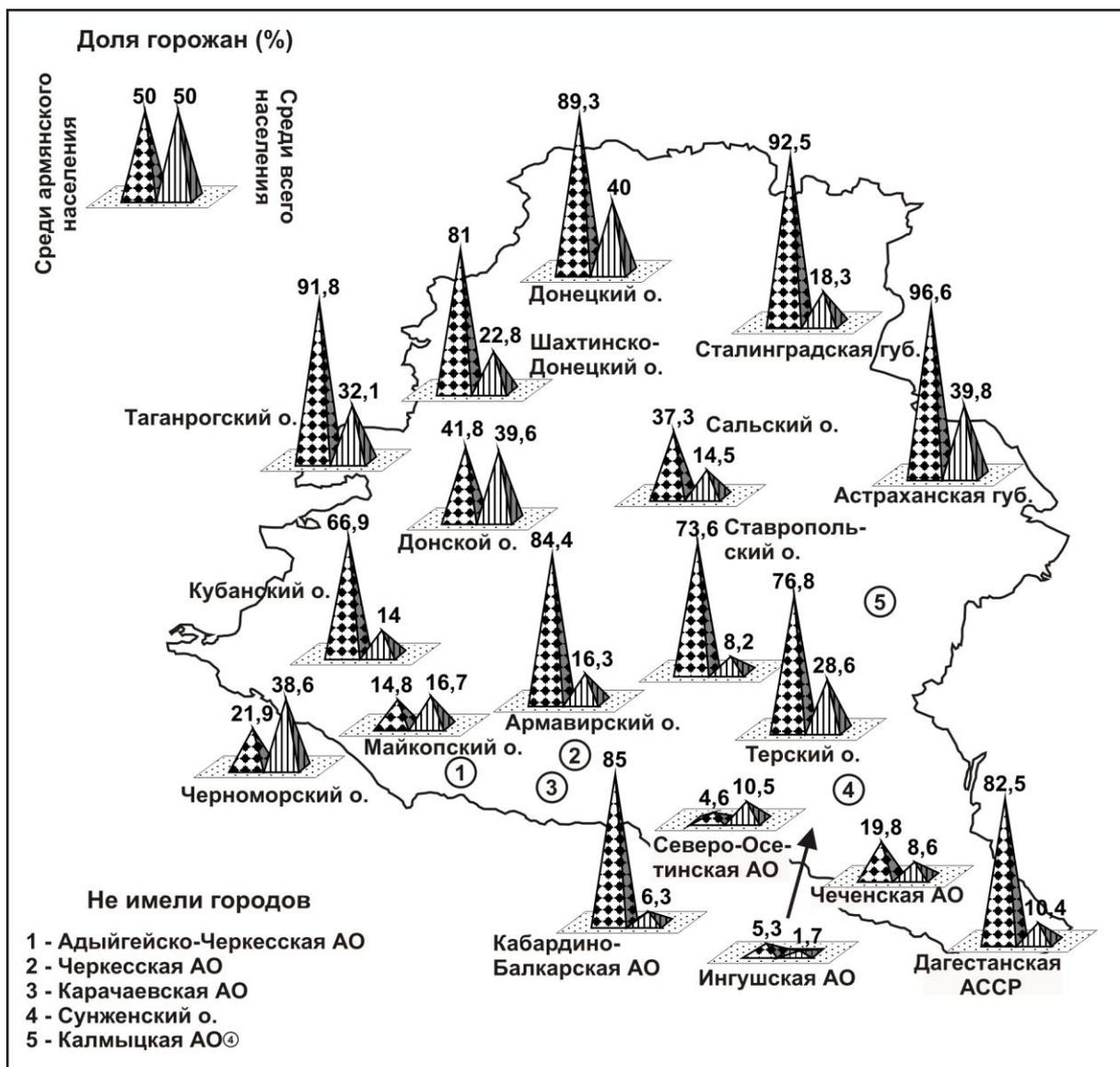

Рис. 11. Уровень урбанизации армянского и всего населения по округам и губерниям Юга России, 1926 г. (%)

Перепись 1939 г. зафиксировала в макрорегионе 161 тыс. армян, примерно на 10 тыс. меньше, чем в середине 1920-х годов. Серьезные изменения в административно-территориальном делении РСФСР, произошедшие между двумя переписями, не позволяют установить точную количественную динамику основных региональных средоточий армянского населения Юга России.

Но и приблизительная оценка указывает на стабилизацию и даже некоторое сокращение ряда из них. Действительно, учитывая размеры естественного прироста, характерные для населения Юга России перед войной (табл. 1.1), численность армян в макрорегионе за 1926–1939 гг. должна была вырасти на 15–25% и составить 195–215 тыс. человек.

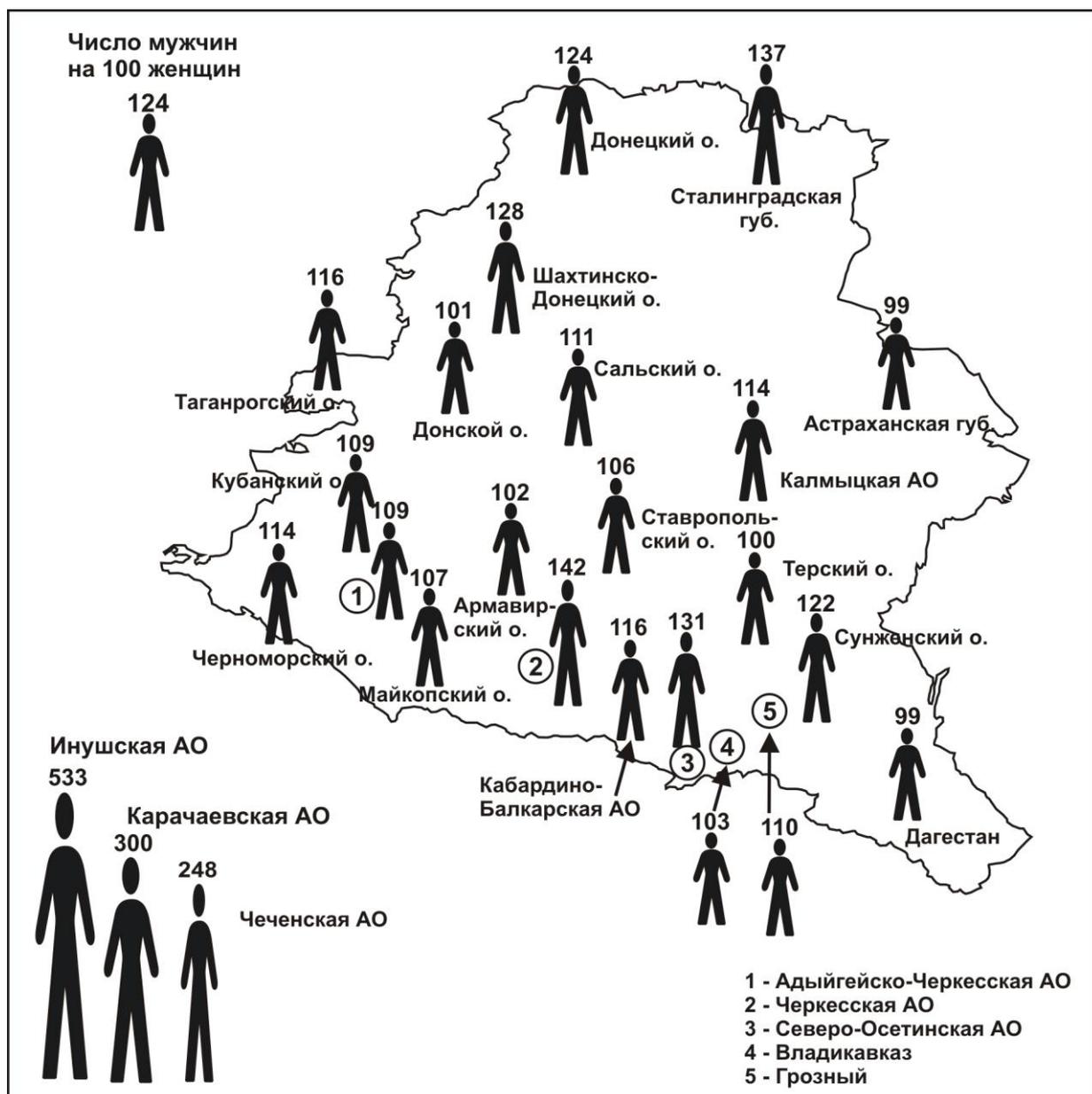

Рис. 1.12. Гендерный баланс в армянских общинах Юга России, 1926 г.

Если же взять за расчетную основу данные по демографической динамике армян всего СССР (их численность за 1926–1939 гг. выросла на 37%), их национальное сообщество в пределах Южного макрорегиона могло достигнуть к концу 1930-х гг. еще большей величины (230–235 тыс. человек).

Очевидно, что свою роль в демографической заминке сыграли голодные годы первой половины 1930-х гг., когда естественный прирост мог сменяться убылью в ряде региональных диаспор Степного Предкавказья, прежде всего на Кубани, а также в Рос-

товской области и в Ставрополье. Если в 1926 г. в пределах четырех округов (Кубанского, Армавирского, Черноморского и Майкопского), в дальнейшем составивших территорию Краснодарского края и Адыгеи, проживало 77,6 тыс. армян, то в 1939 г. в двух указанных регионах было зафиксировано только 62,8 тыс. человек¹.

Табл. 1.1.

**Показатели естественного движения населения
в регионах Юга России в 1940 г. (на 1000 человек)**

Регионы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
Дагестан	37,0	23,0	14,0
Кабардино-Балкария	29,5	10,7	18,8
Северная Осетия	29,8	8,4	21,4
Чечено-Ингушетия/ Грозненская о.	26,6	13,3	13,3
Краснодарский к.	38,8	17,4	21,4
Ставропольский к.	38,0	15,6	22,4
Ростовская о.	34,1	15,1	19,0

Но центральную роль, как представляется, играл отток южно-российских армян в Армянскую ССР. Появление «собственной» республики, несомненно, способствовало стяжению в нее армянского населения, вынесенного за пределы своего этнического ареала социальными потрясениями начала XX века.

Однако данный процесс не исключал и обратного миграционного тренда – расширения географии армян в пределах Советского Союза. Масштабная индустриализация первых пятилеток, массовые трудовые десанты затягивали в свои циклы и население Армении.

¹ Это сокращение, впрочем, не сказывается на общем демографическом соотношении ведущих региональных средоточий армянского массива Юга России. Оказавшись в начале – середине 1920-х гг. на позиции крупнейшего ареала системы расселения армян, Кубань сохранила это место и в 1930-е годы.

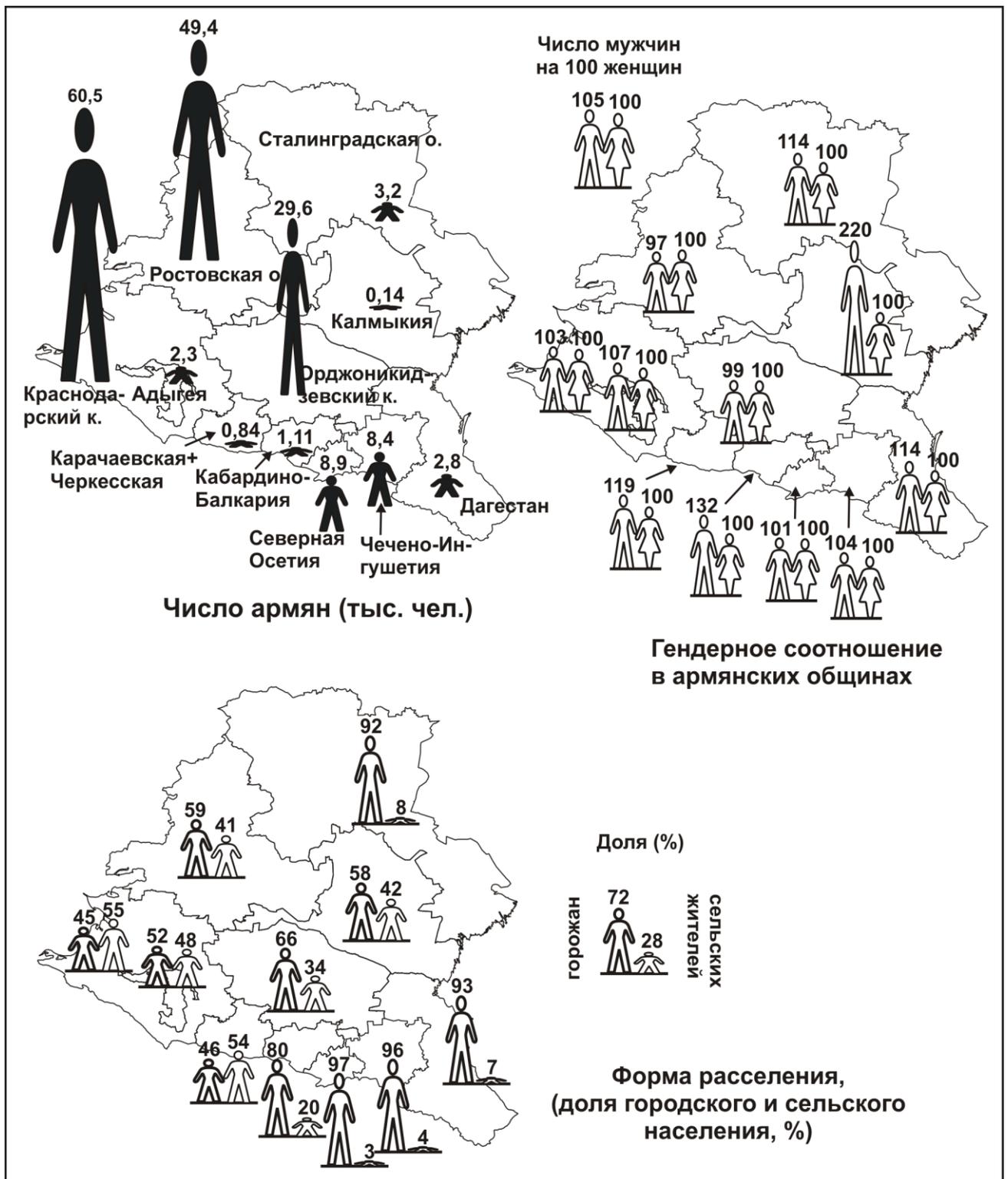

Рис. 1.13. Армянское население Юга России, 1939 г.

В 1930-е гг. армяне активно осваивают новые для себя регионы огромной страны – их общины в большинстве союзных республик за период 1926–1939 гг. вырастают в разы (а в Белоруссии и Казахстане – на математический порядок). Тем самым, миграционный отток армян из южнороссийских ре-

гионов в Армянскую ССР был скорее исключением из общей закономерности. Миграционное сальдо Армении со всеми другими региональными общинами указывало на их устойчивый рост в 1930-е гг., тогда как диаспоры российского Юга потеряли в данное десятилетие несколько десятков тысяч человек.

Но нельзя исключать влияния на их демографическую динамику и других факторов. Прежде всего, ассимиляцию некоторой части укорененных в русскую городскую среду представителей южнороссийских общин. Конечно, масштабы ассимиляционной составляющей были весьма ограничены. И, тем не менее, 1930-е гг. были связаны с резкой активизацией процессов аккультурации (культурно-языковой русификации) большинства народов СССР. Обнаруживались они и в среде армянского населения Юга России.

Проявления аккультурации фиксируются уже переписью 1926 года. В середине 1920-х гг. русский считало родным около 10% армян Северо-Кавказского края. Причем в городах масштабы данного процесса были в разы больше, чем в сельской местности (15% «обрусевших» против 3%). Но показательно и то, что в целом армяне оказались одним из наиболее социокультурно устойчивых диаспорных народов Юга России, куда в большей степени преданных родной культурно-языковой традиции, нежели восточные славяне, евреи или даже грузины (рис.1.14).

Годы первых пятилеток – время стремительной урбанизации и промышленного роста, ликбеза и культурного строительства. Но все эти грани масштабного социального проекта реализуемого в СССР, имели и свою культурно-языковую составляющую – растущий билингвизм нерусского населения страны, а параллельно и языковую русификацию определенной его части. К концу 1930-х гг., русский язык становится родным почти для 17% армян Кубани, 20–21% Ростовской области и Орджоникидзевского (Ставропольского) края, 27% представителей общины Адыгеи.

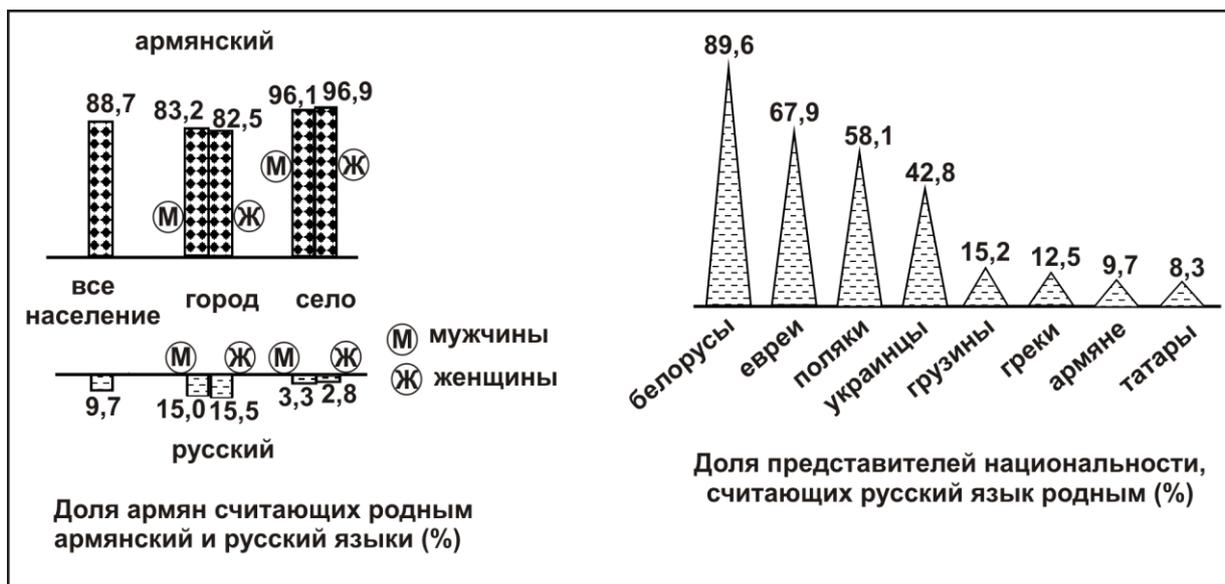

Рис. 1.14. Уровень языковой аккультурации (русификации) у армян и ряда других «диаспорных» народов Северо-Кавказского региона, % (1926 г.)

Война и послевоенные десятилетия

В период Великой Отечественной войны самая значительная часть Юга России побывала в зоне немецкой оккупации. Что не могло не отразиться на численности местных армян, прошедших через все испытания, выпавшие на долю советского народа. Самым существенным образом ухудшились показатели естественной динамики населения. Но диаспоры понесли и прямые демографические потери. Многие тысячи мужчин оказались на фронте. Тысячами исчислялись и те, кто с фронта не вернулся. На это указывает гендерное соотношение в двух ведущих южнороссийских армянских общинах – ростовской и кубанской.

Даже в конце 1950-х гг., когда гендерный баланс уже был в определенной степени выправлен послевоенной демографической динамикой, среди донских армян на 100 женщин приходилось только 89 мужчин, среди кубанских – 95 (рис. 1.15). Опираясь на эти показатели можно в самом первом приближении определить возможный масштаб военных потерь мужского населения этих общин. За период 1939–1959 гг., размер ростовской областной общины остался практически без изменения – 49,3 тыс. человек. При этом число мужчин сократилось примерно на одну тысячу (с 24,3 тыс. до 23,2 тыс. человек), а

женщин на эту же величину выросло (с 25,1 до 26,1 тыс. человек).

Если предположить, что в мирное время динамика полов была бы сопоставимой, численность мужчин-армян в диаспоре на рубеже 1960-х должна была оказаться примерно на 2 тыс. человек больше числа, которая зафиксировала перепись 1959 года. Эта цифра и может быть взята в качестве ориентировочной величины мужской сверхсмертности, связанной в первую очередь с военными потерями.

Кубанская диаспора в 1939–1959 гг. продемонстрировала количественный рост. Однако, женская часть краевой общины в этот период выросла на 8,8 тыс., тогда как мужская только на 5,8 тыс. человек. Данная разница (3 тыс.) также в первом приближении может рассматриваться как результат повышенной потери мужчин в период военных действий. В каждом из двух рассмотренных случаев речь идет примерно о 8–9% мужского населения региональных общин. Иными словами, можно предположить, что с фронта не вернулся каждый 5–6-й мужчина военнообязанного возраста. Что само по себе – свидетельство активного участия донских и кубанских армян в Великой Отечественной войне¹.

Но, несмотря на тяготы военного времени, большинство южнороссийских армянских общин в середине XX в. (1940–1950-е гг.) демонстрирует количественный рост. Более остальных к началу 1960-х гг. выросла диаспора Чечено-Ингушетии, опережающий рост которой (на 56% за 1939–1959 гг.) был связан с организованным властью после депортации титульных народов новым массовым заселением республики. Более чем вдвое выросла за этот период и община Дагестана (с 2,85 тыс. до 6,5 тыс. человек). Что, однако, также не имело отношения к демографическим процессам и было связано с административно-территориальной

¹ Впрочем, не менее впечатляющая статистика имеется и по другим южнороссийским диаспорам, как региональным, так и городским. Достаточно сказать, что во время войны погибло около 400 армян Кисловодска – почти каждый десятый представитель городской общины, насчитывавшей в конце 1930-х гг. 4,1 тыс. человек.

реформой, в результате которой в состав республике вошли восточные районы Ставрополя, прежде всего Кизлярский, с середины XVIII в. располагавший многочисленным армянским населением.

Рис. 1.15. Гендерный баланс в армянских общинах Юга России, 1939–2010 гг.

Большинство других южнороссийских региональных диаспор выросло за данный период на 20–30%. И общее число армян в южном макрорегионе превысило 190 тыс. человек. Тем самым, после количественного восстановления, занявшего несколько лет, начался длительный послевоенный период устойчивого поступательного демографического роста общин, первоначально связанный не столько с притоком новых мигрантов, сколько с положительной естественной динамикой самих региональных общин. Большинство из них идет в рост, определяя и общее расширение диаспоры Юга России (рис.1.16). За период 1959-1989 гг. она увеличивается почти вдвое. Причем этот рост ускоряется по десятилетиям. А в нем самом постоянно возрастает доля миграции. Если в 1960-е на внешний приток приходится только 5% этого демографического роста, то в 1970-е половина, а в последнее советское десятилетие – уже до 70%, Особенно вырастает внешний приток в конце 1980-х.

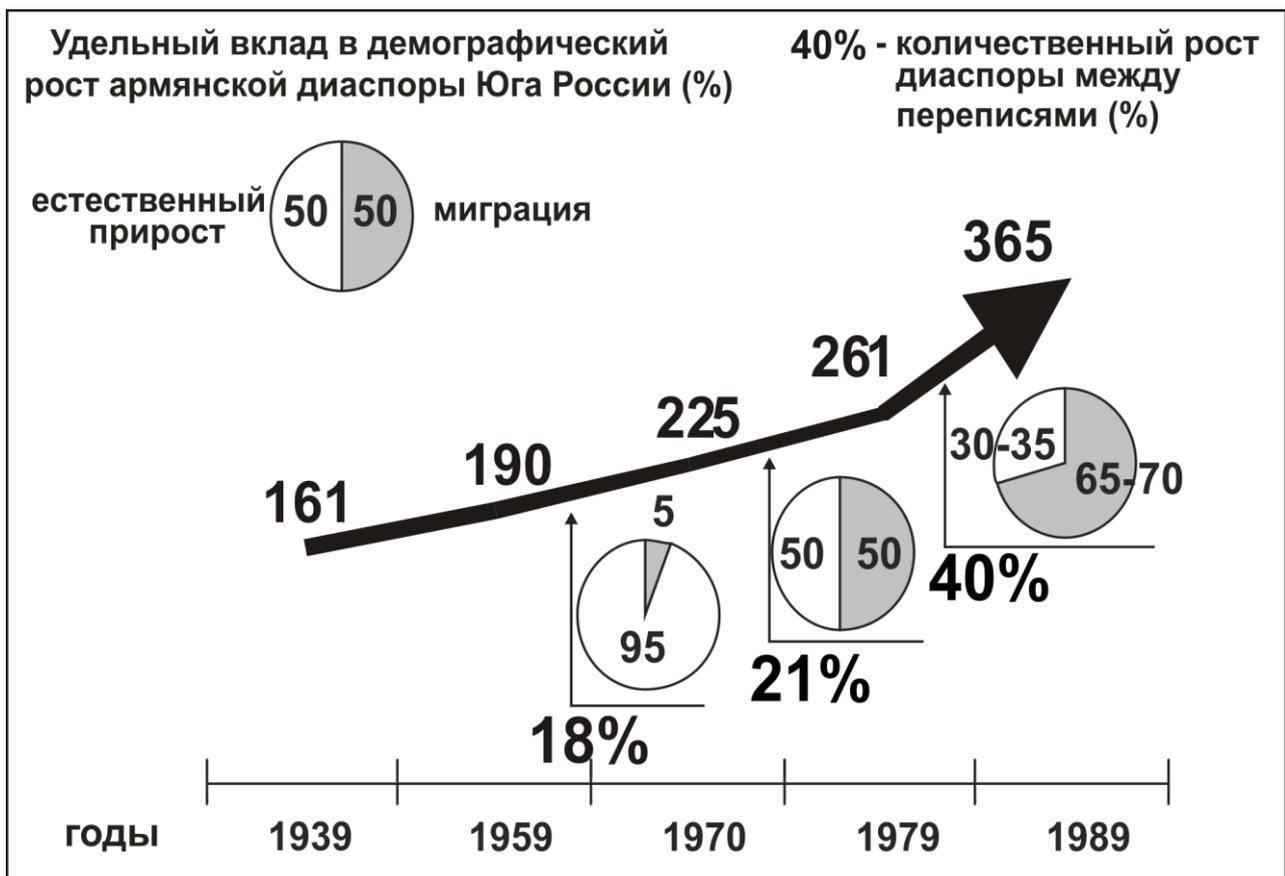

Рис. 1.16. Количественная динамика армянской диаспоры Юга России, 1939-1989 гг. (тыс. чел.)

Но если демографический рост всего южнороссийского массива армян ускорился от десятилетия к десятилетию, то темпы расширения отдельных диаспор существенно различались, свидетельствуя в том числе, о сложных социокультурных процессах, протекавших внутри некоторых региональных социумов.

Особенно контрастно на фоне ускоренного роста краевых армянских общин Степного Предкавказья выглядела длительная (1970–1980-е гг.) демографическая стагнация диаспоры Чечено-Ингушетии и «сжатие» общины Дагестана (единственный южнороссийский регион, в котором число армян в последние десятилетия советского периода сокращалось).

Иной была расселенческая динамика армянского населения (напомним, в конце имперского периода, одного из наиболее урбанизированных народов Юга России). Уже в первые советские десятилетия, опережая другие местные национальные сообщества по доле горожан, армяне Дона, Кубани и Ставрополя (т.е. наиболее крупные региональные средоточия), очевидным образом уступали им по темпам урбанизации. В послевоенный период данная тенденция сохранилась. В 1939–1970 гг. доля горожан в крупнейших региональных армянских общинах Юга выросла всего на несколько процентов. И по уровню урбанизации они полностью сравнялись с большинством других народов своих территорий.

Впрочем, все сказанное относится к общинам, изначально формируемым как расселенчески смешанные, включавшие в свой ареал не только города, но и сельскую местность, которую армяне в период активизации советской урбанизации, оставлять не захотели. Но на Юге России были и другие региональные общины, изначально максимально «городские» (еще точнее – «столичные»). И они также демонстрировали завидный расселенческий консерватизм, только уже с обратным знаком. Даже спустя много десятилетий, уже прочно укоренившись в местных сообществах, они почти не пытались расширить свой расселенческий ареал за счет включения в него сельских территорий (в лучшем случае, «осваивая» пригороды и близкие окрестности своих центров).

Мы отчетливо наблюдаем это в Астраханской области и в ряде республик Северного Кавказа. Иными словами, южнороссийские армяне оказывались верны той форме расселения, которую изначально принимала их местная община.

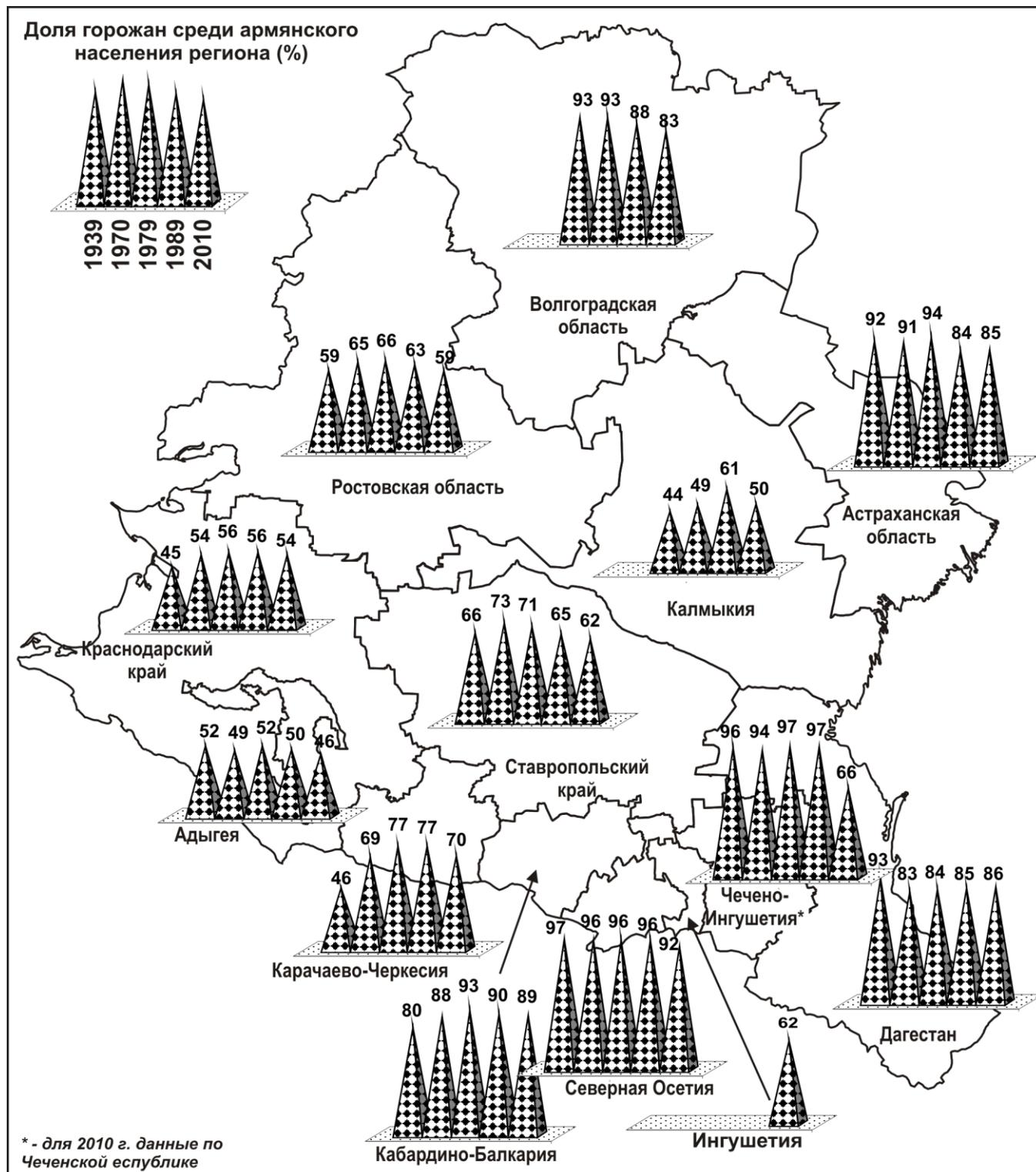

Рис. 1.17. Уровень урбанизации армянского населения Юга России, 1939–2010 гг. (%)

Столь же высокий уровень устойчивости демонстрировало армянское население Юга России и в социокультурной сфере. Длительность пребывания в плотной инокультурной среде (к началу 1980-х гг. самая значительная часть южнороссийских армян уже относилось к числу местных уроженцев), не запустила в их среде масштабной ассимиляции, как это произошло в послевоенный период во многих других южнороссийских диаспорах. Даже в последние десятилетия советского периода до 70–75% армян разных регионов Юга России сохраняли армянский язык в качестве родного (за исключением астраханской общины, демонстрировавшей очень высокий уровень языковой русификации) (рис. 1.18).

Но верность национальной этнокультурной традиции не мешало все более плотной социокультурной интеграции местных армян в свои региональные сообщества. Одним из признаков такого комплексного вхождения являлось хорошее знание русского языка. К концу советского периода подавляющая доля армянского населения Юга России уже билингвы, достаточно свободно владевшие двумя языками.

Как и раньше, интенсивность аккультурационных процессов в среде южнороссийских армян, естественным образом обнаруживала расселенческую специфику. Именно городские группы, наиболее модернизированные и при этом, находившиеся в плотном межкультурном взаимодействии, демонстрировали повышенный уровень культурно-языкового обрусения. Разница между городской и сельской частью региональных диаспор могла быть кратной (или даже многократной, как в Ростовской области, где на 4% сельских армян, перешедших на русский язык, в 1970 г. приходилось 44% русифицированных горожан армянской национальности) (рис. 1.19).

1980-е годы

Геодемографическая динамика армянского населения Юга России в последнее советское десятилетие может быть достаточно четко поделена на два этапа, доерформенные годы и перестройку.

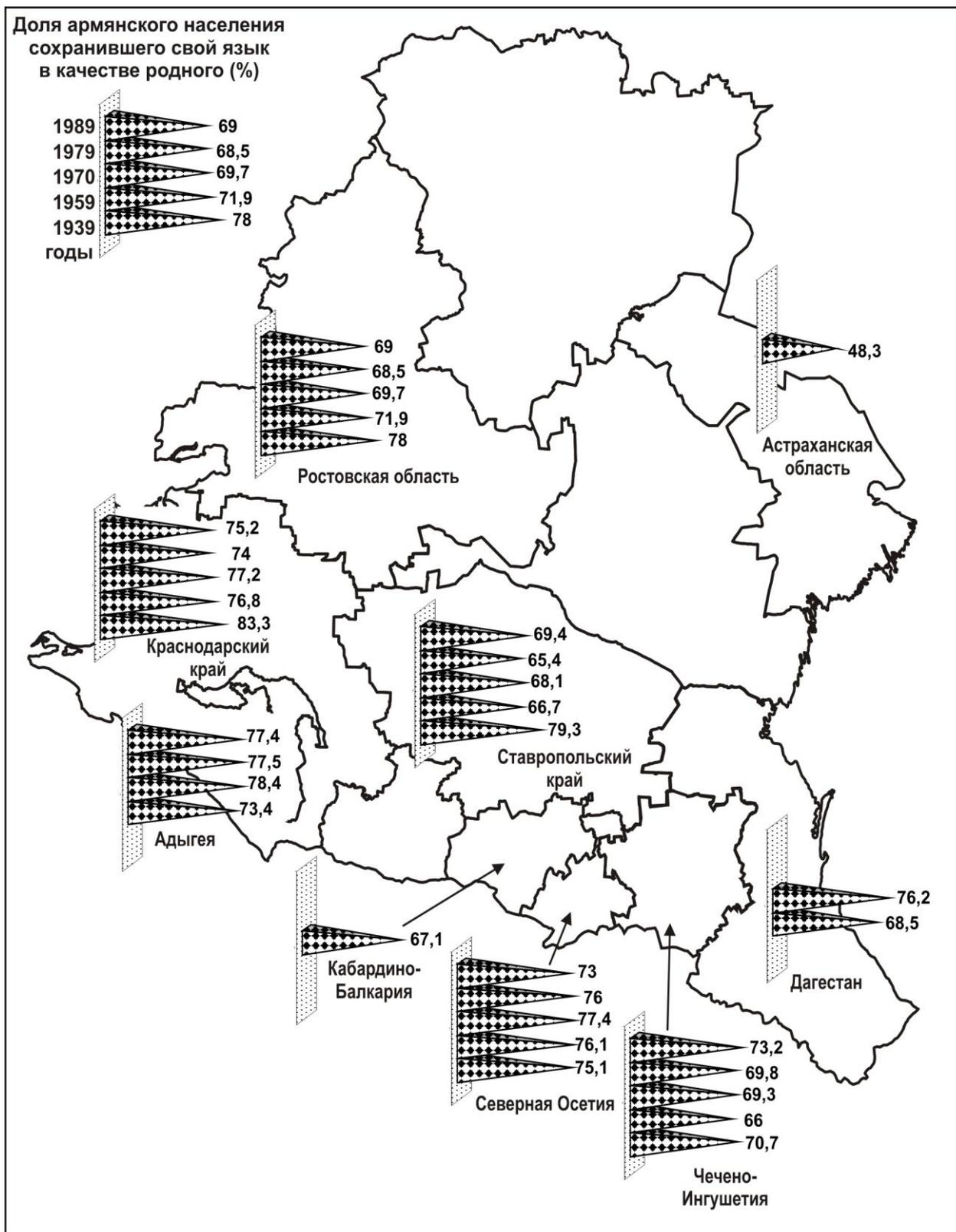

Рис. 1.18. Представители региональных общин, сохранившие армянский язык в качестве родного, 1939–1989 гг. (%)

Если первая половина 1980-х гг. демонстрирует продолжение всех демографо-расселенческих тенденций послевоенного перио-

да, то годы реформ становятся временем обрыва постепенности, нарастающей нестабильности, обнаруживаемой во всех сферах жизни Советского Союза, РСФСР и ее южного макрорегиона.

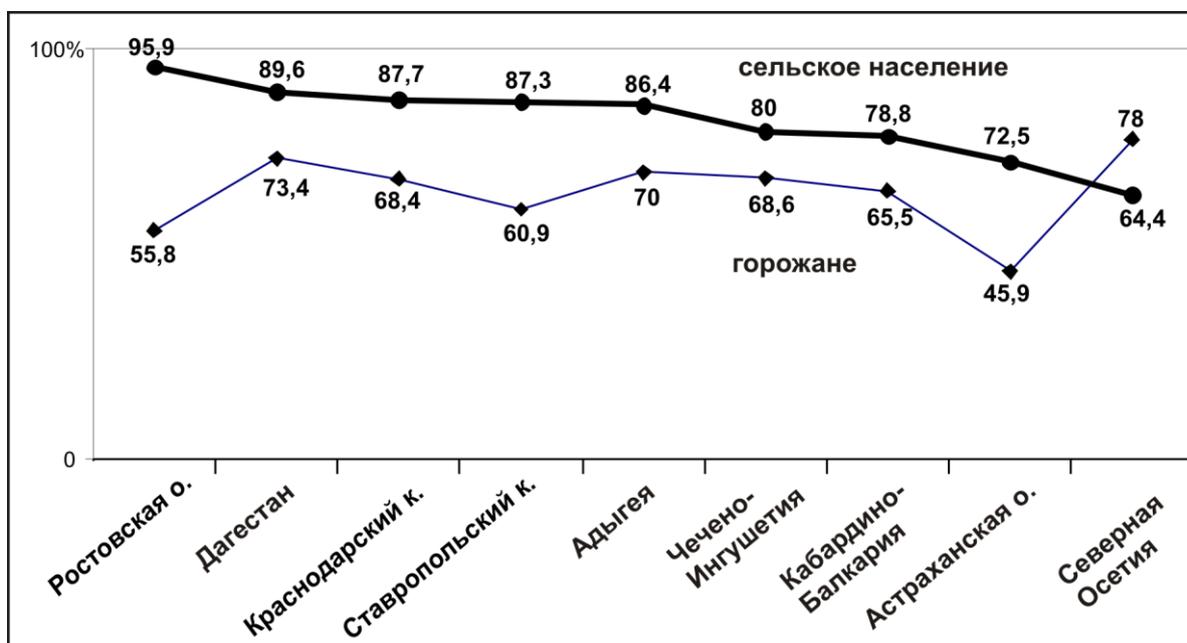

Рис. 1.19. Доля городского и сельского армянского населения, сохранившего язык своей национальности в качестве родного, 1970 г. (%)

Очевидным следствием катастрофического сценария развития страны становится стремительный рост миграционной активности, в которую одними из первых оказываются вовлечены армяне. Трагические события в Азербайджане (Баку, Сумгаит, Нагорный Карабах) оборачиваются новым всплеском массовой армянской миграции из Закавказья в пределы РСФСР. При этом, значительная часть беженцев осела на Юге России, прежде всего, на Ставрополье и в Краснодарском крае.

И потому быстрый демографический рост двух краевых общин, фиксируемый на протяжении всего послевоенного периода, еще более ускоряется в середине – второй половине 1980-х годов. Среди его последствий дальнейшая территориальная перецентрировка армянского населения Юга России, продолжившая расселенческий тренд конца XIX – первой половины XX века: степное Предкавказье все уверенней закрепляется на позиции основного средоточия южнороссийских армян.

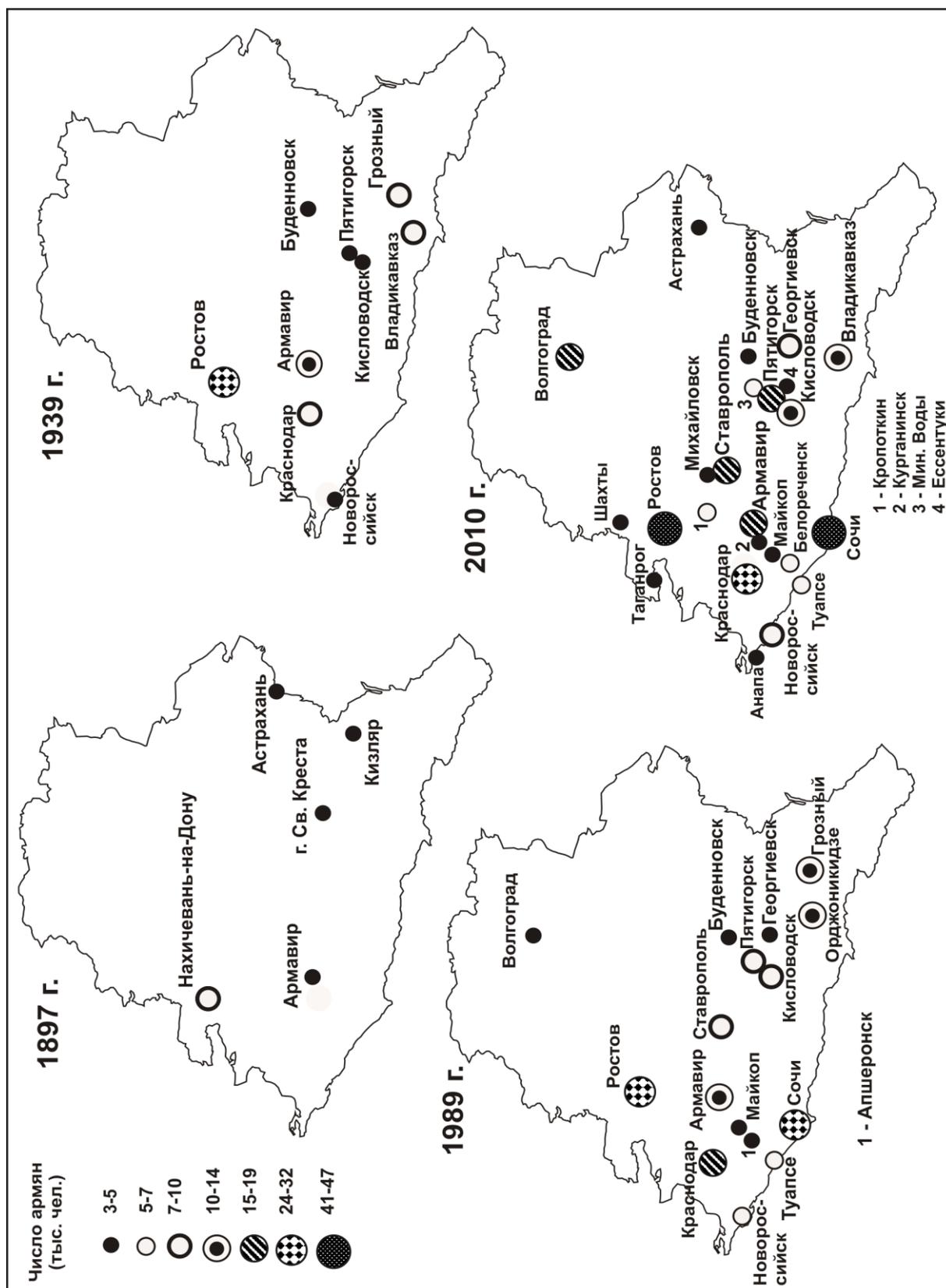

Рис. 1.20. Крупнейшие армянские городские общины Юга России, 1897–2010 гг. (тыс. чел.)

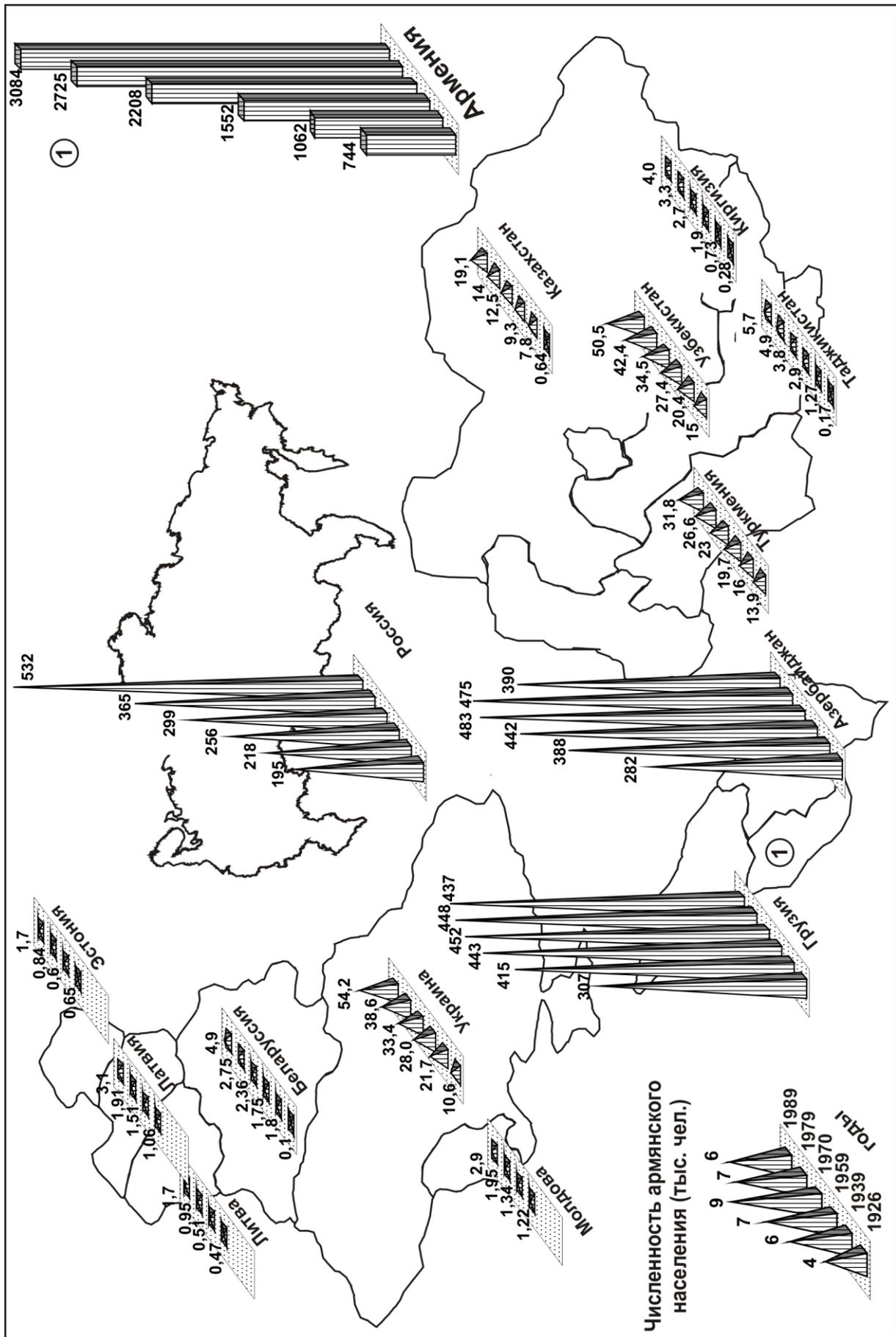

Рис. 1.21. Динамика армянского населения по союзным республикам СССР, 1939-1989 гг. (тыс. чел.)

Кубанская община к концу советского периода заключала уже почти половину армянского населения Юга России, а диаспора Ставропольского края в 1980-е гг. впервые опередила по размеру общину Дона. В общей сложности на два края к рубежу 1990-х гг. приходилось 2/3 армян южного макрорегиона.

При этом, Юг России по-прежнему оставался основным средоточием армянского населения в пределах всей Российской Федерации. Но показательно, что доля южнороссийских армян в общей численности их российской общины, оставаясь высокой, неуклонно сокращалась. Напомним, что в начале советской эпохи (середина 1920-х гг.) на южный макрорегион приходилось почти 88 % российских армян. В послевоенные десятилетия эта цифра упала до 74–75%, а к концу советского периода составляла уже менее 70%. Основная причина – постепенное расширение географии армянского присутствия в различных российских регионах и опережающий рост многих новых территориальных общин.

Из всех крупных российских средоточий армянского населения за пределами Юга России необходимо, в первую очередь, отметить московскую общину, быстрый рост которой начинается только в 1930-е годы. Если в 1926 г. в Москве вместе с областью проживало только 6,7 тыс. армян, то к рубежу 1960-х их стало 23,7 тыс., а к концу советского периода численность столичной «группировки» уже превышала 43 тыс. человек (соответственно и доля ее в структуре всего армянского сообщества РФ выросла с 3,5% до 10%).

Но сокращаясь удельно, армянское население Юга России неуклонно росло в абсолютных размерах. В конце советского периода этот демографический рост только ускорился. Увеличившись в 1980-е гг. с 261 тыс. до 366 тыс. человек, армяне самым существенным образом приблизились по численности к южнороссийским украинцам.

1.4. Армяне в РФ и на Юге России в постсоветский период

Но даже мощный мощный миграционный приток перестроечных лет потерялся на фоне волны переселенцев, хлынувших на Юг России в 1990-е годы. Первое постсоветское десятилетие, связанное с новыми и эскалацией старых межнациональных конфликтов, с глубоким социально-политическим и экономическим кризисом, охватившим едва ли не все постсоветские социумы, стало для пространства бывшего СССР периодом второго за XX в. «переселения народов». Миллионы людей, были вынуждены искать для себя новое место жизни.

Но как бы тяжело не шли в этот период реформы в самой России, именно она оказалась центром притяжения для огромного числа мигрантов со всего ближнего зарубежья. А в пределах РФ одним из эпицентров данного переселенческого движения стали области и края Южного макрорегиона. Только по официальной статистике три региона степного Предкавказья (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область) на протяжении 1990-х гг. приняли 1,1 млн. новых жителей (положительное миграционное сальдо). Еще около 200 тыс. человек осело в нижнем Поволжье.

Весомую долю этой миграционной волны составляли русские. Но и этническая миграция оказалась весьма значительной. А в ее структуре вне конкуренции были армяне. Причин тому было множество. Пространственная близость южнороссийских территорий от Закавказья (основного ареала нового «исхода» армян) и наличие разветвленных общин, с вековой историей развития в макрорегионе; благоприятные агроклиматические условия российского Юга, региональная экономика с ярко выраженной сервисной составляющей; и, конечно, выработанная веками, повышенная мобильность самих армян, их способность к решительной перемене своего месторазвития, ставшая, по сути, одной из основных практик национального самосохранения в эпохи исторических сдвигов и катаклизмов.

Только по официальным данным армянское национальное сообщество Юга России выросло за 1989–2002 гг. почти на 70%,

превысив 600 тыс. человек. Но показательно, что при столь масштабном количественном росте, доля южнороссийских армян в структуре их российской диаспоры в этот же период сократилась (и весьма существенно – с 68,7% до 54,5%). Очевидное свидетельство серьезных перемен происходивших в системе расселения всего армянского народа. И российский вектор в этом геотрансформационным сдвиге был наиболее очевидным. В пределах России в это время выросли не только все сложившиеся старожильческие общины, но и возникло множество новых региональных средоточий армянского населения, разнесенных по всей стране.

Табл. 1.2

**Народы РФ численностью более 500 тыс. человек,
1989–2010 гг.**

Народы	Численность (тыс. чел.)		2010 г. к 1989 г. в %	Место среди на- родов РФ, 2010 г. (в скобках – 1989 г.)
	1989 г.	2010 г.		
Русские	119866	111016	93	1 (1)
Татары	5522	5311	96	2 (2)
Украинцы	4363	1928	44	3 (3)
Башкиры	1345	1584	117	4 (5)
Чуваши	1773	1435	81	5 (4)
Чеченцы	899	1431	159	6 (8)
Армяне	532,4	1182	222	7 (15)
Аварцы	544,0	912,1	168	8 (13)
Мордва	1073	805,9*	89	9 (7)
Казахи	635,9	647,7	102	10 (12)
Азербайджанцы	335,9	603,1	179	11 (22)
Даргинцы	353,4	589,4	167	12 (20)
Марийцы	643,7	571,2**	85	13 (11)
Удмурты	714,8	552,3	77	14 (10)
Осетины	402,3	528,0	131	15 (17)
Белорусы	1206	521,4	43	16 (6)
Кабардинцы	386,1	516,8	134	17 (18)
Кумыки	277,2	503,1	182	18 (23)

* - с учетом мордвы-мокша и мордвы-эрзя

** - с учетом горных марийцев

В итоге, за период 1989–2010 гг. армяне в официальном демографическом рейтинге российских народов переместились с 15-й позиции на 7-ю. Но есть все основания полагать, что реальная численность армянского населения в России выше, зафиксированной последней переписью.

Этот вопрос и сам по себе имеет не только академический интерес, а в русле нашего исследования приобретает непосредственное значение, поскольку южнороссийская община по-прежнему крупнейшее средоточие армянского населения РФ. И если реальная численность последнего существенно отличается от официальных данных, это имеет прямое отношение и к оценке демографического потенциала армян Юга России. А значит, вопрос о размере российской общины предполагает самостоятельное его рассмотрение.

1.4.1. Динамика армянского населения в РФ (конец XX – начало XXI века)

Расчеты экспертов анализирующих динамику и общую численность российских армян различаются самым существенным образом. По мнению В. Курдумяна, число армян в РФ уже к 1994 г. выросло до 1,8 млн. человек, в 2003 г. составило – 2,2 млн., а в 2007 г. достигло 2,5 млн. человек¹. Аналогичная цифра циркулировала и среди специалистов, осуществлявших аналитическое сопровождение деятельности российского правительства. Показательно, что еще в конце 2004 года премьер-министр РФ М. Фрадков заявлял о необходимости использовать эффективно огромный социально-экономический потенциал армянской диаспоры, составлявшей 2,5 млн. человек².

Совпадают с вышеприведенными оценками и расчеты академика В. Ходжакяна, согласно которым уже к 1996 г. из Армении выехало (отрицательное сальдо миграции) около 1,5 млн. чело-

¹ Кардумян В. Армянская диаспора России. // Журнал «Обозреватель – Observer» №12, 2007. С. 45 URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N12_2007/045_051.pdf.

² Кардумян В. Указ соч.

век, из которых порядка 85–97% мигрировало в РФ¹. Тем самым, российская диаспора в первой половине – середине 1990-х гг. должна была пополниться на 1,3–1,45 млн. и приблизиться к отметке в 2 млн. человек.

Расчеты миграционного оттока из Армении, выполненные В. Ходжабекианом, дали менее значительную цифру. (около 1 млн. человек к 1997 году)². Но и она впечатляла, указывая на рост российской диаспоры армян к этому времени до 1,3–1,4 млн. человек. Иными словами, оценки всех перечисленных экспертов существенным образом превосходили данные, полученные переписью 2002 года.

Сходятся аналитики и в том, что именно 1990-е гг. были связаны со взрывным количественным ростом российской армянской общины. А первое десятилетие XXI в., сохранив тенденцию на ее дальнейшее демографическое увеличение, перевело данный процесс в куда более «пологое» русло. Но даже в этот период рост диаспоры, скорее всего, был удельно выше, чем это зафиксировано переписью 2010 г. (согласно ей за 2002–2010 гг. число армян в РФ выросло только на 4,5%).

Тем более, что миграционный отток населения из Армении, сократившись в разы, сохранялся на достаточно высоком уровне. М. Денисенко, О. Чудиновских определяют его за 2000–2009 гг. в 668 тыс. человек. Притом, что значительная часть мигрантов по-прежнему направлялась в РФ³. Все это позволило И. Белобородову констатировать: «по самым осторожным оценкам, исходящим из явно заниженных данных государственных органов Армении, в России на момент проведения последней переписи находились около 2 млн. армян, что на 800 тыс. человек превышает цифры,

¹ Еганян Р., Шахназарян Н.. OSCE Office in Yerevan – Migration Literature Review (Трудовая миграция из миграции (обзор литературы). Ереван, 2005. С. 23. URL: <http://www.osce.org/node/25947>

² Ходжабекиан В. Миграционные процессы в Армении // Миграция. 1997. № 4. С. 31. Цит по: Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч. ред. С. В. Голунов. – М.: Аспект Пресс, 2008. С. 55.

³ Денисенко М., Чудиновских О. Миграция между странами СНГ. // Электронный журнал «Демоскоп Weekly», № 533–534. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit04.php>.

заявленные в ее итогах. Однако, более близкой к реальности, на наш взгляд, является численность армянских мигрантов в диапазоне между 2,2 и 2,7 млн. человек»¹.

Впрочем, несмотря на известное единодушие значительной части экспертного сообщества, оценивающего численность современного армянского сообщества РФ в 2–2,5 раза выше данных официальной статистики, имеются факты серьезно противоречащие такому выводу. Прежде всего, укажем на демографическую кривую населения самой Армении – показатель, который многие эксперты обходят вниманием. На наш взгляд, анализируя возможную количественную динамику российской армянской общины в постсоветский период, необходимо в обязательном порядке учитывать следующий ряд обстоятельств.

1. Пространственная перецентрировка в максимальной степени затронула армян бывшего Советского Союза. Именно в пределах СССР наблюдались самые значительные миграционные перемещения армянского населения. Некоторые из его ранее республиканских, а ныне государственных общин пошли в рост, другие существенно сократились, третьи в целом не изменили своего количественного формата.

2. Армянские диаспоры дальнего Зарубежья в постсоветский период в ограниченном масштабе пополнялись новыми переселенцами (выходцами из бывшего СССР) либо же сохраняли старожильческий состав своего населения. Миграционного перетока из этих общин в получившую независимость Армению, не говоря уже о других постсоветских государствах, практически не наблюдалось. Иными словами, армянское население бывшего СССР в постсоветский период в целом должно было сохранить свой количественный масштаб, поскольку текущая естественная динамика и некоторый отток в страны дальнего Зарубежья, не могли сколько-нибудь существенно изменить размер этого демографического массива.

¹ Белобородов И. Всероссийская перепись населения: искажение этнической реальности. URL: <http://www.riss.ru/demography/famille/2952-vserossijskaya-perepis-naseleniya-nedootsenka-immigratsii-i-deformatsiya-etnicheskoj-kartiny>.

3. Естественная динамика армянского населения в полной мере соответствовала общим тенденциям, отличавшим практически все модернизированные народы постсоветского пространства, для которых 1990-е гг. стали периодом резкого сокращения рождаемости и роста смертности. Однако у армян в самой Армении коэффициент естественного прироста, сократившись к концу данного десятилетия почти до нуля, все же удержался в положительной зоне (на уровне 2–3‰ против ежегодных 14–16‰ роста в 1980-е годы). В 2001–2002 гг. данный показатель упал до 1–2 ‰, а к середине 2000-х вышел на уровень 4–5‰, на котором сохраняется до настоящего времени.

4. Можно также предположить, что естественная динамика армянских общин в других государствах бывшего СССР в целом коррелировала с воспроизводственными демографическими характеристиками населения Армении. И потому мы можем представить в общем виде естественную динамику всего армянского национального сообщества бывшего Советского Союза.

5. Несовпадение времени проведения и числа переписей в постсоветских государствах, как и множественные, хорошо известные, неточности данных масштабных статистических мероприятий, не позволяют установить точную геодинамику армянского народа в пределах бывшего СССР. Однако формат его количественного присутствия они фиксируют в достаточной степени. Что и дает возможность выполнить общий расчет современной локализации армянского населения на постсоветском пространстве, в том числе и в пределах РФ.

Итак, в конце советского периода (1989 г.) в СССР проживало 4,62 млн. армян (из них в самой Армении 3,08 млн. человек). В первое постсоветское десятилетие естественный прирост населения Армении непрерывно снижался (с 16‰ в 1990 г. до 6‰ в 1995 г. и 3‰ в 2000 году) и в целом за 1991–2000 гг. составил чуть более 320 тыс. человек (или 9,1% от всего ее населения по данным на 1990 год). Если, как уже отмечалось, исходить из того, что в других армянских общинах в пределах бывшего СССР естественная динамика была аналогичной, то всё постсоветское ар-

мянское сообщество в 1990-е гг. должно было вырасти с 4,62 млн. примерно до 5,0–5,1 млн. человек.

При этом следует учитывать отток в дальнейшее Зарубежье, который составил в 1990-е гг. несколько десятков тысяч человек. Только из Армении в три страны (США, Израиль и Германию) в 1992–2001 гг. на ПМЖ выехало 41,6 тыс. человек, подавляющее большинство которых составляли армяне. Но армяне уезжали и в другие «дальние» страны, располагавшие развитыми общинами. Выезжали не только из Армении, но и из других постсоветских государств. Тем самым, общие миграционные потери армянского массива постсоветского пространства в 1990-е гг. можно примерно оценить в 70–100 тыс. человек.

То есть, в СНГ и странах Балтии в начале XXI в. проживало порядка 4,95–5 млн. армян. При этом на Армению приходилось 3,14 млн. человек¹, около 249 тыс. армян проживало в Грузии, порядка 130 тыс. в Нагорном Карабахе, 100 тыс. на Украине и т.д. (табл. 1.3).

Оценочные данные, фигурирующие в Интернете для армянских общин Средней Азии и Казахстана с большой вероятностью можно считать завышенными. Поскольку, как правило, указываются цифры превосходящие те, что были зафиксированы последней советской переписью 1989 года. Но очевидно, что диаспоры данных стран в 1990-е гг. должны были скорее терять население в результате миграции, нежели пополняться за счет притока новых переселенцев².

¹ Заметим, что самостоятельной проблемой для определения численности армянского населения самой Армении становится оценка виртуального демографического «довеска», фиксируемых постсоветскими переписями – то есть разницы между списочным и реально проживавшим в стране населением. Этот показатель на рубеже веков мог составлять несколько сотен тысяч человек. Что подтверждалось и самой статистической службой Армении. [Арсеньев А. Легенды и мифы демографии Закавказья. URL: <http://gazetasng.ru/article.php?id=30203>].

² В действительности миграционная динамика постсоветских армянских общин этого времени могла быть весьма сложной, а перемещение части армянского населения зачастую оказывалось «многоходовым» – например, из Азербайджана в одну из стран Центральной Азии, а через некоторое время в Россию. Но итоговой результирующей данной разнона-

**Армянское население «позднего» СССР
и постсоветского пространства**

районы	1989	2000/2005	2010/2015	районы	1989	2000/2005	2010/2015
Армения	3084	3145	3002	Белоруссия	4,9	10,2	8,5
Россия	532,4	1131	1182 (1350-1500)	Киргизия	4,0	3,3	2,5-3
Грузия	437,2	249	230-240	Латвия	3,1	5,0 (2,5-3)	2,5-3
Нагорный Караах	-	137,4	130-135	Молдавия	2,9	7 (2-2,5)	1,8-2,3
Украина	54,2	100 (110-120)	120-140	Литва	1,7	1,5	1,2
Абхазия	-	45	42	Эстония	1,7	1,44	1,3-1,4
Узбекистан	50,5	70* (25-35)	20-25	Таджикистан	5,7	6* (1-2)	0,5-1,0
Казахстан	19,1	25 (15-20)	15-20	Азербайджан	390,5	0,64	0,5
Туркмения	31,8	30* (15-20)	10-15	СССР (постсоветские страны)	4623	4968 (4890-4910)	4770 (4980-5140)

Примечание: Курсивом отмечена экспертная оценка автора

** - звездочкой отмечены оценочные данные, присутствующие в Интернете*

Их количественный формат конца 1980-х гг. не мог быть превзойден в постсоветский период. С другой стороны, едва ли можно было говорить и о тотальном исходе армян из данного обширного макрорегиона, за исключением Таджикистана, который, скорее всего, уже в первой половине 1990-х гг. утратил самую значительную часть своей армянской общины.

правленной миграционной активности стало более или менее значительное сокращение армянского массива во всех государствах Средней Азии.

Наиболее вероятным нам представляется сокращение в 1990-е гг. армянских диаспор центральноазиатских стран (прежде всего, Узбекистана и Туркменистана, располагавших крупнейшими в регионе группами армянского населения) на 10–30%.

Итак, суммарная количественная оценка всех территориальных групп армянского народа в пределах постсоветского пространства дает нам для начала XXI в. диапазон 4,89–4,91 млн. человек, который практически полностью совпадает с ранее выполненным нами для этого времени расчетом демографического потенциала армянского сообщества всего бывшего СССР. Иными словами, российская перепись 2002 г. достаточно четко фиксирует размеры армянской общины РФ. Погрешность могла составлять несколько десятков тысяч человек (максимум 100–150 тыс.), но никак не полмиллиона и тем более не миллион человек, которому просто неоткуда было взяться. Такого числа «дополнительных» армян на постсоветском пространстве просто не существовало.

2010 год

Попытаемся теперь в самом общем виде представить, насколько соответствуют действительности результаты второй Всероссийской переписи населения 2010 года. Естественный прирост населения Армении в 2001–2010 гг. колебался по годам в диапазоне 2–5‰ и составил за весь период порядка 3,3–3,4%, то есть около 100 тыс. человек.

А всё пятимиллонное армянское сообщество бывшего СССР должно было подрасти примерно на 150–170 тыс. человек. При этом чистый отток в дальнее зарубежье заметно сократился в сравнении с первым постсоветским десятилетием. Значительным оставался только выезд на ПМЖ в США, куда в 2002–2010 гг. перебралось 28,2 тыс. мигрантов из Армении¹. С учетом оттока из других государств СНГ и Балтии, общие миграционные потери «постсоветских» армян в этот период могли составлять 40-50

¹ Денисенко М., Чудиновских О. Миграции между странами СНГ. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit04.php>

тыс. человек. А значит для 2010 г. мы можем оценить данное национальное сообщество в размере 5,05–5,15 млн. человек.

Сложность дальнейших расчетов связана с отсутствием информации о численности в данное время армян во многих постсоветских странах, в том числе в Грузии и на Украине, располагавших к 2010 г. значительными группами армянского населения. Если для государств, по которым у нас для 2010 г. отсутствовала точная статистика, в качестве допущения сохранить размер их армянских общин на уровне начала 2000-х (с нашей собственной экспертной поправкой), то для всего постсоветского пространства мы получим цифру в 4,77 млн. армян. То есть примерно на 250–350 тыс. меньше, чем величина постсоветского армянского сообщества этого времени, рассчитанная нами по его естественной динамике и миграции в дальнее Зарубежье.

Есть все основания полагать, что этот недоучтенный демографический элемент концентрировался, прежде всего, в России, на которую могло приходиться 170–300 тыс. его представителей¹. Действительно, зафиксированный в межпереписный период рост армянской общины РФ на 4,5% на деле соответствует уровню ее естественного прироста. Между тем, миграционный приток армян в РФ (прежде всего из Армении) продолжался, колеблясь по годам в диапазоне 10–20 тыс. человек.

Тем самым, наиболее вероятная численность армянского массива РФ к 2010 г. составляла 1,35–1,5 млн. человек (то есть на 15–27% больше зафиксированной переписью). А значит, по своему демографическому потенциалу они оказываются вполне сопоставимы с чувашами и чеченцами, занимавшими в это время соответственно 5-ю и 6-ю позиции в рейтинге наиболее многочисленных народов России.

Учитывая же ежегодный естественный рост (5–6 тыс. человек) и миграционный приток (порядка 8–10 тыс. в год), есть все основания полагать, что к 2020 г. армянская диаспора, увеличившись до 1,5–1,6 млн. человек, может устойчиво закрепиться в группе

¹ Остальные 30–50 тыс. могли концентрироваться на Украине, увеличив общую численность ее армянского населения до 130–150 тыс. человек.

пяти-шести крупнейших народов страны, заметно уступая по своей численности только русским, татарам и украинцам¹; соперничая с башкирами и чеченцами (примерно 1,65–1,7 млн. у тех и у других) и несколько опережая чувашей.

1.4.2. Армянские общины Юга России в постсоветский период

Итак, постсоветский период был связан со взрывным ростом армянского присутствия в РФ и на Юге России. Но для последнего была характерна и внутренняя пространственная перецентрировка. В самом общем виде можно говорить об опережающем росте общин нижнего Поволжья и степного Предкавказья (рис. 1.22). Максимальный (четырёхкратный) рост диаспоры Волгоградской области определялся не столько абсолютным масштабом самого миграционного притока, сколько незначительным присутствием армян в данной области до самого конца советского периода. Можно сказать, что в постсоветский период армяне открыли для себя этот поволжский регион, что и привело к столь быстрому росту местной общины.

В первой половине – середине 1990-х гг. практически прекратила свое существование крупная диаспора Чечни, почти в полном составе покинувшая пределы республики. Но заметно сократилось число армян и в Дагестане. Тем самым динамика армянского массива северо-восточного Кавказа в конце XX в. отчетли-

¹ Демографическое сжатие украинского массива России в постсоветский период было столь стремительным, что за 2010–2020 г. он мог сократиться с 1,9 млн. до 1,4–1,5 млн. человек и оказаться в демографическом рейтинге России ниже армян. Однако присоединение Крыма к РФ разом увеличило число российских украинцев на 344,5 тыс. человек (по переписи Крыма 2014 года). А кризис 2014 г. привел к мощному притоку беженцев с территории Донбасса, составившему порядка 0,5–1 млн. человек. Значительная его часть была представлена украинцами. Вынужденные мигранты, выбравшие в качестве убежища Россию – в своей массе достаточно глубоко русифицированное население, часть которого готово к окончательной ассимиляции. Но, несмотря на значительное число обрусевших, можно ожидать, что перепись 2020 г. продемонстрирует некоторый количественный рост украинской диаспоры РФ, в сравнении с 2010 г. (число украинцев может превысить два млн. человек).

во контрастировала с количественным ростом остальных республиканских общин макрорегиона.

В 2000-х гг. практически повсеместное расширение армянского этнического присутствия на Юге России сменяется количественной стабилизацией. Более того, перепись 2010 г. обнаружила сокращение целого ряда региональных общин. Заметный рост продемонстрировала только диаспора Ставрополя. Именно она, а также община Кубани, обеспечили некоторое приращение южнороссийского армянского массива, зафиксированное переписью 2010 года. По официальной статистике за период 2002–2010 гг. число армян в макрорегионе выросло только на 2,7% (с 616,7 тыс. до 633,3 тыс. человек).

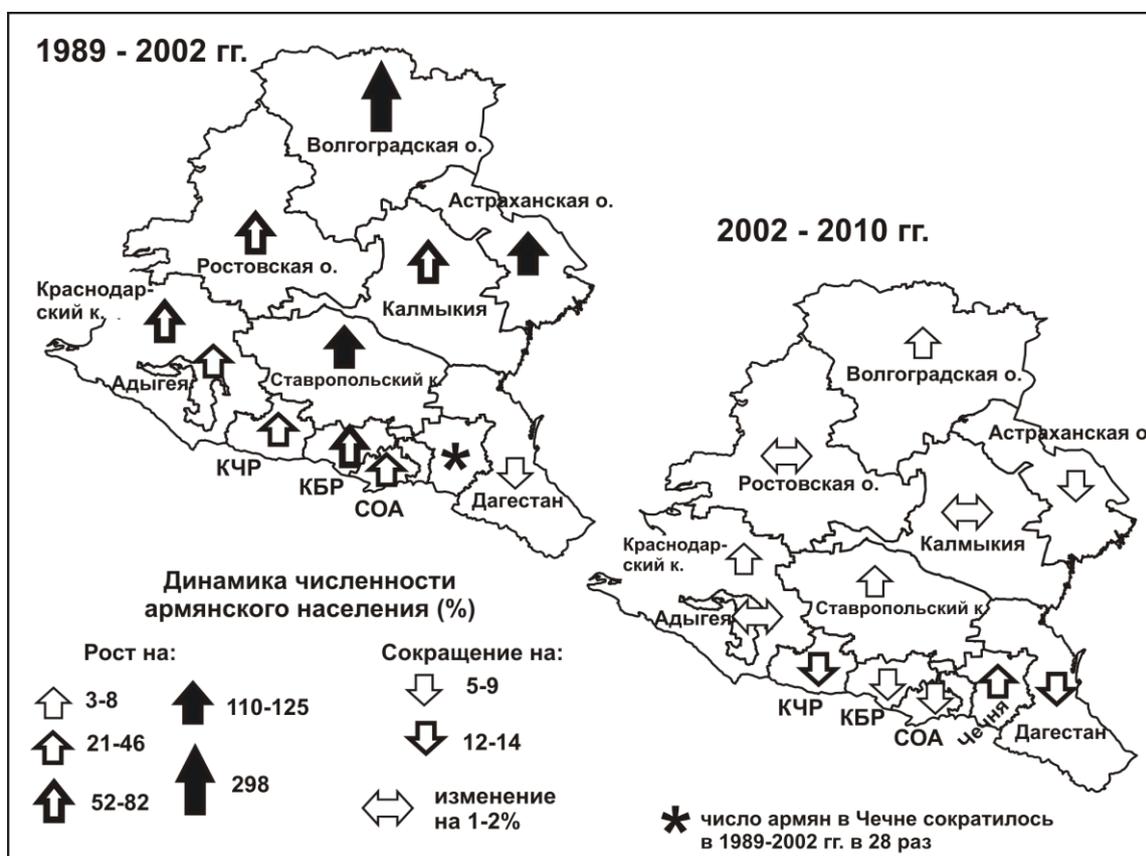

Рис. 1.22. Динамика армянских общин Юга России, 1989–2010 гг. (%)

Но если результатам первой постсоветской переписи, как уже отмечалось, мы в целом можем доверять, то вторая с большой вероятностью недоучла часть армянского населения. В масштабе всей страны «теневая» компонента армянской общины могла со-

ставлять порядка 15–25%. Учитывая, что на Южный макрорегион приходится более половины российских армян, есть все основания полагать, что соответствующая часть этого неучтенного населения концентрировалась на Юге России. В этом случае реальная численность армян здесь могла составлять в 2010 гг. порядка 730–790 тыс. человек.

Для подобного вывода можно найти и другие косвенные подтверждения. Заметим, что только в результате естественного прироста число армян в 2010 г. в макрорегионе должно было превысить 640 тыс. человек. При этом, за 2002–2010 гг. по официальным данным чистый приток населения из Армении на Юг России составил около 44 тыс. человек. Что должно было увеличить общину до 685–690 тысяч.

С учетом же неучтенной миграции цифра в 730 тыс. (и более значительная) представляется вполне реальной для общей оценки количественного формата южнороссийского армянского массива. Другое дело, что это число в любом случае существенно меньше гигантских тех, что циркулируют в Интернете, но нередко попадающих и в научные публикации.

Проиллюстрируем примерами только из одного сборника статей. Один из авторов, ссылаясь на ряд источников (в т.ч. газету краевого отделения Союза армян РФ), называет как возможную для кубанской общины цифру в 500 тыс. человек, а ставропольскую оценивает в 400 тысяч¹. Другой автор определяет численность современной донской общины в 300 тысяч². Тем самым, только три перечисленные южнороссийские общины в сумме (1,2 млн. человек) оказываются больше, чем все зафиксированное последней переписью российское сообщество армян.

¹ Арутюнян М.А. Влияние агрессии Азербайджана против Нагорного Карабаха на миграционные потоки армян-беженцев на юг России. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 127–128.

² Сурмалян А.А. Из истории армянской общины на Дону. Аспекты общественно-политической деятельности. // Там же, С. 202.

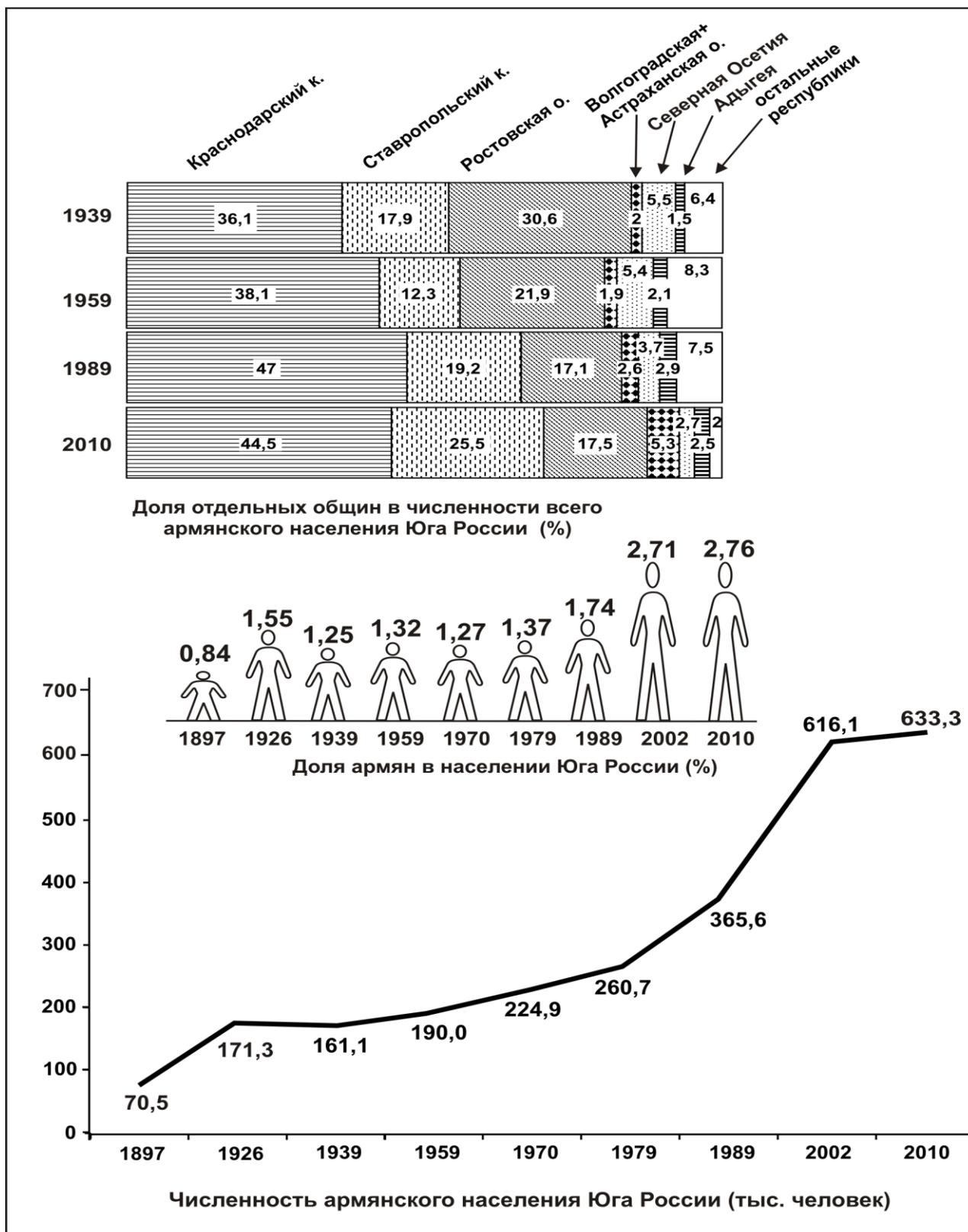

Рис. 1.23. Динамика армянского населения Юга России (конец XIX – начало XXI века)

Но даже исключив очевидную мифологическую компоненту, мы все равно получаем огромный демографический массив. И если удельный вес Юга России в российской общине армян за

последние 25 лет несколько сократился, то в пределах всего «постсоветского армянского сообщества он значительно вырос.

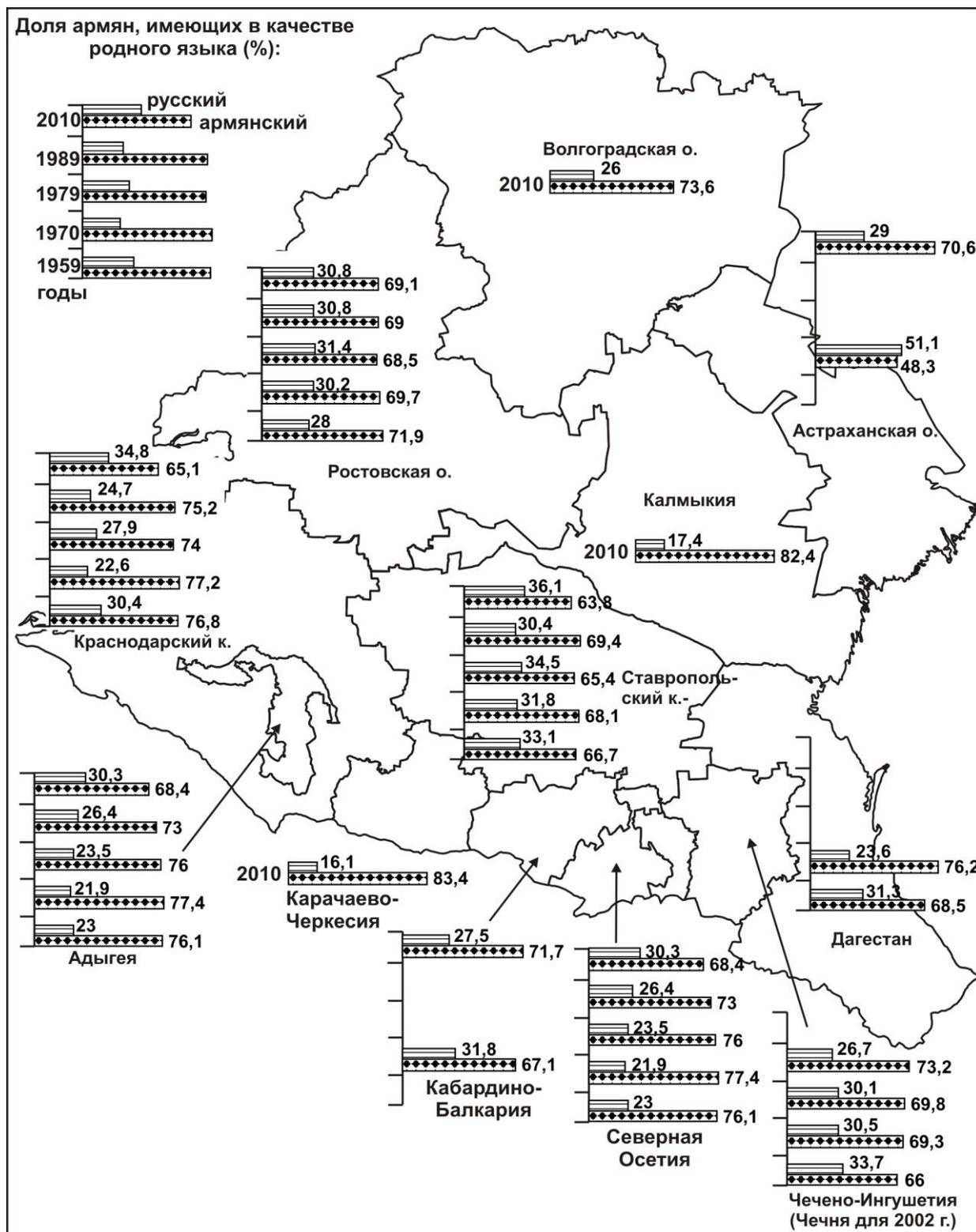

Рис. 1.24. Родные языки представителей региональных диаспор Юга России, 1959 -2010 гг. (%)

В начале XXI в. на Южный макрорегион РФ приходилось около 13% всего армянского населения бывшего СССР (против 7,9% в 1989 году). А территориальная компактность «ядерной» зоны южнороссийской системы расселения армян¹ позволяет говорить о самом крупном за пределами Армении районе их проживания.

Учитывая их общую численность и удельный вес, есть все основания полагать, что развитие значительного числа территориальных сообществ (городских центров и целых административных районов) степного Предкавказья в XXI в. представляет процесс складывания и функционирования комплексного русско-армянского симбиоза, охватывающего основные сферы жизнедеятельности местных социумов.

При этом необходимо учитывать внутреннюю проблематику южнороссийского армянского массива. Огромное количество мигрантов существенным образом изменило расселенческие, этнокультурные и социoproфессиональные характеристики региональных общин. Прибывшие относились к разным территориальным и субэтническим группам армянского народа, обнаруживая существенные диалектные, социокультурные, ментальные и даже фенотипические отличия, как друг от друга, так и от старожильческого части диаспор. Тем самым, и без того сложный процесс комплексной интеграции мигрантов в принимающие социумы еще более осложнялся необходимостью взаимной притирки различных групп армянского населения.

По мнению авторов одного из комплексных социологических исследований армянской общины Юга России, в составе последней в настоящее время можно выделить пять подгрупп:

- армяне, мигрировавшие из самой Армении («армянские» армяне);

- «бакинские армяне», прибывшие из Азербайджана, в основном из Баку (по мнению авторов к этой же группе примы-

¹ Почти 88% всех армян Южного макрорегиона сосредоточено в трех регионах Степного Предкавказья, а еще точнее – в пределах Краснодарского края, на юго-западе Ростовской области, в значительном ряде районов Ставрополя, включая столицу края с окрестностями и КМВ.

кают мигранты из Нагорного Карабаха, а также выходцы из Грузии и других кавказских республик);

- «среднеазиатские армяне» - мигранты из бывших союзных республик Средней Азии (в основном Казахстана, Туркменистана, реже – из Таджикистана).

- «русские армяне» (представители общины с высоким уровнем культурно-языковой русификации);

- трудовые мигранты – группа определяемая не столько территорией своего выхода, сколько ориентацией на заработок и временное пребывание в пределах Юга России, а следовательно, не имеющая установок на интеграцию в принимающее общество¹.

Как представляется, данная классификация нуждается в определенной содержательной корректировке. Прежде всего, в ней, по сути, никаким образом не выделяется старожильческое население региональных общин, прожившее в своих социумах многие десятки (если не сотни) лет.

Можно было бы подумать, что таковым авторы исследования считают четвертую из выделенных ими подгрупп – то есть, «русских армян». Однако сами они этого не оговаривают. Но что важнее, далеко не всё старожильческое население общин является глубоко русифицированным. Значительная часть региональных старожилков сохраняет верность армянскому языку, национальной культуре и традициям своего народа. Тем самым, о совпадении данных двух демографических множеств – территориальных старожилков и южнороссийских русифицированных армян не может быть и речи.

Недостаточно корректным представляется и «оптовое» включение в состав группы «бакинских» армян выходцев из всех регионов Закавказья (за исключением Армении) и Северного Кавказа. Тем более, что речь идет о мигрантах местом выхода кото-

¹ Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов-на-Дону, 2011, С. 17–21.

рых могли быть как крупные центры, так и малые города или сельская местность. Несколько сомнительным выглядит и выделение в качестве самостоятельной группы среднеазиатских армян. Поскольку речь идет о весьма незначительной прослойке в составе постсоветской миграционной волны.

Как представляется, классификация современного армянского массива Юга России в общем виде может включать следующие группы населения:

1. Старожилов – укорененное население, период пребывания которого в пределах местных сообществ насчитывает не одно поколение или по крайней мере десятки лет.

2. Постсоветских мигрантов-горожан – группу, включающую выходцев из крупных центров Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии (помимо бакинских армян к этой группе в полной мере относятся переселенцы из Тбилиси, Грозного и других больших городов, включая среднеазиатские). Учитывая высокий административный статус таких крупных центров, данную группу армянской миграции можно было бы условно обозначить и как «столичную». Представителей ее, как правило, отличает высокий уровень образования и повышенная степень культурно-языкового обрусения.

3. Мигрантов из Армении, прибывших на Юг России в 1990-е годы. Среди них имеет смысл выделять «ереванцев» и сельских/малгородских переселенцев, различающихся материальными возможностями, социальным статусом и уровнем социокультурного развития, но схожих высокой степенью этничности и сознанием своей истинной «армянскости». К этой же группе, очевидно, примыкает и группа карабахских армян, также отличающихся этнокультурным традиционализмом (а в 1990-е гг. и максимальным среди всех выделяемых групп уровнем национального патриотизма).

4. Трудовых мигрантов 2000-х гг. (периода политической и социально-экономической стабилизации всего постсоветского пространства), прибывающих на Юг России преимущественно из Армении и зачастую ориентированных на временное пребывание в пределах принимающих регионов.

Подобная классификация, заметим, не исключает возможности и других, в том числе и схемы, использующей в качестве основного принципа структуризации армянского миграционного массива именно географический фактор. В этом случае в составе данного массива, можно выделить ереванских, бакинских, тбилисских, грозненских, карабахских, среднеазиатских армян.

Но едва ли имеет смысл серьезно увлекаться чисто классификационными штудиями. Поскольку любая из возможных схем будет существенно огрублять социоэтнокультурную реальность – сложнейшую мозаику территориальных, расселенческих, субэтнических, социокультурных групп армянского населения, в настоящее время присутствующего на Юге России.

Достаточно сложной является и иерархическое соотношение, как и системная композиция различных групп и прослоек армянского населения внутри самих региональных общин. Как известно, в самом общем виде, в структуре диаспоры можно выделить «ядро» и периферию. Ядро диаспоры, формируются представителями общины с «наиболее актуализированной базовой идентичностью, являющихся носителями традиций и ценностно-нормативных установок. Как правило, это лица пользующиеся авторитетом и уважением в общине... основные хранители “этнических ресурсов” – морального, культурного, социального капитала»¹.

По мнению авторов данного исследования, системное ядро армянских диаспор Юга России формируется «армянскими» (то есть, «настоящими») армянами, тесная связь которых с этнической родиной (хорошее знание языка и национальных традиций, «чистота крови»), позволяет им претендовать на ведущие позиции в диаспоре. Действительно, не вызывает сомнения, что постсоветские мигранты из Армении существенно укрепили этнокультурное ядро региональных общин, придав

¹ Указ. соч. С. 16.

им дополнительную прочность и устойчивость к ассимиляционным воздействиям внешней социокультурной среды.

Но очевидно и то, что основной экономической и социальной (статусный) потенциал принадлежит представителям старожильческих групп, притом, что они включают значительную часть в разной степени обрусевшего населения, в том числе армян со сложной, многослойной этнокультурной самоидентификацией. Иными словами, этнокультурный и социально-экономический капитал распределяется между различными составными группами региональных общин неравномерно. Что еще более усложняет их взаимную диспозицию. Тем более, что на последнюю оказывают серьезное воздействие и многие внешние факторы¹.

Обширность и определенная внутренняя структурная разнородность ведущих региональных общин – основная причина их сложной динамики, сочетающей консолидационные и центробежные тенденции. С одной стороны, каждая из выделенных групп имеет свой набор и свое соотношение идентичностей; с другой – по-разному позиционирует себя не только по отношению к другим группам местных армян, но и к принимающему сообществу; демонстрирует разную степень социоэтнокультурной открытости внешнему окружению и способности/желания в него интегрироваться. Наконец, не следует забывать и того, что основной наплыв мигрантов пришелся на самый сложный период реформирования постсоветской России.

С учетом этих обстоятельств повышенный уровень межнациональной напряженности в местах массовой концентрации переселенцев был неизбежностью. Однако известный его подъем, зафиксированный в 1990-е гг., учитывая его ограниченные масшта-

¹ К примеру, военный конфликт в Нагорном Карабахе, выступавший средоточием противоречий между Арменией и Азербайджаном позволял карабахским переселенцам в 1990-е гг. претендовать в ряде южнороссийских общин на лидерские позиции; роль этнокультурного авангарда, мобилизующего и консолидирующего местное армянское население. Поступательная дезактуализация конфликта привела к размыванию данного психологического комплекса и утрате соответствующих претензий.

бы, скорее свидетельствовал о повышенном уровне системной социокультурной и психоментальной совместимости армян и славянского большинства принимающих социумов. Комплексная (психоментальная, социально-экономическая, социокультурная) «притирка» еще не завершена, что в частности фиксируется и данными социологических опросов, проведенных в последние годы (табл.1.4).

Табл. 1.4

Чувствовали ли Вы на себе за последний год проявления предрассудков или агрессии из-за вашей национальности?¹

Варианты ответов	Ростовская область			Краснодарский край		
	Общее	Город	Село	Общее	Город	Село
Да, несколько раз.	5,0	0	10,5	20,3	23,9	13,4
Да, один раз.	7,5	4,8	10,5	12,2	11,6	13,4
Нет, ни разу.	85,0	95,2	73,7	57,8	53,5	65,9
Затруднились	2,5	0	5,3	9,7	11,0	7,3

Но очевидно и то, что встречное движение идет с обеих сторон контактной связки, причем значительная часть работы самих региональных диаспор, как и принимающих социумов по интеграции и укоренению обширной группы армянских мигрантов постсоветской миграционной волны, уже проделана.

¹ Таблица взята из: Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов-на-Дону, 2011, С. 106, 120.

Глава 2

Армяне на Дону и в степном Предкавказье

2.1. Армяне Дона

Античность и средневековье

Описывать историю донских армян принято начинать с последней четверти XVIII века. И для этого есть резонные основания. Именно в это время в области нижнего Подонья появляются значительные группы армянского населения, а его участие в разных сферах жизнедеятельности регионального общества становится устойчивым и весьма ощутимым.

Но хорошо известно и то, что корни армянского этнического присутствия на донской земле уходят в античность и средневековье. Строго доказанных фактов этого очень мало. Что вполне закономерно, учитывая крайнюю фрагментарность нашего знания о данных периодах региональной истории. Но это тот случай, когда определенные логические построения и сделанные на их основе предположения самого общего характера представляются вполне корректными и, скорее всего, имеющими отношение к историческим реалиям.

Очевидно, что отдельные выходцы из армянского этнокультурного ареала могли оказываться в античных центрах Приазовья (прежде всего, в Танаисе), как и в пределах местных кочевых социумов. Своей сложностью и непредсказуемостью отличались не только маршруты предметов человеческой деятельности, но и жизненные траектории самих людей.

Рабское положение или торговый интерес, военная служба или тяга к путешествиям – причины, способные «занести» древнего армянина в пределы нижнего или среднего Подонья могли быть самыми разными. Но очевидно и то, что такие случайные попадания в местные сообщества были единичны. Можно только предположить, что более частыми они были для самого Танаиса, способного привлекать армянских торговцев и ремесленников.

Впрочем, и в этом крупнейшем центре нижнего Дона в это время армяне едва ли формируют даже небольшую группу городского населения. Что касается присутствия армян в степных сообществах Приазовья и Подонья этого времени, то очевидно, что в большинстве случаев речь также могла идти только об одиночках. Они могли попадать в местные социумы на короткое время или многие годы, если не на всю жизнь; могли оставаться «чужаками» или каким-то образом интегрироваться в принявшие их сообщества. Но оставшись без всякой связи с единоплеменниками, они не участвовали в расширении ареала расселения армянского сообщества, не способствовали укреплению его экономических и культурных связей с другими народами и племенами.

Информация об устойчивом присутствии армян на территории Приазовья относится уже к средневековью – времени становления и развития Азака¹, нового центра торговли и ремесла, сменившего в этом качестве на нижнем Дону античный Танаис. «В памятной записи одной из рукописей ереванского Матенадарана засвидетельствовано переселение в 1299 г. в город Азак (Азов) армянской общины, которая из года в год пополнялась за счет жителей Армении и Крыма. В начале XIV в. в Азове уже была построена церковь св. Григория Просветителя... Армянская община просуществовала в городе, по крайней мере, до погрома 1395 г., устроенного Тимуром»².

Наличие церкви указывает, что число армян в Азаке XIV в. должно было составлять хотя бы несколько десятков человек. Но

¹ Конечно, армяне могли время от времени оказываться и в других центрах, существовавших на Дону несколькими столетиями раньше. В частности, армянские купцы могли заходить в Саркел-Шаркил (Белую Вежу), хазарский центр расположенный вблизи Переволоки (в настоящее время на дне Цимлянского моря). Город являлся важным звеном на торговом пути, ведущем с Дона на Волгу. Однако такие, практически неизбежные посещения центра купцами (в том числе и армянскими), следовавшими данным маршрутом, совсем необязательно оборачивались возникновением устойчивых групп.

² Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России. Пятигорск, 2005. URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/4-istoriya-armyanskikh-poselenij-na-yuge-rossii.html>

средневековые города отличались малым размером. Очень крупным считался центр с 10-тысячным населением. Едва ли Азак выходил на этот уровень, скорее всего, ограничиваясь 4–7 тыс. (если не 2–3 тыс.) жителей. Иными словами, даже община в 30–50 человек (до десятка семей) могла составлять 1–1,5 % его населения и быть весьма различной в жизни города.

Известно и то, что существование ее оказалось ограниченным во времени. В самом конце XIV в., после нашествия Тимура или же в следующем XV в. (в связи с завоеванием Османской империей, расположенной в этих же территориальных пределах италийской городской колонии Таны), армянская диаспора прекратила свое существование. По крайней мере, переписи населения Кафинского санджака, к которому в это время относился османский Азак, не обнаруживали армян среди его постоянных жителей в 1488–1489, 1497–1510, 1529 и 1545 годах¹.

Впрочем, как резонно замечает П.А. Аваков: «учитывая важное торговое значение этого города-крепости в конце XIV–XVI в. и принимая во внимание факт наличия многочисленного армянского населения в Кафе и других причерноморских городах, сомневаться в том, что армянские купцы посещали Азак в этот период, не приходится»². Данное положение, могло оказаться весьма устойчивым. По мнению Авакова армяне не имели постоянной общины в Азаке на протяжении не только XVI, но и всего XVII века.

Но имеется и другая точка зрения. Ее, в частности, разделяет донской историк Б.В. Чеботарев, нашедший факты проживания армян в Азове в середине данного столетия. По подсчетам другого историка П. Буткова, при взятии Азова донскими казаками 1636 г. в нем насчитывалось 63 семьи ар-

¹ Veinstein G. La population de sud de la Crimée au debut de la domination Ottomane // Memorial Omer Lutfi Barcan / Bibliotheque de l'Institut française d'études anatoliennes d'Istanbul. Fis.28. Paris, 1980. Tab. V, VI, VII, VIII, IX; Бурлака В.О. Азов – северный порт Османской империи. Конец XV –XVI вв. // Очерки истории Азова. Вып. 5. Азов, 2000, С 53 – 55.

² Аваков П.А. Армяне на Дону в XVII–XVIII вв. (до 1779 г.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 120.

мянских и греческих купцов¹. Как правило (об этом свидетельствует соответствующая статистика), численность армянских и греческих торговцев в приморских центрах Азово-Черноморского бассейна оказывалась более-менее сопоставимой. Тем самым, если утверждение Бутова соответствует исторической действительности, армянская община Азака в данное время могла составлять 25-40 семей (то есть 120-200 человек) – не менее 3-4 % городского населения.

Но даже если, армянской общины в Азаке не было или она являлась, своего рода, «эфемероидом» многократно возникавшим и прекращавшим свое существование (нередкое явление в системе расселения армянской диаспоры), несомненно, то что множество армянских купцов посещало данный центр с торговыми целями. А частота данных визитов зависела от суммы политических и социально-экономических факторов, определявших общую активность жизни этого транзитного центра и пульсировала вместе с ней.

Имперский период

Продолжались приезды армянских купцов и после включения Азова в состав России (1696 г.), оказавшегося на данном этапе недолговременным. Уже в 1711 г. после неудачного Прутского похода Россия была вынуждена возвратить приазовский порт Османской империи. Впрочем, на активности транзитной торговли смена государственной принадлежности отражалась мало. Замирая в периоды военных действий, она возобновлялась как только ситуация в Приазовье и на нижнем Дону стабилизировалась. А значит, вновь появлялись в Азове и армянские купцы. И даже если пребывание их в городе было временным, нет оснований исключать возможности задержки некоторых из них на длительные сроки, если не на постоянное проживание.

Была и другая форма появления армян на данных территориях. Речь о присутствии армян, в среде донского казачества. Это мог-

¹ Тикиджьян Р.Г. Основные этапы формирования и трансформации этносоциального сообщества донских армян в конце XVIII – начало XXI века // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 285.

ли быть торговые люди, приезжавшие с товаром в Черкасск. Имелись и случаи вступления армян в число казаков. Подобное явление не было частым. Однако множество свидетельств современников находящихся в распоряжении современной науки, говорит о том, что оно не было исключительной редкостью. В масштабе всего казачьего сообщества Дона можно говорить о десятках армян, поданных Порты и Ирана, которые «были достаточно плотно интегрированы в социально-экономическую жизнь Войска Донского, занимаясь коммерческой деятельностью в войсковом городе Черкасске... Многие из них проживали в Черкасске постоянно, выполняли казачьи повинности, принимали повторное крещение по православному обряду и женились на местных казачках»¹.

Аваков пишет о ситуации начала XVIII века. Но аналогичные случаи оказывания пришлых армян происходили и в предыдущие два столетия, хотя частотность их, скорее всего, была существенно ниже. Учитывая размеры населения казачьего социума, составлявшего, согласно I – II ревизиям (1719–1743 гг.), порядка 58–62 тыс. человек², армянское этническое присутствие на Дону было практически неразличимо (0,03–0,05% жителей)³. Тем более, что «став донскими казаками, «новокрещенные» армяне несомненно во многом утрачивали свою национальную идентичность, так как в реалиях того времени, она отходила второй план по сравнению с принадлежностью к войсковому братству»⁴.

¹ Аваков П.А. Тяжба Аспадур Асканова (из истории социально-экономических отношений на дону в первой четверти XVIII века) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2015, С. 85.

² Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990, С. 77.

³ Мы исходим из предположения, что в первой половине – середине XVIII в. в пределах нижнего и среднего Подонья могло одновременно находиться более двух-трех десятков выходцев из армянского национального сообщества.

⁴ Аваков П.А. Армяне на Дону в XVII–XVIII вв. (до 1779 г.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 124.

Сохранилась данное положение и в третьей четверти XVIII века. Конечно, число армян по разным каналам попадавших в Приазовье и на Дон должно было несколько возрасти. Как и ранее они могли концентрироваться в Азове (повторно включенном в состав России в 1736 г.) и в Черкасске. Но параллельно быстро пошло в рост и местное население – по мере укрепления позиций России в области Причерноморья начинался период активной экономической колонизации края. Согласно III ревизии (1763 г.) на Землях Войска Донского проживало уже более 142 тыс. человек¹.

Еще более ускорился демографический рост донского социума в последних десятилетиях века, на которые и пришлось появление в регионе крупной армянской общины. После присоединения к Российской империи Крыма, указом Екатерины II (ноябрь 1779 г.) армянское население полуострова должно было переселиться в пределы Азовской губернии – в окрестностях крепости Дмитрия Ростовского мигрантам выделялось более 12 тыс. десятин земли. На данной территории был заложен город Нор-Нахичеван (Нахичевань-на-Дону), а также основано несколько сельских поселений (Чалтырь, Топты, Большие и Малые Салы, Несветай, Катеринован).

Переселение из Крыма (локальный сюжет)

Переселение крымских армян на Дон никак нельзя назвать добровольным. Это был один из тех немногочисленных случаев в богатой истории армянской диаспоры, когда армянам пришлось покинуть свое очередное, обустроенное «месторазвитие» не потому, что серьезно возросли притеснения со стороны принявшего их общества и появилась серьезная опасность их жизни и/или имуществу, но в силу внешних обстоятельств. Желание российской власти ослабить торгово-экономический потенциал Крымского ханства стало основной причиной решения вывести из Крыма армян и греков – две крупнейшие и наиболее деятельные общины полуострова .

¹ Кабузан В.М. Указ соч. С. 77.

Крымские армяне в своей массе с большой неохотой покидали «насиженные» веками земли полуострова. Тем более, что место их нового предполагаемого поселения большого энтузиазма вызывать не могло – речь шла о пустынных, неразвитых территориях, которые только предстояло экономически осваивать и «поднимать».

Впрочем, нельзя не отметить, что среди части духовенства и зажиточных горожан (двух самых влиятельных социальных групп местного армянского населения) миграционные намерения были выражены более отчетливо. Однако решающее значение, очевидно, имели геостратегические резоны российской власти, в распоряжении которой имелись такие аргументы (в том числе и силовые), противостоять которым было невозможно. И в августе 1778 г. армяне, собранные из всех городских и сельских общин Крыма, общим числом порядка 12,6 тыс. человек, тронулись в путь.

По первоначально принятому плану переселение не представлялось слишком сложным действием. Выделенное для поселения место располагалось всего в 200-250 км от Крыма, расстояние которое можно было преодолеть за 30-40 дней пути. Однако реальность с планом, как это часто бывает, не совпала.

Рассчитав стратегический эффект «изъятия» у Крымского ханства экономически активного населения, российская власть, явно в недостаточной степени предусмотрела социальные последствия данного решения для самих переселенцев, для которых после прибытия в сентябре 1778 г. «на заранее оговоренное место на Днепре, между реками Самара и Орель не оказалось свободной земли. Переселенцам пришлось суровую землю проведать в чужих краях без теплой одежды и без крыши над головой... Армяне просили отдать им город Екатеринослав с земельными наделами. Чтобы быть ближе к Днепру для торговли и рыбной ловли, но получили отказ. Тогда переселенцы вынуждены были самостоятельно искать новые места для обитания. Делегаты и старшины крымских армян Арутюн, Богос Халибовы и Карапет Асланов весной 1779 г. прибыли на Дон и сами для заселения выбрали слободу – фор-

штадт Полуденки недалеко от крепости Димитрия Ростовского»¹.

Но не менее сложным было получить соответствующее разрешение – потребовались множественные обращения (причем с выходом на высший уровень российской властной иерархии, вплоть до Г.А. Потемкина), прежде чем оно было получено.

Соответствующий указ Екатерины II следует только 14 ноября 1779 года. И соответственно армяне оказываются на нижнем Дону только в 1780 году. Причем, небольшая их часть остается в окрестностях Днепра (будущая Екатеринославская губерния), чтобы через несколько лет (1790 г.) вернуться в Крым. В.А. Микаелян пишет об одной тысяче таких переселенцев.

Итак, после длительной, занявшей около года, остановки следует новая дорога – еще несколько сот километров по почти безжизненным степям. И хотя в пути переселенцам оказывалась определенная помощь (выдавались продукты, одежда, был выделен транспорт, деньги), тяготы переселения оказываются непосильным испытанием для части мигрантов, человеческие потери среди которых были весьма значительными. Как всегда в таких случаях максимально пострадали дети и старики. Достаточно сказать, что в дороге умер предводитель переселенцев – архимандрит Петрос Маркосян.

Точное число мигрантов добравшихся до нижнего Дона неизвестно (данных об этом нет ни в одном официальном документе). И на долю историков остаются только аргументированные тем или иным образом предположения. Принято считать, что дорога могла унести до трети/четверти всех пустившихся в путь. Так по оценке А.Е. Тер-Саркисянц на Дону оказалось 9,05 тыс. армян². Но имеются данные П.С. Палласа за 1793 г. (то есть спустя почти полтора десятилетия после

¹ Малхасян А.Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян. Ростов-на-Дону, 2010, С. 41.

² Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа (с древнейших времен до начала XIX века). М., 2005, С. 389.

переселения), согласно которым общая численность армянского населения Дона составляло только семь тысяч человек.

Впрочем, некоторое сокращение армян в первые годы их пребывания на новом месте было вполне возможным. Тем более, что даже «после переселения на Дон они долго не могли забыть свою вторую Родину – Крым и многие годы хранили надежду когда-нибудь туда вернуться. Многие пытались бежать в Крым, некоторым это удавалось»¹. Не следует забывать и того, что сокращение числа армян прибывших на Дон с сравнении с их количеством, вышедшим с полуострова было связано не только с человеческими потерями во время тяжелого пути, но и с отделением некоторых групп от основного массива, в том числе оставшихся в районе Днепра.

Так или иначе, но на Дону оказалась многотысячная масса армянского населения. Она не очень впечатляла в масштабах всей Области войска Донского (порядка 3% жителей). Но в пределах нижнего Подонья армяне с этого времени становятся одним из основных национальных сообществ (до 30% местного населения).

Появление подобного этнического средоточия могло способствовать постепенному расширению ареала расселения армян на донской земле. Но только в долговременной перспективе, для которого могло не хватить и целого столетия. Так и вышло. Весь XIX в. мало изменяет географию диаспоры – она по-прежнему в основном сосредоточена в Нахичевани-на-Дону и окрестных селах. Чем дальше располагался район Области войска Донского от демографического эпицентра общины, тем меньше в нем было армян (в большинстве даже крупных сельских поселений региона их просто не было)².

¹ Малхасян. Указ соч., С. 42.

² К тому же «до самого конца XIX в. армянская диаспора была отделена от казачьих поселений административной границей и перечнем “дозволенного”... Самодостаточность и отчужденность казачьего и армянского миров находят свое подтверждение и в мемуарной литературе, материалах периодической печати. Складывается впечатление, что еще долго после присоединения к Области войска Донского армянских сел и Нахичевани в

Но если география донских армян почти не шла вширь, то численность их на протяжении столетия постепенно возрастала. Демографическая статистика общины для последнего столетия императорской России достаточно ограничена. Но и она иллюстрирует поступательный рост всех армянских сельских поселений, заложенных в конце XVIII века.

Как видим (рис. 2.1), в течение столетия их размеры увеличились на математический порядок. При этом именно крупнейшие поселения Чалтырь и Крым, увеличились в максимальной степени (в 15 и 13 раз соответственно). Однако, несмотря на столь существенный рост, население их в целом сохранило моноэтнический облик.

Куда сложнее оценить демографическую динамику Нахичевани-на-Дону, данные о численности населения, которой почти отсутствуют. Известно (данные П.С. Палласа), что при основании на рубеже 1780-х гг. населения города составляло около трех тысяч человек. К 1793 г. оно выросло до 5,5 тысяч. Но имеется информация, что в 1811 г. город имел около 4 тыс. жителей. Если это так, нам придется констатировать определенное сокращение числа жителей Нахичевани. Что совсем не исключено, учитывая резкие пульсации численности населения данного времени, связанные с эпидемиями, войнами, голодом и другими неблагоприятными факторами.

Но даже если предположить, что Нахичевань-на-Дону действительно сократилась в конце XVIII – начале XIX вв. то уже во втором десятилетии этого века ее демографическая динамика

большинстве казачьих станиц армянин оставался фигурой загадочной. Показательный случай произошел с нахичеванскими художниками А. Арцатбаняном и М. Сарьяном, когда они выехали на этюды станицу Каменскую. Местные казаки приняли их за цыган, а рисование станичных мальчишек – за особый вид наведения порчи. От побоев живописцев спасло только вмешательство полиции. Было это между 1894 и 1900 гг.» [Власкина Т.Ю. Образ армянина в традиционной картине мира донских казаков // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 154].

снова пошла вверх. Согласно П.С. Малхасяну в 1823 г. население города, остававшегося, заметим, практически моноэтническим составляло 10,74 тыс. человек¹.

Если данная цифра соответствует действительности, Нахичевань в это время – крупнейшее средоточие армянского населения не только на Юге России, но и в пределах всей Российской империи. Но не исключено и то, что в данном случае мы имеем дело с завышенным показателем.

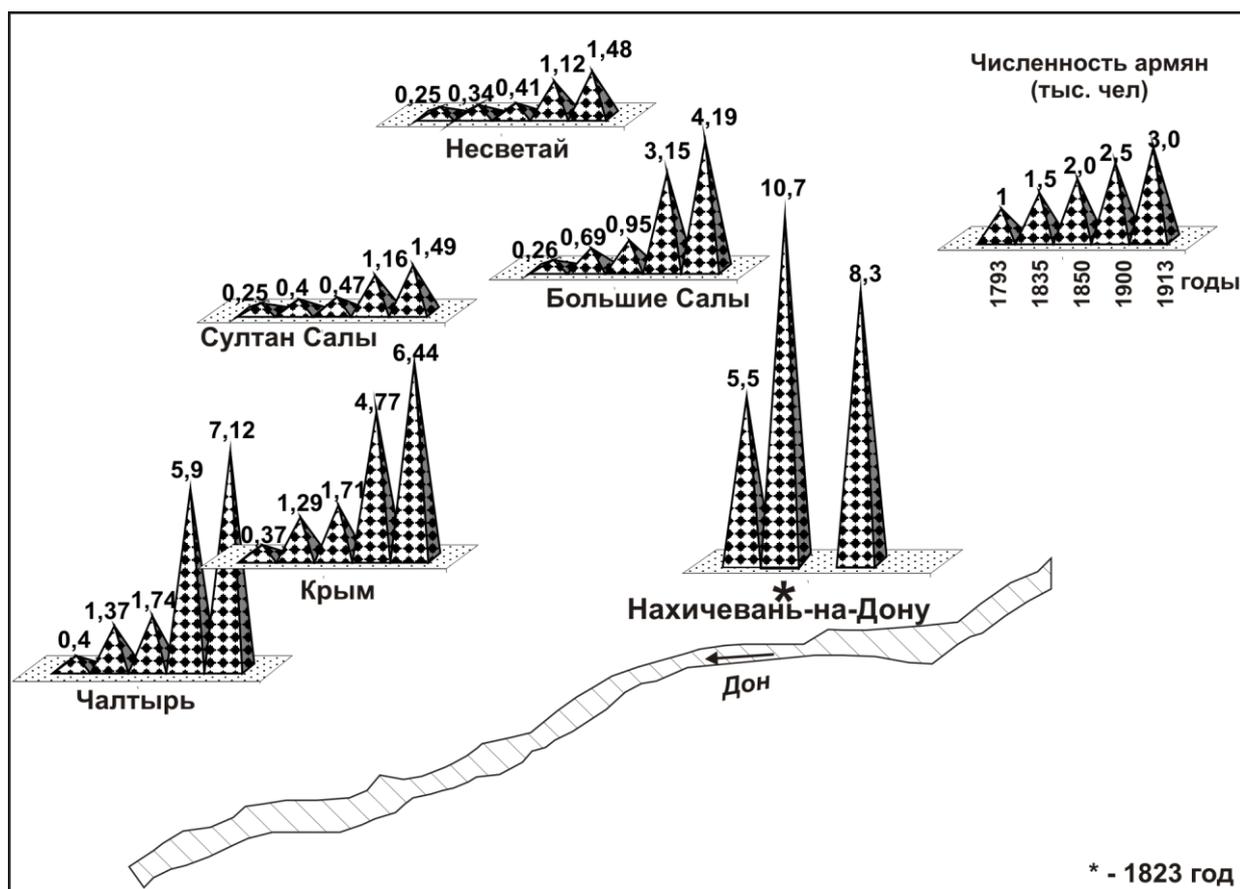

Рис. 2.1. Динамика численности армянских общин нижнего Дона, 1793-1913 (тыс. чел.)²

Укажем, в частности, что по переписи 1897 г. число армян в донской Нахичевани составило только 8,3 тыс. человек, то есть почти на четверть меньше, чем за 70 с лишним лет до нее. Конечно этнокультурная история армянских городских

¹ Малхасян. Указ соч. С. 58.

² Составлена по материалам: А.Е. Тер-Саркисянц А.Е. Армяне – история и этнокультурные традиции. М., 1998, С. 312; Малхасян А.Г. Указ соч. С. 58, 63.

общин Юга России XIX в. дает нам множество примеров нисходящей демографической динамики (некоторые из них рассмотрены в следующих параграфах). Но случай Нахичевани не из таких. Известно, что в 1820–1860-е гг. развиваясь экономически и социокультурно, она «превратилась в полноценный процветающий город юга России, в тот период явно опережая по всем показателям соседние Ростов, Таганрог, Мариуполь»¹. Несомненно и то, что город в первой половине XIX в. оставался почти исключительно армянским поселением. Положение начинает меняться только во второй половине века. И чем ближе к его концу, тем сильнее. Детальней данный процесс нарастающей полиэтнизации (а точнее – русификации) Нахичевани-на-Дону будет рассмотрен дальше. Но в любом случае число армян в городе в 1820-1890-е гг. с большой вероятностью должно было возрасти, а не сократиться.

Очевидно, что сложный вид могла иметь демографическая динамика и всей региональной общины. Хотя после колебательного тренда свойственного для последней четверти XVIII в., она должна была постепенно забирать вверх. По крайней мере, за период 1793–1823 гг., число армян на Дону выросло почти в два раза – с 7 до 13,8 тыс. человек. А Первая имперская перепись населения 1897 г. обнаружила в пределах Области войска Донского 27,2 тыс. армянского населения.

Иными словами, за период 1793–1897 гг. областная диаспора выросла почти в четыре раза. Казалось бы неплохой показатель. Однако численность населения всей Области войска Донского за 1795–1897 гг. выросла более чем в семь раз (с 352 тыс. до 2,56 млн. человек). Что указывает на различия в способе демографического роста всего регионального сообщества и его армянской общины. Первое в XIX в. росло, как за счет естественной динамики, так и активного миграционного пополнения, а диаспора увеличивалась почти исключительно за

¹ Тикиджьян. Указ соч. 286.

счет своего расширенного воспроизводства. Внешнее пополнение на протяжении века оставалось весьма незначительным.

Как результат, к рубежу XX в. армяне составляли только 1,1% населения Донского края. Впрочем, даже в таком ограниченном формате они являлись пятым народом региона (после русских, украинцев, немцев и калмыков). И, несмотря на опережающий рост армянских общин других регионов Юга России, оставались среди них самой многочисленной группой.

Система расселения диаспоры характеризовалась высоким уровнем урбанизации, превышавшим средний показатель по области в 4,5 раза. Более 56% донских армян проживало в городских центрах – прежде всего в Нахичевани (8,3 тыс. человек) и Ростове (2,2 тыс. человек). Однако же напомним, что уровень урбанизации общины столетием раньше, в первые десятилетия пребывания крымских армян на Дону, был значительно выше, составляя в 1793 г. почти 79%¹. К 1823 г. он практически не изменился (78% горожан).

Иными словами, в отличии практически от всех остальных этнокультурных групп донского края, постепенно осваивавших города и увеличивавших долю своих горожан, армяне на протяжении значительной части XIX в. все более активно осваивали сельскую местность, снижая уровень своей урбанизации.

Действительно, если армянские села выросли в течение века в разы, или даже на математический порядок, то городские общины (прежде всего нахичеванская) были ближе к демографическому равновесию.

При этом опережающий демографический рост сельского присутствия, как уже говорилось, обходился почти без расширения географии данного присутствия. Армяне по-прежнему концен-

¹ Что, в общем, не удивительно, учитывая, что крымские переселенцы, в своей массе были выходцами именно из городов (прежде всего из Кафы, а также трех других центров – Карасу-базара, Бахчисарая, Гезлева/Евпатории). И на новом месте они, естественным образом, тяготели к привычной для себя форме расселения.

трировались в небольшом числе поселений, основанных столетием раньше. Как результат на Ростовский уезд, в котором они были сосредоточены (как и две крупнейшие городские общины – нахичеванская и ростовская) приходилось 25,4 тыс. армян (более 94% представителей региональной общины).

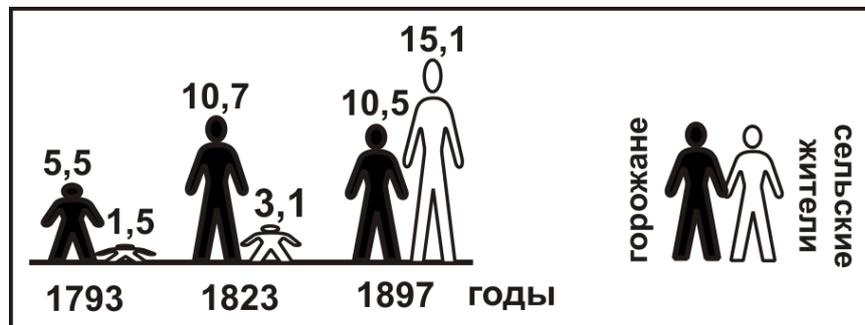

Рис. 2.2. Динамика городского и сельского армянского населения на нижнем Дону, 1793-1897 гг. (тыс. чел.)

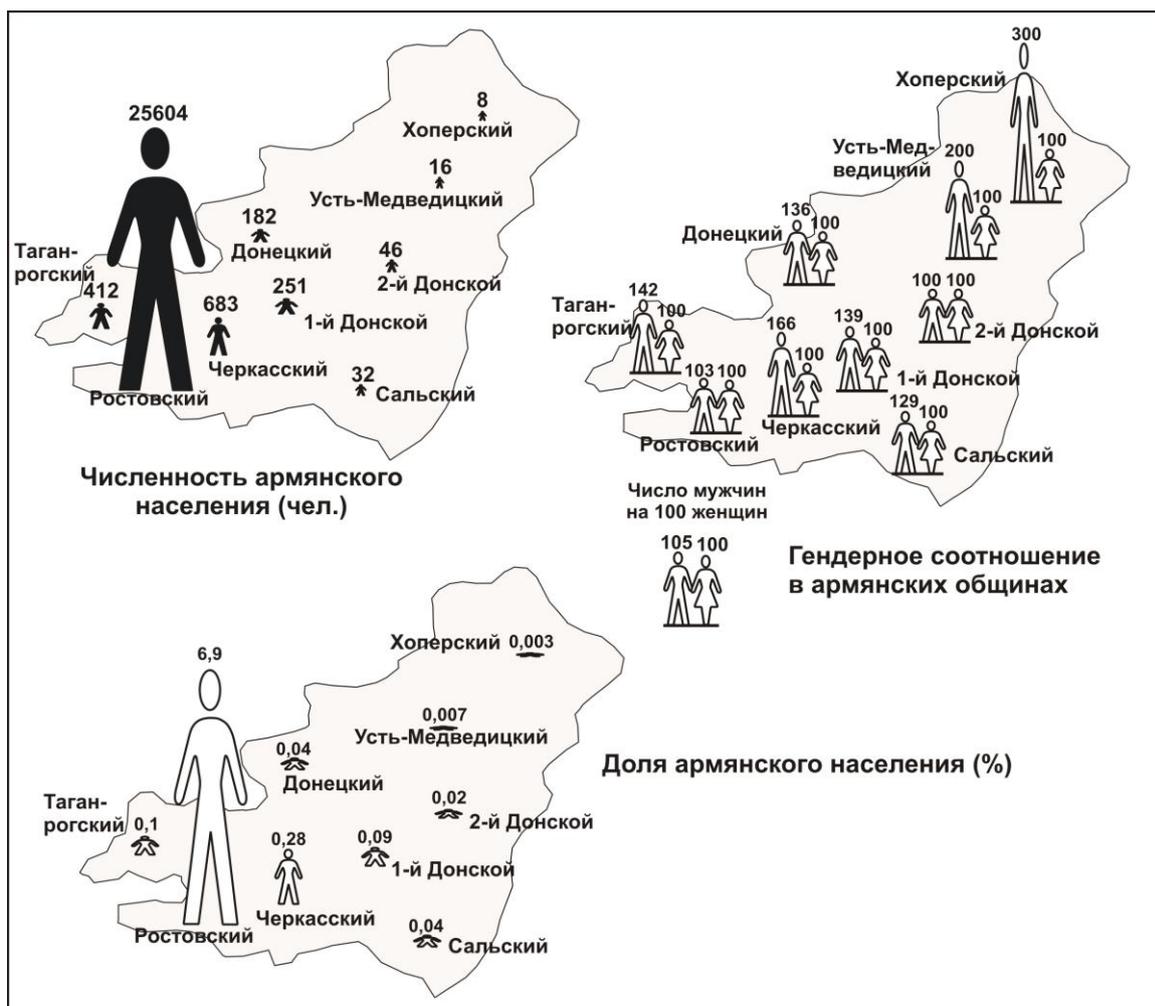

Рис. 2.3. Армянское население по округам Области войска Донского (1897 г.)

Именно в пределах этого территориального ядра армяне вполне укоренились, о чем в частности свидетельствовал и гендерный баланс, отсутствовавший в других округах, обнаруживавших более или менее значительный перевес мужчин среди местного армян армянского населения (очевидный признак неустойчивого состояния территориальной этнической группы).

Показательной была динамика национальной структуры населения Нахичевани-на-Дону, ставшей с момента своего основания, одним из крупнейших средоточий армянского населения на Юге России. Даже сохранив данное качество к рубежу XX в., город постепенно утрачивал свой мононациональный облик. Причем значительно ускорился этот процесс в пореформенные десятилетия, связанные с притоком на Дон большого числа переселенцев из Малороссии и губерний великорусского центра империи. Как результат, к концу XIX в. армяне уже городское меньшинство (29,1% жителей Нахичевани), тогда как на русских приходилось 56,6% ее жителей. Еще более ускорилось «обрусение» нахичеванцев в начале XX века. При этом, в первую очередь речь шла не об ассимиляции армянского населения (хотя проявления данного процесса становятся все заметней), но о притоке все новых мигрантов, неуклонно менявших национальный состав населения города.

Известной спецификой обладала социопрофессиональная структура армян-нахичеванцев, среди которых помимо традиционно высокой доли торговцев и посредников, выделялся высокий процент разнообразных рантье – людей, живущих на доходы с капитала и недвижимого имущества, как и тех, кто существовал на средства родственников, деньги получаемые от казны, общественных организаций и частных лиц.

В Ростове, армянская диаспора которого формировалась, прежде всего, за счет выходцев из сопредельной Нахичевани, торгово-посредническая ориентация армян была выражена куда более отчетливо – в данной сфере подвизалось 2/3 представителей общины (как видим у других крупных национальных групп города этот показатель составлял не более 7-8%, только у евреев подсакивая до 38%).

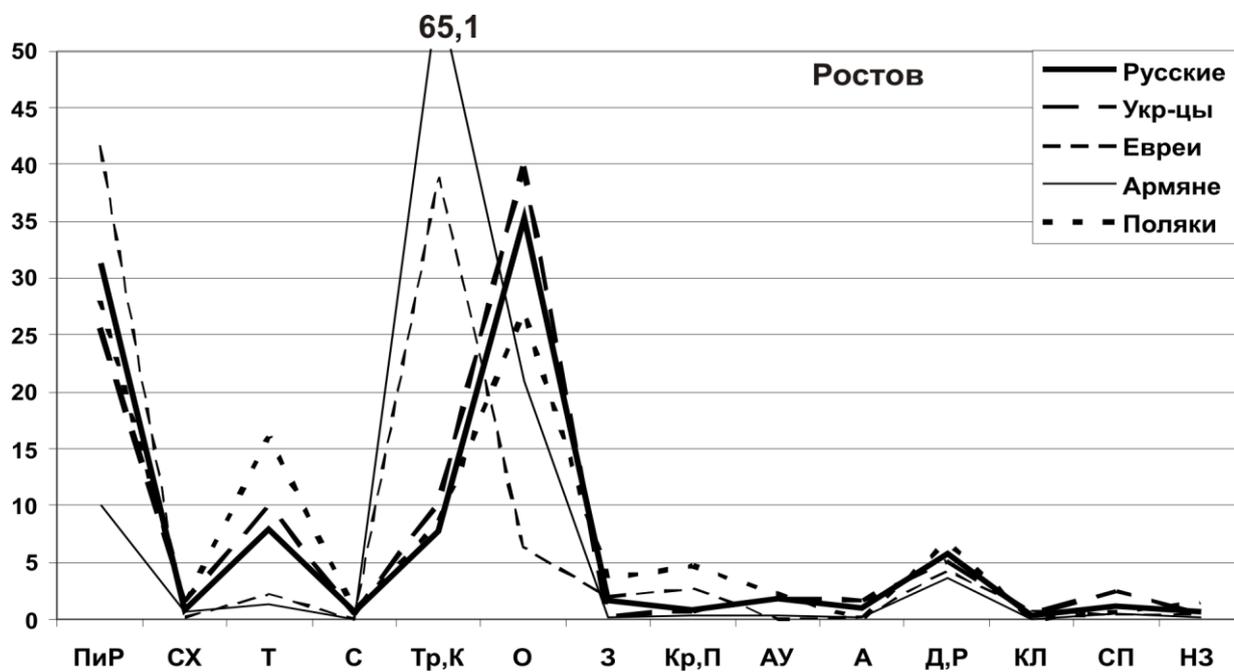
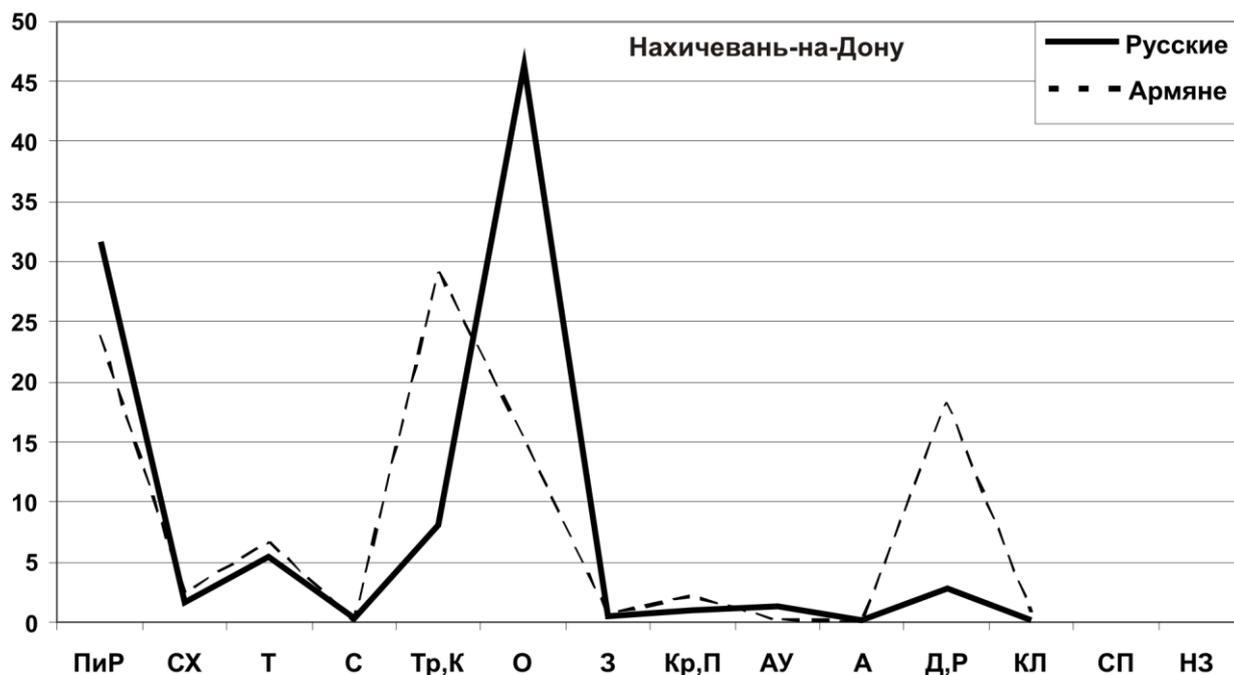

Рис. 2.4. Социопрофессиональная структура ведущих национальностей Нахичевани и Ростова, 1897 г.
(% от общего числа занятых)

К рис. 2.4: ПиР - Промышленность и ремесло; СХ - Сельское хозяйство; Т - Транспорт; С - Связь; Тр, К - Торговля, кредит; О - Обслуживание; З - Здравоохранение; Кр, П - Культура и просвещение; АУ - Административно-управленческий аппарат; А - Армия; Д, Р - Дворяне, рантье; КЛ - Культ; СП - Социальная патология (тюрьма, проституция); НЗ - Лица неопределенных занятий

Количественный рост донской диаспоры заметно ускоряется в начале XX века. Существенную роль в этом играл приток новых мигрантов, в том числе беженцев из Турецкой империи. Хотя большая их часть оседала на Кубани, в Ставропольской губернии и Терской области, увеличилось в 1915–1916 гг. число армян и на Дону.

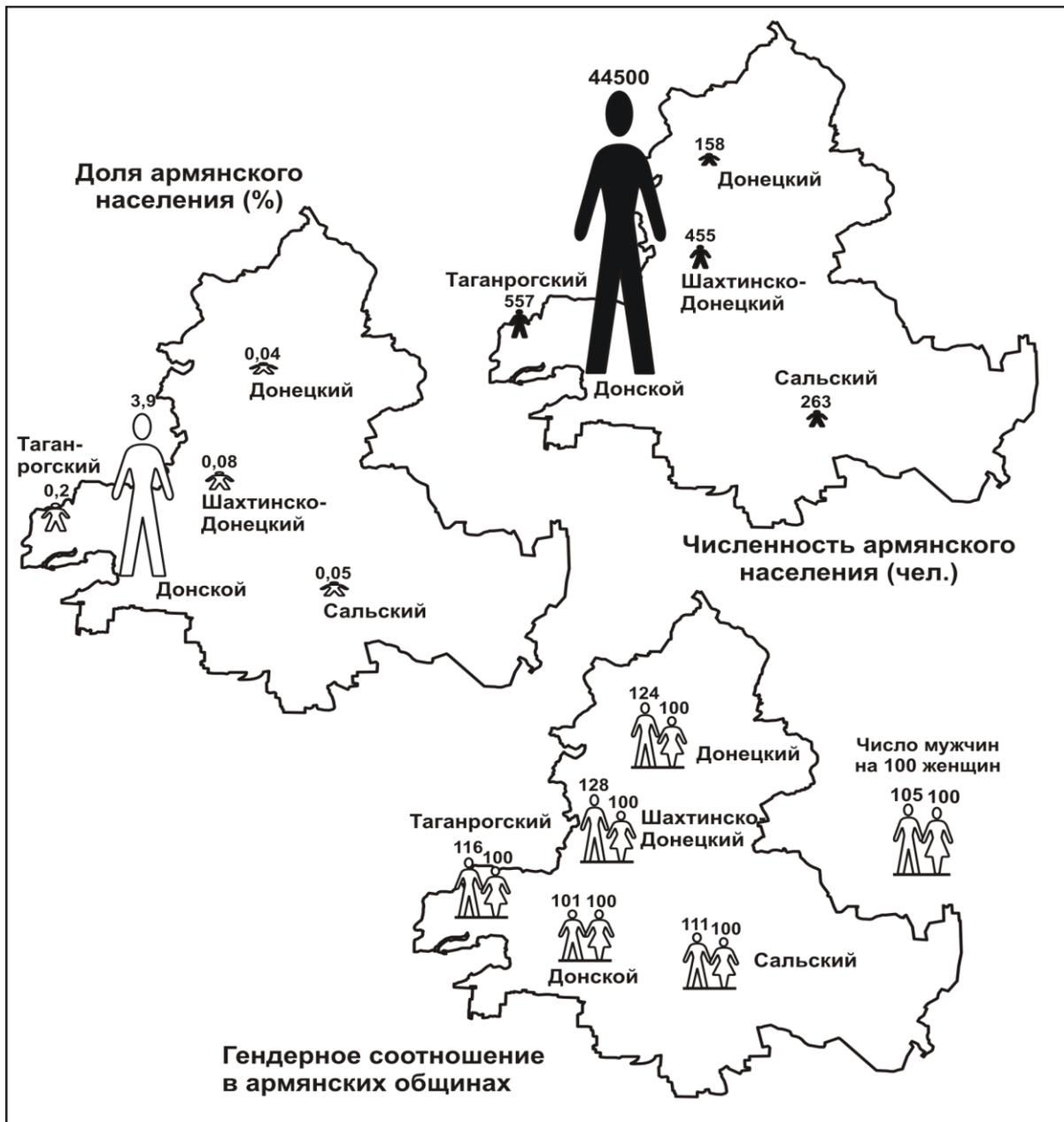

Рис. 2.5. Армянское население Дона по округам (1926 г.)

Советский период

Продолжила пополнилась местная община и в период Гражданской войны. В 1926 г. ее размеры превышали 47 тыс. человек,

и она вышла на третье место в демографическом рейтинге народов Донского края, уступая по численности только русским и украинцам.

Сохранился в первой четверти XX в. и расселенческий ареал донских армян, все так же максимально сконцентрированных в нижнем Подонье (на Ростовский округ по-прежнему приходилось 94% представителей региональной диаспоры)¹. А Ростов, поглотивший Нахичевань-на-Дону стал крупнейшим средоточием армянского населения на всем Юге России (17,6 тыс. человек).

Иными словами в 1920-х гг. завершается период самостоятельного существования армянского городского центра в нижнем Подонье. Его комплексная инкорпорация в состав более крупного поселения была поступательной. Исследователи, как правило, фиксируют этапы социально-экономического и административного поглощения². Процесс же демографической трансформации населения изучен слабо. А имеющаяся статистика носит противоречивый характер. Так, по данным Первой имперской переписи населения, 1897 г. в Нахичевани-на-Дону проживало более 8 тыс. армян, составлявших 29% ее жителей. Иными словами, процесс обрусения города, набравший скорость в пореформенные десятилетия, шел полным ходом и этнокультурная метаморфоза городского сообщества была уже в основном завершена. Но согласно статистическому сборнику «Города России» СПб³ в 1904 г. (то есть спустя семь лет) доля армян в населении Нахичевани-на-Дону все еще составляла 63,8%.

¹ Заметим, однако, что гендерное соотношение армян, проживавших в других округах Донского региона в середине 1920-х гг. указывало на их постепенное вращение в местные сообщества. Мужской перевес, составлявший в них на рубеже XX в. 30–70%, сократился до 15–25%.

² Казаров С.С. Нахичевань-на-Дону в борьбе за сохранение национальной идентичности в начале XX века // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 160-165.

³ «Города России» СПб, 1904 г., С. 210.

При этом их численность превышала 20 тыс. человек (то есть, оказалась в 2,5 раза больше, чем по недавней переписи¹). В аналогичном «городском» сборнике имперской статистики за 1914 г. число нахичеванских армян определяется в 21 тыс. человек (при этом доля их падает до 41%).

Иными словами, согласно данным двум сборникам этнокультурная метаморфоза донской Нахичевани, превращение ее из преимущественно армянского города в русский происходит не в 60-80-е гг. XIX в., но в начале XX столетия. При этом, численность армянского населения оказывается значительно больше, чем это было зафиксировано имперской переписью.

Рис. 2.6. Динамика армянской общины Нахичевани-на-Дону (Пролетарского района г. Ростова), 1780–2002 гг. (тыс. чел, %)

Вопрос, какому из данных статистических источников можно верить? Как представляется, информация полученная во время переписи может быть более точной, поскольку данные по этнокультурной структуре имперских центров, приве-

¹ В Ростове согласно данному сборнику проживает в это время уже 6,1 тыс. армян. Иными словами, их городская община за семь лет (1897-1904 г.) увеличивается втрое.

денные в городских сборниках могли носить оценочный характер.

Учтем и то, что перепись 1926 г. обнаружила во всем Ростове вместе с Нахичеванью всего 17,5 тыс. армян. Тем самым, либо ростово-нахичеванская община, составлявшая в 1914 г. согласно городским статсборникам почти 30 тыс. человек должна была заметно сократиться к 1926 г., либо цифры, помещенные в этих сборниках были завышенными. Последнее предположение нам представляется более вероятным.

Но в любом случае, отдельные остановки и возвратные движения не могли остановить центрального тренда этнодемографической динамики Нахичевани-на-Дону – роста ее русского (и в целом, неармянского) населения. Процесс размывания изначального моноэтнического армянского ядра продолжился уже в составе Ростова, в который Нахичевань вошла в качестве Пролетарского района.

И здесь мы можем наблюдать обратную закономерность – устойчивое воспроизводство известной этнокультурной специфики территориального сообщества, сохраняемой на протяжении всего XX века. Даже утратив черты преимущественно армянского поселения Нахичевань/Пролетарский район по-прежнему характеризуется повышенным удельным весом армян, кратно превышающим уровень их концентрации во всех других районах Ростова. И данное обстоятельство, безусловно, накладывает свой отпечаток на все стороны жизни этого городского района донской столицы.

Перед войной 10,5 тыс. из 24 тыс. ростовских армян (почти 44% городской общины) проживало в Пролетарском районе, составляя 13,7% его жителей. К 1989 г. их число сократилось в районе до 7,3 тыс. человек. Но они по-прежнему составляли 30% ростовских армян и 7,3% населения района.

Первое постсоветское десятилетие связано с быстрым ростом армянского населения во всех районах Ростова. Возрастает их число и в бывшей Нахичевани. Но показательно, что доля Пролетарского района в общей численности городской общины продолжала сокращаться. Новые переселенцы уже, куда в меньшей степени ориентировались на свое исто-

рическое средоточие, расселяясь во всех городских микрорайонах.

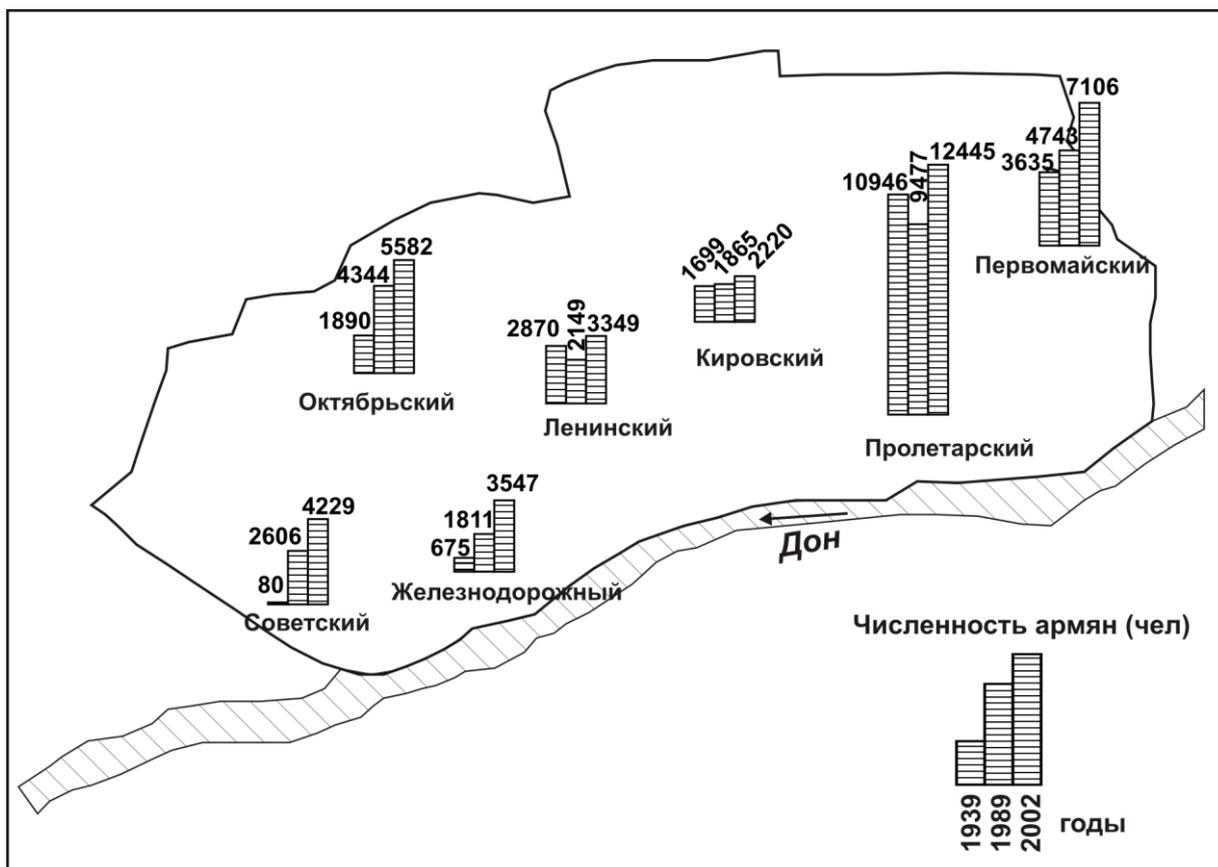

Рис. 2.7. Число армян в различных районах Ростова-на-Дону, 1939-2002 гг. (чел.)

Рис. 2.8. Динамика армянской общины Ростова-на-Дону, 1866–2010 гг. (тыс. чел, %)

Но вернемся к послереволюционным десятилетиям. После быстрого роста в первой четверти XX в. демографический рост региональной диаспоры снова замедляется. Перепись 1939 г. обнаруживает в Ростовской области чуть более 49 тыс. армян, лишь на 5% больше чем в середине 1920-х. На этот же период приходится и определенная пространственная перецентрировка, связанная с ростом ростовской общины – в конце 1930-х гг. в городе уже сосредоточено 24,5 тыс. представителей региональной диаспоры (то есть 50% против 37% в 1926 году). Основная масса сельских армян по-прежнему проживала в окрестностях областного центра, на территории, созданного в 1920-е гг. национально-Мясниковского района, в котором диаспора являлась крупнейшей этнической группой (17,5 тыс. человек – более 70% местного населения).

Война и связанные с ней человеческие потери (как прямые, так и косвенные – миграционный отток и ухудшение воспроизводственных показателей) продлила заминку в восходящей демографической динамике областной диаспоры еще на два десятилетия. В конце 1950-х гг. армян на Дону столько же, как и в середине 1920-х. Только в 1960-е гг. областная диаспора преодолевает 50-тысячную демографическую планку и плавно идет в рост, который практически полностью был связан с расширенным воспроизводством самого старожильческого армянского населения.

Социокультурная и психоментальная дистанция между русскими и армянами оставалась более широкой, чем, к примеру, в русско-украинской этноконтактной связке, что позволяло армянской общине минимизировать свои ассимиляционные потери и сохранять мощное, устойчивое этнокультурное ядро. Достаточно сказать, что в конце советского периода (1989 г.) 69% представителей диаспоры удерживало армянский язык в качестве родного. Тем самым, на этнокультурную периферию общины, заключающую людей с размытой/сложной национальной самоидентификацией, в региональной армянской диаспоре приходилось менее трети ее представителей (рис. 2.10).

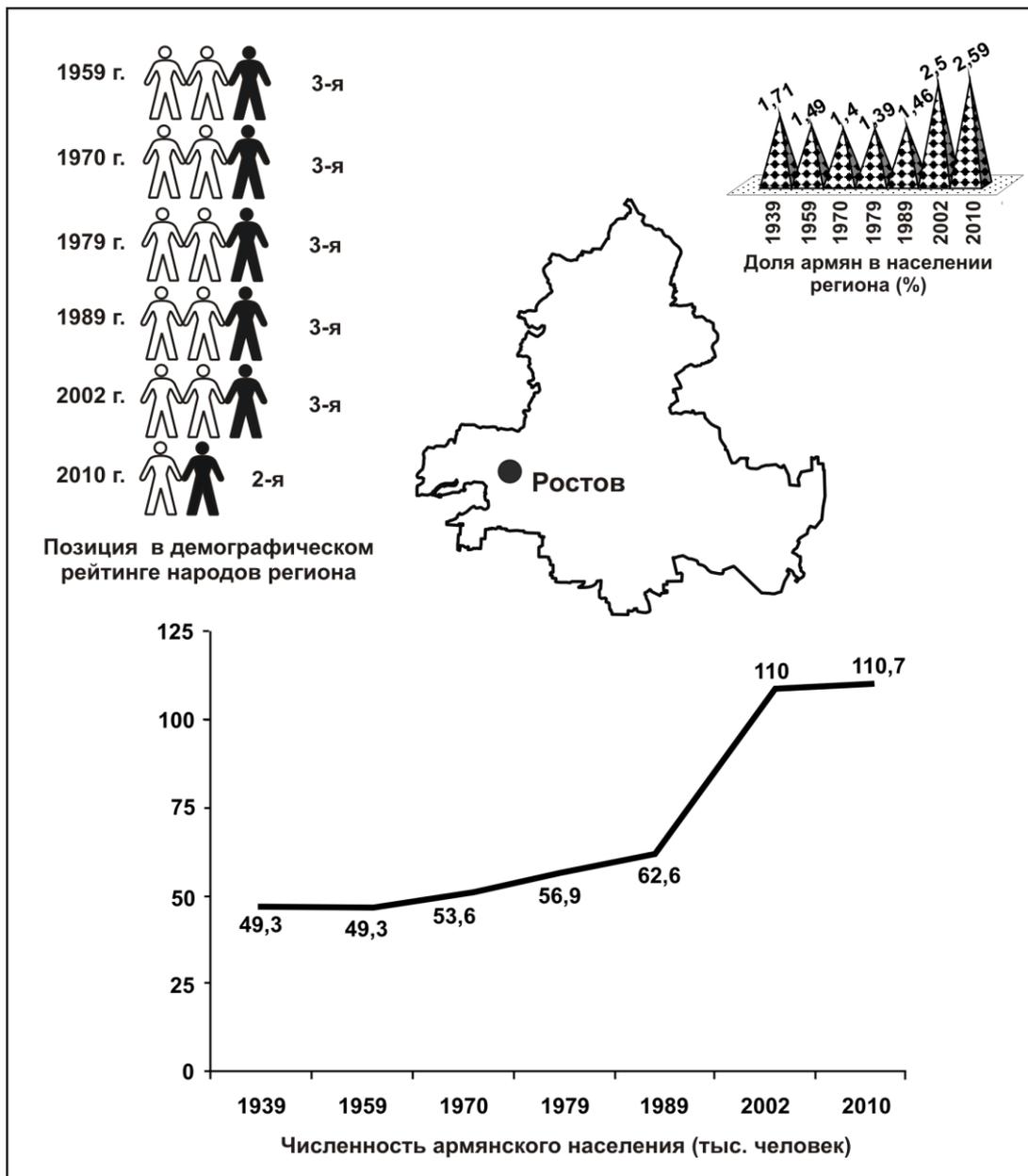

Рис. 2.9. Динамика армянской общины Ростовской области, 1939–2010 гг.

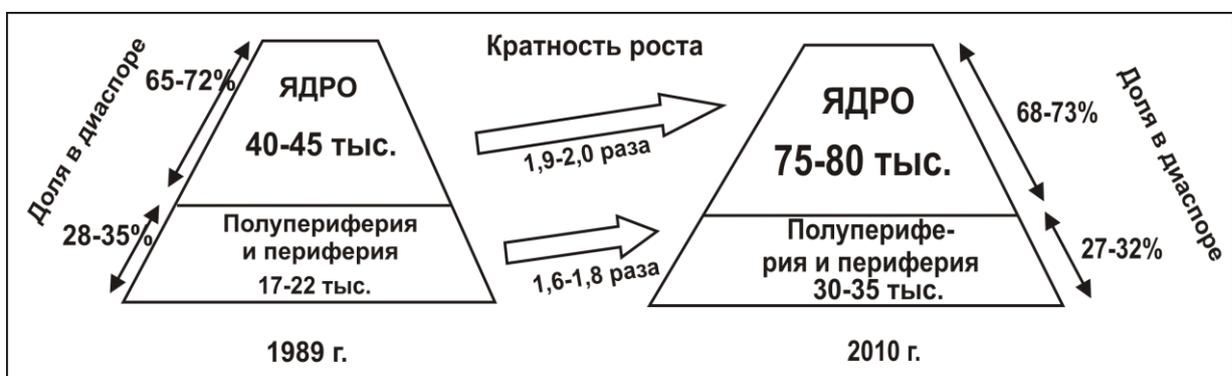

Рис. 2.10. Динамика этнокультурной структуры областной армянской диаспоры, 1989–2010 гг.

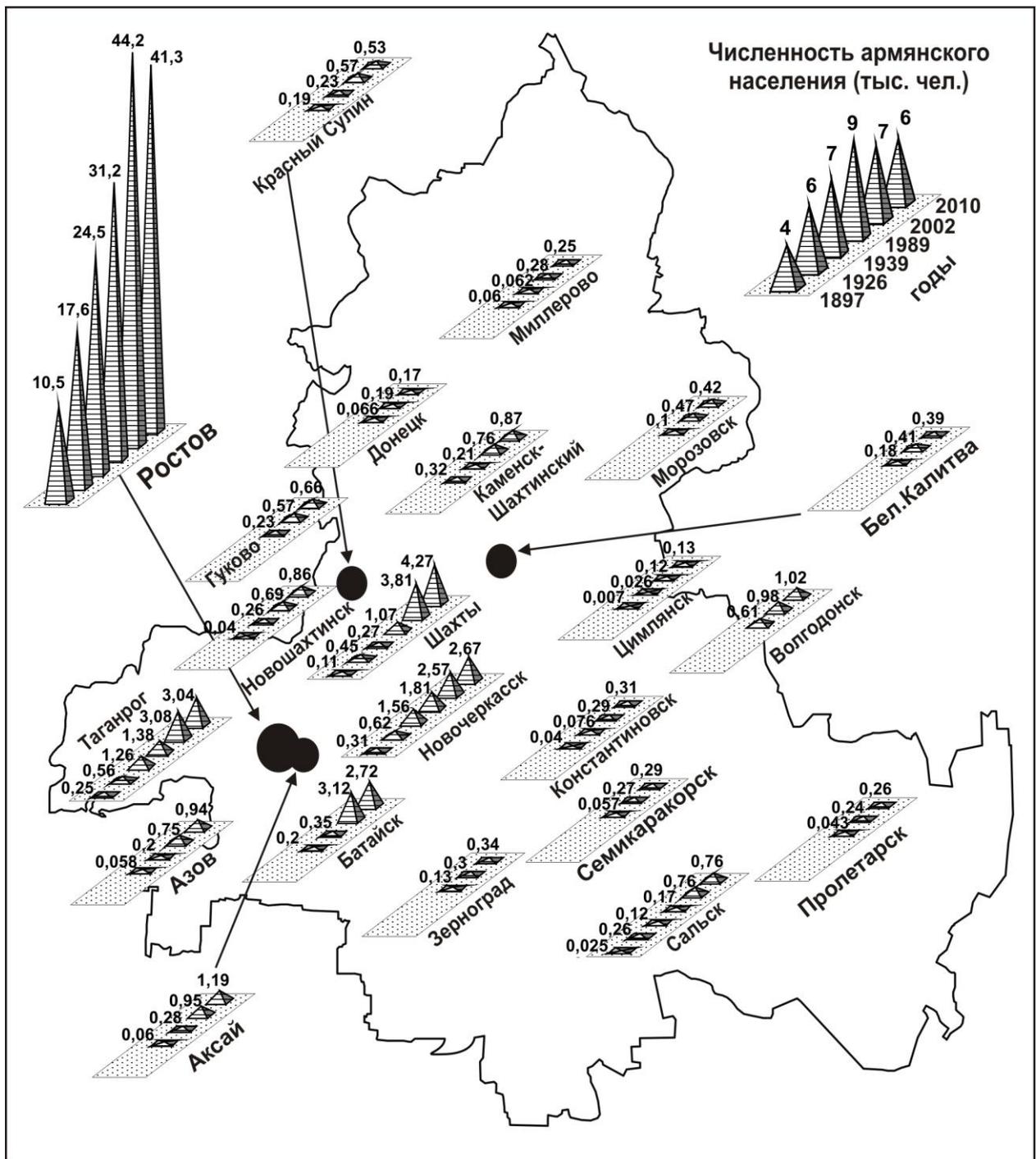

Рис. 2.11. Динамика армянского населения в городах Ростовской области, 1897–2010 гг.

Отсутствие значительного миграционного притока в 1960–1980-е гг. определяло и достаточно высокую устойчивость системы расселения диаспоры. Армяне продолжали концентрироваться в Ростове и на прилегающих к донской столице сельских территориях. На высокую территориальную укорененность общины указывала и стабильность уровня урбанизации (доля горожан все послевоенные десятилетия колебалась в пределах 63–

66%), а также сбалансированный гендерный состав (доля мужчин составляла 49–51%).

Постсоветский период

Демографическая динамика диаспоры в постсоветский период характеризовалась быстрым количественным ростом, связанным с массовой миграцией армянского населения в пределы РФ. Ростовская область (как и ряд других южнороссийских регионов) оказалась в числе эпицентров данной миграционной волны. Только по официальной статистике приток титульных мигрантов из Армении в область составил в 1993–1994 гг. 7,6 тыс., в 1995–1996 гг. – 3,6 тыс., в 1997–2000 гг. – 3,9 тыс. человек.

Рис. 2.12. Районы Ростовской области

Между тем, значительное число армян-переселенцев прибывало и из других республик бывшего СССР, не говоря уже о нелегальной миграции, масштабы которой в первой постсоветское десятилетие, как минимум не уступали официальной компоненте. Как результат, за 1989–2002 гг. размеры армянской диаспоры в области выросли в 1,75 раз (с 62 тыс. до 110 тыс. человек). По

своему размеру она вплотную приблизилась к украинской общине.

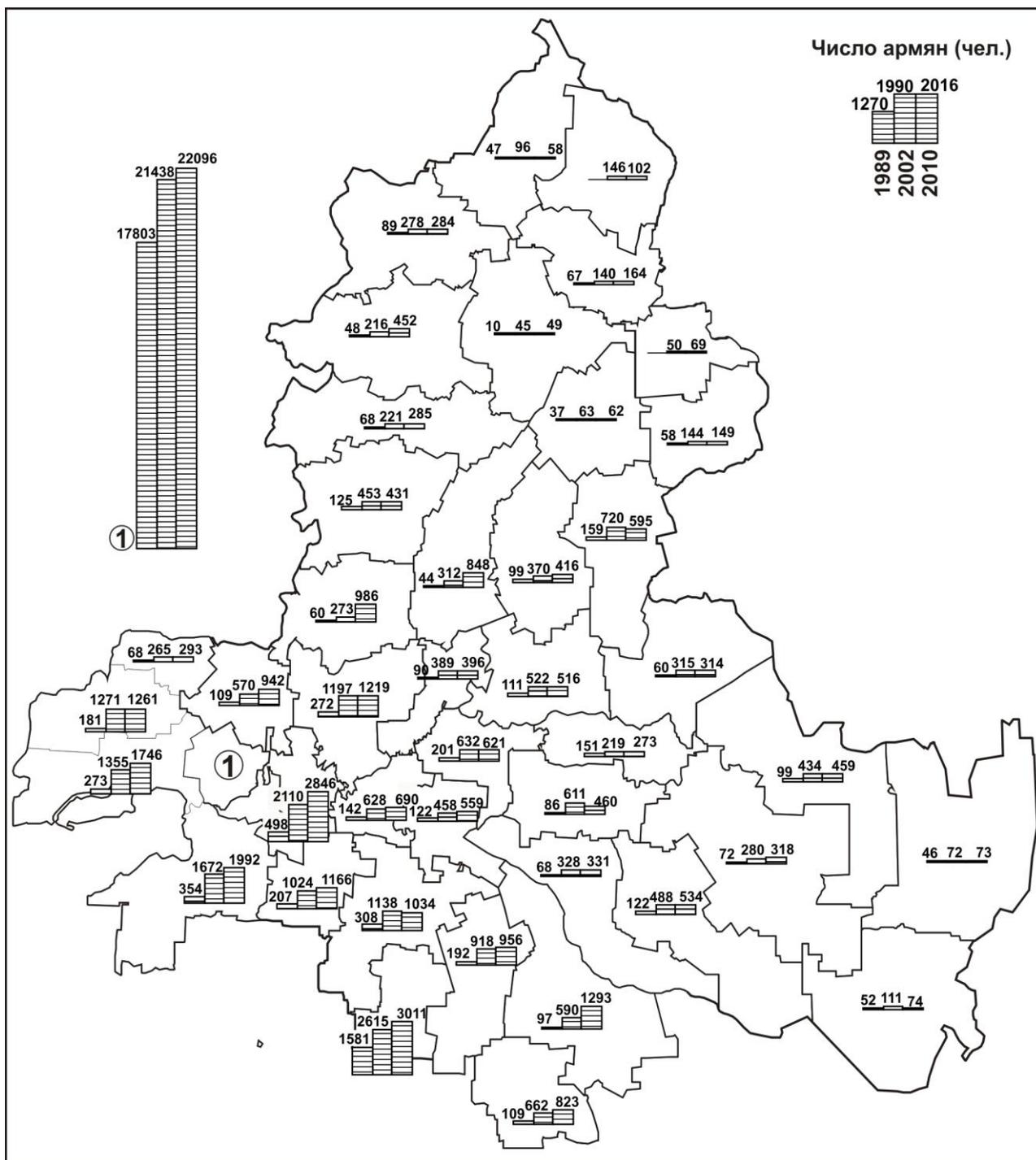

Рис. 2.13. Численность армянского населения в районах Ростовской области, 1989–2010 гг. (чел.)

Пространственно армянская миграция 1990-х гг. была в значительной степени ориентирована на ведущие города области (Ростов, Новочеркасск, Шахты), хотя наличие в системе расселения

диаспоры сельского ареала (Мясниковский район) способствовало быстрому количественному росту и ее сельской составляющей. Но постсоветский период был связан с активным освоением мигрантами и многих других сельских районов области. В 1990-е гг. в некоторых из них армянское население количественно выросло в 4–6 раз. Как результат, такие общины превратились в крупнейшие (после русских) этнические группы своих территориальных сообществ (табл. 2.1).

Табл. 2.1

**Демографическая позиция армянских общин среди диаспор городов и районов Ростовской области
(по переписи 2010 года)**

Первая	Вторая	Третья
Районы: Азовский, Аксайский, Егорлыкский, Кагальницкий, Константиновский, Матвеево-Курганский, Мясниковский, Октябрьский, Песчанокопский, Родионово-Несветайский	Белокалитвинский, зерноградский, Каменский, Красносулинский, Куйбышевский, Неклиновский, Орловский, Тарасовский, Усть-Донецкий Целинский	Багаевский, Мартыновский, Миллеровский, Милютинский, Морозовский, Сальский, Семикаракорский, Тацинский, Цимлянский, Чертковский
Города: Ростов, Батайск, Шахты	Азов, Волгодонск, Гурьево, Каменский, Шахтинский, Новочеркасск, Новошахтинск, Таганрог	Донецк, Зверово

Первое десятилетие XXI в., согласно данным Всероссийской переписи 2010 г., было связано с определенной количественной стабилизацией диаспоры (за 2002–2010 гг. армянское население области увеличилось только на 700 человек). Но очевидно, что реальные размеры региональной общины выросли существенно больше. Одно из свидетельств – укрепление позиций представи-

телей диаспоры в управленческих структурах, различных сферах экономической и социальной жизни Ростовской области.

Но имелись и более прямые доказательства демографического роста общины, в том числе, фиксируемый региональной ФМС приток армянского населения. Масштабы его заметно сократились (особенно в середине 2000-х). И, тем не менее, только по официальным данным армянская диаспора области в 2002-2010 гг. за счет миграции выросла на 6 тыс. человек (с учетом же нелегалов пополнение могло быть в 1,5–2 раза больше).

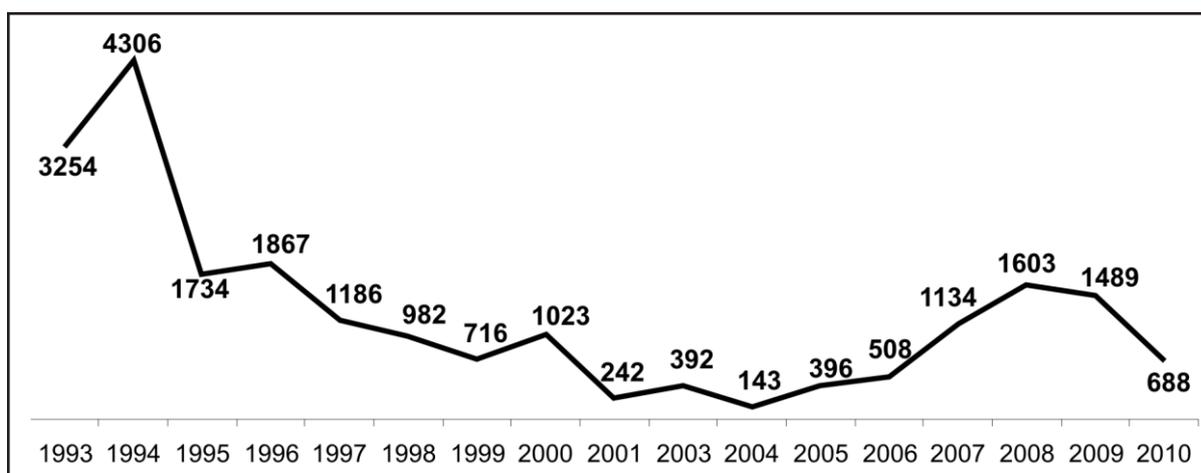

Рис. 2.14. Чистый приток (миграционное сальдо) переселенцев из Армении в Ростовскую область, 1993–2010 гг. (чел.)

Необходимо учесть и естественный прирост, составлявший у представителей общины 4–6‰ в год (4-5 тыс. чел. демографического «довеска» за восемь межпереписных лет). Тем самым, реальная численность областной диаспоры может быть на 10–20 тыс. человек выше цифры, зафиксированной переписью 2010 года и достигать 120–130 тыс. человек. Но даже если исходить из данных переписи, армянское население Ростовской области в начале второго десятилетия XXI в. уже в 1,5 раза количественно превосходило украинскую общину (соответственно 110,7 тыс. и 77,8 тыс. человек).

При этом, система расселения обеих ведущих диаспор сохраняли свои основные черты. Украинцы по-прежнему были представлены практически повсеместно, а армяне максимально тяготели к Ростову и его окрестностям. Однако расселенческий ареал данных двух общин эволюционировал в противоположном на-

правлении. Если украинское этническое присутствие в области постепенно сокращалось, то армянская диаспора расширяла свою географию. Хотя с максимальной интенсивностью данный процесс шел в конце XX в. и самым существенным образом замедлился в 2000-е годы. В настоящее время скорее можно говорить о стабилизации и внутренней перестройке уже сложившегося расселенческого ареала армянского населения (табл. 2.2).

В 2010 г. армяне (численностью от трех человек) проживали в 846 населенных пунктах области, что составляло 38,4% ее поселенческой сети. География украинцев была все еще значительно шире (они присутствовали в 65% поселениях). Однако в 2002-2010 гг. ареал их расселения сократился более чем на 400 населенных пунктов (прежде всего за счет окончательной ассимиляции огромного множества локальных групп сельских украинцев). При сохранении существующих темпов демографо-расселенческого сжатия украинской диаспоры, уже в среднесрочной перспективе (к 2025-2030 гг.) география двух крупнейших областных общин окажется сопоставимой.

В целом же, исторически сформированный ареал расселения донских армян, по-прежнему определяет их сверхконцентрацию в пределах Ростова и Мясниковского района. Хотя, ее масштабы постепенно сокращаются – если в 1989 г. на долю этого территориального ядра приходилось 78,3% армянского населения области, то в 2002 г. уже только 59,6%. Однако в первом десятилетии XXI в. процесс пространственной расконцентрации общины сократился до минимума. И к 2010 г. в пределах областной столицы и Мясниковского района по-прежнему проживало 57,5% ее представителей.

На юго-западе области традиционно продолжает концентрироваться и основная масса административных районов с высоким уровнем присутствия армянского населения в местной поселенческой сети (в начале XXI в. его территориальные группы численностью от трех человек проживали здесь в 50-80% населенных пунктов).

К востоку и северу области уровень представленности армян в местной поселенческой сети постепенно сокращался, но как правило не опускался ниже 20% (только в пределах «крайнего» севера региона данный показатель понижался до 7-17%). В целом же по области из 43 ее административных районов области только в 9 армянское население было представлено менее чем в 1/5 населенных пунктов (рис. 2.15).

Табл. 2.2

Территориальные группы армян в населенных пунктах Ростовской области

Размер группы (чел)	Число территориальных групп		Доля в населении диаспоры (%) ¹	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Более 30 тыс.	1	1	40,7	37,9
10-30 тыс.	1	1	10,4	10,3
5-10 тыс.	-	-	-	-
3001-5000	4	3	13,1	10,5
1001-3000	5	7	8,2	12,0
501-1000	9	8	6,2	5,6
301-500	10	17	3,6	5,8
101-300	34	39	5,5	6,1
51-100	53	66	3,5	4,0
31-50	73	70	2,7	2,5
11-30	268	213	4,3	3,6
5-10	251	267	1,9	1,7
Всего населенных пунктов.	709	692		

¹ Приведенные в данных столбах цифры не являются абсолютно точными, поскольку не учитывают группу армян проживавших в области «минимальными» группами или в одиночестве (1-4 человек).

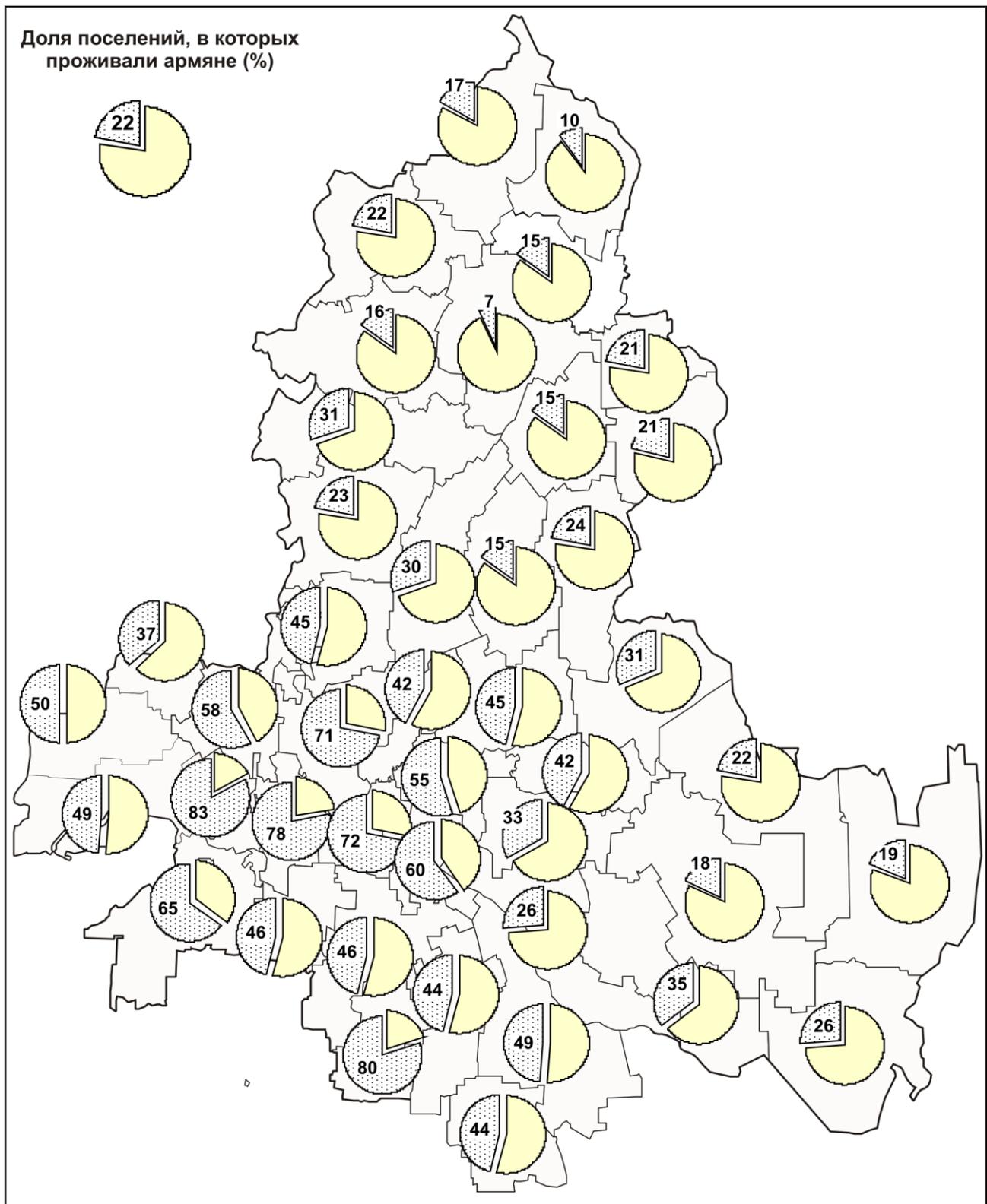

Рис. 2.15. Широта территориальной представленности армянского населения по районам Ростовской области, 2010 г. (% местных поселений, в которых проживали армяне)

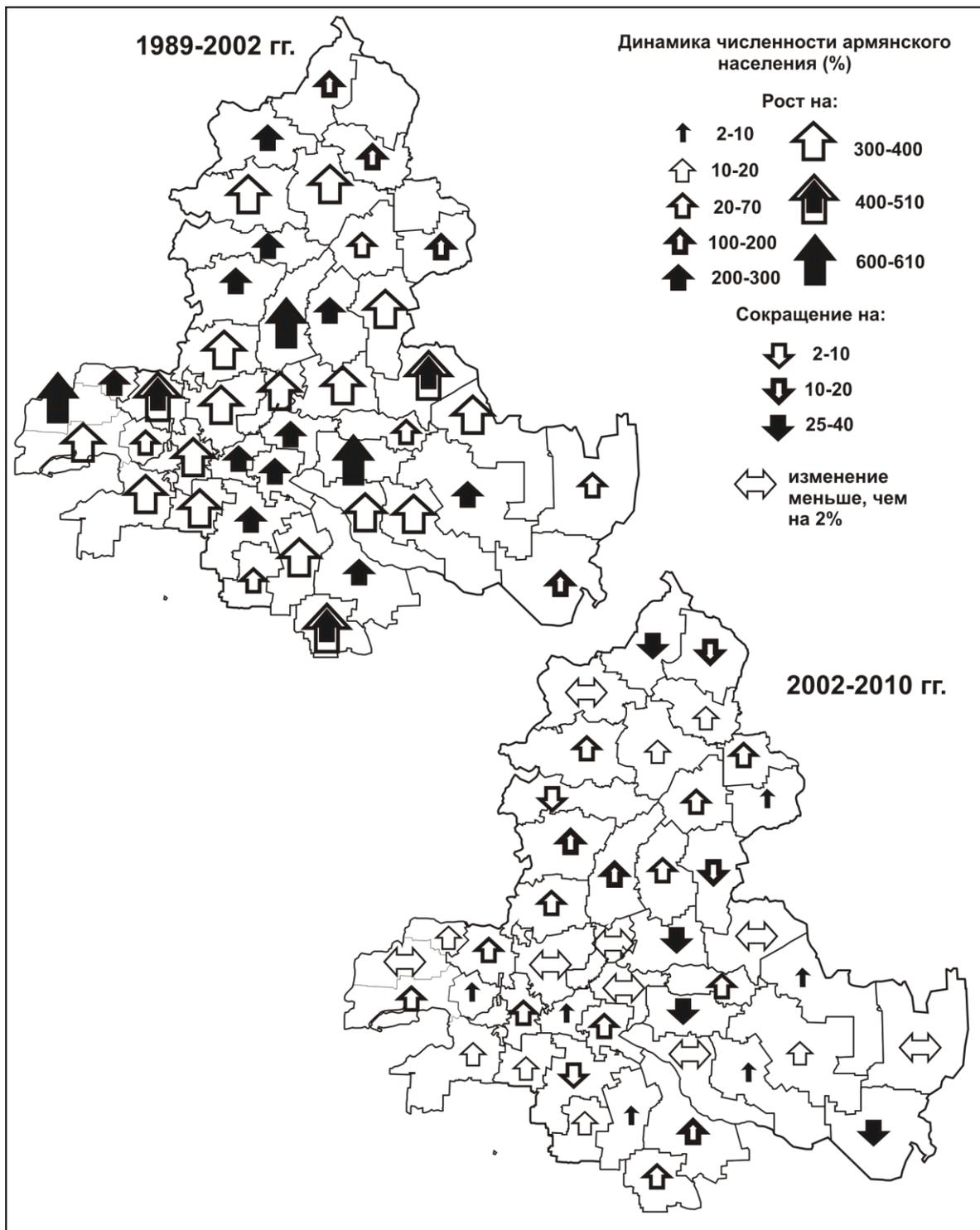

Рис. 2.16. Динамика армянского населения по районам области в постсоветский период (%)

Итак, если 1990-е гг. были отмечены повсеместным демографическим ростом региональной диаспоры, в первом десятилетии XXI в. многие ее территориальные группы демонстрировали более или менее ощутимое сокращение (рис. 2.16). По сути, областная община в «нулевые» продолжала расти только на западе и

юго-западе области – в пределах своего центрального расселенческого ядра и сопредельных с ним территорий. Но даже здесь, имелось немало населенных пунктов, в которых число армян в межпереписный период сократилось. Среди них оказался и сам Ростов, община которого за 2002–2010 гг. потеряла более 2,5 тыс. человек («ужавшись» с 43,9 до 41,3 тыс. человек)

В случае с Ростовом мы, скорее всего, имеем дело с неполным учетом местного армянского населения, несомненно. Но несомненно и то, что областная диаспора перешла от быстрого количественного роста к количественной стабилизации и пространственной оптимизации системы своего расселения, закрепляясь в наиболее благоприятных для жизни и трудовой деятельности городах и районах. Таковых за пределами традиционного ареала расселения армян в области оказалось достаточно немного.

Очевидно и то, что возможности дальнейшего расширения расселенческого ареала общины в регионе в настоящее время ограничены. Причем основным препятствием является сама пространственная стратегия диаспоры, традиционно ориентированной на крупные города и городскую систему в целом или же уже освоенную армянами сельскую местность. И потому разреженная сельская система расселения северных, северо-восточных и восточных районов, становится серьезным фактором, сдерживающим дальнейшее пространственное расширение армянской общины. А значит, урбанистический юго-запад области на всю обозримую перспективу сохранится в качестве основного территориального средоточия местного армянского населения.

2.2. Кубанские земли (Краснодарский край и Адыгея)

Территория современной Кубани – месторазвитие огромного множества народов, сменявших друг друга на протяжении столетий. Череда их, прослеживаемая только для последних 2–2,5 тыс. лет, включает многие десятки племен и этнических групп.

Нет сомнения в том, что выходцы из древней Армении, следуя разными маршрутами, должны были проникать на эти земли,

представлявшие периферию античной цивилизации (а одновременно – звено гигантского кочевого мира, вытянутого широтно от Дуная до Амура). Торговцы и ремесленники, воины и рабы, путешественники и миссионеры – армяне могли присутствовать в жизни местных сообществ в самом разном социальном качестве. Но почти всегда, очевидно, речь шла о дисперсном и единичном пребывании. Локальные группы армянского населения могли возникать в греческих городах Боспорского царства. Но едва ли и они были устойчивыми. А с упадком античной цивилизации и деградацией развитых форм городской жизни в восточном Причерноморье, присутствие армян должно было сократиться на кубанских землях до минимума.

Начинает расширяться оно уже на рубеже – в начале II тыс. нашей эры. Существует ряд археологических свидетельств присутствия армян в XII–XIV вв. на Таманском полуострове. В это же время в пределах Закубанья, очевидно, появляются и первые армянские переселенцы, положившие начало субэтнической группе черкесогаев. Время ее становления – вопрос дискуссионный. Согласно Ф.А. Щербине, одному из первых исследователей данной проблемы, армяне переселяются на территорию северо-западного Кавказа в конце XIV в., после падения в 1375 г. Киликийского царства¹. Согласно Л.А. Погосяну переселенцы прибыли в XV в. из Крыма². Г.С. Аракелян называет значительно более раннюю дату – конец X – начало XI века³.

Наиболее взвешенной представляется точка зрения В.Б. Виноградова и С.Н. Ктиторова предположивших, что речь идет о затяжном процессе, растянувшимся на многие века (с X–XI до XVII вв.) и включавшем несколько разнонаправленных миграционных потоков, направленных в Закубанье непосредственно из Арме-

¹ Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогаев. Екатеринодар, 1916. С. 2, 177.

² Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981, С. 21.

³ Аракелян Г.С. Черкесогаи (историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984. С. 29–73.

нии, а также из Крыма и разных областей Закавказья (данную позицию разделяет и А.Е.Тер-Саркисянц)¹.

Так или иначе, но на протяжении ряда столетий (от XIII–XIV до XVI–XVII вв.) в пределах будущего Краснодарского края отдельных армян можно было обнаружить в небольших приморских центрах, а более многочисленные группы были дисперсно расселены среди адыго-черкесов северо-западного Кавказа.

Единственный детальный расчет численности черкесогаев был принадлежит Г.С. Аракелян, согласно, которой в первой трети XIX в. их насчитывалось 2,7–3,0 тыс. семей. Данный расчет был выполнен на основании нескольких допущений. Было предположено, что черкесогаи в данное время проживали примерно в половине черкесских аулов, которых по данным Хан-Гирея насчитывалось 602. Аракелян также предположила, что на каждое из 300 поселений, располагавших черкесогаями, могло в среднем приходиться 9–10 их семей. А каждая такая семья могла в среднем состоять из 6 человек.

Подобный расчет позволил получить искомую цифру – численность группы порядка 16–18 тыс. человек². Но можно предположить, что общее число семей черкесогаев было не столь значительным. А с другой стороны имеются статистические данные свидетельствующие, что средние армянские семьи этого времени в пределах степного Предкавказья зачастую имели не шесть, а пять человек. Иными словами, корректировочный «перерасчет» может сократить полученные Аракелян цифры на 15–20%.

Не говоря уже о том, что столетием или двумя раньше размер группы черкесогаев мог быть совсем иным (скорее всего, менее значительным). Хотя устойчивость ее этнического воспроизводства – свидетельство достаточно крупной величины (речь может идти о нескольких или многих тысячах человек).

¹ Тер-Саркисянц А.Е. Из истории черкесо-гаев (черкесских армян) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 279–284.

² Аракелян. Указ соч. С. 86-89.

Появление в степном Предкавказье России не сразу сказалось на расселенческом ареале этой субэтнической группы. Что не удивительно – территория восточного Приазовья и Причерноморья на протяжении почти всего XVIII в. остаются за пределами Российского государства. Только в самом его конце начинается активное освоение районов прилегающих к востоку Азовского моря. В 1792 г. на правом берегу Кубани и Лабы переселяются запорожцы, формирующие Кубанское казачье войско.

Создаются Черноморская и Кубанская линии, ограждающие колонизируемые территории от расселенных к югу горских племен. Империя нацелена и на их поэтапное включение в свой состав. Но встречает упорное сопротивление. Начинается затяжная Кавказская война. Растянутая на многие десятилетия, она не ограничивалась военным противоборством, захватив в той или иной степени все сферы жизни местных сообществ.

Черкесогаи, значимая (и что весьма существенно – лояльная к России) группа местного горского населения, начинает все активней учитываться российским военным руководством на Северном Кавказе, использующим социально-демографический и торгово-экономический потенциал общины для закрепления империи в регионе.

Тем более, что за несколько столетий пребывания в среде северокавказских горцев, черкесогаи «выработали уникальный опыт приспособления к окружающему социальному и этническому пространству, обзавелись переходящими из поколения в поколение навыками торговли, превратились во влиятельную и сплоченную прослойку негоциантов. Поэтому посредничество между нередко враждебными мирами на Кавказе было их естественным состоянием»¹.

По мере сил черкесогаи пытались сохранить свое пограничное положение и в развернувшейся Кавказской войне. Но с течением

¹ Матвеев О.В. Армяне в пространстве Западного фронта Кавказской войны // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 76.

времени делать это становилось все сложнее. К тому же растущее сопротивление горских сообществ оказывается связанным с их активной исламизацией, используемой геополитическими оппонентами России, как дополнительный стимул горцев к противостоянию наступавшей империи. Между тем, христианство оставалось центральным («ядерным») социокультурным элементом, на протяжении веков удерживавшим черкесогаев от полного растворения в окружающем горском разноплеменном субстрате. По замечанию Ф.А. Щербины: «армяне только потому и считались армянами в черкесской среде, что исповедовали особую христианскую религию; во всем же остальном, они были те же черкесы и ничем не отличались от них ни внешностью, ни языком, ни нравами, ни обычаями»¹.

Нарастающее противоборство империи и горцев, принимающее с стороны последних элементы религиозной войны, заставляет во второй четверти XIX в. основную массу черкесогаев окончательно определиться. И они выбирают сторону России. Начинается переселение их отдельных групп на территорию контролируемую русскими войсками. Наиболее известное (и масштабное) из такого рода перемещений относится к концу 1830-х годов. В 1839 г. крупная группа переселенцев образует Армянский аул, через два года получивший название Армавира. Население его было моноэтническим и насчитывало порядка 1,3 тыс. человек (400 семейств). Одновременно в окрестностях Армавира возникает еще несколько армянских поселений. Крупнейшим из них был аул Карабета Талдустына (более 300 жителей), расположенный на левобережье Лабы².

Часть черкесогаев осталась в пределах «вольной» Черкессии, где им принадлежало несколько известных аулов (в том числе Гяурхабль, Егерухай, Адыгой, Хатукай и др.)³. В 1860-е гг., после окончательного замирения горцев Северо-Западного Кавказа, они тоже оказываются в составе России.

¹ Цит по: Орлов С.С. Заимствование ценностей в культуре черкесогаев. // Там же. С. 260.

² Аракелян. Указ. соч. С. 82-90.

³ Армяне Краснодарского Края, Краснодар, 2008, С. 11.

В общей сложности в пределах формирующейся Кубанской области в 1867 г., согласно В.М. Кабузану, проживает 3,3 тыс. армян¹. Однако данная цифра слабо соотносится с приводимой ранее оценочной численностью черкесогоаев по Г.С. Аракелян, ареал расселения которых в данное время уже полностью был включен в состав империи. Конечно, часть черкесогоаев оказалась на территории, вошедшей в состав Ставропольской губернии (и не только ее – несколько их семей поселилось в Нахичевани-на-Дону, другие перебрались в Моздок, Кизляр, Лысогорск). Но основная их масса по-прежнему проживала на кубанских землях. И потому есть все основания полагать, что число кубанских армян (с учетом черкесогоаев) было значительно больше цифры, приводимой В.М. Кабузаном.

Однако у данной проблемы может быть еще один существенный аспект, который нередко упускается из вида исследователями, учитывающими черкесогоаев исключительно как субэтническую группу армянского народа. Как замечает Аракелян, для представителей данной группы «была характерна противоречивость в определении своей этно-культурной принадлежности. В одном случае они называли себя черкесогоаями и противопоставляли себя всем другим этническим образованиям. В другом – они говорили о себе, как о черкесах, в особенности, когда речь шла о тех или иных культурных признаках, например, языке, пище, одежде и др. В третьих – говорили о себе, как об армянах, в особенности, когда речь шла об их религиозных верованиях – вероисповедании... Все это, несомненно, явилось результатом как сложности процесса формирования черкесогоаев, так и мозаичности, а в известной мере, и противоречивости их этно-языково-культурной природы»².

Иными словами, было бы неверным включать полностью данное специфическое множество в состав армянской общины Кубани. Очевидно, что в зависимости от сочетания множества конкретных социально-экономических и культурных

¹ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб, 1996, С. 213.

² Аракелян. Указ. соч. С. 125.

факторов различные территориальные группы этого этнокультурного сообщества уже с середины XIX в. могли по разному самоопределяться в новых условиях своей жизнедеятельности. В одних случаях и территориальных сообществах они еще достаточно долгое время продолжают сохранять свои особенности и специфическое самосознание (что фиксировалось, в том числе и ориентацией на внутригрупповые браки), в других постепенно сближаются с армянами, в третьих – демонстрируют ускоренную аккультурацию (культурно-языковое обрусение). Имелись и локальные сообщества (или отдельные индивиды) все более плотно идентифицировавшие себя с черкесским миром. Очевидно у то, что не существует возможности установить как количественно соотносились группы черкесогайского множества, выбиравшие различные этнокультурно-идентификационные маршруты (тем более, что соотношение их должно было меняться во времени)¹.

¹ Как известно, центральной особенностью данной этнокультурной группы было сохранение вероисповедание при утрате национального языка и многих традиций материальной культуры. То что, Первая имперская перепись 1896–1897 гг. учитывала население не по национальности, а по родному языку и религии, казалось бы, дает возможность оценить размер черкесогайского населения Кубани, сравнив количество местных армяноязычных с числом армян-григориан и католиков. Однако данное сравнение (13,9 тыс. говорящих в Кубанской области на армянском и 14,8 тыс. армян-григориан и католиков) обнаруживает разницу всего в 900 человек. Данная величина слишком мала, чтобы соответствовать размеру черкесогайского множества, еще раз подтверждая сложность количественного анализа его демографической динамики.

В этом плане «подозрительным» выглядит даже то, что российский выбор черкесогаев в 30–40-е гг. XIX в. привел к возникновению только одного крупного их средоточия – Армавира. С учетом всех остальных переселенческих групп от силы набирается 3–4 тыс. человек, что никак не стыкуется с цифрами, полученными Г.С. Аракелян и не позволяет полностью отказаться от предположения, что ее количественные расчеты оказались завышены не на 10–20%, а в разы. С учетом всего сказанного нежелание В.М. Кабузана учитывать черкесогаев при расчете численности армянского населения Кубани может представляться отчасти оправданным.

К середине XIX в. в группу заметных средоточий армянского населения входит и областная столица. По данным О. Хосровянца в 1840-х гг. численность армян в Екатеринодаре составляло 320 человек¹. Учитывая, что население кубанской столицы даже в середине 1850-х гг. не достигало и 9 тыс. человек, местная армянская община к середине века превратилась в заметную этническую группу населения (3–4,5% горожан)².

Рис. 2.17. Динамика армянской общины Краснодара (Екатеринодара), середина 1840-х – 2010 гг. (тыс. чел, %)

Однако ощутимое расширение географии армян в пределах Кубани приходится только на последнюю четверть XIX века. Прежде всего, этот пространственный рост был связан с освоением черноморского побережья. Именно на эти территории направляется основной поток переселенцев, замещавших адыгских эмигрантов (мухаджиров) массово покинувших землю предков в 1860-е годы. Среди колонистов, устремившихся на Кубань, заметное место принадлежит армянам, расселившимся по всему

¹ Ованесов Б.Т. Возникновение армянской общины в г. Екатеринодаре (Краснодаре) в XVIII–XIX вв. URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/434-vozniknovenie-armyanskoj-obshchiny-v-g-ekaterinodare-krasnodare-v-xviii-xix-vv.html>.

² Впрочем, нельзя забывать, что значительная часть местного армянского населения в это время была представлена все теми же черкесогаями. А, следовательно, говорить о единой армянской общине Екатеринодара можно с большой осторожностью.

побережью от Туапсе до Сухума (в этом миграционном движении можно выделить переселенческие волны 1879–1880 и 1894–1895 гг.).

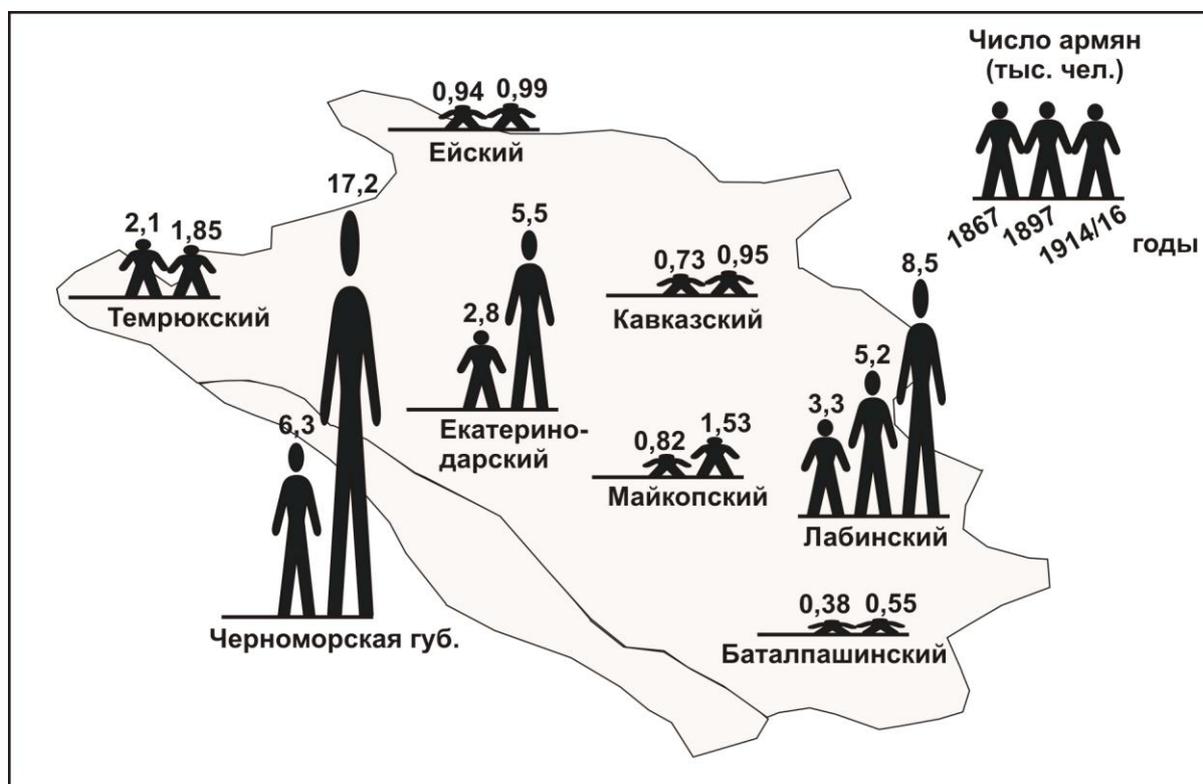

Рис. 2.18. Численность армянского населения по отделам и округам Кубанской области и Черноморской губернии, 1867-1914 гг. (тыс. чел.)

Именно в это время в пределах Кубани появляется еще одна субэтническая группа – амшенские армяне¹. «Большие группы амшен переходят из пределов Турции на Кубань со второй половины и особенно в конце XIX века. Последняя крупная волна «турецкоподданных» армян в дореволюционный период относится к 1908–1909 годам. Основная масса амшен селилась в нагорной полосе Закубанья, где они получали значительные льготы при водворении... Несмотря на то, что с 1889 года официальное заселение Черноморского побережья было прекращено, продолжалась миграция и в эти районы, и наиболее значительный кон-

¹ Которая в свою очередь делилась на ряд локальных общин, в их числе были дженекци, ордуицы, трапезундцы и др.

тингент нелегальных переселенцев составили турецкоподданные армяне»¹.

Как результат, в последней трети XIX в. число армян на Кубани увеличивается в разы (до 18,4 тыс. человек в 1897 году). Значительные группы армянского населения к этому времени появляются во многих отделах Кубанской области и уездах Черноморской губернии. Крупнейшие общины были сосредоточены в районе Сочи, Екатеринодарском и Лабинском отделах (к последнему относился Армавир).

В отличие от большинства других южнороссийских региональных сообществ, кубанские армяне в значительной мере расселялись в сельской местности. Этим они напоминали донскую диаспору, изначально имевшую весомую сельскую компоненту. Но причерноморские общины в данном отношении значительно превосходили своих донских соплеменников. Подавляющее большинство (более 90%) армян Туапсинско-Сочинского ареала были сельскими жителями.

Другая специфическая черта армянского населения Кубани конца XIX в. – гендерный дисбаланс. В целом по областной общине на 100 женщин приходилось 122 мужчины, а в Черноморской губернии – вообще 135. Среди первых партий мигрантов приступавших к освоению новых для себя территорий и центров преобладали мужчины. Сбалансированный состав обнаруживался только в общинах Лабинского и Ейского отделов. Первая из них, заключала обширную группу армавирских армян, успевших плотно укорениться к этому времени. Почти 1,4-кратный перевес мужского населения Екатеринодара указывал на активное освоение армянами областной столицы². Но мужчин было больше на 30–40% и во многих других территориальных общинах.

¹ Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? URL: http://www.budetinteresno.narod.ru/kraeved/narods_ie.htm

² Впрочем, он же свидетельствовал и об очевидной успешности этого процесса, если сравнивать его с показателем 1840-х гг., когда на 238 мужчин городской общины приходилось только 83 женщины (почти трехкратный перевес).

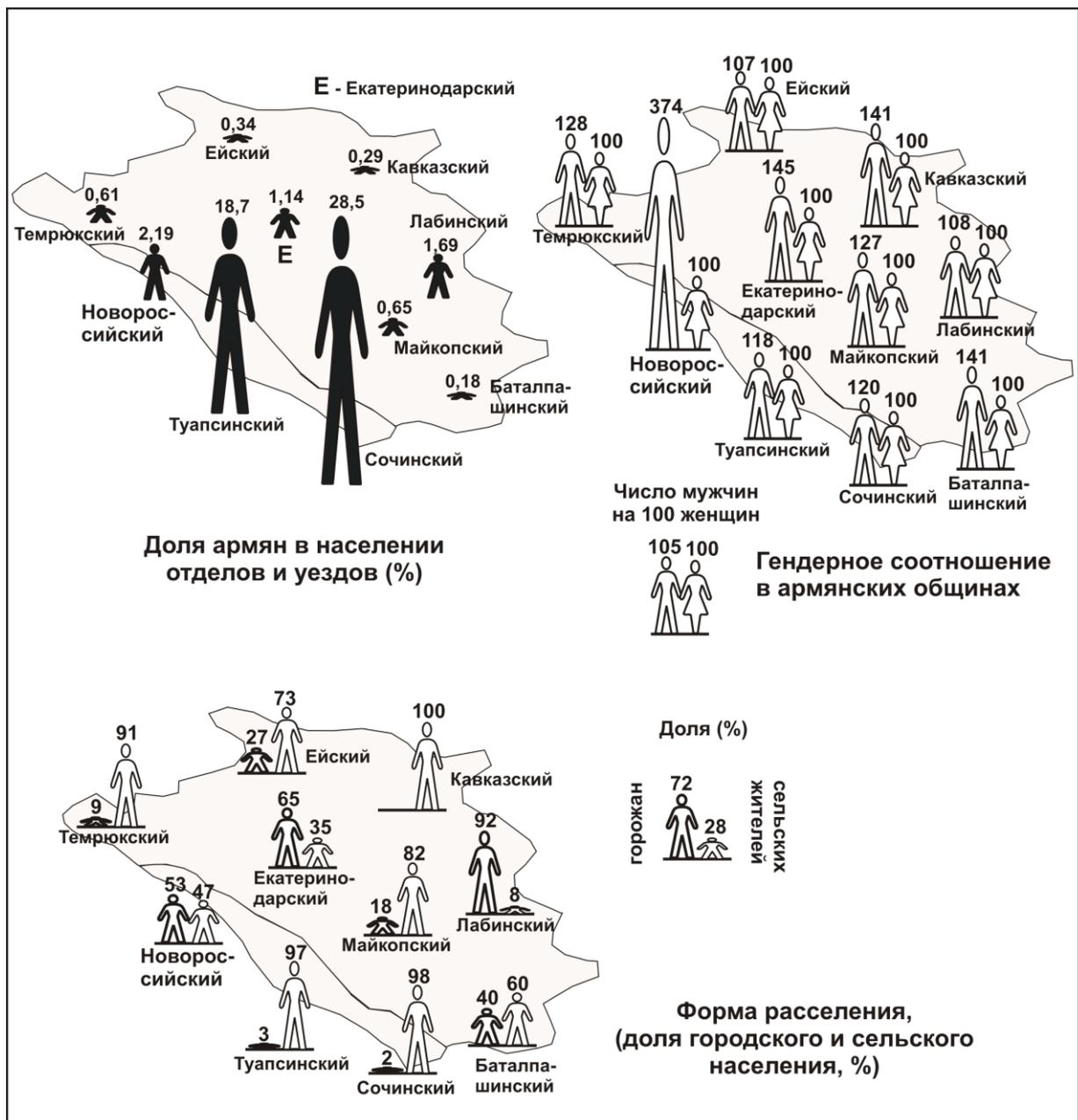

Рис. 2.19. Территориальные общины армянского населения Кубани (1897 г.)

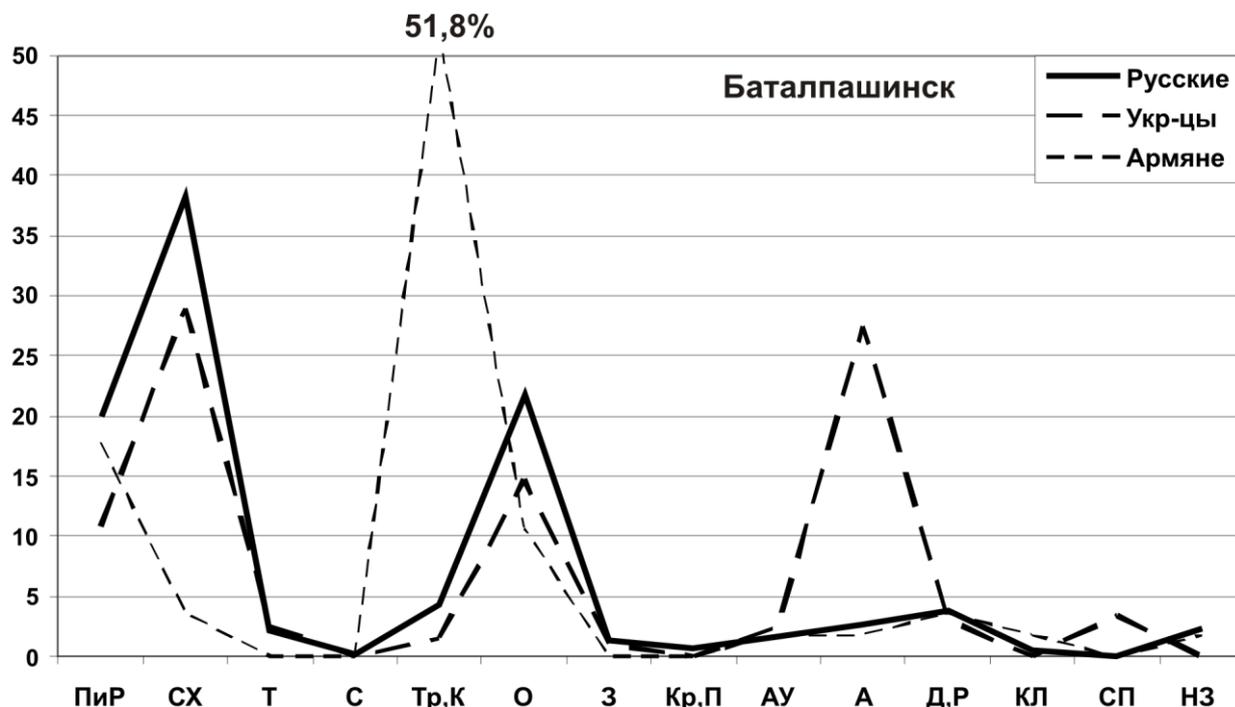
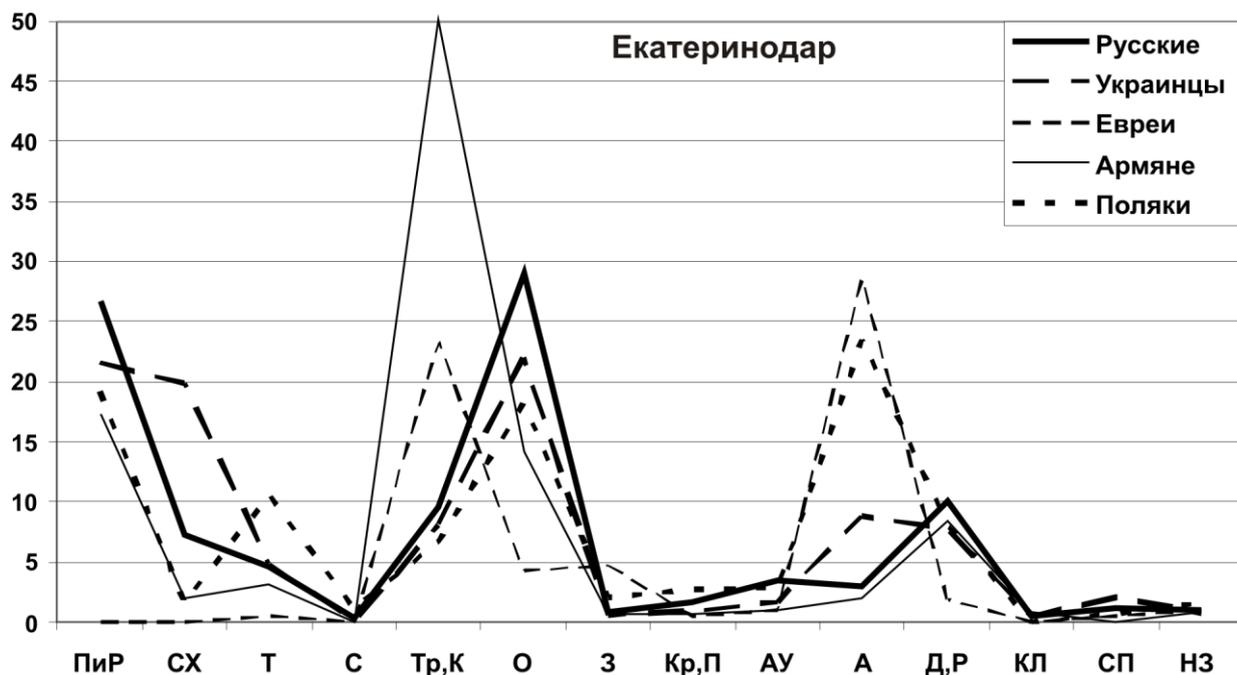

Рис. 2.20. Социопрофессиональная структура ведущих национальностей Екатеринодара и Баталпашинска, 1897 г. (% от общего числа занятых)

К рис. : ПиР - Промышленность и ремесло; СХ - Сельское хозяйство; Т - Транспорт; С - Связь; Тр, К - Торговля, кредит; О - Обслуживание; З - Здравоохранение; Кр, П - Культура и просвещение; АУ - Административно-управленческий аппарат; А - Армия; Д, Р - Дворяне, рантье; КЛ - Культ; СП - Социальная патология (тюрьма, проституция); НЗ - Лица неопределенных занятий

В социофессиональном плане городское армянское население Кубани демонстрировало традиционно высокую ориентацию на сферу торговли. Показательно, что не только в «столичном» Екатеринодаре, но и в маленьком Баталпаинске (всего 11,4 тыс. жителей), более 50% армянского населения на рубеже XX в. было занято в сфере торговли, разнообразного посредничества и кредитования. Даже у евреев, традиционных тяготевших к этим же профессиональным специализациям, в Екатеринодаре данный показатель составлял только 23% (а у русских и украинцев не превышал 8–9%) (рис. 2.13). Привлекало городских армян Кубани и разнообразное ремесло (но в этом отношении они мало отличались от горожан других национальностей).

Быстрый рост кубанской диаспоры продолжается в начале XX века. Максимальные темпы, как и в конце XIX в. демонстрируют приморские общины – 7,5-кратный рост за 25 лет¹. Более чем вдвое увеличивается число армян в областной столице (с 1,83 тыс. до 3,82 тыс. человек). Однако на 30–50% за первые 15 лет XX в. вырастает и большинство других территориальных общин Кубани.

Еще быстрее они идут в рост в годы Первой мировой войны, пополняемые беженцами из разных районов Турции. К концу имперского периода число кубанских армян уже превышает 40 тыс. человек. И по размеру их региональная диаспора впервые сравнивается с донской. Впрочем, едва ли такое сравнение для данного периода корректно, учитывая пульсирующий приток/отток беженцев, способный в течение месяцев (а иногда недель) кратно изменять размеры отдельных территориальных средоточий.

Особенно, в период охватившей весь Юг России Гражданской войны, на которую наложилась турецкая агрессия в За-

¹ Если в 1891 г. в Черноморской губернии (в дальнейшем преобразованной в одноименный округ) проживало 2,25 тыс. армян, то в 1897 г. – уже 6,3 тысяч. К 1911 г. их число выросло до 14 тыс., а к 1914–1916 гг. составило 17,2 тыс. человек.

кавказье, повлекшая новую мощную волну мигрантов в пределы Северного Кавказа и степного Предкавказья. В июне 1918 г. усилиями региональных армянских организаций «и при помощи местной советской власти десятки тысяч армян эшелонами были отправлены в Екатеринодар, Армавир, Ставрополь, Майкоп, Святой Крест, Георгиевск, Минеральные Воды и Моздок. В июне 1918 г. только в Армавире численность беженцев армян достигала 18 тыс., в Екатеринодаре – 8 тысяч»¹. Очевидно, что на пике этой миграционной волны, в пределах Кубанской области могло находиться заметно больше 100 тыс. армянского населения. Но уже к концу 1918 г. данный массив должен был сократиться на десятки тысяч.

И, тем не менее, из Гражданской войны кубанская община выходит уже крупнейшей на всем Юге России, оставив далеко позади группу донских армян.

Советский период

Перепись 1926 г. зафиксировала в пределах Кубани (Краснодарского края и Адыгеи) более 70 тыс. армян. А в пределах самой Кубани основным средоточием армянского населения с начала 1920-х гг. (и до конца советского периода) остается Причерноморье. Причем, прежде всего его южная часть, от Туапсе до Сочи. На приморские районы в первой половине XX в. приходится около 40% всех краевых армян, а в последних его десятилетиях – до половины.

Максимальными темпами растет община Сочи, за полвека (1939–1989 гг.) выросшая в 18 раз (с 1,7 тыс. до 30,7 тыс. человек). К концу советского периода практически сравнивается с крупнейшей на Юге России диаспорой Ростова. Вторым эпицентром кубанских армян становится краевая столица. Уже в середине 1920-х гг. по размеру своего армянского населения Краснодар сравнивается с Армавиром. А в послевоенные десятилетия значительно его опережает, иллюстрируя расселенческую цен-

¹ Минасян С.А. Армяне беженцы на Северном Кавказе в 1918–1920 гг. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2015, С. 50.

тростремительность армян, ориентированных на крупнейшие города.

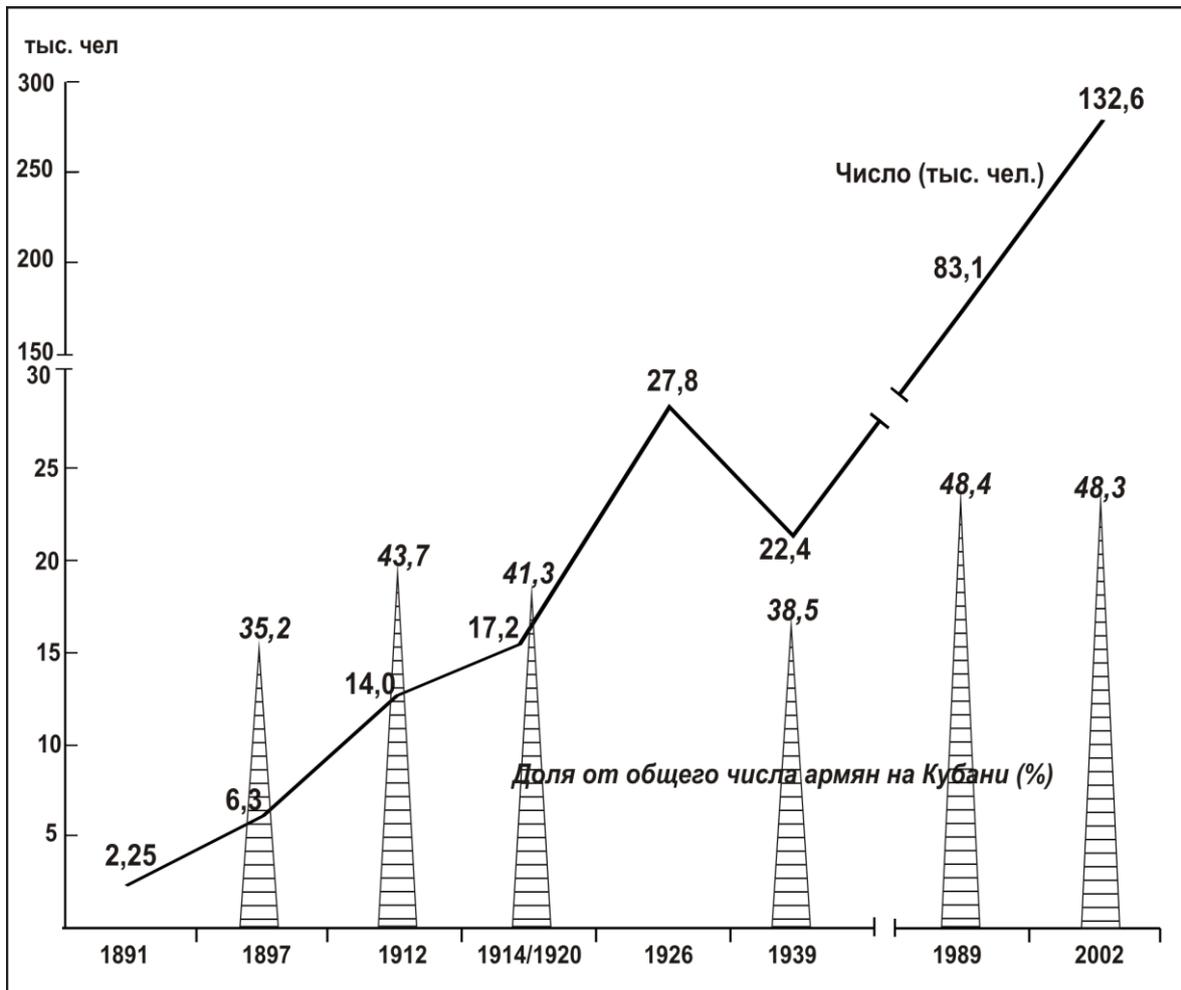

Рис. 2.21. Армяне причерноморских районов Кубани, 1891-2002 гг. (тыс. чел, %)

Но продолжала расти в советский период и армавирская община. Хотя национальный состав города демонстрировал метаморфозу, характерную для всех южнороссийских центров, исторически начинавших как моноэтнические армянские поселения. С течением времени, доля армян в них неуклонно сокращалась, а состав горожан становился все более полиэтничным. Однако центральным в данном эволюционном тренде было «обрусение», поскольку именно русские все более отчетливо начинали доминировать в городской среде. В каждом южнороссийском армянском центре, проходившем через подобную трансформацию, она отличалась своей временной спецификой. Общим было только ускорение процесса этнической

смены населения в пореформенный период. И Армавир дает тому наглядную иллюстрацию. С той оговоркой, что речь идет о поселении, основанном и первоначально населенном черкесогаями.

В первые 30 лет своего существования он остается почти исключительно черкесогайским поселением¹. Еще в 1860 г. русских в нем только 16 человек, к концу 1860-х их не более 100–200 человек. А в следующем десятилетии ежегодный приток переселенцев исчисляется уже многими десятками, а потом и сотнями человек. Период кардинальной национальной «персменки» укладывается в два десятилетия. С 1876 по 1897 гг. совокупная доля черкесогаяев и армян среди горожан сокращается с 85% до 26%. И в XX в. Армавир вступает уже преимущественно русским центром². А параллельно обрусению идет и другой этнокультурный процесс, связанный с нарастающим совмещением двух исходных ветвей городской армянской общины.

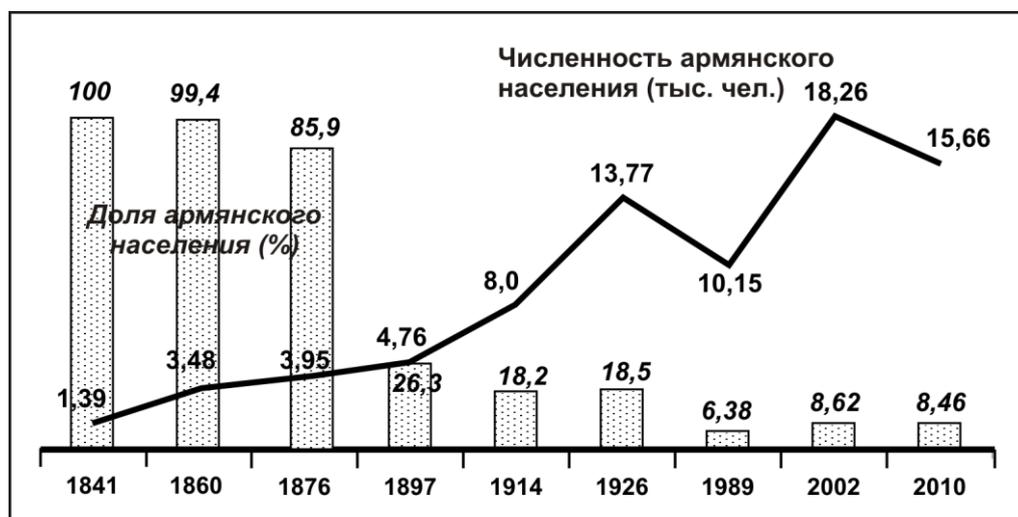

Рис. 2.22. Динамика армянской общины Армавира, 1841–2010 гг. (тыс. чел, %)

¹ Армавир получил городской статус только в 1914 году, хотя по своему размеру уже в 1870–1880-е гг. превосходил многие кубанские города.

² К 1911 г. их доля сокращается до 17,7%. Причем из 7,9 тыс. представителей местного армянского сообщества 5,2 тыс. составляли черкесогаяи, 2,68 тыс. – собственно армяне.

К середине второго десятилетия XX в. этнодемографическая трансформация городского сообщества была уже в целом завершена, однако и полвека спустя (как и в настоящее время) население Армавира, как и других, изначально армянских поселений Юга России сохраняло известную этническую специфику. А местная армянская община, все более теряя удельно, продолжала свой количественный рост. Число армян в Армавире между первой имперской (1897 г.) и последней советской (1989 г.) переписями выросло более чем вдвое, хотя удельный вес их за это время сократился в четыре раза.

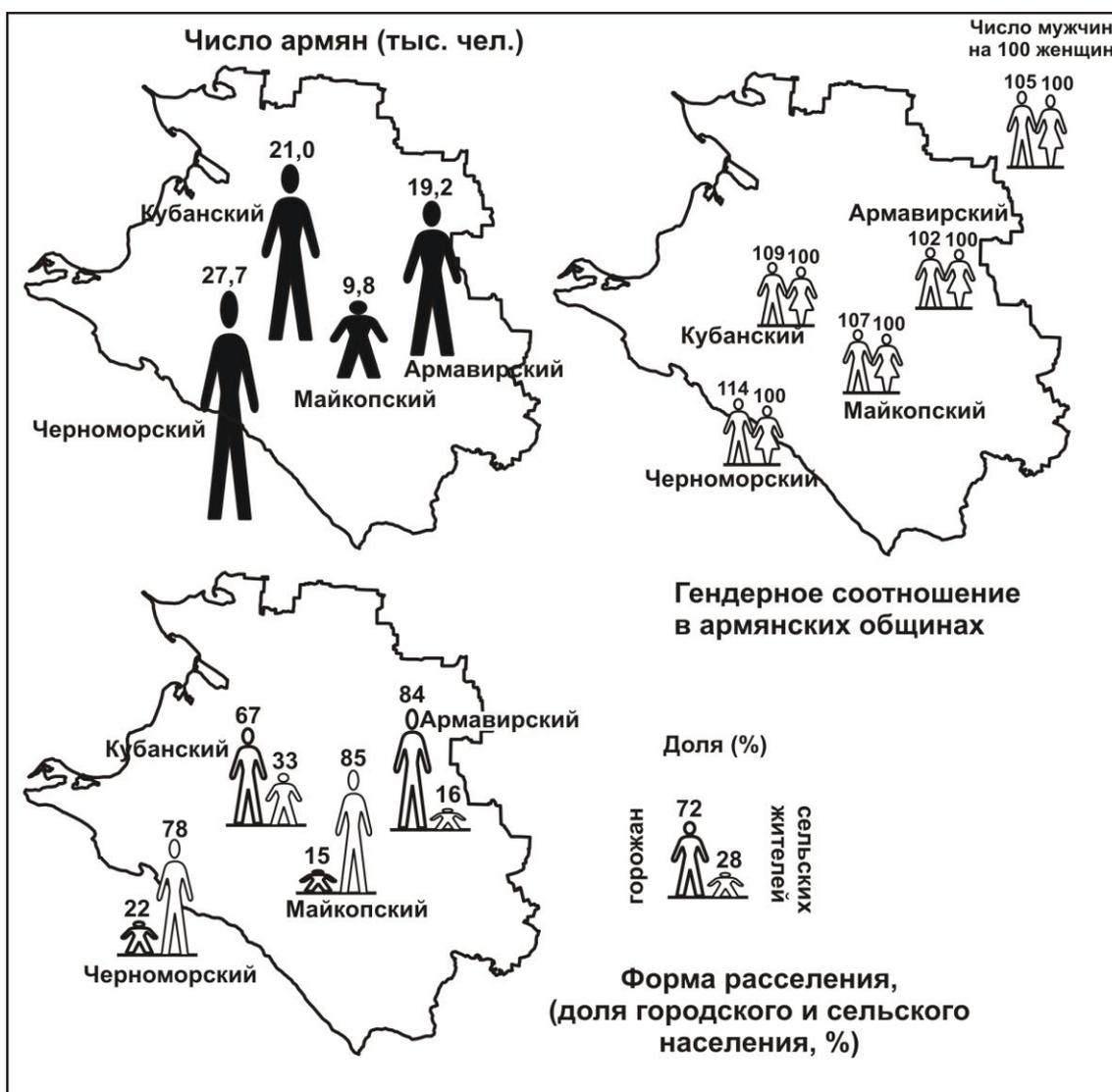

Рис. 2.23. Армянское населения Кубани по округам (1926 г.)

Стремительный рост армянской общины Кубани первой четверти XX в. обрывается в конце 1920-х. Более того, за период

1926–1939 гг. число армян на территории Краснодарского края и Адыгеи сокращается с 70 тыс. до 60 тыс. человек. Максимальным было демографическое сжатие общины самого Краснодара, потерявшей в это время более 5,5 тыс. человек. Среди возможных причин столь ощутимого сокращения числа кубанских армян – уже упоминавшиеся голод первой половины 1930-х, а также определенное усиление ассимиляционных процессов. Существенную, а возможно центральную, роль играл и отток кубанских армян в свою союзную республику. Однако, вопрос о соотношении данных составляющих демографической заминки региональной диаспоры требует самостоятельного изучения.

Война еще более продлила паузу в восходящем количественном тренде краевой общины. Потребовались годы для восстановления понесенных ею потерь. Однако уже первая послевоенная перепись населения обнаружила в Краснодарском крае на 29% армян больше, чем перед войной. Что было возможно только при активном миграционном пополнении диаспоры в 1950-е годы. Впрочем и ее последующая демографическая динамика – свидетельство устойчивой привлекательности региона для новых переселенцев.

Благодатный по меркам северной России климат; теплое море и горы – природные ресурсы, определившие ориентацию региона на сферу туризма и рекреации (и в целом, сервисную экономику) даже в период затяжного всесоюзного упора на тяжелую индустрию; наконец, наличие многочисленных, глубоко и разнообразно укоренных общин, способных оказать помощь вновь прибывшему соплеменнику. Всё на Кубани способствовало появлению новых переселенцев, приток которых возростал от десятилетия к десятилетию. Если в 1960-е гг. краевая диаспора увеличилась на 24% (причем 5/6 этого роста было обеспечено естественным приростом), то уже в следующем десятилетии миграция составила до половины демографического роста общины, прибавившей еще 22,6% к своей численности.

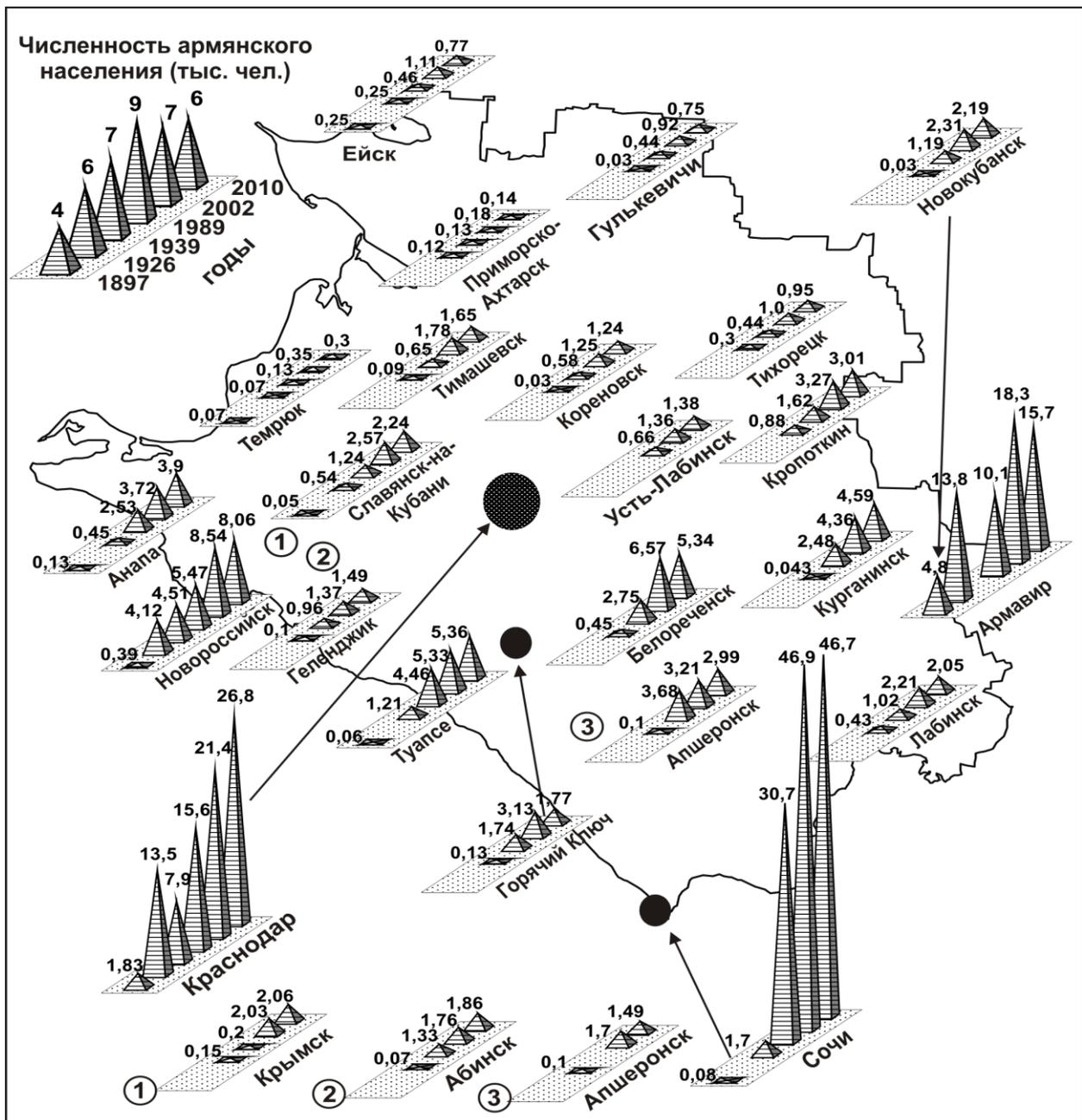

Рис. 2.24. Динамика армянского населения в городах Краснодарского края, 1897–2010 гг. (тыс. чел.)

А в 1980-е гг. этот устойчивый и весьма ощутимый приток, превращается в мощную переселенческую волну. В последнем советском десятилетии община вырастает в 1,5 раза. Практически все территориальные группы кубанских армян стремительно идут в рост. Но самый масштабный наблюдается в крупнейших ее краевых средоточиях – Краснодаре и Причерноморье.

В конце советского периода в районе Большого Сочи доля армян составляет 27,7% всего населения, достигая максимума

в сельской местности – среди жителей сельских поселений Сочинского горсовета, вытянутого на 130 км вдоль берега, армяне составляют почти половину (47%) жителей.

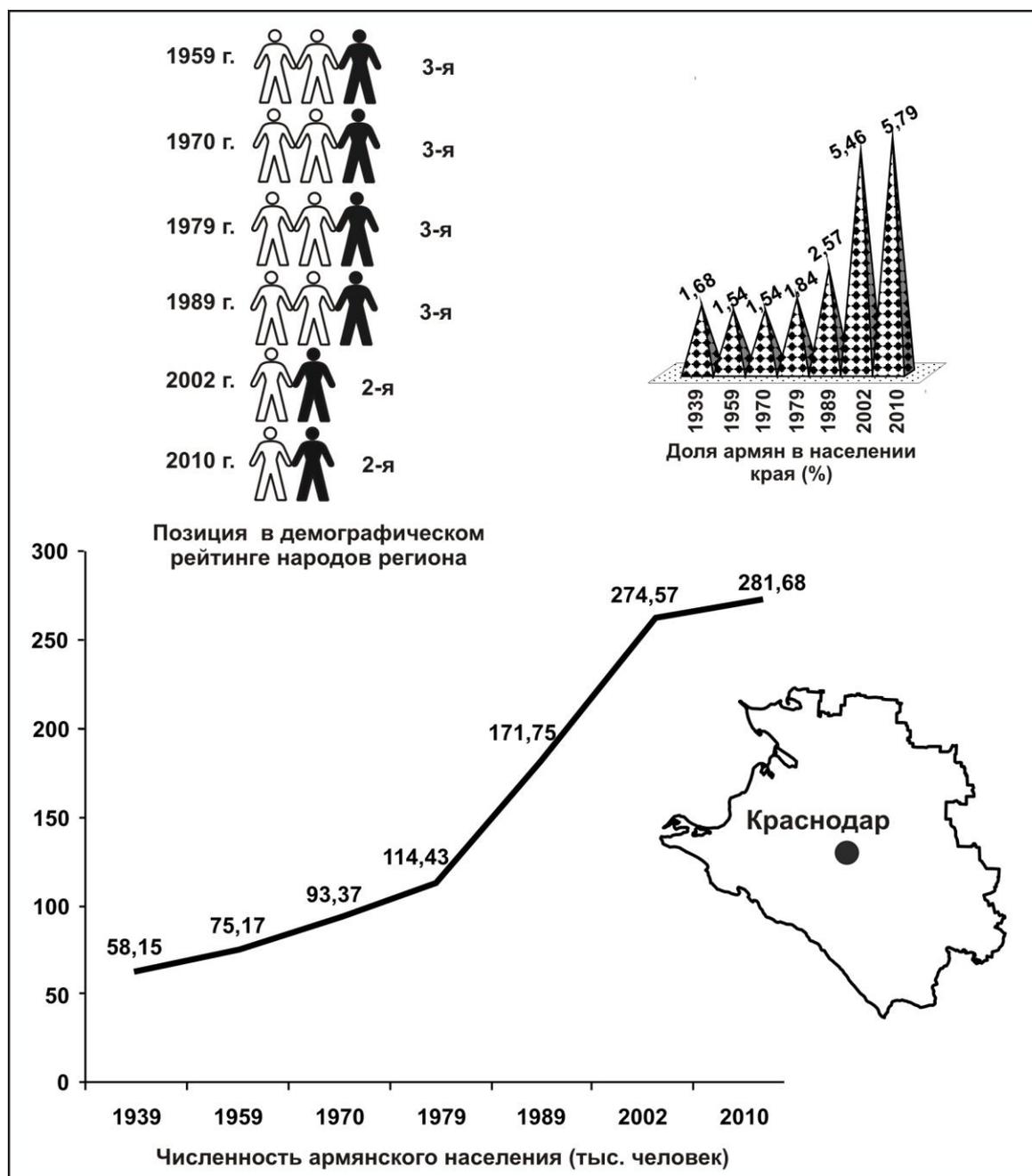

Рис. 2.25. Динамика армянской общины Краснодарского края, 1939–2010 годы

Постсоветский период

Нет смысла повторять уже не раз озвученные причины миграционной волны, увеличившей в 1980-е гг. размер армянской общины Кубани до 170 тыс. человек. А распад СССР еще более

усилил это масштабное движение. Приток новых переселенцев, достигнув своего пика, начал спадать только во второй половине 1990-х годов. Согласно официальной статистике, фиксирующей небольшую часть данного притока, в 1993–2000 гг. только за счет мигрантов из самой Армении община выросла на 15 тыс. человек (рис. 2.26). Но армянские переселенцы во множестве прибывали и из двух других закавказских государств, а также из Средней Азии; из Чечни и некоторых других российских регионов.

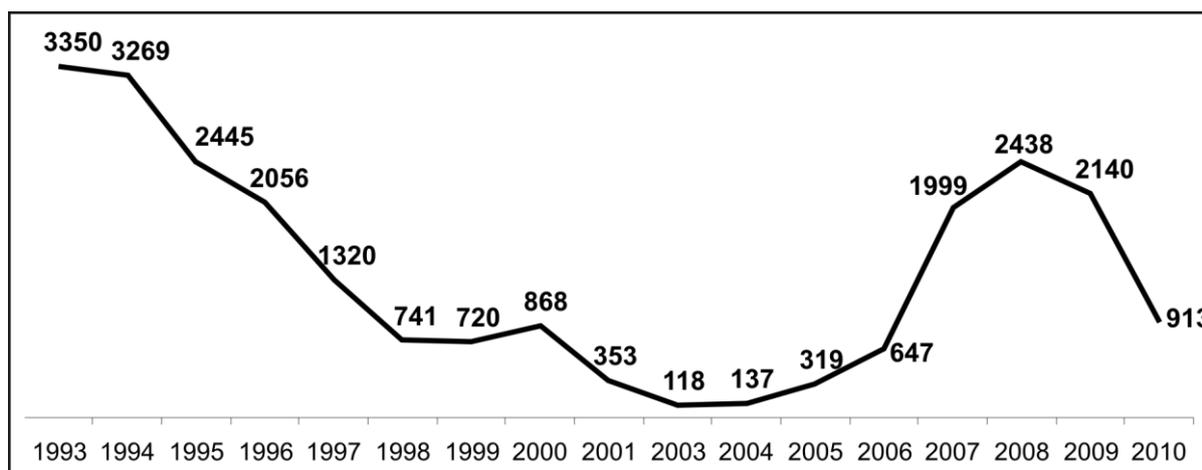

Рис. 2.26. Чистый приток (миграционное сальдо) переселенцев из Армении в Краснодарский край, 1993–2010 гг. (чел.)

Поэтому приведенный график не столько показывает истинные масштабы армянской миграции в пределы края, сколько демонстрирует ее общий динамический контур, на котором в постсоветский период отчетливо выделяются две вершины. Одна приходится на первую половину 1990-х, вторая падает на вторую половину «нулевых». Причинные основания этих двух переселенческих пиков различались самым существенным образом. Если первый был связан с системным кризисом постсоветских обществ, то второй определялся ускоренным развитием края, связанным, в том числе, и с подготовкой сочинской Олимпиады. В 2007–2013 гг. Кубань, один из самых динамичных регионов России. Масштабные инвестиции из федерального центра превращают край во всероссийскую стройку, притягивая людей и ресурсы со всей страны и из ближнего зарубежья. На математический порядок возрастает в эти годы и приток переселенцев из Армении.

Рис. 2.27. Города и районы Краснодарского края

В первое постсоветское десятилетие (точней в 1989–2002 гг.) краевая диаспора вырастает почти до 275 тыс. человек (т.е. на 60%). При этом многие районные и городские общины увеличивается в 2–3 раза. В этот период в регионе не было ни одного муниципального района, в котором число армян не увеличилось хотя бы на 30–35%.

Вторая всероссийская перепись населения обнаружила минимальный прирост краевой диаспоры (7 тыс. человек) за 2002–2010 годы. И эта цифра вызывают серьезные сомнения. Оставляя в стороне демографические мифы, согласно которым современная кубанская община составляет от 0,5 до 1 млн. человек¹, попытаемся в первом приближении определить ее количественный формат, исходя из предположения, что перепись 2002 г. была достаточно точной.

¹ Армяне в Краснодарском крае. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1>

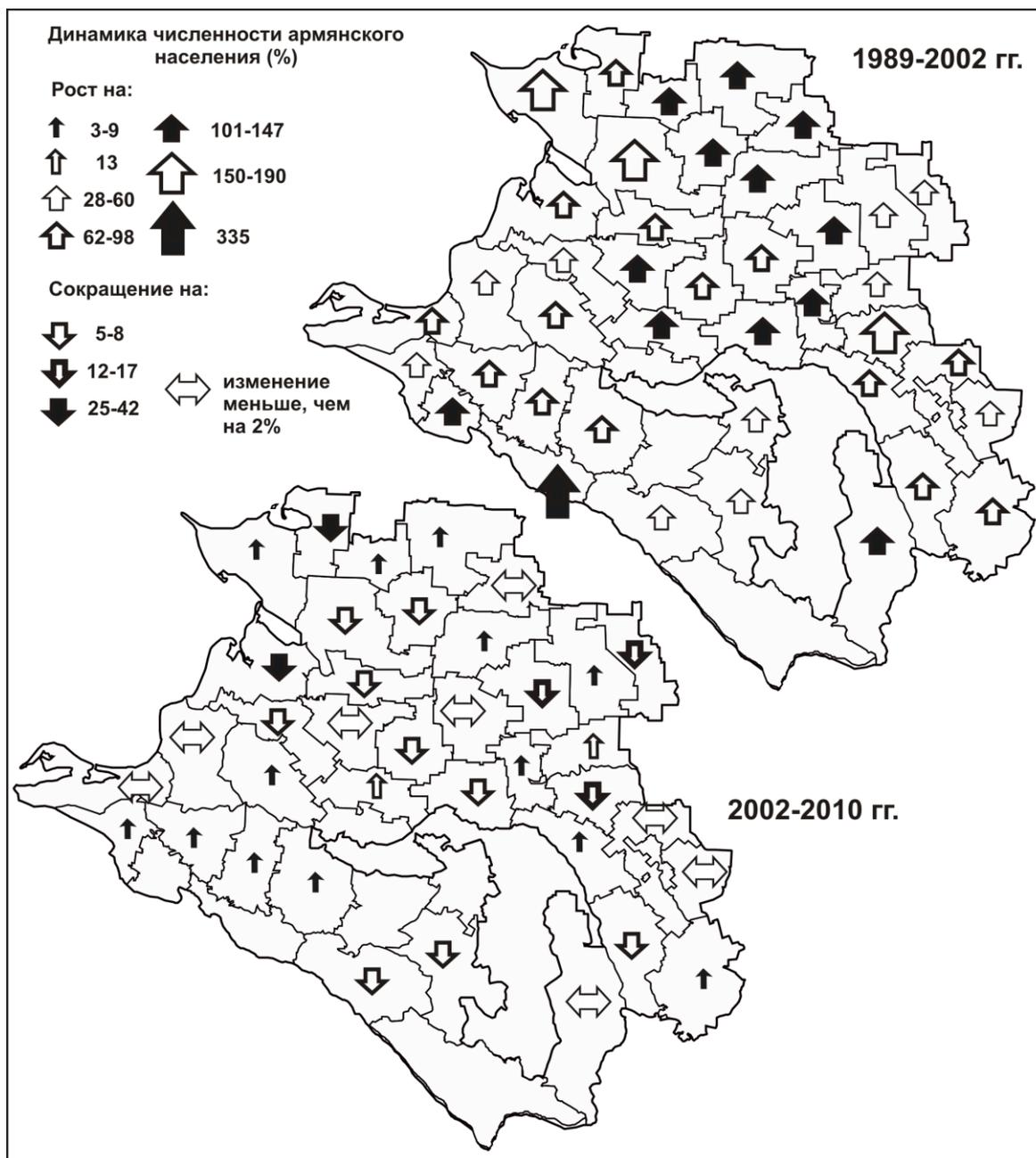

Рис. 2.28. Динамика населения армянского населения по районам края в постсоветский период (%)

Согласно статистике миграционной службы, за период 2002–2010 гг. население края выросло только за счет переселенцев из Армении на 8,7 тыс. человек. Но очевидно, что ФМС, существенно поднявшая свою эффективность в сравнении с 1990-ми гг., по-прежнему регистрировала далеко не всех мигрантов. Сохранялся небольшой приток армянского населения на Кубань и из других государств ближнего зарубежья (прежде всего из Грузии), как и из некоторых российских регионов. Он мог компенсироваться имевшим место оттоком армян из края (в Москву и некоторые

другие крупнейшие центры России уезжала учиться молодежь; покидала регион часть трудовых мигрантов и т.д.). В целом же, миграционное пополнение краевой общины могло составить в период между переписями порядка 10–20 тыс. человек.

Ощутимый вклад в демографическую динамику диаспоры мог внести и естественный прирост, поднявшийся от нулевой отметки в начале 2000-х гг. до 4–6‰ во второй половине этого десятилетия. Тем самым, в рассматриваемый период диаспора могла подрасти естественным образом еще на 10–15 тыс. человек¹. А значит наиболее вероятная ее величина в 2010 г. находится в диапазоне 295–310 тыс. человек.

Поступательный демографический рост общины сопровождался и ее пространственной трансформацией. Как и в других регионах степного Предкавказья, 2000-е гг. были связаны с территориальной оптимизацией системы расселения общины. Часть мигрантов попавших на Кубань в кризисные 1990-е, закрепившись в крае, приступает к поиску в его пределах поселений и территорий, более удобных для жизни и трудовой деятельности. Как правило, они обнаруживались в традиционных центрах концентрации местных армян – в Краснодаре, Причерноморье и некоторых других районах².

Идет внутренний миграционный переток, в результате которого быстрый линейный рост расселенческой географии армянского населения 1990-х гг., сменяется куда более сложной и противоречивой динамикой. Если одни территориальные группы продолжали расти, то другие демонстрировали определенное сокращение. Причем ареалы демографической стабилизации и депопуляции краевой диаспоры уже пространственно разрастались. Но в целом, система расселения армян в крае продолжала расширяться – за период 2002–2010 гг. она включила более 50 новых поселений.

¹ Иными словами, впервые после 1970-х гг. два основных фактора динамики кубанской диаспоры сравнялись по своему значению.

² И потому едва ли может соответствовать действительности зафиксированное в межпереписной период сокращение армянского населения в крупнейших городских центрах региона (в том числе в краевой столице и Сочи), наиболее привлекательных для экономической деятельности.

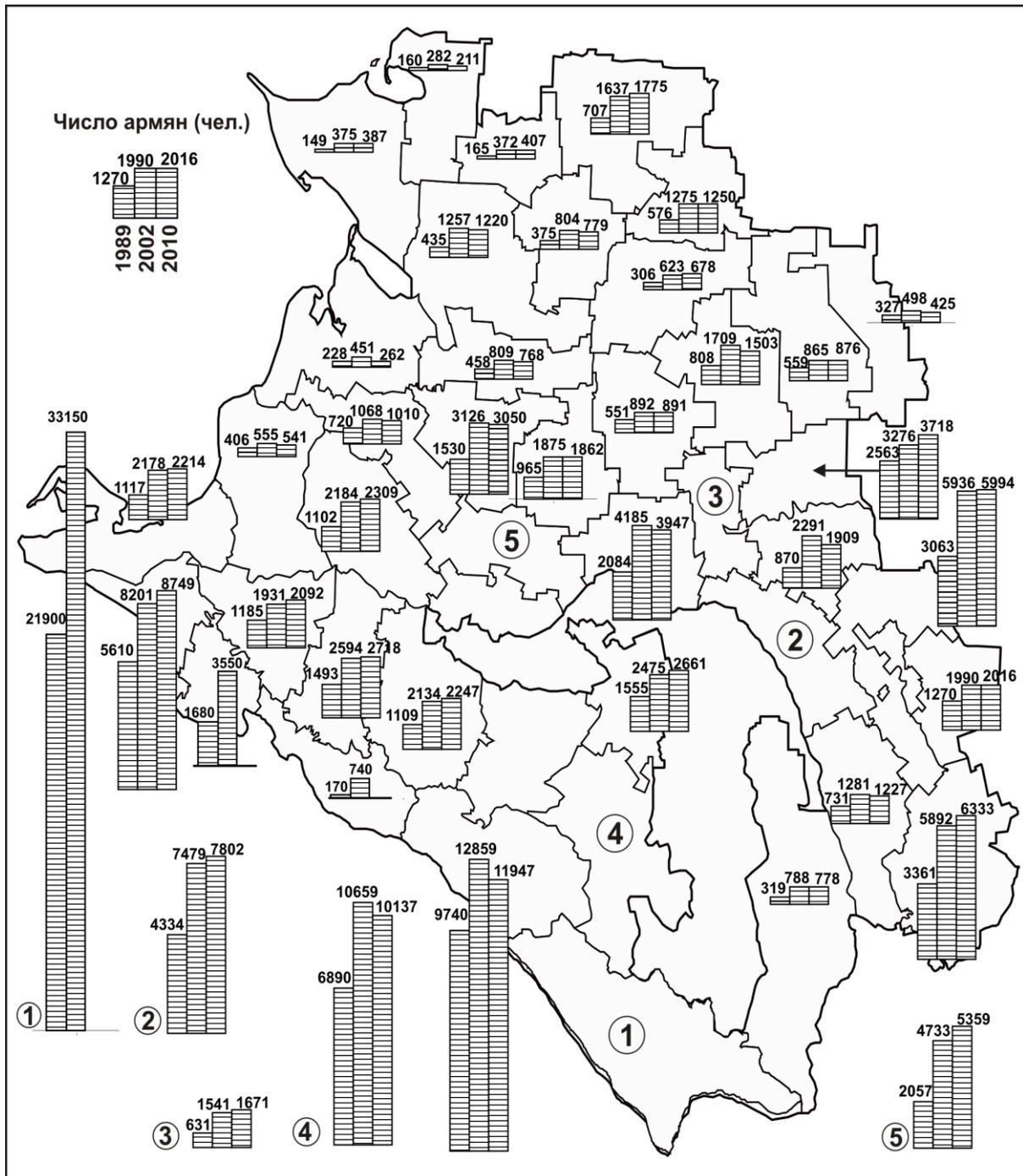

Рис. 2.29. Численность армянского населения в районах Краснодарского края, 1989–2010 гг. (чел.)

Показательно соотношение широты расселения армянской и украинской диаспор в крае. Первая из них по своему размеру в начале XXI в. уже более, чем вдвое превосходила вторую. И, тем не менее, краевая география украинцев по-прежнему была заметно шире. Что не удивительно, учитывая историю украинской общины, вплоть до начала – середины 1930-х гг. пред-

ставлявшей наряду с русскими основную этническую группу краевого населения. Данное обстоятельство определяло практически 100-процентную повсеместность присутствия украинцев в пределах Кубани. Численность их в отдельных поселениях могла быть минимальной, но хотя бы отдельные представители народа имелись в подавляющем большинстве населенных пунктов края.

Табл. 2.3

Территориальные группы армян в населенных пунктах Краснодарского края

Размер группы (чел)	Число территориальных групп		Доля в населении диаспоры (%) ¹	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
30-50 тыс.	1	1	18,2	16,8
10-30 тыс	3	2	21,1	15,3
5001-10000	2	3	4,6	6,8
3001-5000	5	6	7,1	8,4
1-3 тыс.	30	38	18,7	22,4
501-1000	30	36	7,9	9,1
301-500	50	50	7,4	7,0
101-300	118	129	8,0	8,1
51-100	106	93	2,9	2,4
31-50	87	104	1,3	1,5
11-30	282	250	2,0	1,6
5-10	250	305	0,8	0,6
Всего населенных пунктов.	965	956		

Остаточную форму этой повсеместности сохраняет и современная украинская диаспора. В 2002 г. ее представители (количеством от трех человек и более) проживали в 73% поселениях края, тогда как армяне только в 57%. К 2010 г. разница в широте этнического ареала между диаспорами сократилась (показатель территориальной представленности составил соответственно 62,8% и 59,6%). Но украинцы, по численно-

¹ Приведенные в данных столбах цифры не являются абсолютно точными, поскольку не учитывают группу армян проживавших в области «минимальными» группами или в одиночестве (1-4 человек).

сти уступавшие армянам уже в три раза, все еще оставались территориально более широкой группой. Впрочем, данное превосходство должно было утратиться уже в первые годы после переписи. И к настоящему времени (2014–2015 гг.) краевые армяне, скорее всего, вышли вперед и по этому показателю. Но уже не столько вследствие собственной пространственной экспансии, сколько в результате дальнейшего сокращения широты украинского расселенческого ареала.

Как видим, за исключением двух районов, в которых армяне проживали только в каждом четвертом и пятом поселении, уровень их территориальной представленности был значительно выше. В 2010 г. в большинстве районов Кубани армяне числом от трех человек и более проживали в 55-75% местных населенных пунктах. А в семи районах уровень их присутствия превышал 80%. (рис. 2.30).

Сохранилась в постсоветский период и территориальная «двухцентричность» общины – на два крупнейших средоточия армянского населения (Большой Сочи и Краснодар) приходилось более 26% всех представителей диаспоры, не изменился и смешанный характер расселения, включающий как города, так и сельские территории (более того, уровень урбанизации краевых армян в первом десятилетии века даже несколько снизился).

В настоящее время Кубань устойчиво остается ведущим средоточием южнороссийского армянского сообщества. Здесь не только живет почти 45% всех армян Юга России, но и сохраняется множество поселений, в которых они составляют от 30–40% до 60–70% жителей. Но куда больше населенных пунктов, в которых доля армян составляет 3–6% – внушительный удельный показатель, если принять во внимание социально-экономический потенциал общины, гарантирующий ощутимое присутствие армян в жизни данного городского или сельского сообщества.

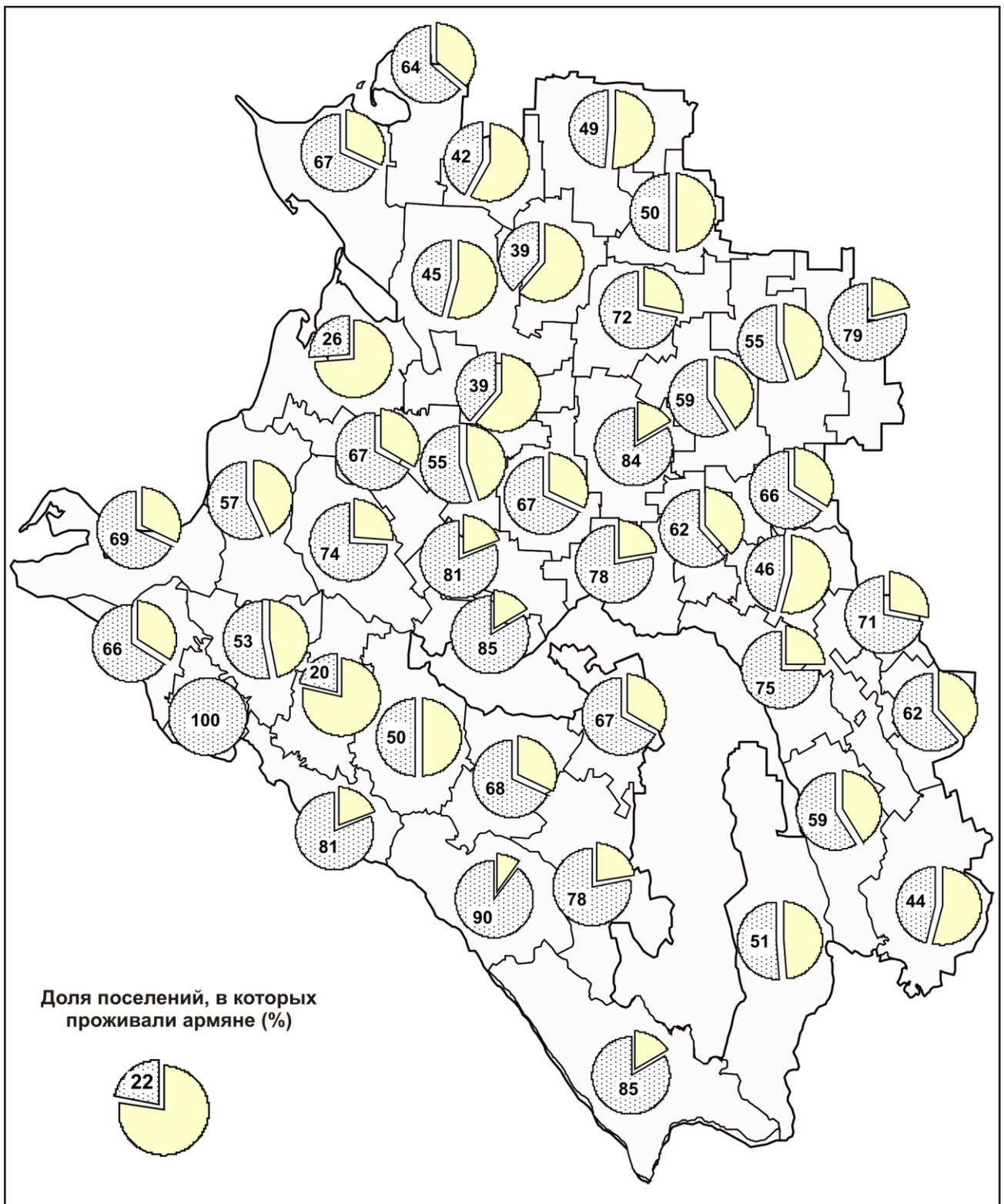

Рис. 2.30. Широта территориальной представленности армянского населения, 2010 г. (% поселений, в которых проживали армяне, числом от трех человек)

Адыгея

Армянская община Адыгеи формировалась как составная часть краевого армянского сообщества. В конце XIX в. в Май-

копском отделе Кубанской области проживало 1,83 тыс. армян (в том числе представителей черкесогаев). Из них непосредственно в самом Майкопе 327 человек. Тем самым, основу общины (82%) составляли сельские жители. Показательно, что среди армян Майкопа мужчин было в 1,5 раза больше, чем женщин. Впрочем, определенный мужской перевес, хотя и не столь значительный (около 30%), обнаруживался и в местных сельских общинах. Очевидно, что большинство из них все еще находилось на стадии формирования.

Дальнейшая демографическая динамика общины Майкопского округа имела сложный характер. В 1912 г. в окружном центре проживало уже 707 армян, на сельских территориях 820. В общей сложности более 1,5 тыс. человек – на 300 меньше, чем во время переписи 1897 года. Однако территориальная группа самого Майкопа продемонстрировала более чем двукратный рост. А социальные катаклизмы второго десятилетия XX в. способствовали притоку в город новых армянских переселенцев. Община пополнилась как в период Первой мировой войны, так и в годы Гражданской войны. В 1918 г. Майкоп – один из центров Кубани (наряду с Екатеринодаром и Армавиром), принявших основной поток беженцев с территории Закавказья. Как результат, если за период 1913–1926 гг. общее население города практически не изменилось (соответственно 52,3 тыс. и 52,5 тыс. жителей), то его армянская община снова увеличилась вдвое, превысив 1,4 тыс. человек. Несколько возросло число армян и в сельской округе¹.

¹ В 1925 г. в пределах Майкопского округа Северо-Кавказского края из ряда сельсоветов Хадыженского района создается Армянский национальный район центром в с. Елисаветпольское. При площади в 111 кв. км. район имел около 9 тыс. населения, значительную часть которых составляли армяне. Впрочем, значительной роль в демографо-расселенческой динамике армянского населения Кубани он не сыграл. Тем более, что уже к концу 1930-х гг. термин «национальный район» выходит из употребления, а еще спустя два десятилетия Армянский район перестал существовать и как самостоятельная административная единица. [Скорик А.П. Федина И.М. Миграционные перемещение армян в кубанские станицы в 1920-е гг. опыт создания национального района. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 97–98.]

Рис. 2.31. Динамика армянской общины Майкопа, 1897–2010 гг. (тыс. чел, %)

В последующие несколько десятилетий демографо-расселенческая динамика местной диаспоры меняет свое направление. И теперь уже устойчивый рост демонстрирует ее сельская часть, тогда как численность армян самого Майкопа остается на уровне середины 1920-х годов (чуть более 1,4 тыс. человек). При этом, что за период 1926–1959 гг. в территориальных пределах современной Адыгеи армянское население выросло с 2,9 тысяч до 4,66 тыс. человек.

Прочно привязанной к земле оставалась местная армянская община и в дальнейшем. На республиканскую столицу приходилось чуть более трети ее представителей, а общий уровень урбанизации не превышал 50%. Впрочем, сельская форма расселения не отменяла определенной урбанистической привязки местных армян. Основная масса поселян из их числа всегда концентрировалась в окрестностях самого Майкопа, а также в северном Тахтамукайском районе, сопредельном Краснодару (рис. 2.32).

В послевоенный период уверенно растут как городская, так и сельская части республиканской диаспоры. Привлекательность Краснодарского края для новых переселенцев в значительной степени распространяется и на Адыгею, которая воспринимается мигрантами как составная часть кубанского социума. И не случайно, темпы роста краевой и республиканской общин остаются сближенными от десятилетия к десятилетию.

Стремительный количественный рост армян Адыгеи в 1959–1970 гг. (когда община выросла на 73%) обязан включению в состав республики Тульского района Краснодарского края, разом увеличившего армянскую диаспору республики на 1,65 тыс. человек. Без учета этого демографического довеса рост составил только 12%. То есть, не в три раза больше, а в два раза меньше, чем за этот период на Кубани. Но в дальнейшем темпы динамики обеих общин существенно сближаются (в 1970-е гг. армянское население края и республики выросло соответственно на 22,5 и 22%, в 1980-е – на 50 и 64%, в 1990-е – на 50 и 64%, в 2000-е гг. – на 2 и 3%).

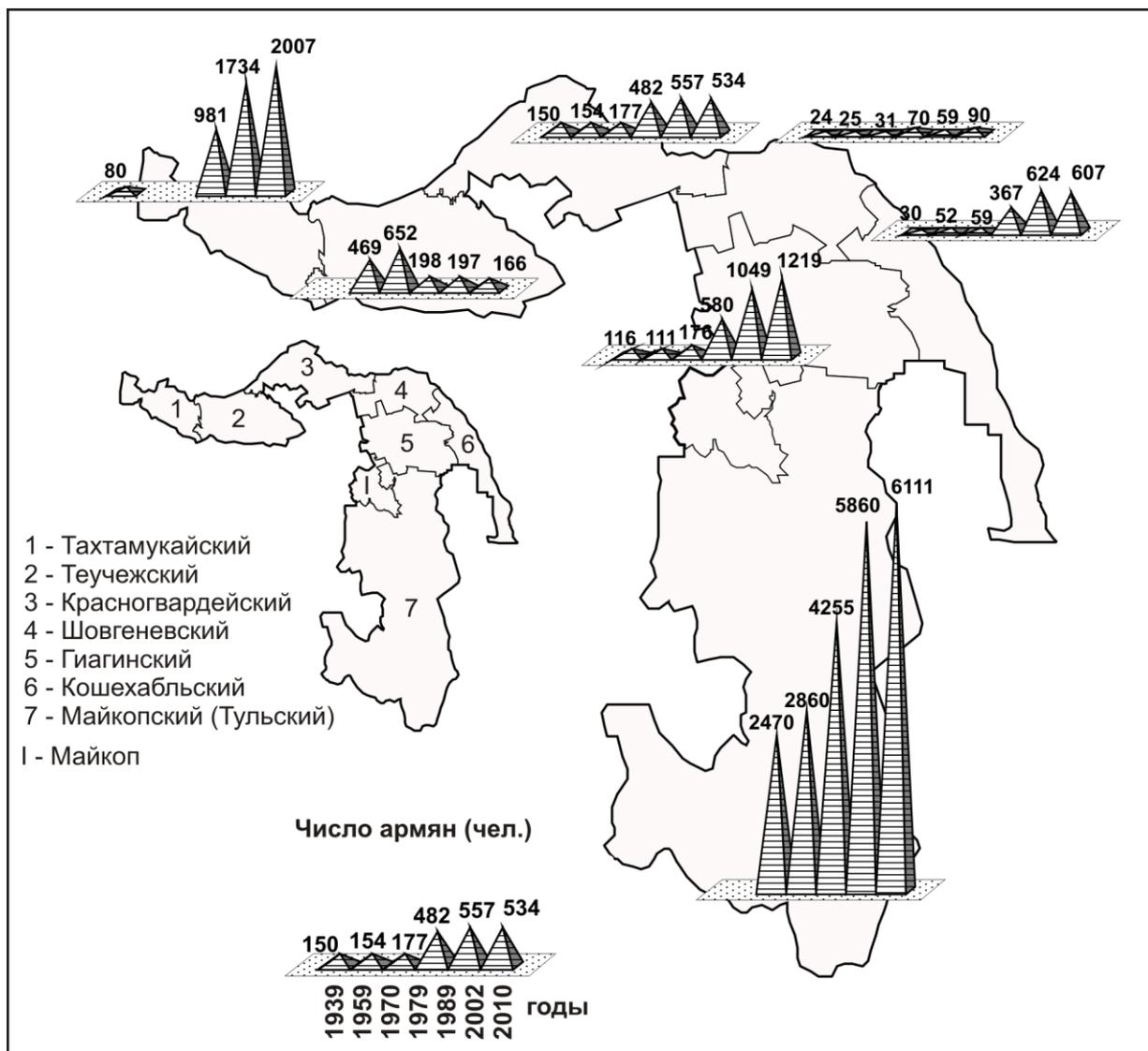

Рис. 2.32. Динамика армянского населения в районах Адыгеи, 1939–2010 гг. (тыс. чел.)

Сходным образом меняется и внутренняя структура демографического роста республиканской общины. Если в 1970-е гг. она увеличивается как за счет естественного прироста, так и миграции (количественный «вклад» которых сопоставим), то количественный рост последнего советского десятилетия уже в самой значительной степени связан с потоком переселенцев, устремившихся в республику из Закавказья.

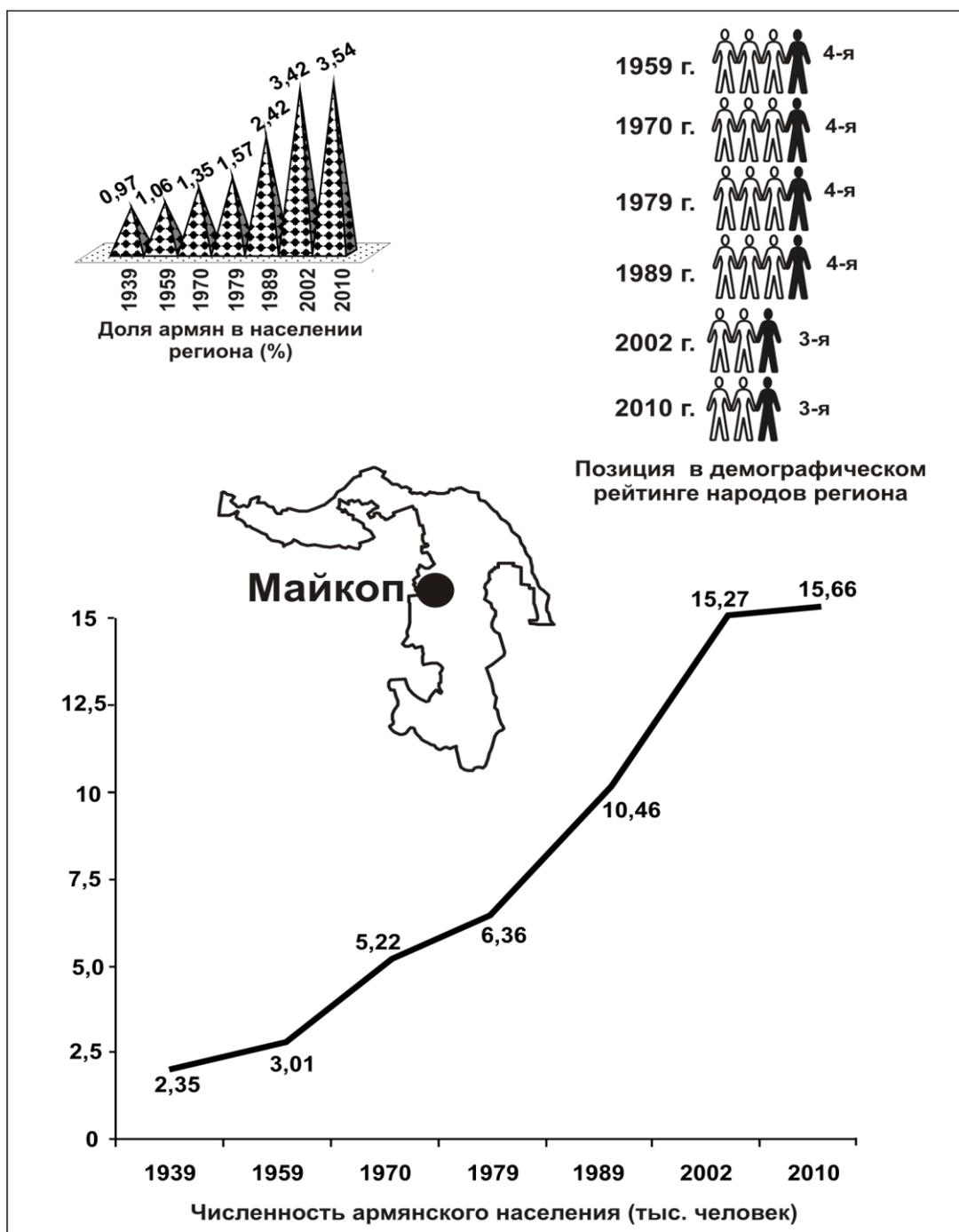

Рис. 2.33. Динамика армянской общины Адыгеи, 1939–2010 гг.

Еще более ускоряется рост республиканской общины в 1990-е гг., когда армяне впервые опережают по численности украинскую диаспору и, превысив 15-тысячную отметку, оказываются по размеру третьим народом Адыгеи. Сопоставимой с украинцами к началу XXI в. была и их географическая широта – представители обеих общин проживали почти в 60% населенных пунктах республики¹

Таблица 2.4

Территориальные группы армян в населенных пунктах Адыгеи

Размер группы (чел)	Число территориальных групп		Доля в населении диаспоры (%)	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
5-10 тыс.	1	-	39,8	-
3-5 тыс.	-	1	-	26,4
1-3 тыс.	1	3	10,8	26,1
501-1000	2	3	10,4	12,3
301-500	3	3	8,5	6,6
101-300	9	9	11,9	10,3
51-100	16	23	9,0	11,0
31-50	11	11	3,6	2,8
11-30	34	34	4,8	3,9
7-10	19	12	1,3	0,6
Всего населенных пунктов.	96	101		

Столь стремительный демографический взлет диаспоры вызывал серьезную озабоченность у активистов титульного сообщества. Тем более, что в экспертном сообществе республики и различных ее административных инстанциях в середине «нулевых» циркулировала информация о том, что число армян в Адыгее достигло 30 тыс. человек. А значит, по численности они всего в два раза уступают адыгейцам. В реальности миграционное пополнение диаспоры в 2000-е гг. существенно сократилось (по

¹ Переписью 2010 г. группы армянского населения от трех человек и выше были зафиксированы в 130 поселениях Адыгеи (из имевшихся в ней 220). Украинцы проживали в 125 населенных пунктах.

данным миграционной службы за период 2002–2010 гг. из Армении въехало в республику около 1,5 тыс. человек). А следом существенно упали и темпы роста общины.

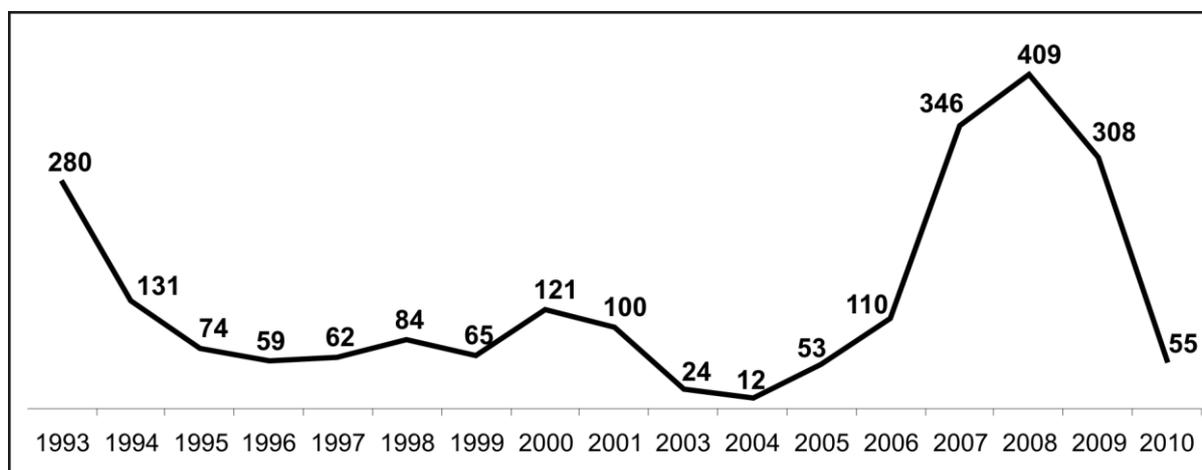

Рис. 2.34. Чистый приток (миграционное сальдо) переселенцев из Армении в Адыгею, 1993–2010 гг. (чел.)

Перепись 2010 г. зафиксировала в республике только 15,6 тыс. армян, всего на 400 чел больше, чем в 2002 году. С большой вероятностью можно говорить о недоучете официальной статистикой представителей общины. Но очевидно и то, что диаспора из стадии быстрого количественного роста перешла в период «равновесного» развития, характеризуемого незначительными демографическими подвижками. Принимая в расчет естественный прирост и миграционное пополнение размер ее мог составлять в 2010 г. порядка 17,5–18 тыс. человек.

При этом ареал расселения диаспоры отличался достаточной устойчивостью. Крупнейшим средоточием армянского населения в Адыгее остается Майкоп и его сельские окрестности (Майкопский район), составляющие демографическое ядро пространственной сети общины (шесть из десяти ее крупнейших поселенческих групп располагались в этом районе) (см. приложение № 3).

2.3. Армяне Ставрополя (Кавказская губерния/Ставропольский край)

Известий о присутствии армян в степной зоне будущего Ставрополя в античную эпоху не сохранилось. Данная обширная

степная зона являлась местообитанием различных кочевых сообществ, сменявших друг друга на протяжении столетий. В III в. д.н. эры сарматы (сираки) вытеснили скифов, а спустя несколько веков, в начале I тыс. н. э. были оттеснены аланами, которые в последней четверти IV в. н. э. были разгромлены гуннами. Последние, впрочем, недолго оставались в пределах степного Предкавказья. Их сменяет множество других племенных союзов и групп, прошедших через данные территории в эпоху великого переселения народов.

Оногуры, болгары, барсилы, савиры, акациры (хазары), тюркуты – этногеография будущего Ставрополя в середине I тыс. н.э. отличалась повышенным динамизмом и пространственной мозаичностью. Эти и другие племенные группы непрерывно меняли ареалы своего расселения, теснили друг друга; набирали и теряли военную мощь, а с ней и свою географическую широту¹. С VII в. входит в силу Хазария, сумевшая подчинить множество других племен и успешно противостоявшая нарастающей с юга экспансии арабов².

Очевидно, что на протяжении древности и раннего средневековья хотя бы отдельные выходцы из Армении должны были, волею жизненных обстоятельств оказываться в пределах данной территории. Но подобное этническое присутствие оставалось достаточно случайным и спорадическим.

Развитых городских центров, в которых могли бы появляться (тем более надолго оседать) армянские торговцы или ремесленники в регионе не было вплоть до появления в XIV в. Маджара (территория современного Буденновска). Этот золотоордынский город в период своего расцвета являлся заметным центром транзитной международной торговли и отличался полиэтничным населением, среди которого были тюрки, русские, аланы, евреи. Армяне в перечень основных его этнических групп не входили, но с большой вероятностью должны были его посещать в числе купцов многих других национальностей.

¹ Очерки истории Ставропольского края. Т. 1., Ставрополь, 1984, С. 31–74.

² Расцвет Хазарского каганата приходится на VIII–IX века.

Но устойчивое включение Ставрополя в ареал расселения армянского народа начинается еще на несколько столетий позже. И связано уже с периодом вовлечения данных пустынных территорий в состав Российского государства, их все более активной колонизацией. Хотя номинально большая часть будущего Ставрополя (по сути, весь край за исключением его западных и южных районов) находился в пределах России уже в начале – середине XVII в., широкое освоение данной части степного Предкавказья начинается только в последней четверти XVIII века.

Согласно именному указу Екатерины II (от 5 мая 1785 г.) было: «а) признано полезным устраивать города в близости горских народов; б) повелено ввести городское положение, утвержденное 21 апреля т. г. в Кавказском наместничестве в Кизляре, Моздоке и других городах, где управление городское прежде единственно относилось к военному начальству; в) для развития торговли и ремесел дозволено иностранцам селиться в городах Кавказского наместничества; г) обещано также дать вскоре разрешение селиться в Кавказской губернии выходцам из Закавказья, а армянам основать города...»¹.

Справедливости ради отметим, что пределы Кавказской губернии (административной «предшественницы» Ставропольского края в XVIII в.), были шире современных краевых контуров, и включали прикаспийские территории с Кизляром, а также Моздок – двумя центрами, которые становятся основными средоточиями армянского колонизационного движения уже в первой половине – середине петровского столетия.

Значительная группа армян (порядка 450 семей) появляется в Кизляре в 1736 г., после того, как Россия решает возвратить Персии прикаспийские территории, завоеванные во время похода Петра I (1722–1723 гг.). За недолгий период пребывания в составе империи армянское население Дербента и приморских районах

¹ Ованесов Б.Т. Пути миграции армянского населения на Северный Кавказ. URL: <http://armeniansite.ru/armyanskie-diaspory/452-puti-migratsii-armyanskogo-naseleniya-na-severnyj-kavkaz.html>

южного Дагестана выросло самым существенным образом за счет мигрантов из Карабаха и других внутренних районов Закавказья. Часть этих переселенцев решает уйти на север, в российские пределы. Так на землях будущего юга России появляется первая значительная и при этом территориально компактная группа армянского населения, численностью более двух тыс. человек.

Дальнейшая демографическая динамика кизлярской общины была сложной и разнонаправленной, иллюстрируя прихотливый характер социально-экономического развития самого города и отражая «типовую» эволюцию такого рода этнических поселений. Впрочем, после существенного сокращения размера в середине XVIII в., община кизлярских армян еще около века преимущественно шла в рост, достигнув своего максимума в середине XIX столетия. А затем нарастающая экономическая стагнация города становится основной причиной его общей депопуляции и устойчивого оттока местных армян в другие, более динамичные центры.

Рис. 2.35. Динамика армянской общины Кизляра, 1762–2010 гг. (тыс. чел, %)

Вторым крупным средоточием армянского населения в пределах Кавказской губернии стал Моздок (рис. 2.36). Как видим, местная община с момента возникновения данного поселения являлась «градообразующей» (на протяжении многих десятилетий

доля армян составляла около 40% его жителей). Процесс обрусения городского сообщества ускорился только в пореформенные десятилетия, завершившись уже в советское время.

Рис. 2.36. Динамика армянской общины Моздока, 1769–2010 гг. (тыс. чел, %)

Как и на землях Области войска Донского, армянская колонизация ставропольских степей носила в это время очаговый характер. Но в отличие от Подонья, в котором основная масса армянских переселенцев осела в сельской местности, на Ставрополье армяне зачастую компактно заселялись в возникающие или уже существующие центры, активно участвуя в формировании городской сети региона. В начале XIX в. в пределах Кавказской губернии имелось пять городов (Кизляр, Моздок, Ставрополь, Георгиевск и Александровск). В двух первых, как уже говорилось, армяне изначально составляли значительную часть населения. Но и в Ставрополе, основанном в 1778 г. и получившем городской статус в 1785 г., армянские торговые люди должны были появляться с первых лет его существования. Однако устойчивая община появляется в начале XIX века. В 1808–1809 годах из донской Нахичевани в Ставрополь переселяется порядка 50 армянских семей, преимущественно ремесленники и торговцы, способные активизировать экономическую жизнь города.

В литературе присутствуют различные оценки численности населения Ставрополя этого времени. Согласно А.В. Фадееву, в 1804 г. в городе проживало 2986 жителей¹, Б.Т. Ованесов для 1811 г. называет цифру – 2037 человек². Так или иначе, но население центра в начале XIX в. составляло порядка 2–3 тыс. человек. А, следовательно, армянская община (50 семей, около 250 человек) сразу же превращается в значительную группу городской населения, заключая до 10% горожан. В дальнейшем, ставропольская община уже никогда не имела столь значительного удельного веса, хотя общий размер ее поступательно возрастал почти на всем протяжении двухвекового существования.

Рис. 2.37. Динамика армянской общины Ставрополя, 1810–2010 гг. (тыс. чел, %)

Практически с момента возникновения Георгиевска фиксируется армянское население и в нем. «При выходе из Александровских (северных) ворот направо располагался базар, за ним – Мещанская слободка, рядом с ней – армянские поселения с церко-

¹ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957, с. 229.

² Ованесов Б.Т. Армянская община города Ставрополя. URL: <http://armeniansite.ru/armyanskie-diaspory/453-armyanskaya-obshchina-stavropolya.html>.

вью и лавками...»¹. Наличие собственной церкви – свидетельство того, что община должна была насчитывать, минимум, несколько десятков человек. Учитывая, что в Георгиевске начала XIX в. было около двух тысяч жителей, армяне могли составлять несколько процентов горожан. Притягивало в город новых переселенцев и назначение Георгиевска в 1802 г. губернским центром. Впрочем, административный взлет города оказался недолговременным. Уже в 1822 г. следует новый виток административно-территориальной реформирования, в результате которого Кавказская губерния преобразуется в одноименную область с центром в Ставрополе (это обстоятельство становится переломным моментом и в демографической динамике георгиевской армянской общины).

Еще одно армянское поселение создается в самом конце XVIII в. на месте средневекового ордынского центра Маджара. Оно получает название города Святого Креста. Первая попытка российских властей дать новую жизнь старому городу была неудачной – немецкие колонисты, переселенные из Саратовской губернии в 1785 г., не прижившись на новом месте, спустя шесть лет покидают его. Но уже в 1797 г. здесь появляются выходцы из Карабаха – порядка 70 армянских семей². В 1799 г. Павлом I подписывается жалованная грамота, позволяющая армянским переселенцам основать город на месте, где были Старые Маджары. Переселенцам «определялись разные выгоды и преимущества при начатых полезных заведениях, для возбуждения в них ревности и трудолюбия».

Учитывая, численность жителей нового поселения не превышала нескольких сотен человек, назвать его городом в полном смысле было сложно. И, тем не менее, на территории формирующейся Кавказской губернии возникло еще одно крупное сре-

¹ Цит. по: Ованесов Б.Т. Возникновение армянской общины в г. Георгиевске в XVIII–XIX вв. URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/435-vozniknovenie-armyanskoj-obshchiny-v-g-georgievske-v-xviii-xix-vv.html>.

² В честь места своего исхода, новое поселение было названо переселенцами Карабаглы, которое в дальнейшем еще долго держалось, употребляясь вместе с именем данным поселению указом Павла I.

доточие армянского населения. Но с кратким правлением Павла было связано появление и другой значительной территориальной общины – армянского села Эдиссии, расположенной километров на 30 к северу от Моздока и основанного в 1797 г. выходцами из села Кильвар (Дивичинский район современного Азербайджана).

Рис. 2.38. Динамика армянской общины г. Св. Креста (Буденновска), 1787–2010 гг. (тыс. чел, %)

Тем самым уже к рубежу XVIII в. складывается расселенческая дуга региональной общины, вытянутая от Ставрополя на западе, через сдвинутые к югу центры Кавминовдского района, Моздок и Эдиссию до Кизляра на востоке. Эта поселенческая сеть как бы охватывала степные просторы Ставрополя с юга, только в районе г. Св. Креста, выдвигаясь на сотню километров от кавказских предгорий вглубь степного Предкавказья¹.

Расширение географии армян в Кавказской области связано с освоением во второй четверти XIX в. Кавминводовского района. Армянские общины в новых поселках, возникающих в этом районе, появляются едва ли не с момента их основания². Наиболее

¹ Впрочем, две крайние точки этого расселенческого ареала – Ставрополь и Кизляр, также были вынесены к северу, располагаясь в глубине обширной степной зоны.

² Более того, имеется информация, согласно которой армяне появляются в данных местах за несколько столетий до этого. Согласно данным из Википедии: «Армяне начали селиться на территории нынешнего Пятигорска в XII веке, к юго-востоку от ст. Горячеводская, в районе роши, за которой надолго утвердилось название «Армянский Лес», находилась не-

заметная из них формируется в Пятигорске, в котором помимо традиционных для городских армянских общин ремесленников и торговцев, присутствовали и отставные армяне-офицеры¹. Учитывая, что население города в конце 1830-х составляло чуть более 1,5 тыс. человек, даже небольшое число армян составляла было вполне ощутимо в жизни Пятигорска. Тем более, что речь о весьма активном и предприимчивом населении.

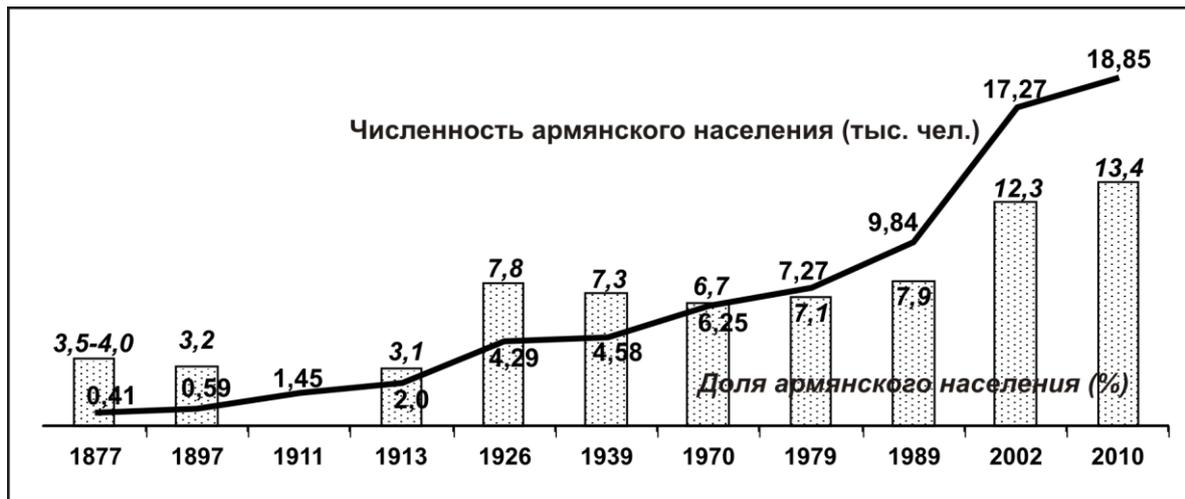

Рис. 2.39. Динамика армянской общины Пятигорска, 1877–2010 гг. (тыс. чел, %)

Но селились армяне и в других поселениях Кавминвод, в т.ч. в Кисловодске, Ессентукской, Железноводске. Как и в отношении Пятигорска, даже не имея точной информации можно с достаточной уверенностью предположить, что их общины должны были представлять достаточно крупные по меркам этих поселений этнические группы. Такой вывод можно сделать, принимая в расчет размеры населенных пунктов (не-

большая армянская деревня — Армянский Аул. Позже, в начале XVIII века, начинается новая волна армянской миграции в этот район» [Армяне в Ставропольском крае. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1>].

¹ Ованесов Б.Т. Возникновение армянских общин Кавказских Минеральных Вод в XVIII–XIX вв. URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/438-vozniknovenie-armyanskikh-obshchin-kavkazskikh-mineralnykh-vod-v-xviii-xix-vv.html>.

сколько сотен жителей)¹, в которых даже несколько армянских семей (20–30 человек) могли составлять несколько процентов жителей.

В середине века Кавказская область была преобразована в Ставропольскую губернию. Однако контуры ее сохранились от предыдущего периода. И в этих территориальных пределах губерния заключала все сложившиеся крупные очаги армянского расселения (Кизляр и Моздок с окрестностями, включая Эдиссию, город Св. Креста и район Кавминвод).

Демографическая динамика местных армянских общин на протяжении XIX в. была сложной и неравномерной, зависела от множества внешних и внутренних факторов: войн России с Портой и Персией; строительства железных дорог и других подвижек в региональной транспортной системе, менявших направление и масштаб торговых потоков; российских реформ и экономической разворотливости самих местных сообществ, успевавших приспособиться к социально-экономическим переменам или не успевавших, и постепенно приходивших в запустение.

Можно отметить очевидную социально-экономическую стагнацию Кизляра и Моздока, крупных торгово-ремесленных центров XVIII – начала XIX веков. Но уже во второй трети века в их развитии все отчетливей проступают признаки застоя. Значение их в экономической жизни степного Предкавказья с 1840-1850-х гг., пусть неровно во времени, но достаточно последовательно снижается до конца столетия. Особенно заметной эта затяжная депрессия становится в пореформенные десятилетия.

И не случайно армянские общины обоих центров достигают своего демографического максимума в середине XIX в., после чего начинается их поступательное сокращение. Впрочем, идет вниз и общее число жителей этих центров. Что особенно контрастирует на фоне стремительно растущего демографического потенциала всего пореформенного Юга России и Кавказской губер-

¹ К примеру, Кисловодск, к концу 1840-х гг. представлял «военное поселение с небольшим укреплением, более 100 домов, военный госпиталь» [ЦГВИА. Ф. 38, оп. 7, д. 162, л. 133–134].

нии, привлекающих сотни тысяч новых переселенцев. Локомотивами развития степного Предкавказья становятся другие центры, перехватывая у старых не только финансовые и экономические ресурсы, но и население.

Но отрицательное сальдо миграции не означало, что Кизляр и Моздок только теряли жителей. Сохранялся и некоторый приток. Приезжие в своей массе уже не были армянами, представляя в основном русское большинство. Тем самым, этнодемографическая динамика данных двух центров во второй половине XIX в. представляла сдвоенный процесс постепенной депопуляции городского населения и поступательное его обрушение. Аналогичная этнодемографическая трансформация городского сообщества наблюдалась и в г. Св. Креста. Из крупных средоточий армянского населения Кавказской губернии демонстрировали уверенный демографический рост только общины Кавминводского района. Росло и армянское население самого Ставрополя.

В результате нового административно-территориального передела степного Предкавказья, последовавшего после завершения Кавказской войны, большая часть армянской расселенческой сети Ставропольской губернии перешла в состав Терской губернии (составив ее Кизлярский и Пятигорский отделы). Численность армян в «усеченной» Ставропольской губернии, в конце 1860-х чуть превышала 5 тыс. человек. Основная их доля проживала в г. Св. Креста (Новогригорьевский уезд). И этот расселенческий ареал оказался весьма устойчивым. Спустя 30 лет, Первая всеобщая перепись населения Российской империи обнаружила в Ставропольской губернии ту же самую географию армянского населения¹, более того – ту же самую его демографию. Численность армян в местных городах и уездах изменилась совсем незначительно. При этом, что все население губернии за этот период (1867–

¹ Из 5,4 тыс. губернских армян 4,0 тыс. по-прежнему относились к Новогригорьевскому уезду, 790 проживало в Ставрополе и его окрестностях.

1897 г.) выросло более чем вдвое (с 385 тыс. до 873 тыс. человек).

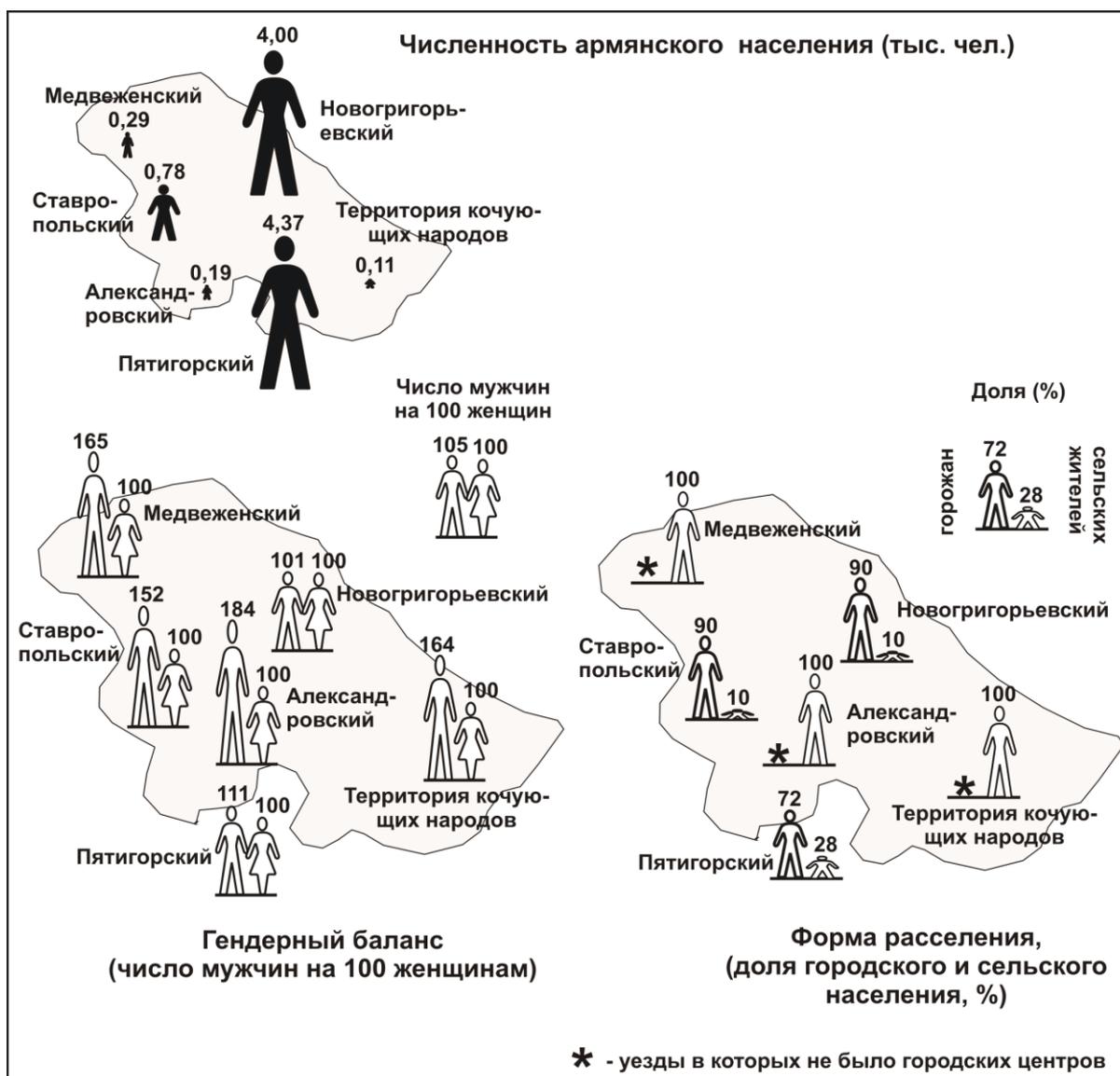

Рис. 2.40. Армянское население Ставропольской губернии, 1897 г.

Начало XX в. ускорило демографический рост региональной общины, который перестал отставать от общегубернского. Но и в 1912 г., увеличившись до 8,5 тыс. человек община не дотягивала до 0,7% местного населения¹. Количественная ее динамика в пе-

¹ Напомним, что в составе Ставропольской губернии этого времени не было Кизляра, Моздоко-Эдесского и Пятигорско-Кисловодского ареалов. И если первые два теряли свое армянское население, то последний его достаточно быстро увеличивал.

риод социальных катаклизмов второго десятилетия XX в. был сложным. Но за колебательным ее движением отчетливо просматривалась восходящая линия, связанная с притоком беженцев, массово покидавших в годы Первой мировой войны территорию Турции.

Учитывая урбанизированную форму расселения армян Ставрополя, можно в самых общих чертах представить количественную кривую всей региональной общины по динамике ее крупных городских общин – ставропольской, пятигорской, Св. Креста.

В период 1915–1920 гг. они должны были самым существенным образом вырасти, встретив первую волну мигрантов 1915–1916 гг., а затем беженцев 1918 года. Причем вторая волна могла достигать нескольких тысяч человек для каждого из крупных армянских центров Ставрополя.

Однако демографическая результирующая для них оказалась различной. Если армянское население Ставрополя, составлявшее перед Первой мировой войной 1,5 тыс. человек, к середине 1920-х гг. практически не изменилось (иными словами, вынужденные мигранты, покинули город почти в полном составе), то рост пятигорской диаспоры был стремительным. С начала XX в. к Мировой войне она выросла втрое. И продолжала быстрый рост в последующие годы. В середине 1920-х в городе проживало уже 4,3 тыс. армян.

Вместе с Прикумском (переименованный в 1921 г. г. Св. Креста) Пятигорск остается крупнейшим средоточием армянского населения Ставрополя в 1920–1930-е годы. Перед войной в пределах края проживало 29,6 тыс. армян. Максимальная концентрация армянского населения фиксировалась в крупнейших центрах Кавминоводовского района (7–8% в Пятигорске и Кисловодске), а также в Буденновске (бывшем Прикумске/г.Святого Креста), все еще сохранявшем крупную армянскую общину, хотя доля ее в городском населении сократилась к этому времени до 13%. Но учтем, что в составе края перед войной находились и два других крупных средоточия армян – Моздок и Кизляр .

И основной расселенческий ареал армян в регионе представлял все ту же пространственную «подкову», сложившуюся

еще в начале XIX в. – на западе и востоке (Ставрополь и Кизляр) выдвинутую к северу, а в центре (Кавминводы и Моздок), проходившую по южным районам Ставрополья.

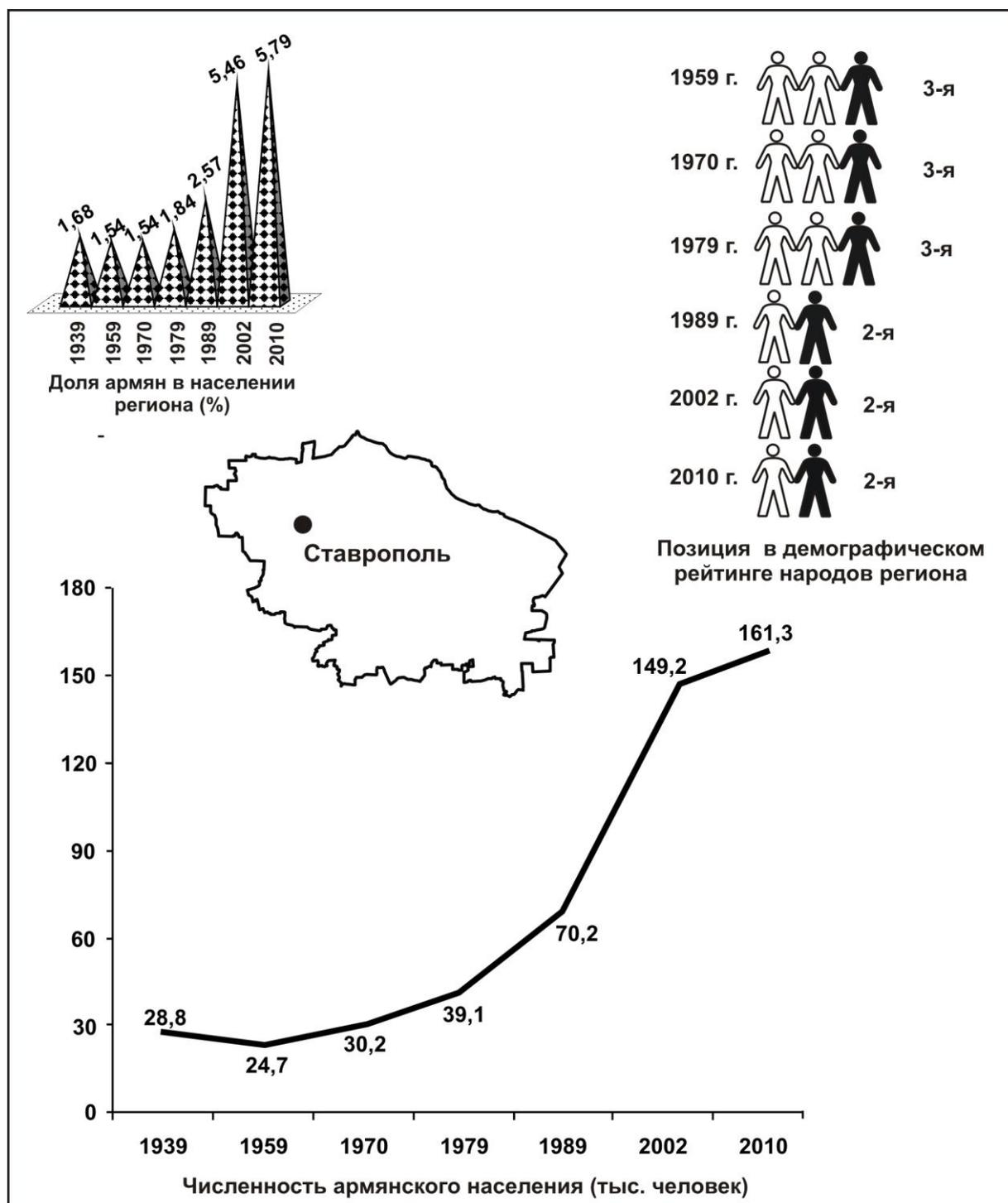

Рис. 2.41. Динамика армянской общины Ставропольского края, 1939–2010 гг.

Не удивительно и то, что следующая перепись, проведенная спустя два десятилетия, обнаружила сокращение краевой диаспо-

ры. За период 1939–1959 гг. число армян в регионе уменьшилось на 4 тыс. человек. Помимо отрицательного влияния войны, самую существенную роль в этом сыграла очередная административно-территориальная реформа, отрезавшая от Ставрополя Моздокский и Кизлярский районы.

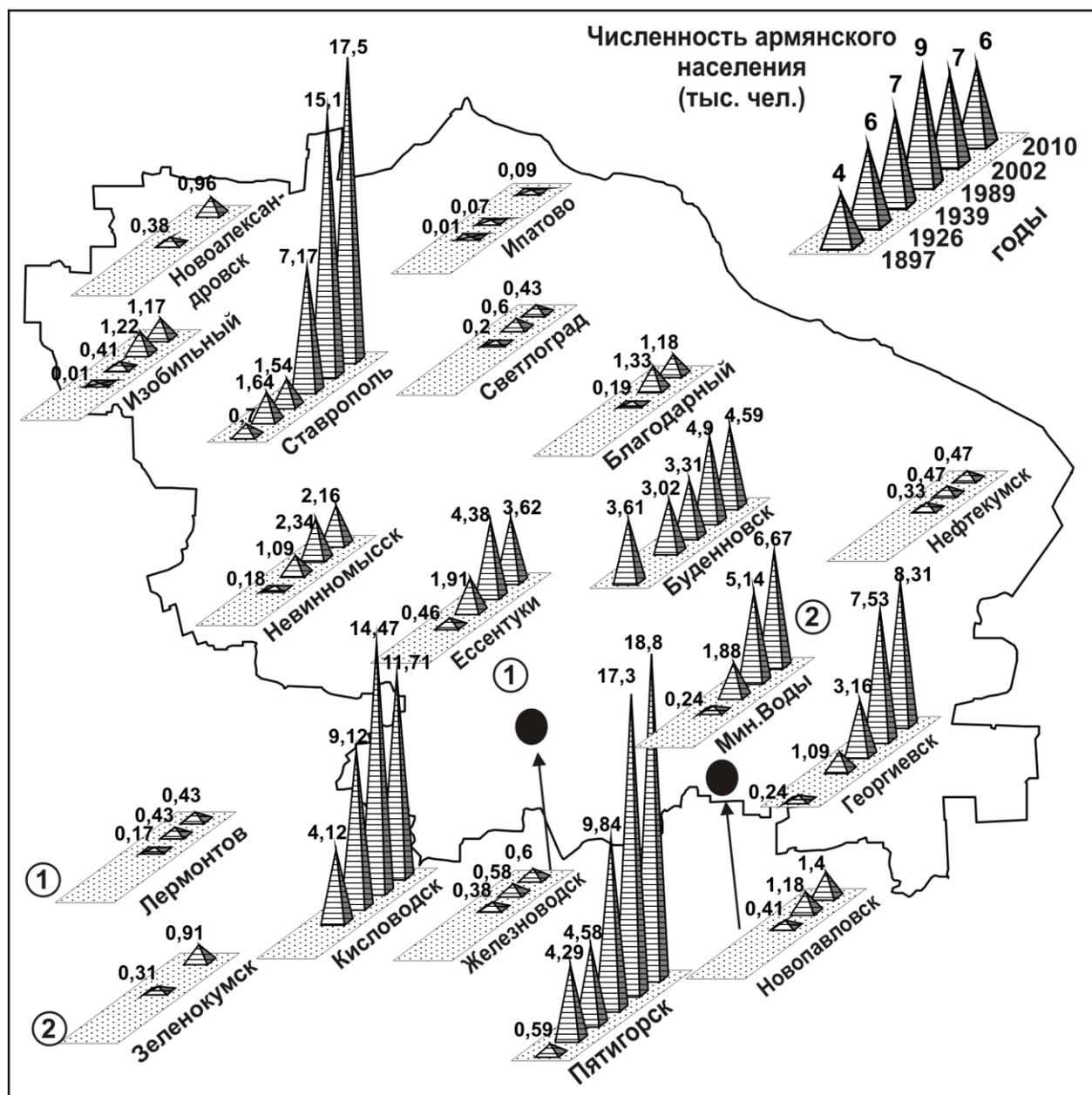

Рис. 2.42. Динамика армянского населения в городах Ставропольского края, 1897–2010 гг. (тыс. чел.)

Изменения границ существенно осложняют анализ геодемографической динамики региональной общины. Но даже не углубляясь в расчеты можно констатировать, что середина XX в. была временем демографической стабилизации краевой общины. Зато

в последующие десятилетия она идет в рост, который постепенно ускоряясь, все отчетливее опережает общерегиональный. Если в 1960-е гг. община выросла на 22%, то в следующем десятилетии почти на 30%, а в 1980-е гг. на 80%. Иными словами, с течением времени миграция начинает играть все более весомую роль в количественной динамике диаспоры. В 1970-е гг. мигранты обеспечили более половины ее демографического прироста, а в последнее советское десятилетие – 4/5.

При этом определенным образом менялась география и территориальная «центрировка» краевых армян. Все большая их часть концентрировалась в столице региона и районе КМВ. Тогда как старейшие средоточия системы армянского расселения продолжали терять свое значение. Если в 1959 г. 27,6% представителей общины Ставрополя проживало в Буденновске и Курском районе (с. Эдесса и окрестные поселения), то в 1989 г. – 12,3%; в 2002 г. только 9,5%.

Но внушительный демографический рост диаспоры, несмотря на преимущественную ориентацию мигрантов на уже существующую систему расселения и сложившиеся общины, не мог обойтись и без расширения географии армянского этнического присутствия в крае. Во второй половине 1980-х (и еще более в 1990-е гг.), группы переселенцев появляются в значительном числе районов и центров Ставрополя, в которых армяне раньше практически не проживали. Значительную часть мигрантов составляли люди вынужденные покинуть места своего проживания (Азербайджан и Нагорный Карабах, Чечню, а также Грузию и саму Армению). Для демографической динамики и ареала расселения региональной армянской общины это обстоятельство имело сразу несколько серьезных последствий. Прежде всего, отметим ее взрывной количественный рост. В 1990-е гг. краевая диаспора вырастает более чем вдвое. Еще в конце советского периода сопоставимая по размеру с донской, к рубежу веков ставропольская община прочно закрепляется на второй позиции в макрорегионе, после кубанских армян (доля ее в общем массиве южнороссийских армян вырастает за 1989–2002 гг. с 19,1% до 24,2%).

Рис. 2.43. Районы Ставропольского края

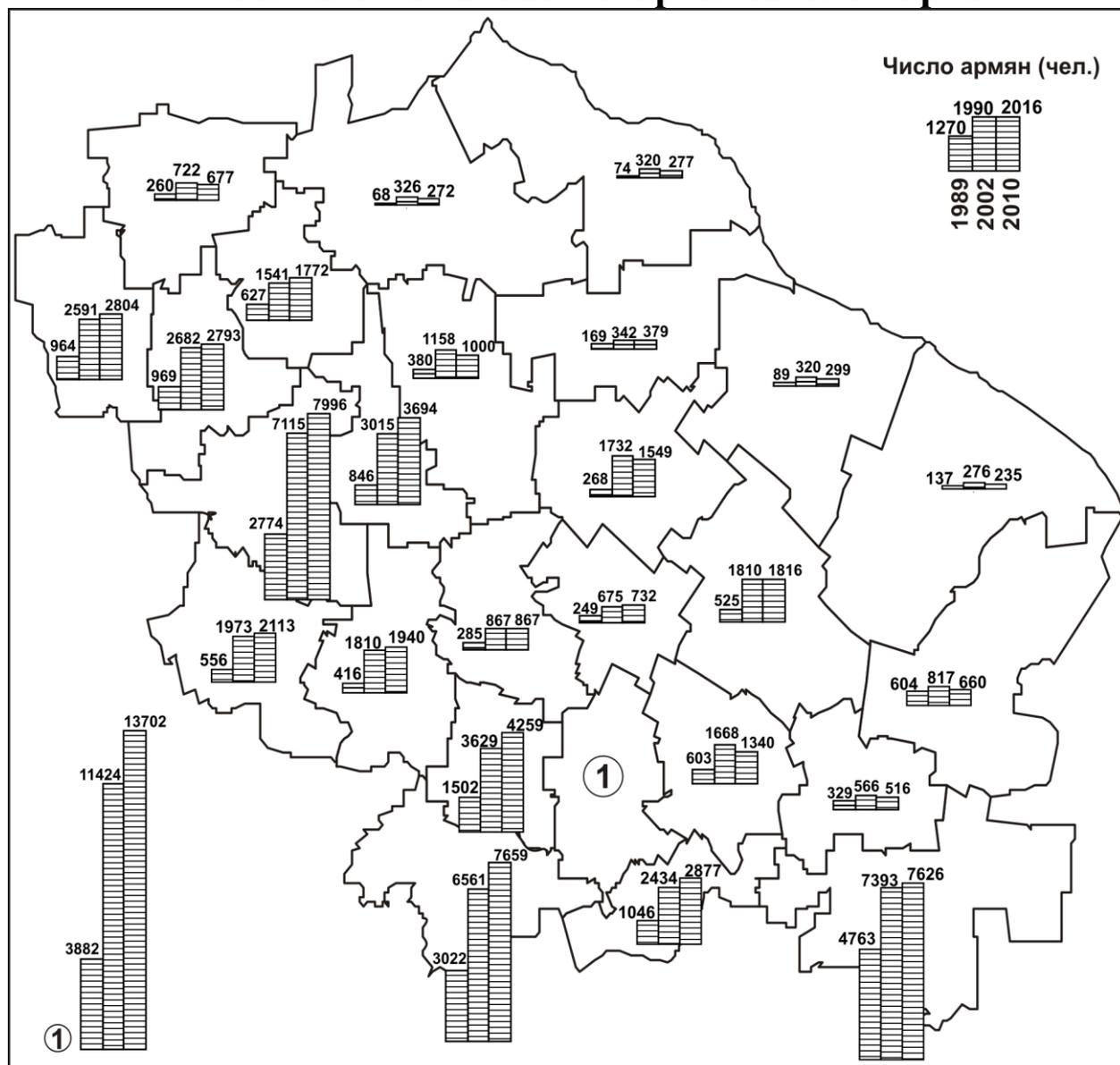

Рис. 2.44. Численность армянского населения в районах Ставропольского края, 1989–2010 гг. (чел.)

Но в начале XXI в. закономерно наступает новый этап геодемографической динамики. Приток армянских мигрантов на Ставрополье сокращается в разы (рис. 2.45). А в пределах самого края идет интенсивное перемещение переселенцев первой постсоветской волны. Осваиваясь в регионе, они начинают искать более удобные места проживания и трудовой деятельности. Идет интенсивный внутрикраевой переток армянского населения.

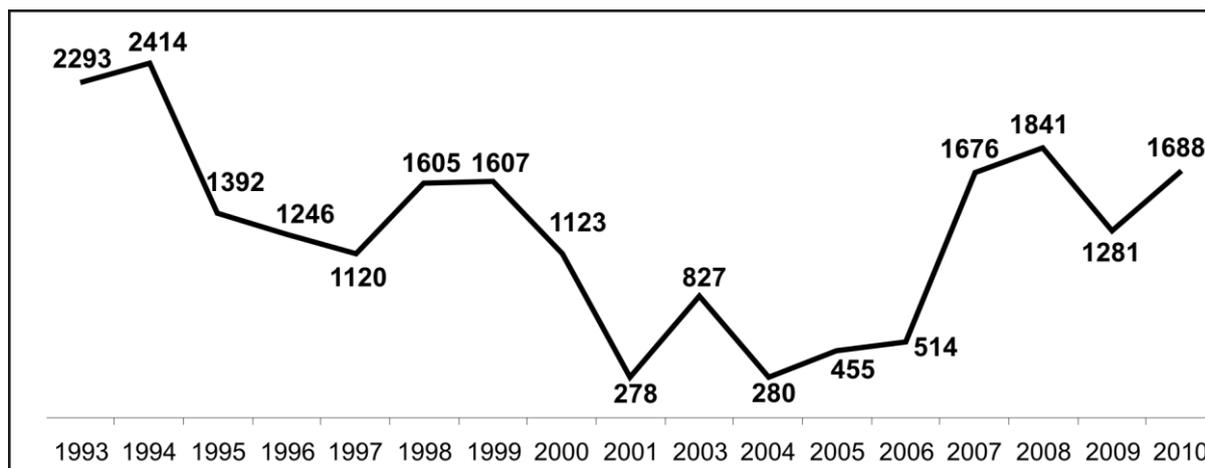

Рис. 2.45. Чистый приток (миграционное сальдо) переселенцев из Армении в Ставропольский край, 1993–2010 гг. (чел.)

Если в 1995 г. в пределах края был только один город (Лермонтов) и три района терявшие свое армянское население в результате миграции, то уже в 2000 г. отток наблюдается из 7 городов края и 12 его районов. Продолжается данный оптимизационный процесс и на всем протяжении «нулевых». В первую очередь армяне оставляют северные и восточные районы – территории «освоенные» ими в 1990-е гг., перемещаясь в районы своей традиционной концентрации – КМВ и Ставрополь. Тем самым, начинает частично восстанавливаться существовавший два предыдущих века расселенческий водораздел, членивший край на две части – «армянский» юго-запад и почти лишенный армянского населения северо-восток.

И если полное возвращение общины к этой былой географии едва ли возможно, очевидно, что и ресурсы дальнейшего пространственного расширения армянского присутствия в регионе достаточно невелики.

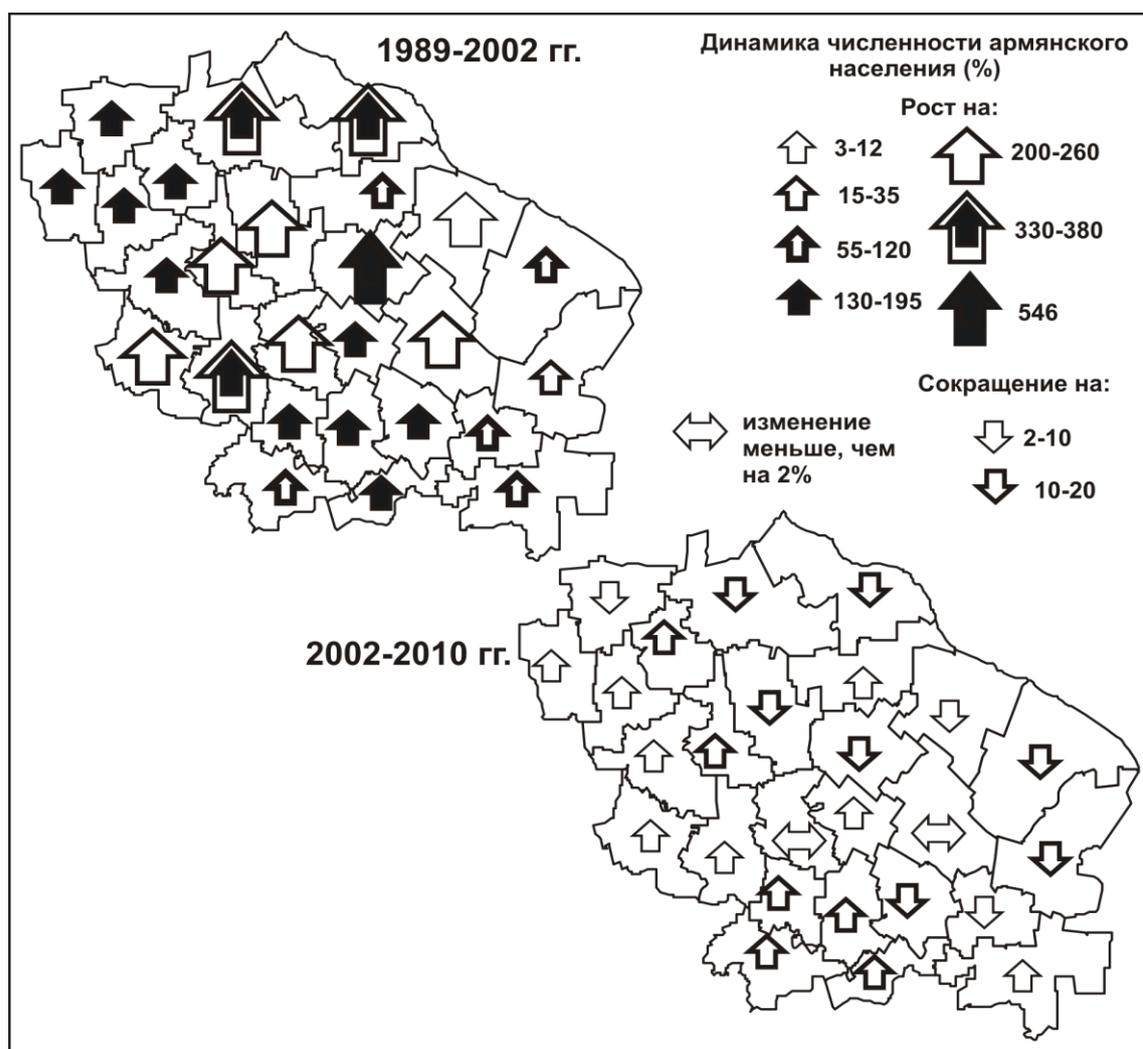

Рис. 2.46. Динамика населения армянского населения по районам края в постсоветский период (%)

Однако и в своем современном территориальном «развороте» армяне уже один из самых широко расселенных народов Ставрополя, уступающий по этому показателю только русским и сопоставимый с украинцами.

В 2002 г. украинцы и армяне присутствовали соответственно в 490 и 434 населенных пунктах региона (то есть, охватывали 65,6% и 58% краевой расселенческой сети), а в 2010 г. – в 508 и 480 поселениях (68% и 64,4%).

Глава 3

Армяне на нижнем Поволжье и на Северном Кавказе

3.1. Нижнее Поволжье

3.1.1. Астраханская и Волгоградская области

Появление армян на нижнем Поволжье, очевидно, может быть отнесено ко времени возникновения на данных территориях городов – центров ремесла и торговли. Речь может идти о хазарском периоде. Скучная информация, сохранившаяся о национальном составе городского населения Хазарского каганата, ее столицы – Итиля, расположенного на Волге и других центров, не позволяет установить точно, имелись ли в них общины армян. Но учитывая активное участие армянских купцов в международной транзитной торговле этого времени можно предположить, что, по крайней мере, «наездами» они должны были бывать в пределах нижнего Поволжья. Одним из косвенных свидетельств этого служит достаточно хорошее (по меркам раннего средневековья) знание данных территорий армянскими географами (Ананием Ширакаци, Мовсесом Каланкатваци, Себеосом, Левондом), оставившим множество описаний Хазарского каганата VI–VII вв. нашей эры.

Должны были появляться на Волге армянские торговцы и в более поздние периоды. Государственная принадлежность данного региона на протяжении веков менялась, но транзитное значение Волги, как крупнейшей водной артерии Восточно-Европейской равнины, оставалась неизменно высоким. И также неизменно по берегам ее стояли города – торгово-ремесленные средоточия и перевалочные центры, принимавшие купцов из самых разных стран. Если одни из таких городов со временем приходили в запустение, то их сменяли другие.

Учитывая же существование ряда армянских общин в среднем Поволжье (одна из них с X – XI вв. располагалась в Великих Булгарах), армянские купцы должны были курсировать со своим товаром вверх и вниз по Волге не только в эти столетия, но и на протяжении всего золотоордынского периода, как, впрочем, и после его завершения.

Достаточно сказать, что торговый путь, пролежавший из Ирана через Каспий, Волгу и северные реки до Балтики и Белого моря у ряда поволжских народов именовался «армянской дорогой», а чуваши называли шелковую ткань «армянским шелком»¹. Присутствие армян в Поволжье должно было возрасти после падения в 1065 г. Анийского царства, завоеванного сельджуками. По мнению отдельных исследователей, приток армянских переселенцев на нижнее Поволжье был столь значительным, что позволил им, обосновавшись в середине XIII в. в татарском центре Аксарай (севернее Астрахани), сосредоточить в своих руках почти всю торговлю этого обширного региона с Персией и Крымом. В дальнейшем, начав тяготиться своим бесправным положением, аксарайские армяне, решают переселиться в Крым и в начале XIV в. осуществляют задуманное².

Однако столь весомое этническое присутствие армян в пределах нижнего Поволжья в средневековье, как представляется, должно было оставить большие информационных следов и свидетельств разного рода, чем мы это имеем в настоящее время. Но несомненно, что данный регион не только был включен в широчайшую транзитную торговую географию армян, охватывавшую значительную часть Старого Света, но и являлся элементом ареала расселения.

¹ Ананян Ж.А. Хачатурян В.А. Армянские общины России., Ереван, 1993; С. 11; Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа (с древнейших времен до начала XIX века). М., 2005, С. 371.

² Багдыков Г. Краткая история Нахичевани-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2013, С. 4.

Начиная с XVI в. крупнейшим торговым центром на нижней Волге становится Астрахань, социально-экономическая роль которой возрастает после вхождения Астраханского ханства в состав России. Очевидно, что к этому времени армянские купцы были давними и достаточно частыми гостями в городе (и не только гостями).

Еще более выросло их присутствие во второй половине XVI – начале XVII вв., когда в Астрахани наряду с Персидским и Индийским появляется и Армянское подворье, начинает формироваться все более многочисленная община (с первой четверти XVII в. в районе Садового бугра уже существует Армянская слобода). Сколько-нибудь детальной информации о количественной динамике этой общины в последующие два века не существует. Но учитывая, что в 1640 г. в городе возводится армянская церковь, группа местных армян к этому времени могла насчитывать несколько десятков человек.

В начале XVIII в. она возрастает до 200 человек. Принимая в расчет, что население Астрахани в это время составляло порядка 12–15 тыс. жителей, на долю диаспоры могло приходиться около 1,5% горожан. Еще более различим было ее присутствие в экономической жизни центра. И все же полный ее расцвет был еще впереди. Он оказался связан с активизацией восточной торговли России и поощрением центральной властью всех задействованных в этой торговле групп населения.

Согласно указу Петра I (1711 г.): «Персидский торг умножить и армян по возможности приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда». Вследствие этого указа здесь стали обосновываться армяне, многие из которых со временем превратились в местных жителей. В указе от 23 сентября 1725 г. армяне именуются уже «астраханскими жителями с давних лет»¹.

Не удивительно, что именно на данное столетие приходится быстрый количественный рост астраханской общины. Российско-

¹ Астрахань. <http://travel30.ru/map/235>.

немецкий путешественник и естествоиспытатель И.С. Гмелин, в своем описании Астрахани середины XVIII в., отмечал: «от Вознесенских ворот Белого города к полудню, близ канала, живут армяне. На самом углу крепости (земляного города) есть Армянский базар. За ним находится старая армянская церковь (Армянский Успенский собор) из кирпича. Между Каналом и церковью есть четыре армянские улицы»¹.

Даже принимая в расчет небольшие размеры городских «микрорайонов» этого времени, речь должна идти о сотнях и сотнях горожан (в частности, называется цифра – 800 человек)². В любом случае, община к середине века увеличилась в разы. А во второй половине столетия ее рост ускоряется еще более.

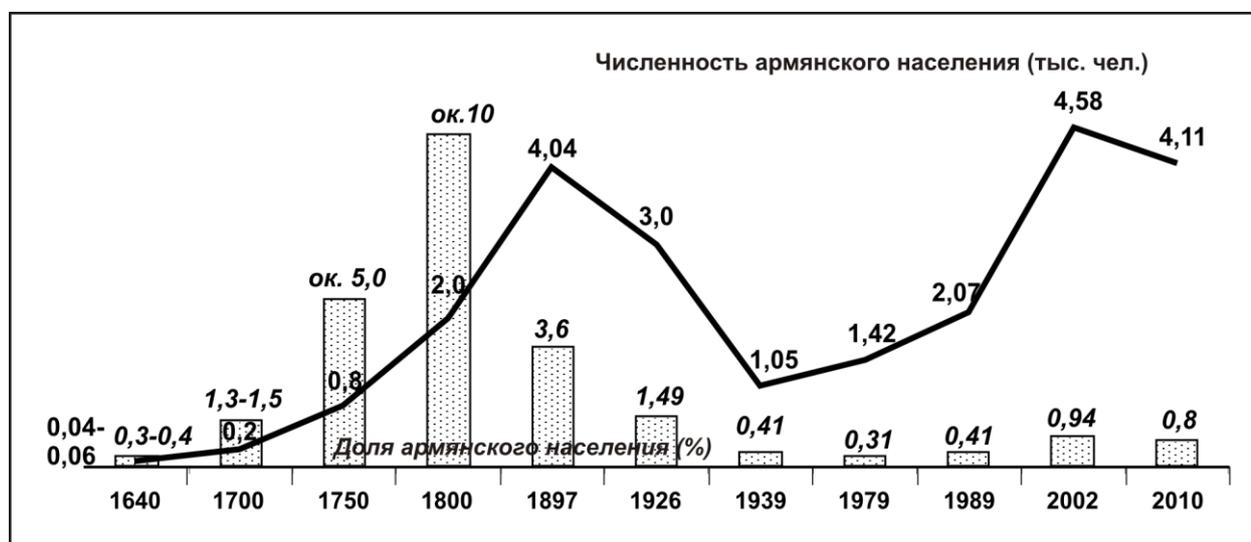

Рис. 3.1. Динамика армянской общины Астрахани, 1640-2010 гг. (тыс. чел, %)

Данные о численности армян в Астрахани конца XVIII в. противоречивы. Согласно одним источникам их было уже порядка 5 тыс. человек (почти 18 % из 28 тыс. горожан)³. По другим – диас-

¹ Цит. по: Кугрышева Э.В. Страницы истории армян в Астрахани http://armenianchurch.do.am/publ/stranicy_istorii_armjan_v_astrahani_124_ijun_2012/1-1-0-171.

² История Астрахани. <http://ru.wikipedia.org/>.

³ Астрахань. <http://travel30.ru/map/235>; Аветикян А.С. Армянская община Астрахани и ее роль в социально-экономической и культурной жизни региона в XVIII — нач. XX вв. <http://nashasreda.ru/armyanskaya-obshhina->

пора насчитывала в это время около двух тысяч человек (300 домов – порядка 10% всего жилого сектора города)¹. Как представляется, вторая цифра может быть ближе к действительности. Однако в обоих случаях речь идет об очень крупной общине. Наряду с донской Нахичеванью, ставропольскими Кизляром и Моздоком, поволжский центр в это время являлся крупнейшим городским средоточием армянского населения в Российской империи.

Но в отличие от донской или ставропольской диаспоры, астраханская практически полностью была сосредоточена в пределах одного города. Что не удивительно, учитывая два фактора: разреженный характер системы расселения нижнего Поволжья, самая значительная часть жителей которого была находилась в самой Астрахани и урбаноцентричный характер ремесленно-торговых армянских общин, к числу которых принадлежала и астраханская.

«Золотой век» астраханской диаспоры вышел за пределы XVIII в. и захватил начало следующего столетия. Известные купеческие семьи доминируют в городской торговле и разнообразных производствах. На XIX в. приходится расцвет нефтепромыслов Лиозновых, рыбных промыслов Агабабовых, мельничного хозяйства Агамовых. Армяне активно включаются в культурную жизнь города. Открываются армянские учебные заведения², издается армянская газета – одно из первых периодических изданий на всем Юге России.

Однако демографический рост диаспоры уже не опережал рост самой Астрахани, как это было на протяжении всего XVIII в., но постепенно все отчетливее отставал от него. Основная причина, очевидно, находилась в социально-экономической сфере. Открытие новых рынков и транспортно-торговых магистралей, связывавших Россию с «южными» странами, как и растущая конкуренция со стороны других торгово-промышленных групп, сокращали значение местной армянской общины, которая уже не при-

astraxani-i- ee-rol-v-socialno-ekonomicheskoy-i-kulturnoj-zhizni-regiona-v-xviii-nach-xx-vv/.

¹ 400 лет армянской диаспоре в Астрахани. <http://www.volgaru.ru/index.php?retro&article=1317&PHPSESSID=b04773beca966e6be2a9fc7dffee788>.

² Училище Н. Агабабяна и епархиальное училище, приходские школы.

влекала новых мигрантов, но скорее могла терять часть своего населения, искавшего для жизни более динамичные центры. Как результат, перепись 1897 г. обнаружила в городе 4 тыс. армян, составлявших только 3,6% горожан (в разы меньше, чем на предыдущем столетнем рубеже).

Но по-прежнему городская община заключала подавляющую часть (более 93%) армянского населения всего нижнего Поволжья. В Царицыне (втором центре региона), стремительно пошедшим в рост в пореформенные десятилетия, в это время проживало менее 80 армян.

Осталось в стороне нижнее Поволжье и от мощных переселенческих волн второго десятилетия XX века. Армянские беженцы из Турции массово оседали в других южнороссийских центрах и регионах. И если в годы Мировой и Гражданской войн, астраханская община все же пополнилась выходцами из Карса, Ахалкалаки и других районов Закавказья, то в этот же сложный период часть местного старожильческого армянского населения предпочла покинуть город.

Показательно, что в 1926 г. городская община насчитывала только 3 тыс. человек, сократившись на треть в сравнении с 1897 годом (притом, что население самой Астрахани за этот же период выросло на 80% – со 112 тыс. до 201 тыс. человек). Зато община Царицына (Сталинграда) в первых десятилетиях XX в. увеличилась в разы и к середине 1920-х гг. на нижнем Поволжье появляется еще одно заметное средоточие армянского населения.

Однако в целом, регион по-прежнему остается малопривлекательным для армян. За период 1926–1939 гг. их число здесь сокращается с 4,72 тыс. до 3,17 тыс. человек (учитывая, существовавший в это время естественный прирост, миграционный отток армянского населения должен был составлять порядка 70-80% всего их регионального сообщества). Но главной иллюстрацией системного «заката» являлась динамика самой астраханской общины, сократившейся за этот период с 3 до 1 тыс. человек. Тем самым, в 1930-е гг. Астрахань окончательно теряет значение од-

ного из крупных центров армянской расселенческой сети на Юге России.

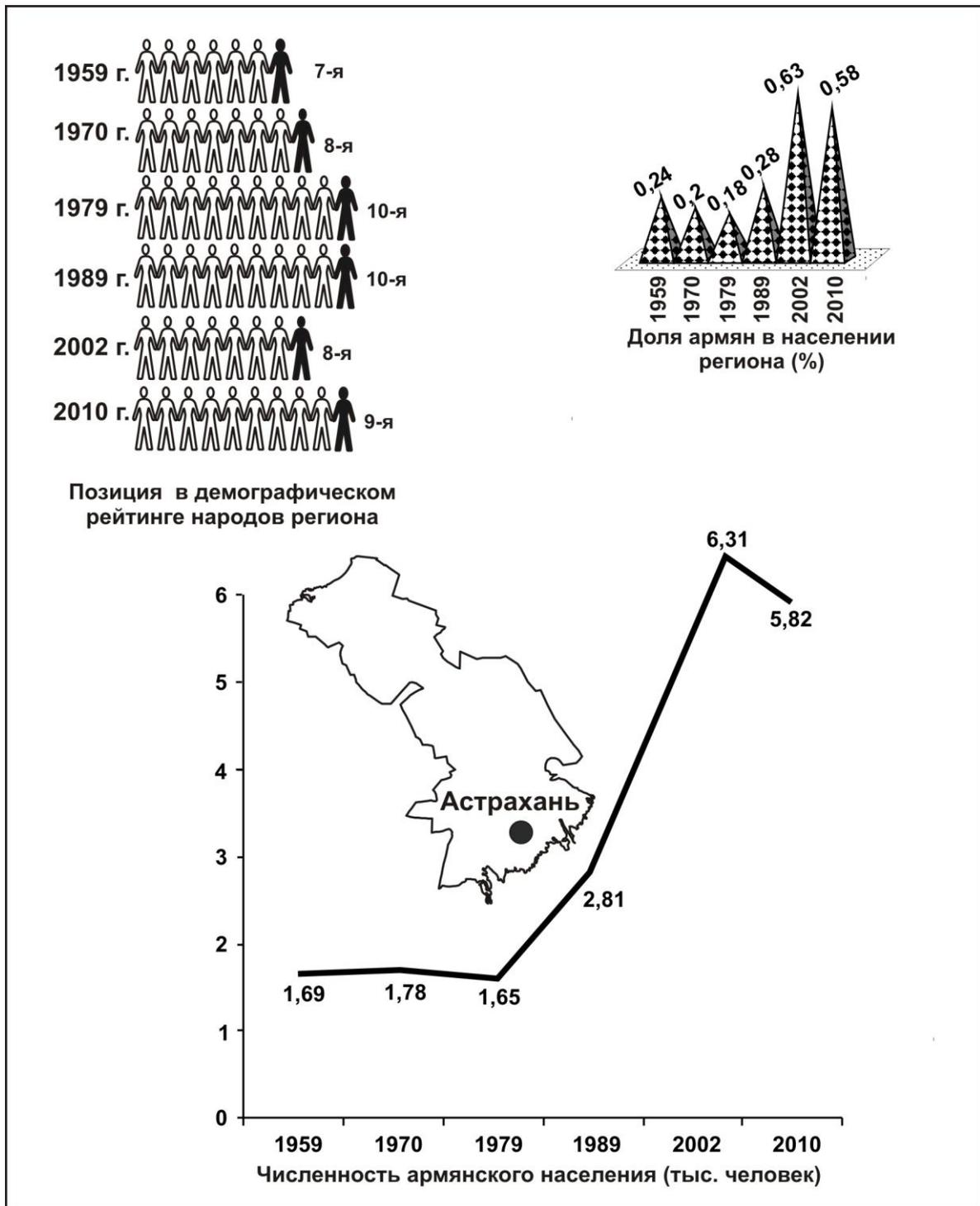

Рис. 3.2. Динамика армянской общины Астраханской области, 1959–2010 гг.

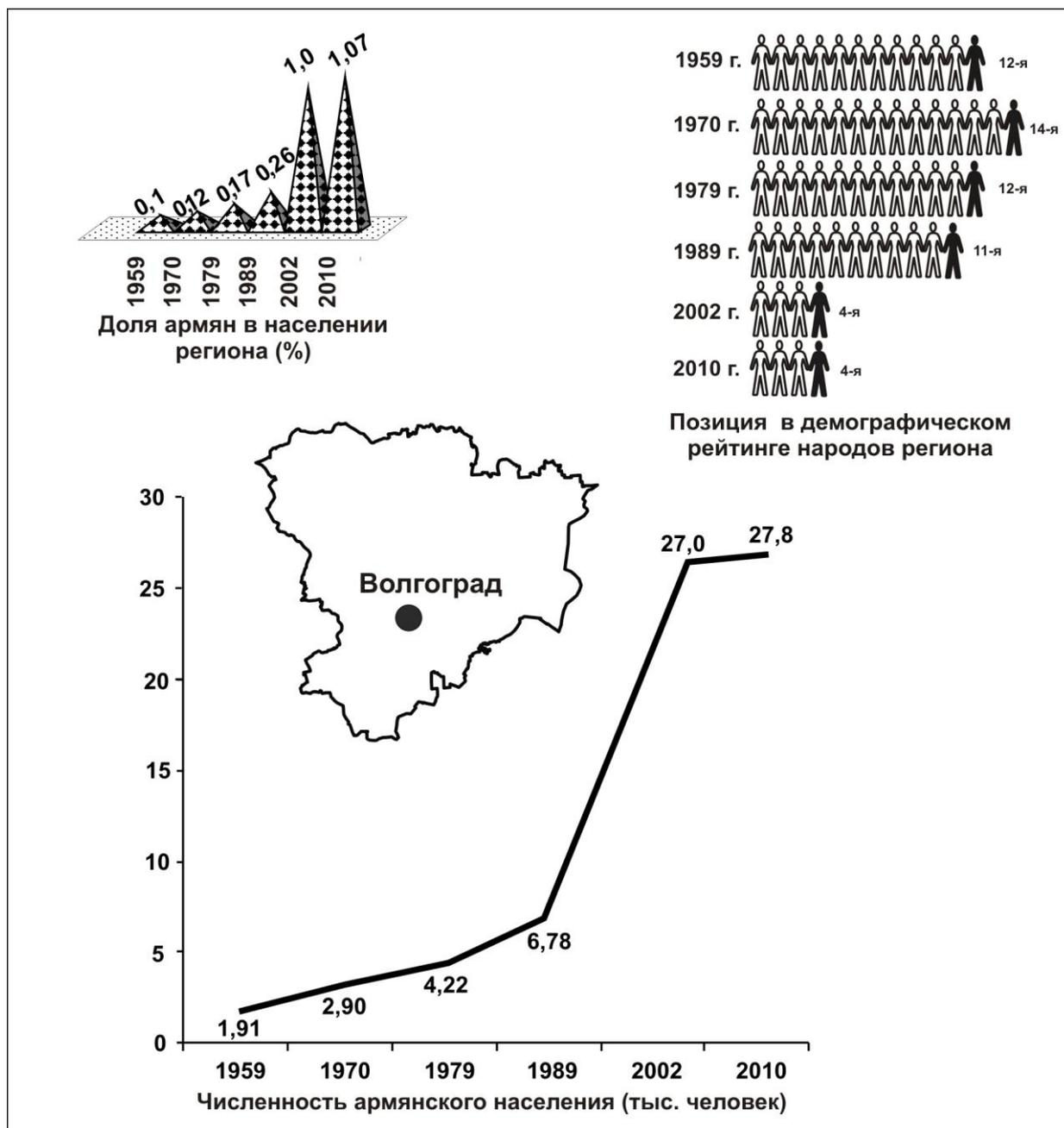

Рис. 3.3. Динамика армянской общины Волгоградской области, 1959–2010 гг.

Остается ниже Поволжье на периферии южнороссийской географии армян и в послевоенные десятилетия¹. Численность их в пределах Астраханской и Волгоградской областей в 1950–1970-

¹ Доля армян здесь составляла 0,1–0,2% населения, тогда как в русском степном Предкавказье и в большинстве республик Северного Кавказа 1,5–2,5%.

е гг. составляет в сумме порядка 4–5 тыс. человек¹, основная часть которых традиционно концентрировалась в крупнейших центрах региона – двух областных столицах.

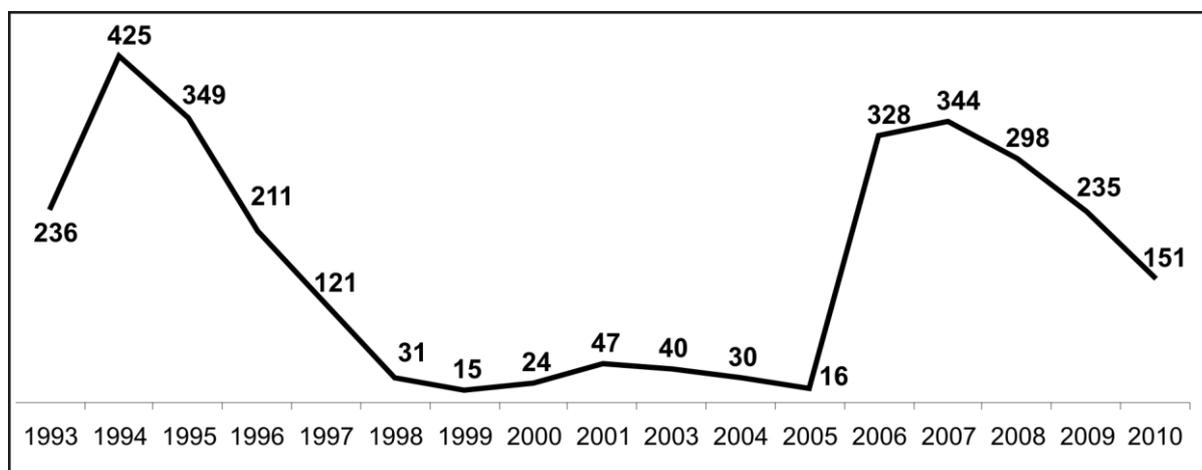

Рис. 3.4. Чистый приток (миграционное сальдо) переселенцев из Армении в Астраханскую область, 1993–2010 гг. (чел.)

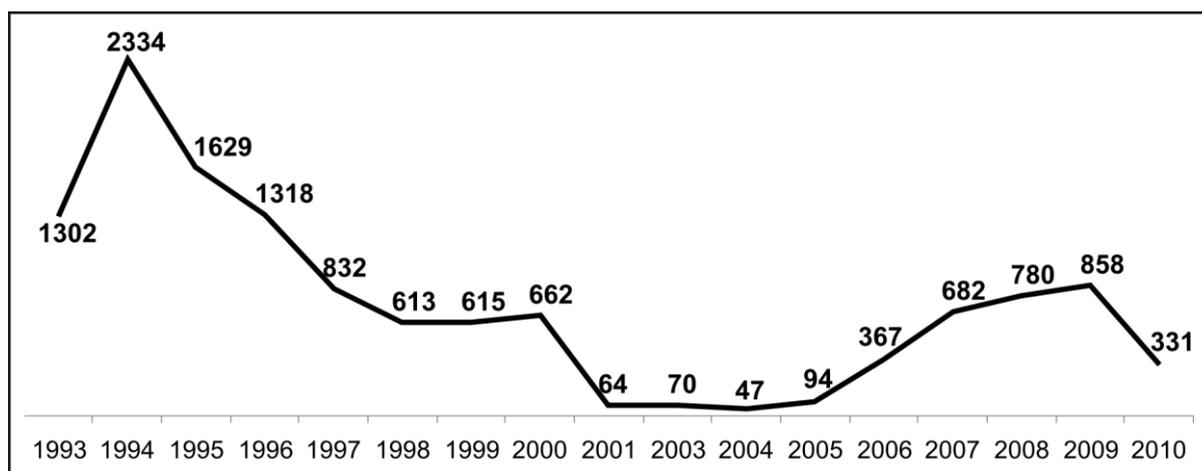

Рис. 3.5. Чистый приток (миграционное сальдо) переселенцев из Армении в Волгоградскую область, 1993–2010 гг. (чел.)

При этом количественное соотношение диаспор становится обратным. В середине века волгоградская община впервые превосходит по своему размеру астраханскую. И в дальнейшем, от десятилетия к десятилетию, это демографическое преимущество растет, иллюстрируя урбанизм и центростре-

¹ Притом, что на данные две области приходится 27% площади всего Южного макрорегиона, а учетом тяготеющей к Поволжью Калмыкии – почти 40%.

мительный характер армянского расселения, ориентированного на крупнейшие города. Динамичный Волгоград в послевоенный период определенно превосходил в этом отношении Астрахань, не сумевшую вернуть золотой период своего развития. Как результат, в 1959-1979 гг. армянская община Волгоградской области выросла в 2,2 раза, астраханская – сократилась на 2,5%.

Новая «колонизация» армянами нижнего Поволжья начинается в середине 1980-х гг. Миграционная волна, стремительно нараставшая к концу перестройки, не обходит стороной и две поволжские области. Число армян за 1979–1989 гг. увеличилось в них с 5,9 тыс. до 9,6 тыс. человек. Причем после затяжной стагнации пошла в быстрый рост и община Астрахани. Еще более переселенческий поток расширяется в первое постсоветское десятилетие. И хотя по масштабам он не сравним с армянской миграцией на Дон, Кубань и Ставрополье, счет шел на многие тысячи человек. А с учетом небольшого размера поволжских общин, их относительный рост в 1990-е гг. оказался максимальным среди регионов Юга России.

Табл. 3.1

Форма расселения армян в областях Нижнего Поволжья, 1979–2010 гг. (%)

Регионы	1979	1989	2002	2010
<i>Астраханская область</i>				
Астрахань	86,3	73,7	72,6	70,6
Остальные города	8,0	10,4	11,1	14,9
Сельская местность	5,7	15,9	16,3	14,5
Всего	100	100	100	100
<i>Волгоградская область</i>				
Волгоград	61,5	56,0	55,2	54,1
Остальные города	31,5	31,6	30,0	29,1
Сельская местность	7,0	12,4	14,8	16,8
Всего	100	100	100	100

Особенно выросла волгоградская диаспора, увеличившая свой размер в четыре раза. Показательно, что мигранты концентрировались не только в областных столицах (чего можно было бы ожидать), но селились в других городах региона и даже в сельской местности. В последнее советское десятилетие доля «селян» в астраханской региональной общине вырастает почти втрое, в волгоградской демонстрирует 1,8-кратный рост (табл.3.1).

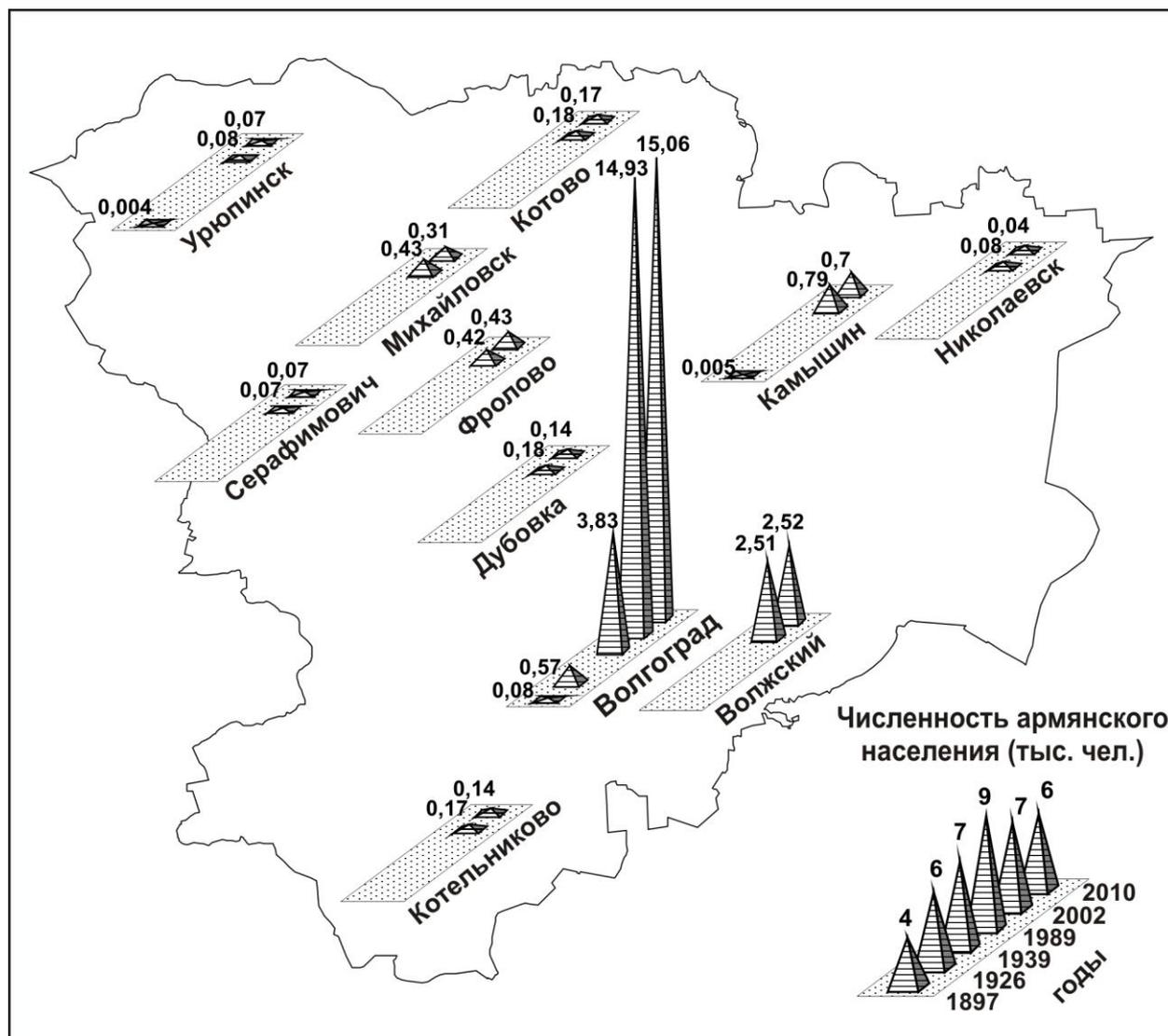

Рис. 3.6. Динамика армянского населения в городах Волгоградской области, 1897–2010 гг.

Как представляется, одна из основных причин опережающего роста сельских армян – в обстоятельствах породивших данную миграционную волну. Переселенцы, нередко вынужденные во второй половине 1980-х гг. покидать Закавказье в «эвакуацион-

ном» режиме, обустроивались на новом месте в зависимости от своих материальных возможностей и других факторов, которые далеко не всегда позволяли им селиться в областных столицах или в городах поменьше. Как результат, обе поволжские региональные общины в последнее советское десятилетие заметно снизили уровень своей «столичности». Сократился и общий уровень их урбанизации, оставшись, впрочем, на очень высоком уровне (85-88%).

При этом различное соотношение естественного воспроизводства и миграции в демографической динамике двух поволжских общин определяло достаточно существенные различия их гендерной структуры. Волгоградская община, которая с 1950-1960-х гг. росла преимущественно за счет притока новых переселенцев, отличалась заметным мужским перевесом (среди трудовых мигрантов составлявших в этот период основу миграционного пополнения диаспоры основную массу составляли именно мужчины). В сельской местности, которую армяне только начинали осваивать (и потому были здесь совсем немногочисленны), этот перевес был особенно ощутимым.

Гендерная структура астраханской региональной общины была куда более сбалансированной, поскольку миграционный приток армян в область в 1960-1970-е гг. оставался минимальным и демографическая динамика диаспоры определялась естественным воспроизводством старожильческого населения. Однако сказанное относится к самой Астрахани, в которой и концентрировалась основная масса областных армян. Зато локальные их группы, начавшие в это время осваивать сельские территории, в самой значительной степени формировались из мужчин (их перевес в 1970 г. был более, чем 5-кратным).

Миграционная волна конца XX в. со своей стороны внесла существенные коррективы в гендерную структуру поволжских общин. Среди мигрантов новой волны мужчины также количественно доминировали, но этот перевес уже не был столь значительным как ранее – часть переселенцев 1980-

1990-х гг. прибывала целыми семьями. Как результат, этот миграционный поток несколько выправил гендерный дисбаланс волгоградской общины, но параллельно нарушил баланс астраханской. Однако показатели 2010 г. указывают на то, что возникшие на переселенческом пике гендерные диспропорции, в первом десятилетии XXI века были в значительной степени откорректированы. Что само по себе является свидетельством успешной инкорпорации региональными диаспорами своего многочисленного миграционного пополнения.

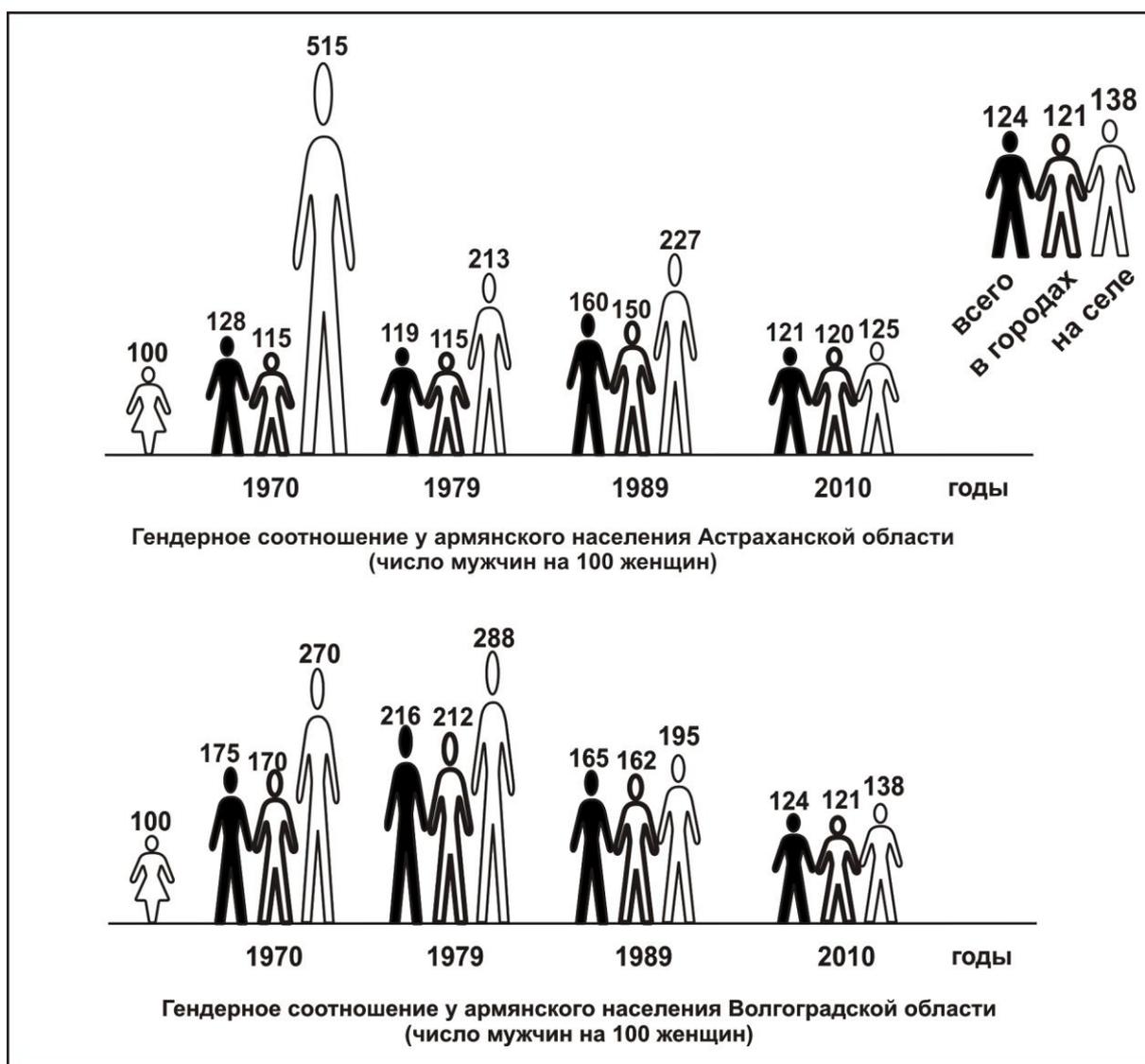

Рис. 3.7. Гендерное соотношение у армянского населения нижнего Поволжья, 1970-2010 гг.

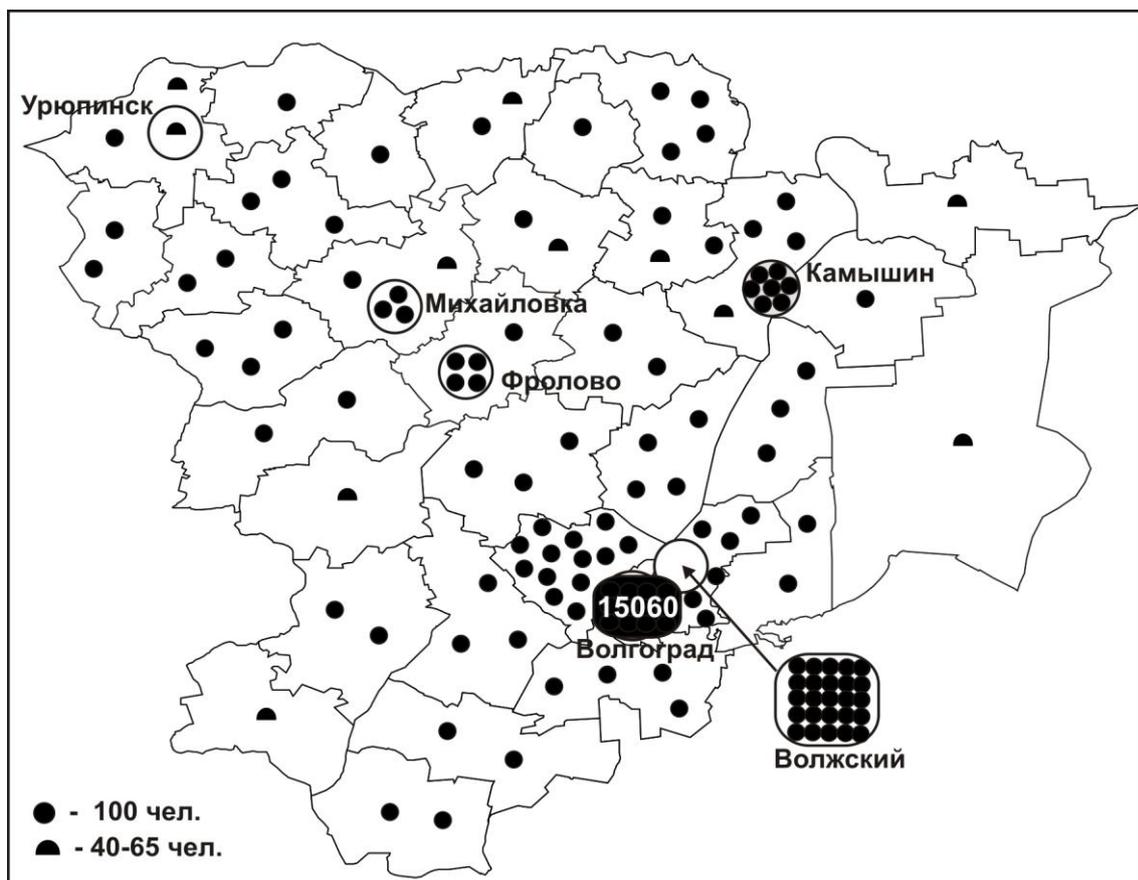

Рис. 3.8. Расселение армян в Волгоградской области, 2010 г.

Табл. 3.2

Территориальные группы армян в населенных пунктах Волгоградской области

Размер группы (чел)	Число территориальных групп		Доля в населении диаспоры (%)	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Более 10 тыс.	1	1	60,6	55,9
5-10 тыс.	-	-	-	-
3-5 тыс.	-	-	-	-
1-3 тыс.	1	1	10,4	9,3
501-1000	1	2	3,2	4,9
301-500	2	2	3,5	2,7
101-300	8	17	5,7	10,2
51-100	9	22	2,6	5,4
31-50	25	28	4,1	4,1
11-30	100	91	6,7	5,6
6-10	102	63	3,5	5,6
Всего населенных пунктов.	249	226		

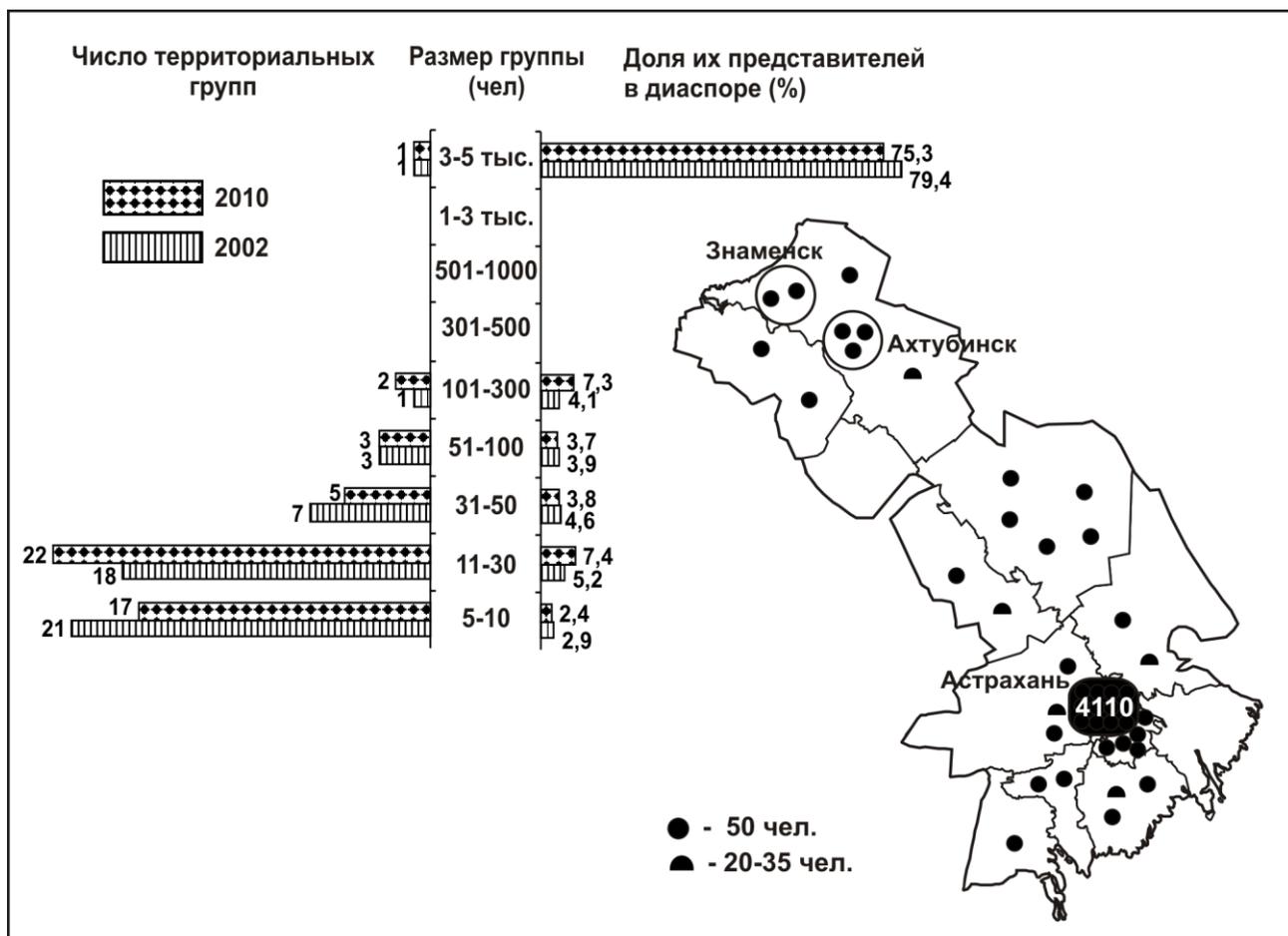

Рис. 3.8. Уровни поселенческой сети и география армян в Астраханской области, 2010 г.

Табл. 3.3

Территориальные группы армян в населенных пунктах Астраханской области

Размер группы (чел)	Число территориальных групп		Доля в населении диаспоры (%)	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
3-5 тыс.	1	1	79,4	75,3
1-3 тыс.	-	-	-	-
501-1000	-	-	-	-
301-500	-	-	-	-
101-300	1	2	4,1	7,3
51-100	3	3	3,9	3,7
31-50	7	5	4,6	3,8
11-30	18	22	5,2	7,4
6-10	21	17	2,9	2,4
Всего населенных пунктов.	51	49		

Интерес представляет расселение в пределах крупнейшего в Поволжском субрегионе Юга России городского центра представителей трех крупнейших народов Закавказья. Учитывая, что все диаспоры являлись, по сути, новыми для Волгограда и не имели в его пределах исторически сложившейся пространственной привязки, их современное расселение определялось, прежде всего, социально-экономическими факторами и общей «центростремительностью». И последнее качество в большей степени демонстрировали именно армяне, предпочитавшие селиться в центральных районах города-миллионера, вытянутого на десятки километров вдоль Волги.

Рис. 3.9. География армян Волгограда и расселенческие стратегии ведущих закавказских диаспор.

3.1.2. Калмыкия.

Калмыцкие степи – сухие, безлюдные пространства, малопривлекательное место для армянских переселенцев, предпочитавших совсем другие природные ландшафты, иную форму расселения и социальную среду. И потому обширные территории, к востоку от Каспия на протяжении многих веков могли быть только транзитным коридором, по которому армянские купцы передвигались со своим товаром от одного городского центра к другому. Только включение нижнего Поволжья в состав России и появление в его пределах крупных городских армянских общин заставило их представителей обратить внимание и на калмыцкие степи.

«Армянское население проникало на территорию Калмыкии из г. Астрахани и Кизляра, где в XVIII в. сложились армянские колонии, основанные выходцами из Персии и Закавказья. Часть армян, в основном жители г. Астрахани, занимались торговлей в калмыцких улусах, другие, преимущественно кизлярские армяне, арендовали земли под выпас скота в южной части степи»¹.

Впрочем, и в том и в другом случае, речь шла о малых группах, точнее отдельных семьях или даже армянах-одиночках, в силу жизненных обстоятельств, связавших свою жизнь с данной пустынной землей. К примеру, из числа кизлярских скотопромышленников «в первой половине XIX в. наиболее известными и состоятельными являлись семьи Гамбуриных и Черкезовых... Вместе со своим скотом представители семейства Гамбуриных, подобно калмыкам, кочевали на их землях, перенимая у кочевников быт и методы ведения скотоводства... В отличии от кизлярских, астраханские армяне... разъезжали по калмыцким улусам и продавали там бакалейные и мануфактурные товары. Числен-

¹ Белоусов С.С. прошлое и настоящее армянской диаспоры Калмыкии. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 135–136.

ность армянских торговцев была крайне невелика, например в 1870-е гг. она колебалась по годам от 15 до 25 человек»¹.

К концу века, впрочем, данная группа выросла в 2,5–3 раза. Согласно переписи 1897 г. в Калмыцкой степи Астраханской губернии проживало 59 лиц армянской национальности. Хотя почти двукратный мужской перевес указывал на все еще слабую их укорененность в этом степном крае.

Начало XX в. не принесло существенных перемен в геодемографию этой небольшой территориальной группы армянского народа, которая по-прежнему включала несколько десятков человек и была разбросана по калмыцким хотонам и улусным ставкам². Только более сбалансированное гендерное соотношение (32 мужчины против 25 женщин) указывало на постепенное закрепление армян в калмыцких степях

Годы социальных потрясений связанных с войной, революцией и новой войной по-разному отразились на армянских общинах Юга России. Одни из них, как мы видели (и еще увидим) шли в рост, другие останавливались в своей количественной динамике или даже сокращались. Группа калмыцких армян почти прекратила свое существование. По крайней мере, перепись 1926 г. обнаружила в пределах Калмыцкой автономной области только 15 человек данной национальности (8 мужчин, 7 женщин).

Впрочем, уже в годы первых пятилеток местная армянская община демонстрирует стремительный рост. Опять-таки отличаясь в этом от динамики большинства других южнороссийских диаспор, которые в 1926–1939 гг. практически не выросли в размерах. Перед войной в Калмыкии насчитывается уже 140 армян. Значительная их часть проживает в Элисте (60 чел.), а также в Долбани и Канукове³. Не удивительно и то, что девятикратный рост дан-

¹ Там же. С. 136–137.

² Там же. С. 137.

³ «Развернутая» география армян Калмыкии 1939 г. имела следующий вид. Помимо 59 человек проживавших в столице республики, 20 находились в Долбанском районе (из них 14 чел. в его административном центре Долбани), 14 – в Западном районе (в т.ч. 6 в его центре Башанте), 1 - в Кетченеровском районе (1 в Кетченерове), 4 в Лаганском (3 в Лагани), 2 в Мало-Дербетовском районе (0), 17 – в Приволжском (14 в Канукове), 2 в

ной региональной группы, уложившись в неполные полтора десятилетия, снова существенно нарушил ее гендерную структуру – мужчин среди калмыцких армян перед войной было в 2,2 раза больше, чем женщин (97 против 44).

Причем этот гендерный дисбаланс обнаруживал отчетливую расселенческую специфику. Среди армян Элисты мужчин было больше только на 30%, а среди сельских представителей диаспоры мужской перевес оказывался уже трехкратным (37 против 12 женщин). Иными словами, только в республиканской столице армянское население сложилось в более или менее устойчивую общину, тогда как в сельской местности армяне в это время – это, как правило, одиночки-мужчины волею обстоятельств вынесенные в чужую для них этнокультурную среду.

Впрочем, республиканская община (прежде всего ее «столичная» часть), к этому времени располагала уже весомым социальным потенциалом. Лишенные возможности заниматься привычными для себя сферами деятельности (торговлей и разнообразным посредничеством) ее представители переориентировались на государственную службу, составляя среди работников 22 госучреждений республики третью по численности этническую группу (после русских и калмыков)¹.

Быстрый рост республиканской диаспоры возобновляется в 1960-е годы. За период 1959–1970 гг. она вырастает вдвое (со 177 до 365 человек) – максимальный показатель среди региональных общин Юга России. Сколь высоким не был бы естественный прирост местных армян, он не мог обеспечить более четверти этого демографического прироста. Очевидное свидетельство миграционной привлекательности республики, которая в некоторой степени сохраняется и в 1970-е годы. В 1970–1979 гг. диаспора

Приютненском (2 в Приютном), 2 в Сарпинском (оба в Садовке), 4 в Троицком (все в Троицком), 2 в Улан-Хольском (0), 8 в Черноземельском (4 в Яшкуле), 2 в Юстинском (0), 8 в Ашалтинском (1 в Яшалте).

¹ Белоусов. Указ соч. С. 139.

вырастает на 28% (с 365 до 468 человек). Около половины этого прироста – новые переселенцы.

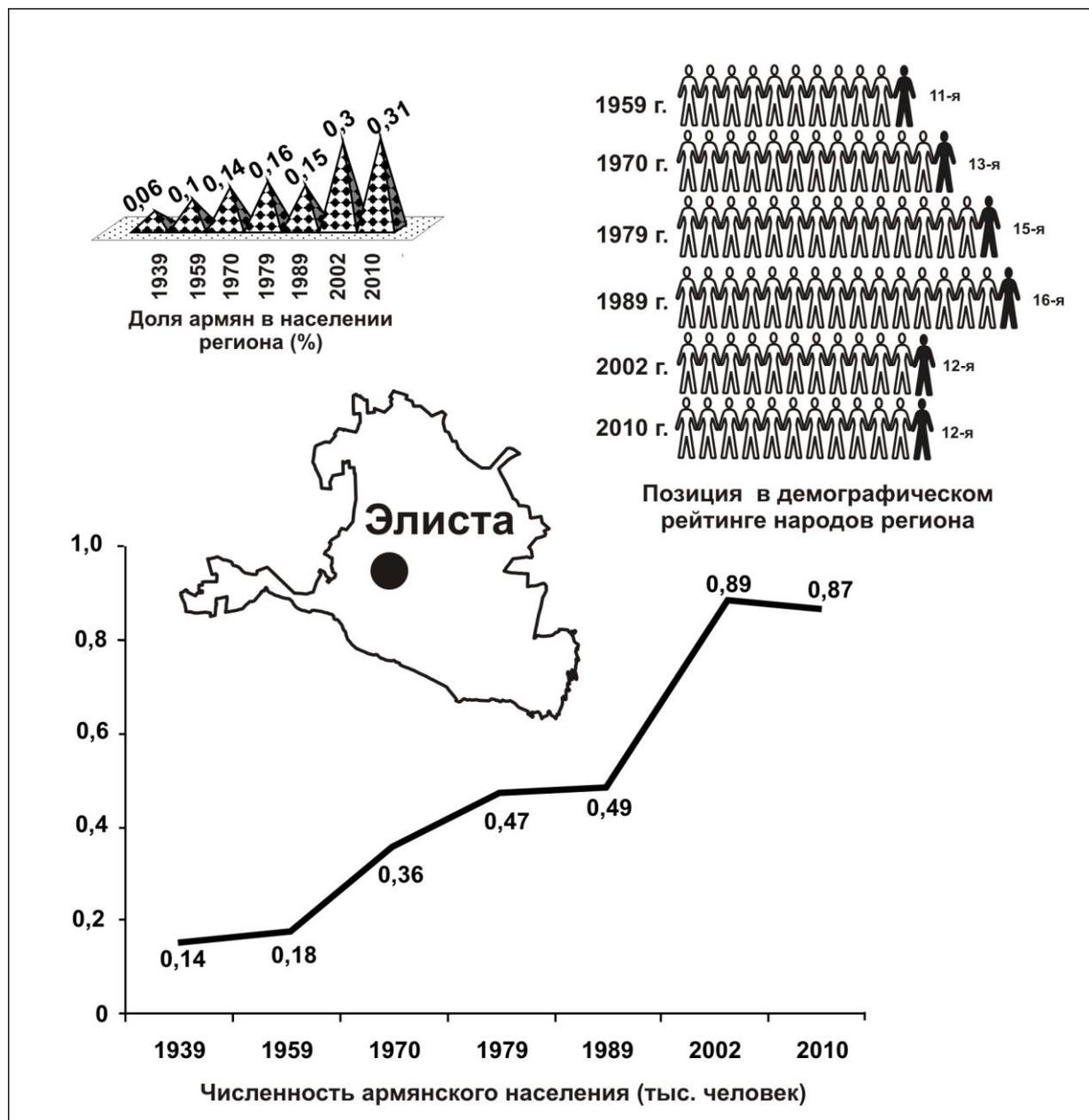

Рис. 3.10. Динамика армянской общины Калмыкии, 1939–2010 гг.

Но показательно, что даже столь быстрый количественный рост общины не позволял ей удержать свою позицию в демографическом рейтинге народов Калмыкии, в котором армяне «съехали» с 11-го места в 1959 г. на 13-е в 1970-м и 15-е место в 1979-м. Основная причина – масштабная хозяйственная колонизация калмыцких степей народами Северо-Восточного Кавказа, развернутая как раз в 1960–1970-е годы.

В результате ее, в пределах республики в короткое время сформировалось сразу несколько крупных и средних этнических общин представлявших национальные сообщества Дагестана и Чечено-Ингушетии.

В последнее десятилетие советского периода армянская община Калмыкии растет исключительно за счет естественной динамики, чтобы встретить новую миграционную волну уже в 1990-е годы. В 1989–2002 гг. диаспора вырастает более чем на 80% (четвертый показатель среди южнороссийских общин). Пик миграционной волны пришелся на первую половину – середину 1990-х.

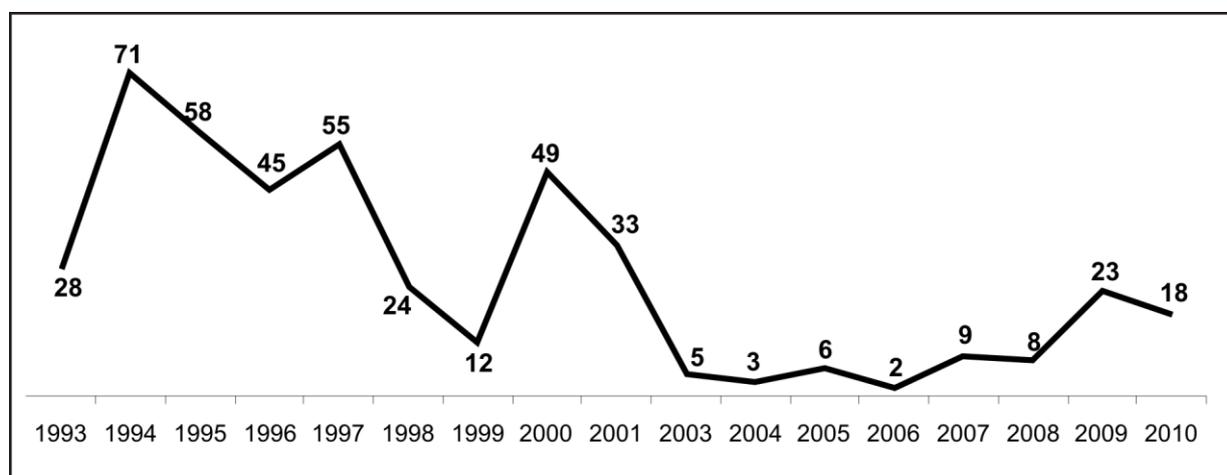

Рис. 3.11. Сальдо миграции между Калмыкией и Арменией, 1993–2010 гг. (чел.)

Расселенческой особенностью республиканской диаспоры на протяжении всего время ее существования являлся относительно пониженный уровень ее «столичности» и в целом урбанизации. Напомним, в конце 1930-х на Элисту приходилось только 41,8% всех местных армян (58% представителей общины были горожанами). Сохранилась данная черта и в послевоенные десятилетия. В 1989 г. в республиканской столице проживало только 38,5% армян Калмыкии. К 2002 г. этот показатель почти не изменился (39,9%). Притом, что армянское население Элисты выросло за этот период со 190 до 354 человек.

Вторым средоточием республиканской общины в начале XXI в. являлся Городовиковск – более 100 человек. Основной ареал сельского расселения республиканских армян – Яшалтинский

район (189 человек по переписи 2002 года). В общей сложности, на столицу и два района Калмыкии (Городовиковский и Яшалтинский) приходилось почти 4/5 представителей общины. Такой высокий уровень территориальной концентрации напрямую коррелировал с узкой географией республиканских армян, которые в 2010 г. проживали только в 26 из 255 населенных пунктов Калмыкии (чуть более 10% региональной поселенческой сети)..

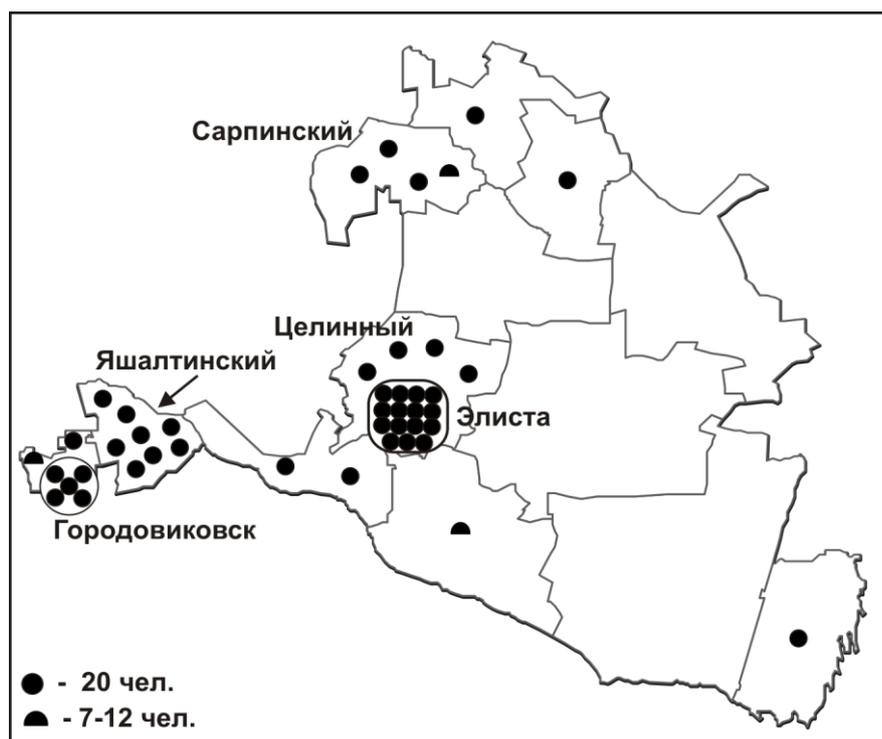

Рис. 3.12. Расселение армян в Калмыкии, 2010 г.

Первое десятилетие XXI в. мало сказалось, как на этой географии, так и на демографической динамике армянской диаспоры. Размер республиканской общины незначительно сократился, что должно было свидетельствовать о некотором миграционном оттоке, съевшем естественный прирост, обозначившийся в диаспоре в середине – второй половине «нулевых». Но свою роль в наметившейся количественной стабилизации могла играть и ассимиляция. Согласно С.С. Белоусову, за период 1986-2005 гг. в республике 42,5% рожденных армянскими матерями детей имели отцов другой национальности¹.

¹ Там же. С. 139.

Впрочем, учитывая традиционно высокую этнокультурную устойчивость армянского населения, данная цифра представляется завышенной. Конечно, данные социологических опросов свидетельствуют о весьма широкой открытости южнороссийских армян к бракам с представителями других национальностей (детальней об этом сказано в заключении). Однако сама социальная действительность, как правило, несколько отличается от фиксируемых опросами декларацией/намерений респондентов, в сторону большого этнокультурного традиционализма. К тому же следует иметь в виду осязаемый брачный консерватизм женского населения, характерный для всех кавказских национальных сообществ.

Наконец, показатели аккультурации (то есть культурно-языковой и социокультурной русификации) у армян Калмыкии были одними из самых низких на Юге России. Только 17% из них в 2010 г. назвали в качестве родного языка русский (в большинстве других южнороссийских общин – 27–35%). Иными словами, диаспора Калмыкии демонстрировала высокую степень этнокультурной устойчивости (для 82,4% ее представителей армянский язык по-прежнему родной). Что также косвенно противоречит указанному Белоусовым удельному уровню межнациональной брачности женщин республиканской общины.

Сказанное, повторим, не отрицает самого фактора ассимиляции, способного вкуче с миграцией стать основной причин нарастающей депопуляции армянского населения Калмыкии. Причем, на наш взгляд, главная угроза исходит от устойчивого оттока армянской молодежи, способного уже в ближайшие десятилетия серьезно повлиять на демографию республиканской общины

3.2. Республики Северо-Западного Кавказа

Как уже отмечалось в разделе, посвященном кубанской общине, появление армян на Северо-Западном Кавказе в качестве постоянного населения может быть отнесено к первым векам II тыс. нашей эры. И, судя по всему, представляло затяжной процесс переселения на земли адыго-черкесских сообществ множества ло-

кальных групп, покидавших в разное время (и по разным причинам) Крым, Закавказье и некоторые области Малой Азии.

Переселенцы, прожив несколько столетий среди горцев и укоренившись среди них, оформились в качестве субэтнической группы черкесогаев. Само устойчивое существование данной группы указывало на то, что полной интеграции с принявшей их социоэтнокультурной средой не произошло. Многие переняв из образа жизни горцев, усвоив их язык, обычаи и некоторые элементы материальной культуры, черкесогаи сохраняли свою «особость», подчеркиваемую не только их устойчивой приверженностью христианству, но и профессиональной ориентацией на торговлю и разнообразное посредничество.

На протяжении XVI–XVII вв. они вполне успешно справлялись с данной социально-экономической ролью, поддерживая товарообмен между отдельными горскими сообществами, как и внешнюю торговлю Черкесского мира с Крымским ханством, Портой, другими территориями Кавказского макрорегиона. Но с закреплением в степном Предкавказье России и началом Кавказской войны, статус «пограничной» группы, ранее дававший черкесогаям ощутимое экономическое (а отчасти и социальное) преимущество, оборачивается другой стороной. И хотя мастерски владея искусством компромисса, горские армяне еще долго балансируют между миром черкесских сообществ и неумолимо наползающей на Северный Кавказ империей, выбор все же приходится делать.

Показательно, что в период растущего военного противостояния, обе стороны конфликта с недоверием относились к черкесогаям, находя их не вполне «своими». Что не мешало, впрочем, и тем, и другим использовать в своих целях торговый потенциал и посреднические таланты горских армян. Сложную диалектику жизнедеятельности данной группы в регионе, охваченном Кавказской войной, точно описал О.В. Матвеев¹.

¹ Матвеев О.В. Армяне в пространстве Западного фронта Кавказской войны // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012, С. 76–79.

В 1830-1840-е гг. основная масса горских армян окончательно выбирает сторону империи, подтверждая свой выбор переселением на территории, контролируемые русскими войсками. Но часть черкесогоаев остается в пределах «вольной» Черкесии. Притом, что положение их должно было заметно ухудшиться – уход сородичей к русским был воспринят черкесами как предательство. Согласно Р. Ерзынкяну, некоторых оставшихся армян черкесы убили, «а остальных переселили в дальние горные аулы, установив за ними строгий контроль»¹.

В любом случае, число армян в пределах горных районов Северо-Западного Кавказа во второй четверти XIX в. должно было сократиться самым существенным образом. И оставалось незначительным до конца этого века.

В пределах Баталпашинского отдела Кубанской области (территория современной Карачаево-Черкесии и юго-западного Ставрополя) в 1897 г. проживало только 380 армян, а в Нальчикском округе Терской области (современная Кабардино-Балкария) Первая имперская перепись обнаружила только 87 представителей армянского народа. Из них 65 приходилось на окружной центр – Нальчикскую слободу. Впрочем, даже в столь ограниченном формате община составляла более 1,35% населения небольшого поселения, имевшего в это время всего пять тыс. жителей.

Не привлекали данные территории значительного числа армянских переселенцев и в первых десятилетиях XX века. Впрочем и небольшого их числа было достаточно, чтобы община Нальчика к середине 1920-х гг. выросла в несколько раз. В 1926 г. в столице Кабардино-Балкарии проживало 217 армян (80% от общего их числа в автономной области) и почти столько же в сумме в пределах Черкеской и Карачаевской автономных областей.

¹ Цит. по: Ованесов Б.Т. "Роль армянского населения Российской Империи в развитии Северного Кавказа", Ставрополь, 2008 г. // URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/420-k-istorii-rovyavleniya-armyan-na-severnom-kavkaze.html>

3.2.1. Кабардино-Балкария (1930-е – 2010-е гг.)

Во второй половине 1930-х гг., в результате очередного административного передела, в состав Кабардино-Балкарии включается район Прохладного, располагавший значительной группой армянского населения. И размер республиканской общины перед войной уже превышает 1,1 тыс. человек

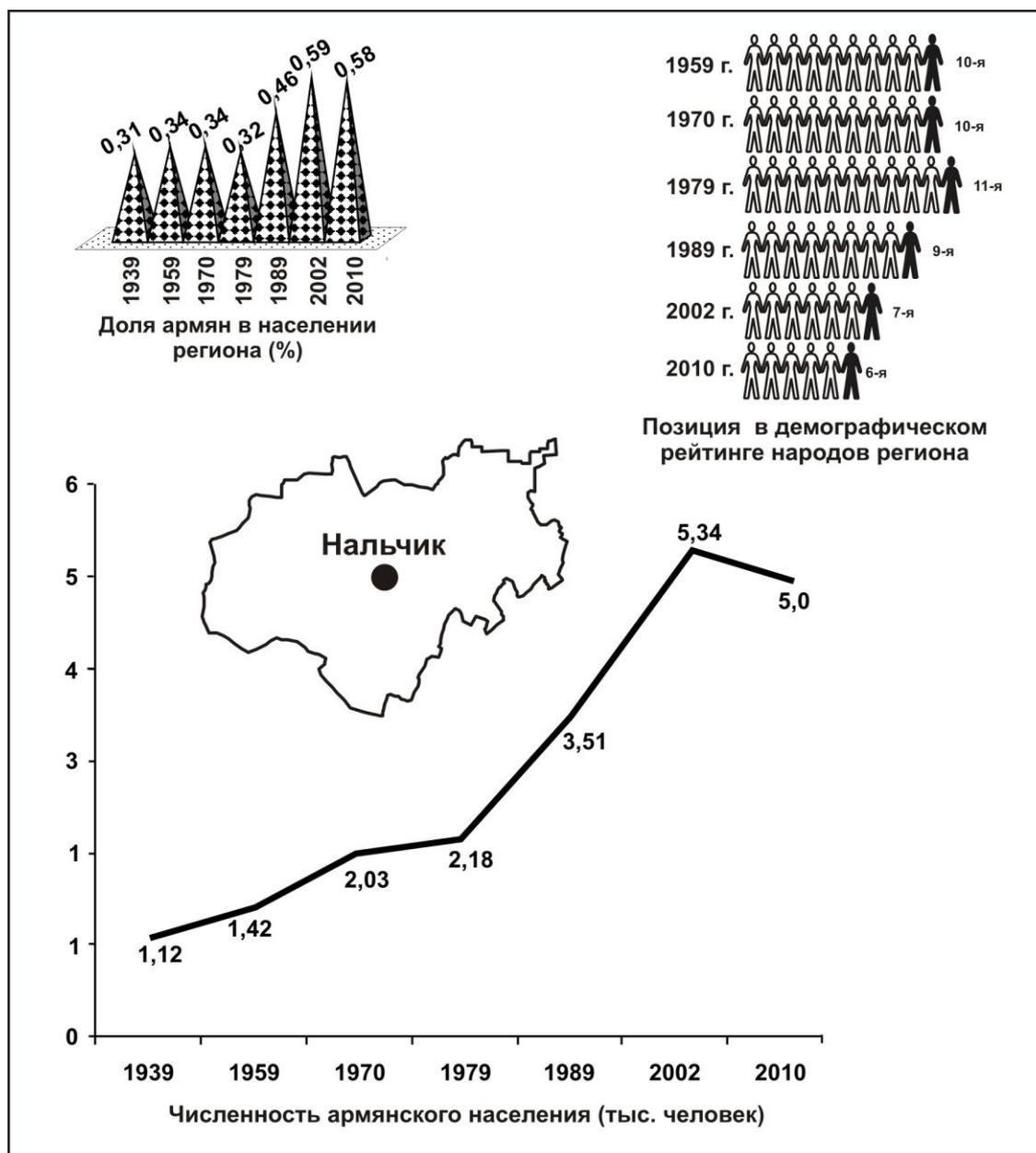

Рис. 3.13. Динамика армянской общины, 1939 – 2010 гг.

В послевоенные десятилетия число армян в Кабардино-Балкарии устойчиво растет. Однако рост этот связан почти исключительно с естественной динамикой. Основная часть армянского населения по-прежнему концентрируется в Нальчике, на

который в 1979 г. приходится почти 70% представителей всей региональной диаспоры.

Ситуация меняется в последнее советское десятилетие. Волна армянской миграции с территории закавказских республик не обошла стороной и Кабардино-Балкарию. В 1980-х гг. число армян в ней выросло на 60%. При этом основной поток мигрантов направлялся не в республиканскую столицу, а во второй центр – Прохладный, община которого увеличивается в разы. Как результат, следует резкое снижение «столичности» республиканской диаспоры. В 1989 г. уже только половина армян Кабардино-Балкарии – жители Нальчика.

Значительный миграционный приток армян сохраняется и в 1990-е годы. При этом основная масса переселенцев прибывает из Азербайджана. Только за один 1993 г. выходцев из него оказывается до 400 человек (цифра сопоставимая с общим притоком из Армении за 1993–2000 годы).

На то, что из Азербайджана ехали именно армяне, а не представители титульного народа, указывает тот факт, что за период 1989–2002 гг. азербайджанская община республики увеличилась незначительно (с 2 до 2,3 тыс. человек). Между тем, размер армянской диаспоры Кабардино-Балкарии вырос в 1,5 раза и она переместилась на 7-ю позицию в демографическом рейтинге народов региона. Учитывая, что первые три места принадлежали двум титульным национальным сообществам и русским, армяне вошли в число крупнейших республиканских диаспор.

Как и в 1980-е гг. значительное число переселенцев в это время оседает в Прохладненском районе, административный центр которого к началу XXI в. становится крупнейшим средоточием армянского населения. Тем самым, моноцентричный ареал расселения, характерный для республиканской диаспоры на протяжении всего советского периода, всего за 10–15 лет трансформируется в дипольный, с центрами в Нальчике и Прохладном (на каждый в 2002 г. время приходилось порядка 40% армян Кабардино-Балкарии).

**Динамика армянского населения в городах
Кабардино-Балкарии, 1897-2010 гг. (тыс. чел.; %)**

Города	1897	1926	1939	1989	2002	2010
Нальчик	0,065	0,22	0,68	1,77	2,05	1,81
%	1,35	1,71	1,42	0,7	0,8	0,68
Прохладный			0,18		2,1	2,14
%			0,71		3,5	3,7
Тырнауз					0,09	0,1
%					0,5	0,5
Баксан			0,08		0,12	0,07
%			0,21		0,3	0,2
Майский			0,022			0,18
%			0,037			0,67
Терек			0,016		0,036	0,024
%			0,36		0,2	0,1
Нарткала					0,12	0,08
%					0,35	0,27

Но потеряв ярко выраженную столичность региональная община не утратила своей урбанистичности. Почти 90% республиканских армян в настоящее время являются горожанами. Только в ряде сел и станиц Прохладненского района закрепились небольшие группы армянского населения, расширив тем самым географию диаспоры.

Показательно, что само данное расширение было связано с демографическим и экономическим освоением наиболее русского по национальному составу района республики. В пределах Прохладненского района в начале XXI в. проживала треть всех русских Кабардино-Балкарии. А в самом Прохладном русские составляли 79% жителей. Именно это обстоятельство, очевидно, и способствовало столь быстрому/успешному росту местной армянской общины, который невозможно себе представить в плотной титульной этнокультурной среде современного республиканского Северного Кавказа. Русские и армяне в очередной раз продемонстрировали высокую социокуль-

*турную совместимость и социально-экономическую взаимодополнительность*¹.

В первом десятилетии XXI в., как и в других регионах Юга России, стремительный количественный рост республиканской общины останавливается. Но если в степном Предкавказье, на фоне количественной стабилизации местных общин, идет процесс их территориальной «оптимизации» (внутрирегиональной перецентрировки), то в Кабардино-Балкарии динамика армянской диаспоры указывает на определенный отток ее представителей за пределы республики. За 2002–2010 гг. диаспора сокращается на 6%. С учетом ее естественного прироста демографические потери общины составили в этот период порядка 10%.

Центральную роль в миграционном оттоке армян из республики, очевидно, играет жесткая социально-экономическая конкуренция со стороны титульных народов, ориентированных на те же сегменты производительной деятельности, что и диаспора. Свою роль играла этнополитическая напряженность, а также экстремистская активность (как известно, к концу «нулевых» Кабардино-Балкария превращается в один эпицентров деятельности северокавказского бандподполья).

Но показательно, что из двух средоточий диаспоры Кабардино-Балкарии, сокращается только столичное. Именно с депопуляцией общины Нальчика связаны основные демографические потери республиканских армян. И данный этнодемографический тренд является одним из свидетельств нарастающей комплексной «титулизации» социокультурной и социально-экономической жизни столицы.

Существенно и другое. Как и во многих других центрах и районах национального Северного Кавказа, отток армян из Нальчика только сопровождал основной вектор этнодемографической динамики местного сообщества, связанной с бы-

¹ По переписи 2002 г. – армяне вторая национальная группа Прохладного, уступающая по численности только русским, но превосходящая кабардинцев (соответственно 2,1 и 1,89 тыс. человек).

стрым этническим отступлением русских. За 2002–2010 гг. их число в республиканской столице сократилось на 20% (с 87,4 тыс. до 69,9 тыс. человек). Иными словами, ускоренным темпом Нальчик оставляла национальная группа, составлявшая для местных армян наиболее социокультурно близкую и экономически комфортную среду жизнедеятельности. И потому следом за русскими из столицы «потянулось» и армянское население.

Между тем, на севере республики (Прохладненский и Майский районы), на территориях прилегающих к Ставрополю, с плотной устойчивой системой русского сельского расселения, темпы демографического отступления русских были значительно ниже. Не торопились уходить и армяне. Как результат именно «прохладненское», совсем новое по времени своего формирования, средоточие армянской общины Кабардино-Балкарии становится ведущим в республике. В 2010 г. на него приходится уже 43% всех армян региона, тогда как на Нальчик только 36%.

Итак, к настоящему времени география расселения диаспоры в республике остается достаточно узкой. По переписи 2010 г. армяне (числом от 3 человек и более) присутствовали только в 44 населенных пунктах республики (из имеющихся 159), большинство из которых располагается в ее северных районах¹. Но практически всегда речь идет об очень небольших территориальных группах (как иначе, если на два ведущих центра в сумме приходится почти 4/5 представителей диаспоры). При этом именно в Прохладном удельный вес армянского населения достигает своего максимума – 3,6% (хотя к концу «нулевых» их местная община уступила вторую позицию кабардинцам в демографическом рейтинге городских этнических групп).

¹ Прежде всего в Прохладненском (из 20 крупнейших поселенческих групп республиканской диаспоры 12 относятся именно к нему).

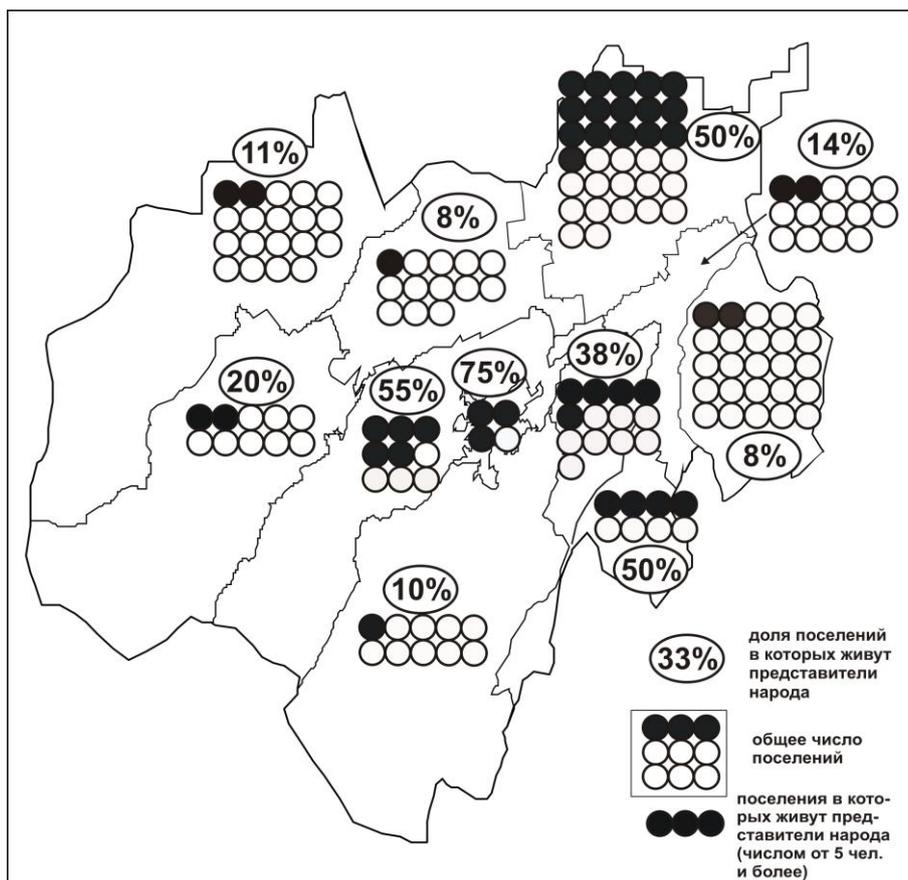

Рис. 3.14. Территориальная представленность армян в поселенческой сети Кабардино-Балкарии, 2010 г.

Табл. 3.6

Армянское население по районам Кабардино-Балкарии, 2002–2010 гг. (чел.)

районы	2002	2010	районы	2002	2010
Баксанский	8	6	Черекский	2	5
Зольский	11	8	Терский	6	14
Лескенский	18	17	Урванский	24	16
Майский	18	10	Чегемский	49	56
Прохладненский	396	412	Эльбрусский	11	9

Примечание. Цифры даны без учета армянского населения городов, представляющих центры районов.

Сбалансированная гендерная структура диаспоры (106 мужчин на 100 женщин) – свидетельство высокой степени ее внутренней сформированности, а значит и социально-экономической укорененности в жизни республиканского общества. При этом, среди

немногочисленных сельских представителей республиканской общины доля мужчин несколько выше.

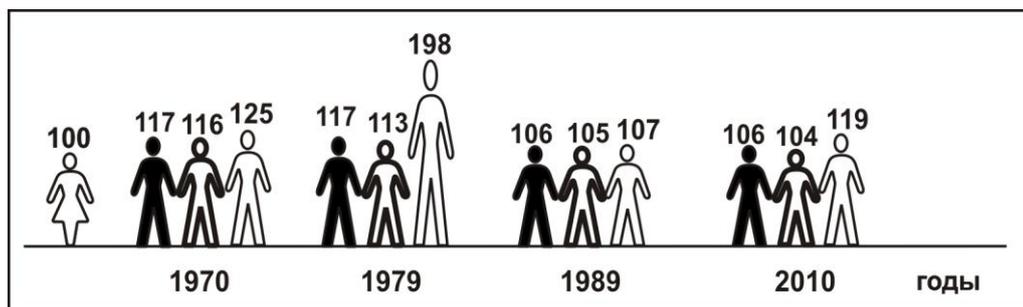

Рис. 3.15. Гендерная структура армянской общины Кабардино-Балкарии, 1970-2010 гг.

Говоря о комплексной интеграции общины, не следует упускать из виду ее выраженную социокультурную «русскоцентричность», максимальную адаптацию именно к русским (или «общефедеральным») компонентам республиканской социальной жизни. Практически все армянское население республики владеет русским (99,7% - максимальный показатель среди всех регионов Юга России). Более чем для четверти местных армян (27,5%) – русский уже родной. Между тем, кабардинский язык знает только 2,6% представителей диаспоры, балкарский – 0,56%. При столь очевидной культурно-языковой ориентации, нарастающая этнизация и титулизация структур повседневности республиканского общества не способствуют дальнейшему «врастанию» диаспоры в его жизнедеятельные циклы. Скорее наоборот, работает на дальнейший миграционный отток и поиск более социокультурно близкой среды жизнедеятельности.

3.2.2 Карачаево-Черкесия (1950-е – 2010-е гг.)

Демографическая динамика армянской общины республики в послевоенные десятилетия, как и в Кабардино-Балкарии была направлена вверх. Однако контур данного поступательного роста отличался своей спецификой. В 1960-е гг. диаспора Карачаево-Черкесии выросла только на 4,5% (община соседней республики на 43%). Зато в 1970-е гг. они меняются местами. Теперь уже ар-

мянское население Кабардино-Балкарии увеличивается исключительно за счет естественного прироста, а диаспора Карачаево-Черкесии вырастает в 1,5 раза – максимальный показатель среди регионов Юга России. Впрочем, столь значительный прирост мог отчасти объясняться малым ее размером. Даже 200–300 мигрантов в 1970-х гг. было достаточно, чтобы увеличить местную общину на 50%.

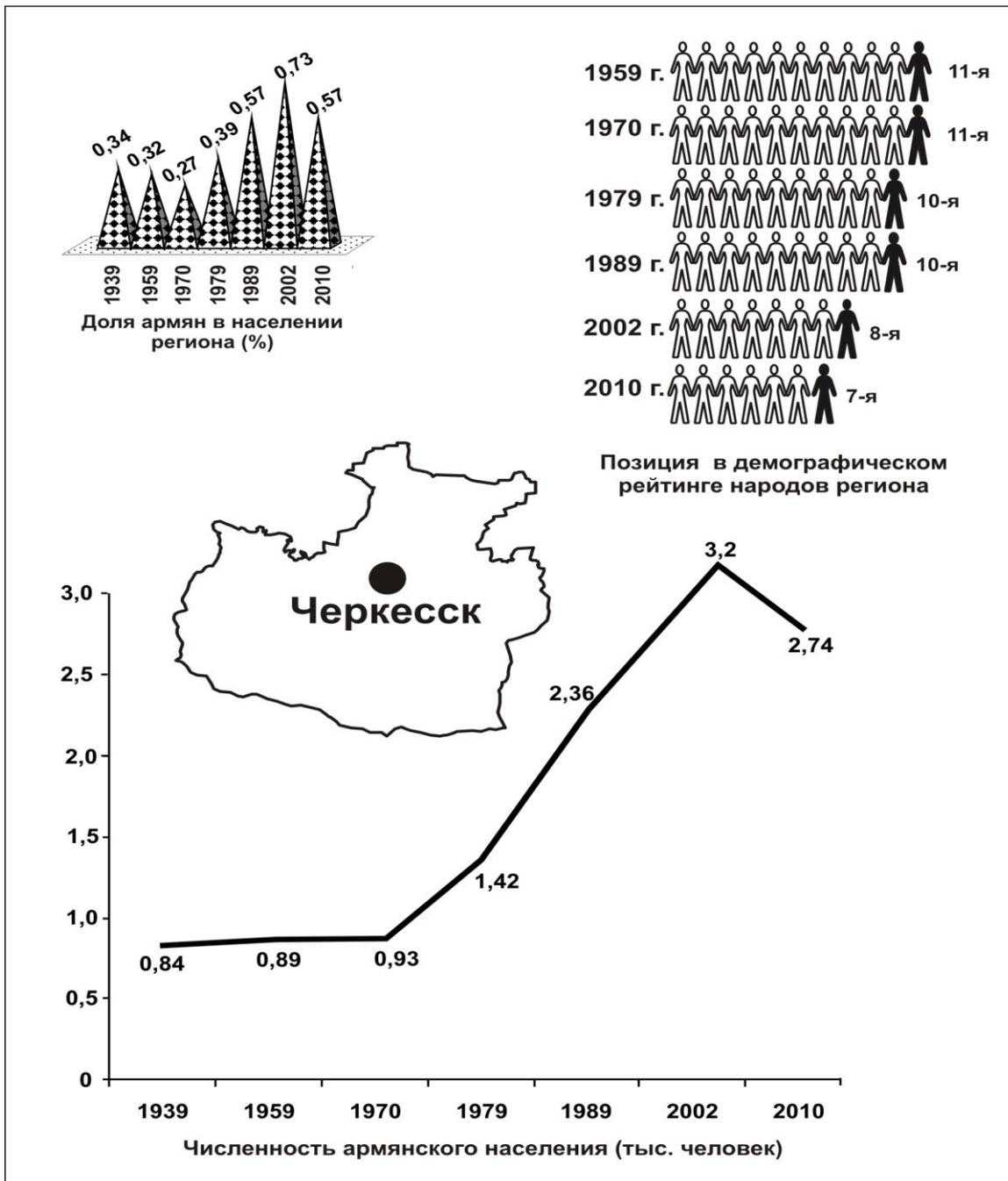

Рис. 3.16. Динамика армянской общины Карачаево-Черкесии, 1939–2010 гг.

Еще более усиливается миграционный приток в последнее советское десятилетие, позволяя республиканской диаспоре вырасти на 70% (третий показатель после Ставропольского края и Астраханской области).

Однако при столь стремительном демографическом росте, география общины менялась незначительно. Основная масса армянского населения Карачаево-Черкесии концентрировалась в региональной столице. К концу 1980-х гг. в Черкесске проживало 57% представителей диаспоры. А к началу XXI в. их доля вырастает до 64,4% (при общем уровне урбанизации общины в 70%). Сельская расселенческая сеть общины включает многие районы республики, однако из 840 республиканских армян проживающих за пределами городов 450 относились только к двум районам – Зеленчукскому и Прикубанскому.

Как и в других регионах Юга России социально-экономическая стабилизация республики в начале XXI в. была связана с территориальной перегруппировкой местного армянского населения, прежде всего, массы вынужденных переселенцев приехавших в Карачаево-Черкессию в предыдущие 10–15 лет. И если во второй половине 1980-х гг. республиканскую диаспору отличали максимальные темпы роста, то в «нулевые» именно она на Юге России демонстрирует самые высокие темпы демографической депопуляции.

В 2002–2010 гг. число армян в Карачаево-Черкесии сокращается на 14%. А значит республику в этот период (с учетом положительной естественной динамики составившей 4–5%) покинуло до 1/5 ее представителей. Более остальных сжалась община Карачаевска, но и основное средоточие республиканской диаспоры – армянское население Черкесска сократилось на 370 человек (18%). В настоящее время армяне (числом от трех человек) проживают в 44¹ из 143 населенных пунктов республики (присутствие в 30,5% поселений – показатель достаточно широкой территориальной представленности в регионе). Впрочем, только в

¹ Даже в этом повторяя Кабардино-Балкарию, имеющей точно такой же показатель армянской расселенческой сети.

восьми из них доля армян превышает 1% жителей (в том числе в двух – она выше 3%).

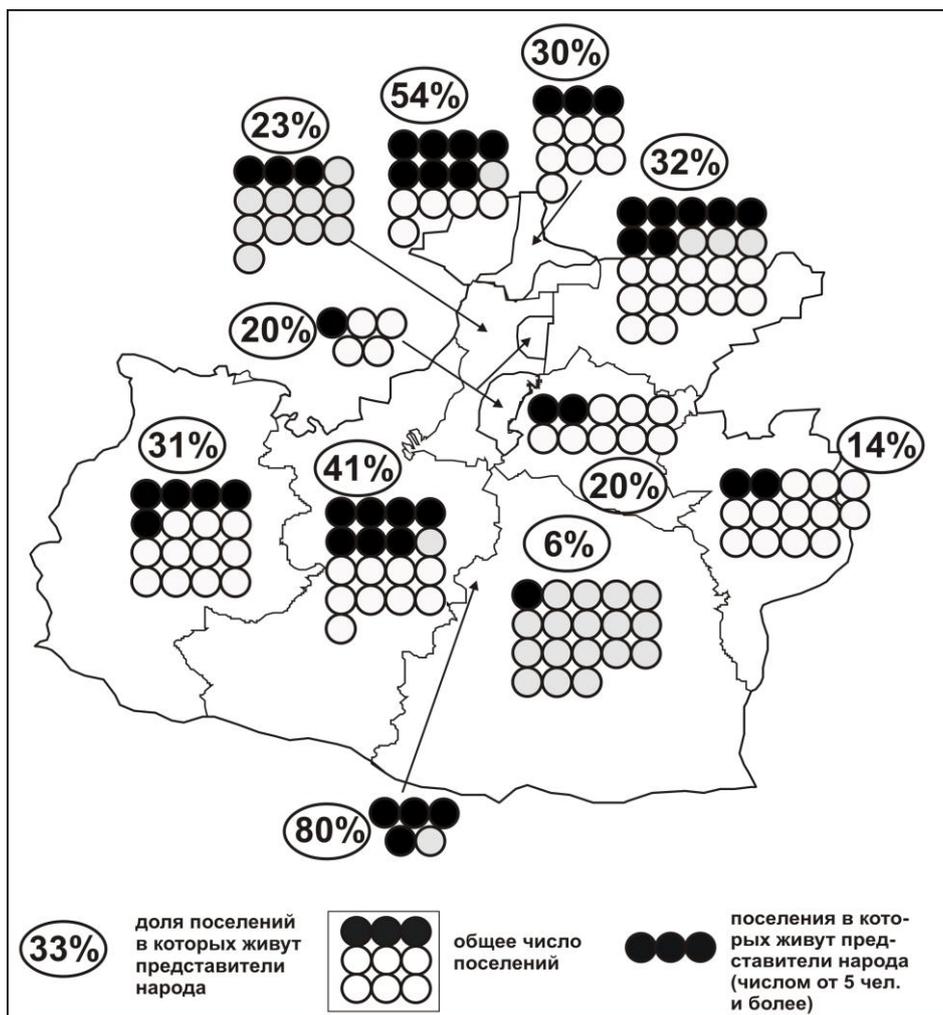

Рис. 3.17. Территориальная представленность армян в поселенческой сети Карачаево-Черкесии, 2010 г.

Табл. 3.7

Динамика армянского населения в городах Карачаево-Черкесии, 1897–2010 гг. (тыс. чел.; %)

Города	1897	1926	1939	1989	2002	2010
Черкесск	0,15		0,28	1,35	2,06	1,69
%	1,33		1,0	1,2	1,8	1,3
Карачаевск				0,13	0,23	0,16
%				0,6		0,9
Усть-Джегута				0,16	0,1	0,06
%				0,6		
Теберда				0,056	0,046	0,03
%				0,7	0,6	0,3

Табл. 3.8

**Армянское население по районам Карачаево-Черкесии,
1989–2010 гг. (чел.)**

районы	1989	2010	районы	1989	2010
Абазинский		21	Ногайский		65
Адыге-Хабльский	83	101	Прикубанский	283	225
Зеленчукский	101	224	Урупский район	55	78
Карачаевский	43	27	Усть-Джегутинский	170	70
Малокарачаевский	50	19	Хабезский	21	13

Отличительной чертой республиканской общины является высокая этнокультурная устойчивость – только 16% местных армян считают русский язык, родным (минимальный показатель среди всех южнороссийских армянских диаспор). Столь высокая приверженность национальной культурно-языковой традиции, однако не мешает армянскому населению Карачаево-Черкесии быть и носителями русского языка – им владеет более 99% представителей диаспоры. Тогда как карачаевским языком владеет только 2,5% местных армян, черкесским – 0,48%.

Иными словами, как и во всех других северокавказских республиках, армяне предпочитали встраиваться в республиканское общество через общероссийскую социокультурную традицию и «государственный» язык России. Это обстоятельство является одним из основных ограничителей возможного демографического роста общины в постсоветской Карачаево-Черкесии, как и причиной ее ощутимой депопуляции, наблюдаемой в последние 10–15 лет. В ситуации постепенной этнизации основных сфер жизни и коренизации республиканских социальных иерархий, армяне предпочитают не адаптироваться к данной специфике, а перебираться в другие российские регионы, более социокультурно комфортные и экономические перспективные для жизнедеятельности.

3.3. Центральный и Северо-Восточный Кавказ

3.3.1. Северная Осетия и Чечня

Основание в 1784 г. Владикавказа – крепости охранявшей стратегически важную дорогу между Северным Кавказом и Закавказьем, дало толчок развитию поселения изначально полиэтничного по составу своих жителей. Были среди них и армяне. Заметим, впрочем, что реальное существование поселения начинается в 1803 году (обострение вооруженного противостояния с горцами заставило русские войска уже в 1785 г. оставить только что возведенную крепость, чтобы вернуться и возобновить ее через два десятилетия).

А, стало быть, и армянское присутствие во Владикавказе может быть датировано первыми десятилетиями XIX века. В первой его половине, по мнению В.З. Акопяна, армян в городе «насчитывалось не менее 100 человек – служащие, купцы и ремесленники. Но это были постоянные жители города-крепости. Для армян Владикавказ являлся своеобразным «перевалочным пунктом» между Северным и Южным Кавказом, поэтому численность армянского населения здесь сильно колебалась. Судя по документам, в конце 1830-х гг. армяне предприняли первые шаги по сооружению своего храма. По крайней мере, в 1843 г. здесь действовала небольшая церковь Св. Григория Просветителя»¹.

Учитывая незначительные размеры Владикавказа в первые десятилетия его существования, можно предположить, что названная Акопяном цифра – некоторое преувеличение размера местной армянской общины. Но даже несколько десятков человек для 1820–1830-х гг. – весьма значительная цифра, позволявшая армянам уже в это время быть одной из заметных этнических групп поселения.

А в середине XIX в. армянское население Владикавказа действительно составляло около 100 человек. И по численности они уступали только русским, осетинам и ссыльным полякам. Поре-

¹ Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России. Пятигорск, 2005 URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/4-istoriya-armyanskikh-poselenij-na-yuge-rossii.html>

форменный период – время стремительного взлета Владикавказа, получившего в 1860 г. городской статус, а через три года и статус административного центра новой Терской области. Город быстро растет, превращаясь в один из крупнейших центров российского Кавказа. И в качестве такового он не мог не привлекать к себе армянских переселенцев. Напомним, что армяне в это время являются самой многочисленной группой городского населения Кавказского макрорегиона, едва ли не всех больших городов Закавказья (в т.ч. Тифлиса и Баку).

Динамика армянской общины Владикавказа данную центростремительную расселенческую ориентацию народа полностью подтверждает. Тем более, что притоку новых переселенцев способствует назначение на должность начальника Терской области этнического армянина М.Л. Лорис-Меликова, выдающегося управленца и крупного российского политического деятеля (впоследствии министра внутренних дел Российской империи). Уже в 1860 г. армянская община Владикавказа насчитывает 400 человек. А в последней трети XIX в. вырастает еще в несколько раз, оставаясь крупнейшей после русских и осетин национальной группой города.

При этом серьезных попыток к освоению сельских окрестностей ни сама община, ни ее новое пополнение, не предпринимают. Во всем обширном Владикавказском округе (в значительной степени совпадавшим с пространственным контуром современной Северной Осетии) перепись 1897 г. обнаружила только 44 армянина (против 2,05 тысяч в самом Владикавказе).

Показательным является и гендерный «перекос» – на 100 женщин в общине в это время приходится 133 мужчины, очевидное свидетельство быстрого роста, связанного с притоком новых мигрантов, в том числе «трудовых», среди которых, как правило, количественно доминировали мужчины.

В социопрофессиональном отношении владикавказская диаспора имела вполне типичную для армянского населения Юга России структуру. Наиболее привлекательными для местных армян были сфера торговли и кредитования, а также ремесло – по доли населения занятого в разнообразных мелкотоварных

производства представители общины опережали все другие ведущие этнические группы Владикавказа, включая русских.

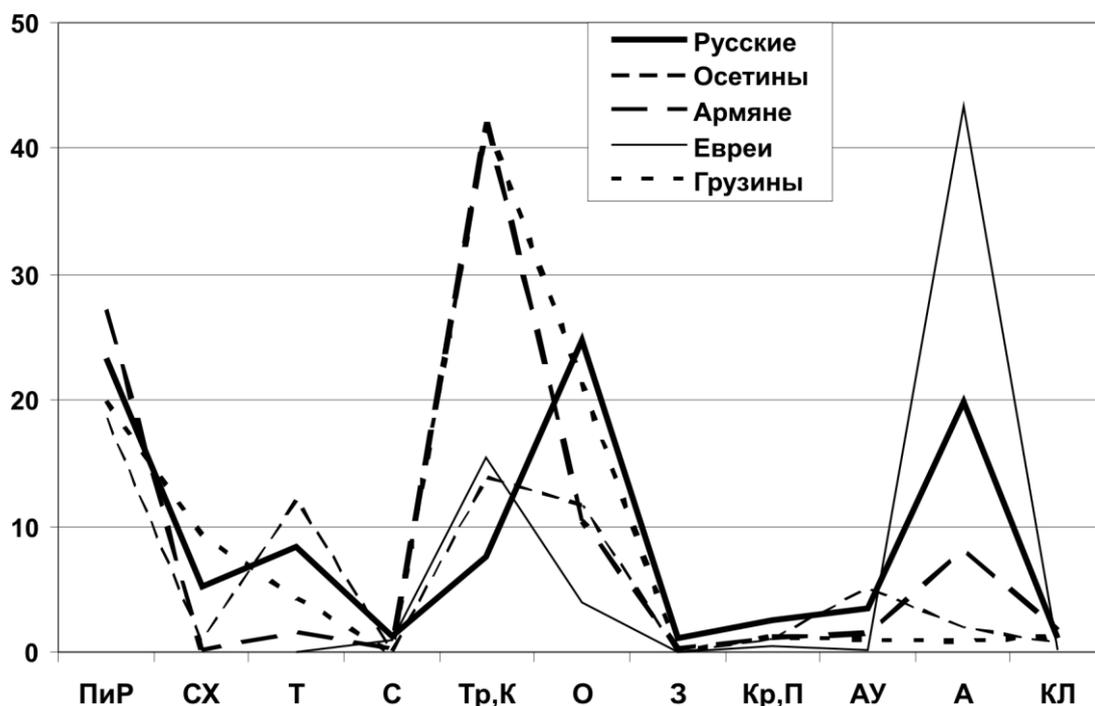

Рис. 3.18. Социопрофессиональная структура ведущих национальностей Владикавказа, 1897 г. (% от общего числа занятых)

К рис. 3.18: ПиР - Промышленность и ремесло; СХ - Сельское хозяйство; Т - Транспорт; С - Связь; Тр, К - Торговля, кредит; О - Обслуживание; З - Здравоохранение; Кр, П - Культура и просвещение; АУ - Административно-управленческий аппарат; А - Армия; Д, Р - Дворяне, рантье; КЛ - Культ

Некоторая количественная стабилизация общины в самом конце XIX – начале XX в. сменяется новым демографическим рывком. Отчасти он связан с притоком беженцев в годы Первой мировой войны, но начинается раньше. Уже к 1910 г. городская община превышает шеститысячную отметку, на которой закрепляется на два последующих десятилетия.

Однако между двумя датами 1914 г. и 1926 г. зафиксированными, по сути, одну и ту же цифру были моменты, когда диаспора могла вырастать в разы. Очевидно, что уже в годы Первой мировой войны, число беженцев в городе должно было

исчисляться тысячами. Но пик пришелся на 1918 год. «В конце мая 1918 г. турецкие войска вторглись в Тифлисскую губернию, вынудив беженцев и местное армянское население бежать на Северный Кавказ. В конце мая и в начале июня 1918 г. из Тифлиса по Военно-грузинской дороге во Владикавказ отправилось от 80 до 100 тыс. беженцев, из них армян – 42–45 тыс. человек»¹.

Конечно, этот гигантский человеческий массив недолго оставался в городе. Но и после того, как значительная его часть была эшелонами распределена по другим крупным центрам Северного Кавказа, многие тысячи армян должны были оставаться во Владикавказе. Только в начале 1920-х гг. городская община возвращает свою устойчивую форму, а с ней и стабильную численность.

Как видим, первая четверть XX в. – время максимального присутствия армян в городском сообществе. И очевидно, что не только «демографического» (на них в это время приходится 8-9% горожан), но в не меньшей степени экономического и культурного.

Рис. 3.19. Динамика армянской общины Владикавказ, 1852–2010 гг. (тыс. чел., %)

¹ Минасян С.А. Армяне беженцы на Северном Кавказе в 1918–1920 гг. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2015, С. 50.

К середине 1920-х гг. – Владикавказская община укоренилась (гендерный баланс, зафиксированный переписью 1926 г. – 103 мужчины на 100 женщин). Но к этому времени несколько возрастает присутствие армян и в сельской местности Осетии. Хотя их все еще немного (390 человек) и это преимущественно мужчины (их на 30% больше чем женщин). Но дисперсно и малыми группами они уже есть во всех сельских районах республики (более всего в Притеречном и Ардоно-Алагирском, где их в середине 1920-х гг. соответственно 145 и 100 человек).

Быстро растет республиканская диаспора армян и во второй четверти XX века. Однако не так быстро, как все население Северной Осетии и тем более самого Орджоникидзе (Владикавказа). Как результат, количественно увеличившись за 1926–1959 гг. почти на 40%, городская община сжалась в 1,5 раза в доле в отношении. Что впрочем, не мешало армянам оставаться третьей по численности этнической группой города, существенно превосходя украинцев, грузин, ингушей, евреев и другие крупные диаспоры.

Табл. 3.9

Динамика армянского населения в городах Северной Осетии, 1897–2010 гг. (тыс. чел.; %)

Города	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Владикавказ	2,05	6,53	8,41	9,06	10,3	9,95	10,28	12,27	11,29
%	4,69	8,34	6,43	5,5	4,37	3,61	3,44	3,89	3,72
Моздок	2,32	2,25	1,62	1,71	1,79	1,84	1,92	2,62	2,34
	24,9	16,0	8,49	6,68	5,57	5,44	5,08	6,11	6,38
Беслан		0,02	0,15	0,17	0,22	0,23	0,43	0,38	0,47
%		1,11	2,0	0,89	0,84	0,78	1,35	1,07	1,28
Алагир			0,042	0,18	0,08	0,08	0,1	0,16	0,13
%			2,26	6,57	1,62	0,43	0,47	0,74	0,62
Ардон			0,033		0,11	0,12	0,13	0,23	0,25
%			0,80		0,91	0,95	0,94	0,13	0,14
Дигора			0,016		0,01	0,007	0,006	0,022	0,02
%			0,17		0,1	0,07	0,06	0,19	0,18

Как и прежде, столица республики оставалась основным средоточием армянского населения. Освоение сельских районов Северной Осетии, начатое в 1920-е гг., серьезного продолжения не получило. На многие тысячи «столичных» армян и в конце 1930-х гг. в республике приходилось всего 300 сельских жителей. Только появление в административном составе Северной Осетии Моздока с его обширной диаспорой (это произошло уже в 1950-е гг.), позволило республиканской диаспоре заметно расширить свою географию, но главное, создать второй демографический эпицентр. Впрочем, и после этого на Орджоникидзе приходилось $\frac{3}{4}$ всего армянского населения региона. И показатель этот остается устойчивым до конца советского периода.

А небольшое число армян, осевшее в районах республики, в своем большинстве предпочитало их административные центры – то есть малые города и крупнейшие села.

Анализируя динамику республиканской диаспоры в 1960–1980-е гг., нельзя не заметить замедленного темпа ее роста, явно отличного от показателей не только у общин русских регионов, но и большинства республик Юга России. А в 1970-е гг. армянское население Северной Осетии даже несколько сократилось. Учитывая, что естественный прирост диаспоры в этом десятилетии составлял не менее 1,5 тыс. человек, она должна была потерять в результате миграционного оттока около двух тыс. человек.

Но и в 1980-е гг., набирающая силу миграционная волна из Закавказья, обильно пополнившая почти все региональные армянские общины Юга России, практически миновала диаспору Северной Осетии, выросшую за это десятилетие только на 6% (опять-таки меньше естественного прироста, составившего 13 – 15%).

Учитывая, аналогичную динамику общины соседней Чечено-Ингушетии и уже совсем очевидную убыль армянского населения Дагестана, мы можем говорить о единой демографической тенденции, характерной для Северо-Восточного Кавказа, к которому если и не принадлежала полностью, то вплотную примыкала Северная Осетия.

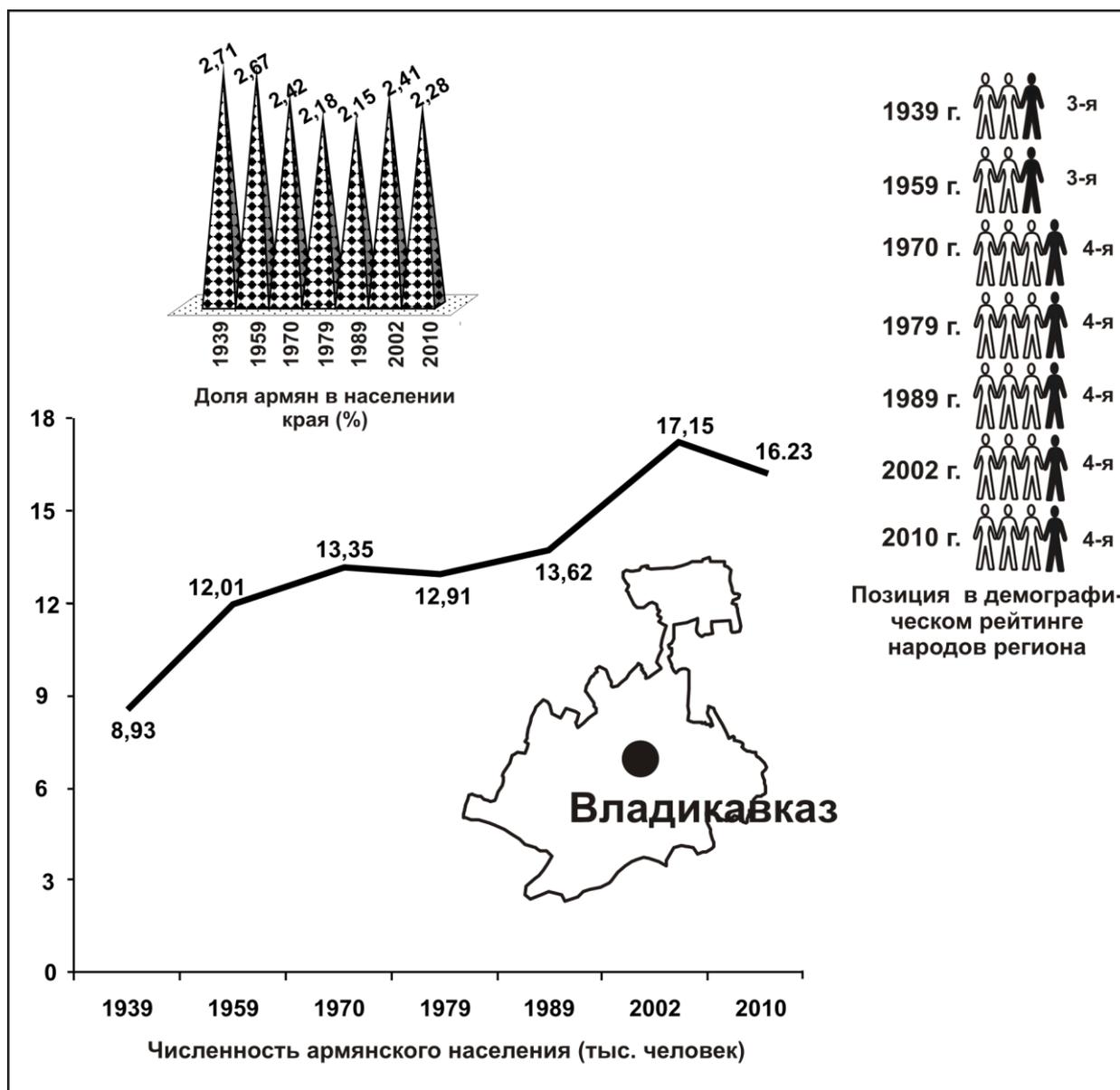

Рис. 3.20. Динамика армянской общины Северной Осетии, 1939–2010 гг. (тыс. чел., %)

Процессы комплексной этнизации и титулизации социальной жизни Чечено-Ингушетии и Дагестана, столь масштабно проявившие себя в постсоветский период, давали о себе знать уже в последние десятилетия советского периода. Это обстоятельство, очевидно, и определяло ограниченные масштабы притока армянских переселенцев, миновавших не только данные две республики, но и территориально близкую к ним Северную Осетию.

Перебираясь в Россию из районов взрывного роста межнациональной конфликтности, эти люди были особенно чувст-

вительны к любым проявлениям местного национализма. А североосетинское общество к концу 1980-х становится участником двух масштабных конфликтов – между осетинами и ингушами, а также между Южной Осетией и Грузией. Первый из них, после стремительной эскалации на рубеже 1990-х, закончился пятидневной войной 1992 года. Второй, после затяжного кризиса, растянувшегося на полтора десятилетия, также привел к военному конфликту на территории Южной Осетии в августе 2008 года.

Не удивительно, что не только в 1980-е, но и в 1990-е гг. армянская диаспора Северной Осетии росла медленными темпами. Впрочем, надо принимать во внимание и ее крупный размер. Если ее 26% демографического прироста в 1989-2002 гг. составили 3,52 тыс. человек, то 1,5-кратный рост общины Кабардино-Балкарии увеличил число армян в республике только на 1,83 тысяч. В абсолютных числах только в Адыгею (из всех республик Северного Кавказа) армянские переселенцы ехали охотней, чем в Северную Осетию.

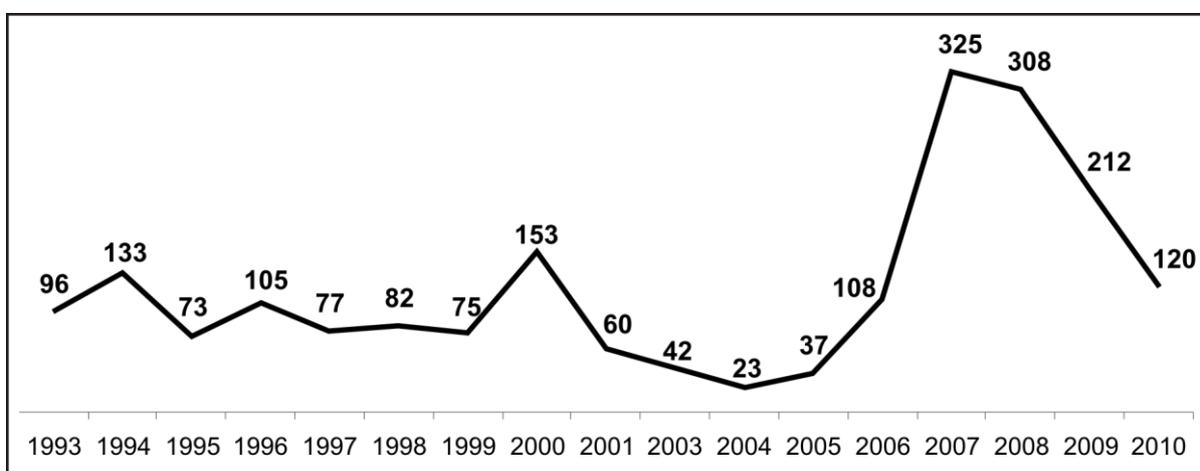

Рис. 3.21. Чистый приток (миграционное сальдо) переселенцев из Армении в Краснодарский край, 1993–2010 гг. (чел.)

В первом десятилетии XXI в. армянская община Северной Осетии начала сокращаться. Общие демографические потери за 2002–2010 гг. составили около 900 человек. Причем миграционный взаимообмен с Арменией, остававшейся основным источником внешнего пополнения североосетинской диаспоры, по-прежнему был для республики положительным. Более того, он

даже вырос, достигнув во второй половине 2000-х гг. максимальных показателей за весь постсоветский период.

В середине – второй половине «нулевых» Северная Осетия получила 1,1 тыс. новых армян-переселенцев. А кроме того существовал естественный прирост и в самой диаспоре. Однако оба эти фактора не сумели компенсировать ее депопуляцию. Основной причиной которой является активный отток армян в другие регионы РФ. В первом приближении он может быть определен для данного периода в 2,5–3 тыс. человек. В своих миграционных настроениях местные армяне не были исключением. Активно уезжали из республики сами осетины, а также русские и представители иных крупных диаспор. В отличие от других республик Северного Кавказа, этот устойчивый отток, определялся в первую очередь социально-экономическими факторами, заставлявшими покидать Северную Осетию, как молодежь, так и активное население среднего возраста.

Современная география республиканской общины – это по-прежнему Владикавказ, на который приходится почти 70% армянского населения Северной Осетии и Моздок (более 14%), а также их окрестности (Моздокский и Пригородный районы с Бесланом).

Табл. 3.10

**Армянское население по районам Северной Осетии
1939–2010 гг. (чел.)**

районы	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Алагирский	1	15	36	21	18	49	66
Ардонский	5	***	6	5	22	53	70
Дигорский	1	***	6	7	10	15	9
Ирафский	2	***	19	1	8	23	28
Кировский	0	***	22	17	34	96	70
Моздокский	***	97	213	216	257	434	410
Правобережный	4	65	10	19	13	55	48
Пригородный	***	***	176	180	198	396	550

*** - нет данных

На остальной территории республики группы армян невелики, а в сельской местности их присутствие почти минимально (на район по несколько десятков человек). Однако в целом показатель территориального присутствия у региональной общины оказывается самым высоким из республик Северного Кавказа (за исключением Адыгеи).

Группы армян числом от 3 человек и более в 2010 г. проживали в 69 из 172 поселений Северной Осетии. Это почти 40% поселенческой сети (напомним, что по Ростовской области этот показатель равняется 38,4%). При этом на равнине и в предгорных районах (север и северо-восток республики) данный показатель поднимался до 50-70%, а в пределах высокогорья (южные районы) падал до 10%.

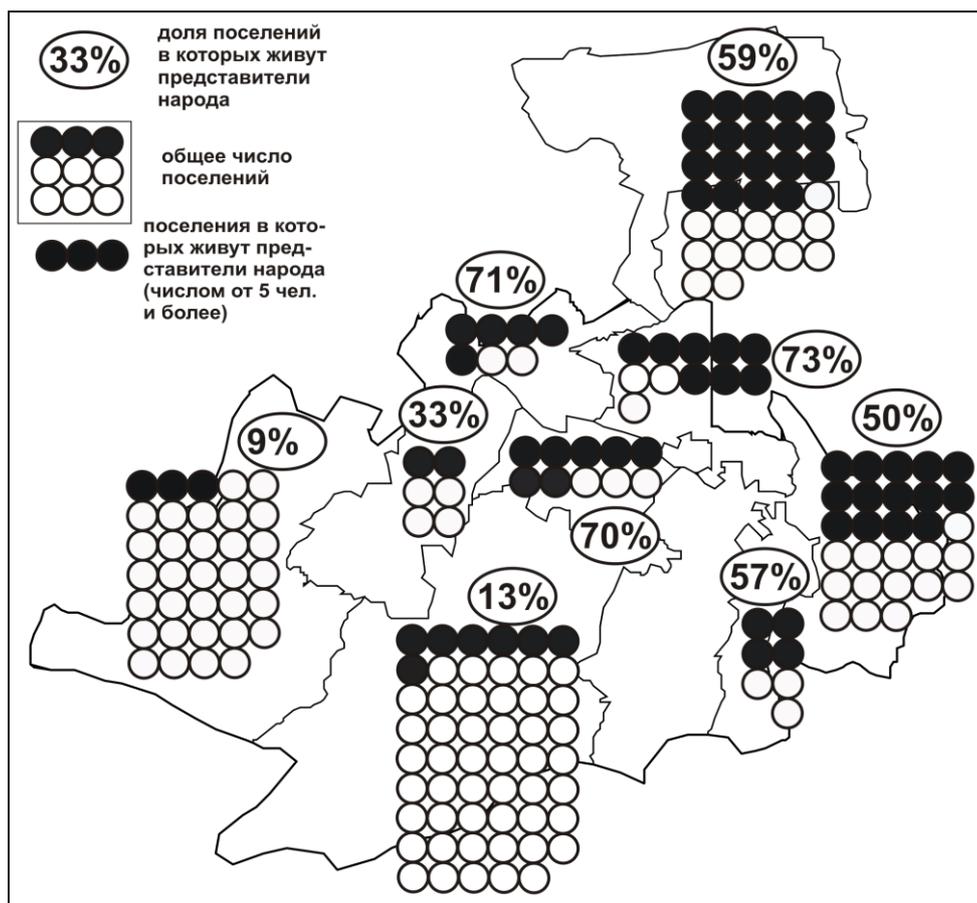

Рис 3.22. Территориальная представленность армян в поселенческой сети Северной Осетии, 2010 год

3.3.2. Чечено-Ингушетия (Чеченская республика)

Как и в соседней Северной Осетии, история местной диаспоры это, прежде всего, история столичной общины – армян самого Грозного. Похожим было и становление данной территориально-этнической группы. Хотя, очевидно, появление постоянного армянского населения в крепости Грозной происходит не столь быстро как во Владикавказе. Что объясняется «военной» судьбой первого поселения. Основанная в 1818 г. генералом А.П. Ермоловым Грозненская крепость, несколько десятилетий оставалась важнейшим стратегическим форпостом русских войск, активно задействованным в Кавказской войне, что мало располагало к развитию мирных форм гражданской жизни. Но к середине XIX в. века армяне занимают свое привычное место в экономике и социальной сфере города.

К этому времени «в Грозном уже существовали лавки армян и евреев, они занимали большой квартал, а торговля напоминала по своему характеру европейскую. Продавались как местные товары и предметы собственного изготовления, так и привозные товары. Среди известных предпринимателей в сфере торговли выделялись мануфактурные магазины армян Г. Беглярова и братьев Вартановых, галантерейные - Г. Мартиросовой, Алахвердова, Г. Мартиросова, А. Буниятынца, магазины зеркал Д. Товмасына и А. Авакова. В городе также были известны торговые дома крупных армянских купцов: «А.И. Ростеванов», «Г.А. Сафарьянц и К0», «Н. Баграмов, А. Тертерьянц и К0», «Киракосов и Б. Оганов» и другие. В руках армян были многие магазины на центральной улице города – Дундуковской»¹.

Армянское население Грозного в начале 1860-х гг. В.З. Акопян оценивает в 200 человек, при этом называя эту общину неболь-

¹ Ованесов Б.Т. Возникновение армянской общины в г. Грозный в XVIII–XIX вв. URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/430-vozniknovenie-armyanskoj-obshchiny-v-g-groznyj-v-xviii-xix-vv.html>.

шой¹. Однако, население крепости в 1859 г. составляло всего 1100 человек². И, стало быть, диаспора такого размера, была бы одной из основных этнических групп поселения, что непременно нашло бы отражение в различных документах, в т.ч. и в воспоминаниях современников³. Иными словами, число армян в Грозном на момент завершения Кавказской войны, скорее всего, не превышало нескольких десятков человек (что, все равно, было достаточно внушительной величиной).

Конец военных действий и начало российских реформ – два фактора определившие быстрый рост крепости, в котором растущая демография и экономика подгоняют и стимулируют друг друга. В 1870 г. в Грозном уже 4 тыс. жителей. В это же время он получает статус города. К 1877 г. число горожан переваливает за 6 тысяч. Между тем армянская община по оценке Б.Т. Ованесова составляет в данный период 75 человек⁴. Если это так, то она практически не выросла за десятилетие, что маловероятно. Но в любом случае, рост грозненской общины в дальнейшем ускоряется.

В 1890-е гг. за счет притока новых мигрантов она увеличивается в разы. Выдает стадию быстрого количественного роста диаспоры и гендерное соотношение – на рубеже веков на 100 женщин в ней приходилось 156 мужчин. При этом сельские окрестности Грозного армянских переселенцев почти не привлекали (в продолжение множественных геодемографических аналогий с соседним Владикавказом). На 350 грозненских армян в 1897 г. при-

¹ Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России. Пятигорск, 2005 URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/4-istoriya-armyanskikh-poselenij-na-yuge-rossii.html>.

² Казаков А.И. Город Грозный. URL: <http://grozncity.ru/library/city/kazakov/document1590>.

³ Другое косвенное доказательство завышенной цифры, приводит сам Акопян, указывая, что к строительству своей церкви грозненское армянское общество приступило только во второй половине 1860-х гг. (она начала действовать в 1872 году). Несомненно, что община в 200 человек уже должна была иметь свой храм, то есть озаботилась бы этой проблемой много раньше.

⁴ Ованесов Б.Т. Указ. соч.

ходило только 47 представителей общины, расселенных в пределах Грозненского округа¹.

Продолжается стремительный рост городской диаспоры и в начале XX века. Перед Первой мировой войной в Грозном уже 1,4 тыс. армян и город оказывается в числе крупных средоточий армянского народа всего Юга России. Не прерывался этот рост и в период затяжного военно-революционного лихолетья. К середине 1920-х гг. грозненская община, увеличившись еще в несколько раз, по своему размеру становится пятой во всем южном макрорегионе.

И по-прежнему концентрирует основную массу армян проживавших в пределах Чечни. Оговорим, что в состав Чеченской автономной области Грозный в это время административно не входил. Что, однако, не мешало ему оставаться крупнейшим экономическим и социокультурным центром всех прилегающих сельских территорий – то есть данной Чеченской АО, населенной преимущественно чеченцами, в пределах которой перепись 1926 г. зафиксировала только 100 армян.

Рис. 3.15. Динамика армянской общины Грозного, 1860–2010 гг. (тыс. чел., %)

Не изменилось положение и в следующем десятилетии, когда Грозный стал столицей только что созданной Чечено-Ингушетии.

¹ Причем среди них мужчины имели уже 2,5-кратный количественный перевес над женщинами.

И в 1930-е гг., и в последующие десятилетия, до самого конца советского периода, республиканская община демонстрировала максимальный уровень урбанизации, а еще точнее – столичности.

На протяжении всего этого времени в Грозном проживало более 90% всего армянского населения республики. Только в послевоенные годы, в период массового заселения сельской местности, обезлюдевшей после депортации титульных народов Чечено-Ингушетии, число армян за пределами столицы, несколько возрастает.

Впрочем, данный короткий период, уложившийся менее чем в полтора десятилетия (1944–1957 гг.), был связан с существованием совершенно новой административной единицы – Грозненской области, скроенной из частей упраздненной Чечено-Ингушетии и восточных районов Ставропольского края. Двумя средоточиями армянского населения в ней являлись Грозный и Кизляр. Однако новая пространственная структура расселения этнических групп еще продолжала складываться, когда созданный регион уже прекратил свое существование.

И все же перепись 1959 г. обнаружила за пределами Грозного 1,7 тыс. армян – максимальное число за всю историю Чечено-Ингушетии. В дальнейшем число «нестоличного» армянского населения и его доля в республиканской общине последовательно сокращались. В конце 1980-х гг. вне столицы проживало только 520 армян. Однако и они концентрировались в основном в ее окрестностях (Грозненский район), в ряде республиканских городов и крупных сел северных районов республики. Во многих других районах Чечено-Ингушетии их присутствие было минимальным (5–10 человек).

Тем самым, этнодемографическая динамика республиканской диаспоры представляла два сопряженных процесса – постепенное стягивание местных армян в столицу Чечено-Ингушетии и нарастающий с начала 1970-х гг. их отток за пределы республики.

Табл. 3.11

**Динамика армянского населения в городах Чечено-Ингушетии
(Чечни), 1897–2010 гг. (тыс. чел.; %)**

Города	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Грозный	0,35	5,84	7,92	11,5	13,2	13,9	14,3	0,19	0,37
%	2,25	6,01	4,6	4,6	3,9	3,7	3,6	0,1	0,14
Гудермес		0,02	0,096		0,36	0,1	0,08	0,008	0,003
%			0,90		1,1	0,3	0,2	0,03	0,01
Аргун					0,023	0,022	0,012	0,002	-
%					0,15	0,11		-	
Урус-Мартан			0,009		0,007	0,002		0,001	-
%					0,03			-	
Шали			0,002					0,013	0,01
%								0,003	0,02
Малгобек			0,11						
%			0,91						
Назрань			0,008						
%			0,29						

Табл.3.12

**Армянское население по районам Чечни,
1939–2010 гг. (чел.)**

Районы	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Ачхой-Мартановский	6	22	10	6	16	1	0
Веденский	11	11	7	2	4	1	0
Грозненский	18	87	94	104	83	92	8
Гудермесский	23	-	20	29	4	0	0
Итум-Калинский	5					8	0
Курчалоевский	5	9				1	6
Надтеречный	6	27	21	14	10	3	0
Наурский	80	79	102	117	77	56	65
Ножай-Юртовский	9	1	1	5	0	1	0
Сунженский			33	25		1	0
Шатоевский	11	14	1	2	0	18	9
Урус-Мартановский	12	30	8	7	3	0	4
Шалинский	4	63	34	57	36	0	10
Шелковский	146	70	76	56	46	27	10
Шаройский	5					0	0

Впрочем, естественный прирост компенсировал миграцию, позволяя диаспоре увеличиваться до самого конца советского периода. Перепись 1989 г. зафиксировала в Грозном 14,3 тыс. армян – максимальное число за всю историю городской общины.

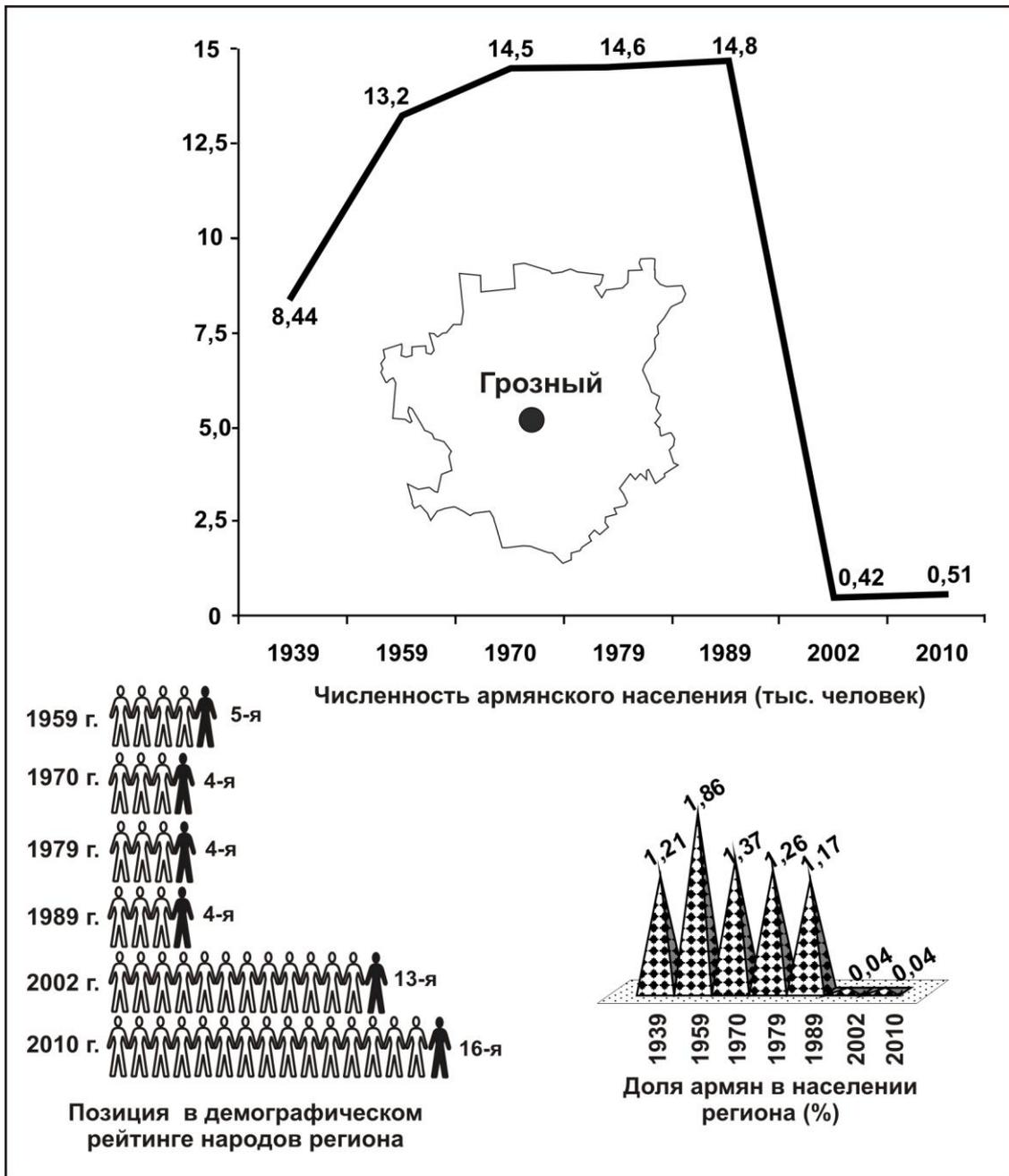

Рис. 3.24. Динамика армянской общины Чечено-Ингушетии (Чечни), 1939–2010 гг.

Что было дальше хорошо известно. У нас нет детальной информации о демографической динамике грозненских армян в первой половине 1990-х. Но нет сомнения, что к началу первой

Чеченской военной кампании (ноябрь 1994 года) основная масса армян Грозный уже покинула.

Иными словами 1991–1993 гг. – были периодом их массового исхода из республики (параллельного столь же стремительному оттоку русского населения). Республиканская диаспора, по сути, прекратила свое существование. Первая постсоветская перепись (2002 г.) зафиксировала в республике 420 армян, вторая (2010 г.) – 510.

Очевидно, что данное множество должно включать значительное число представителей различных российских силовых ведомств и размер республиканской гражданской общины был заметно меньше. На «военизированный» характер армянского этнического присутствия в республике указывает, в частности, и его гендерная структура (на 100 женщин в 2010 г. приходилось 236 мужчин). Причем серьезный гендерный перекоп обнаруживался как в городах, так и в сельской местности (соответственно 218 и 277 мужчин на 100 женщин).

Показательна и нарастающая концентрация республиканского армянского сообщества в самом Грозном (с 45% до 73% за 2002–2010 годы). В настоящее время география армян в Чечне ограничивается столицей и еще 9 населенными пунктами (см. приложение №3), из которых сколько-нибудь значительная их группа (49 человек) присутствует только в станице Калиновской Наурского района. И есть все основания полагать, что этот минимальный расселенческий ареал в обозримом будущем едва ли заметно расширится.

3.3.3. Дагестан

Постоянное этническое присутствие армян в Дагестане насчитывает многие столетия. С большой вероятностью можно говорить и о 1,5 тысячах лет. С уточнением, что речь идет о Дербенте – крупнейшем центре северо-восточного Кавказа; транзитном перекрестке, расположенном на берегу Каспийского моря, как узкая горловина песочных часов, связывавшим торговые пути, идущие из Закавказья, Ближнего и Среднего Востока в земли к северу от Кавказа (вся Восточная Европа).

Очевидно, что активный торговый народ не мог обойти такой центр своим присутствием. Причем Дербент должен был посещаться армянами, не только как промежуточный пункт длинного торгового маршрута. Уже в середине первого тысячелетия нашей эры он мог быть местом постоянного пребывания армянской общины, находившейся среди других крупных этнических и племенных групп (в т.ч. кавказских албанцев, персов, евреев) городского населения.

Появлялись армяне на Северо-Восточном Кавказе и с миссионерскими целями. Назовем, к примеру, Григориса (внука Григория Просветителя), в первой половине IV в. проповедовавшего в южном Дагестане и погибшего к юго-востоку от Дербента в с. Моллахалил. Вблизи Дербента располагался в г. Чор (Джора) некоторая время располагалась и резиденция армянских епископов Агванка¹.

В VIII в. Дербент некоторое время находился в составе Армии I – Армянского эмирата Арабского халифата, включавшего территории современного Азербайджана. И армянское этническое присутствие в это время в городе могло несколько возрасти. Впрочем, на протяжении веков Дербент великое множество раз менял государственную принадлежность. Но политическая составляющая была не единственным фактором, оказывавшим влияние на местную армянскую общину, продолжительная история которой не могла обойтись без множественных подъемов и падений.

В наиболее тяжелые периоды жизни города, связанные с нашествиями врагов, эпидемиями и другими бедствиями, деятельность общины, очевидно, могла пресекаться полностью. Но только для того, чтобы возобновиться вместе с восстановлением Дербента в качестве крупного торгового и экономического центра.

Существовала армянская община и ко времени появления России на Кавказе. В первой трети XVIII в. она «значительно пополнилась за счет карабахских армян, находившихся на русской службе в период Персидского похода Петра I (1722). Тогда армяне проживали не только в Дербенте, но и в девяти селениях со-

¹ Акопян В.З. Указ. соч.

седней Мушкурской провинции, населенной в основном дагестанскими народами. Каждая армянская сельская община имела самоуправление с выборным старостой, священником»¹.

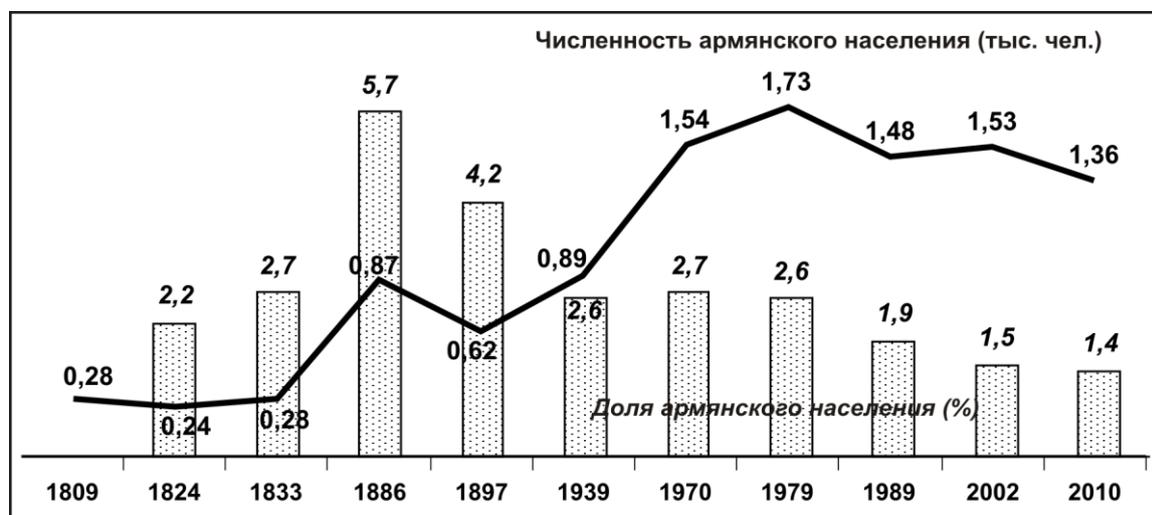

Рис. 3.25. Динамика армянской общины Дербента, 1809–2010 гг. (тыс. чел, %)

Однако за пределами Дербента и его ближайших окрестностей армянского населения в пределах Дагестана практически не было. Как в его высокогорье, так и в предгорных или прибрежных районах, плотно населенных различными горскими и кочевыми сообществами, армяне на протяжении веков если и появлялись, то случайными «одиночками», редкими представителями своего народа.

Мало что изменилось и с вхождением Дагестана состав Российской империи. До конца XIX в. в большинстве его сельских округов число армян не превышает нескольких человек. А крупнейшим их средоточием остается Дербент. Впрочем, по мере появления в регионе новых городов, возникают и новые территориальные группы армянского населения. К 1840-м гг. относится создание общины в Темир-Хан-Шуре, быстрое развитие которой связано с деятельностью князя генерала Барсега Бебутова (армянина по происхождению) и попечительством Мовсеса Аргутинского (Аргутяна) Долгорукова. Уже в середине 1860-х годов она

¹ Там же.

насчитывает более 300 человек, среди которых были переселенцы из Кизляра, Моздока, Шемахи, Арцаха, Тифлиса, Индии¹

В середине XIX в. появляется армянское население и в Петровске (совр. Махачкала). Учитывая, что основание города относится к 1844 г., ихобщина является одной из старожильческих этнических групп. К концу века на данные три города (Дербент, Темир-Хан-Журу и Петровск) приходится 92,5% всех армян Дагестана (а общий уровень их урбанизации – 94,7%, является максимальным для всех южнороссийских диаспор).

Анализ социопрофессиональной структуры армянских общин Дербента и Петровска (как, впрочем, и других крупных этнических групп данных городов) обнаруживает определенную специфику (рис. 3.18). К примеру, в Дербенте в сфере торговли и кредита было занято только 18,5% местных армян – третья позиция среди сфер социопрофессиональной деятельности. Первую занимали дворяне и рантье (28,5%), на второй располагались военнотружущие (19%). Ведущей областью трудовой занятости армянского населения Петровска являлись промышленность и ремесло (27,2% представителей общины), заметно опережая торговлю и кредитование (21,9%) – сферы деятельности, максимально распространенные среди армян большинства других городских центров Юга России. Крайне высокой оказалась и группа социальной девиации, на которую приходилось 14,7% армянского населения города.

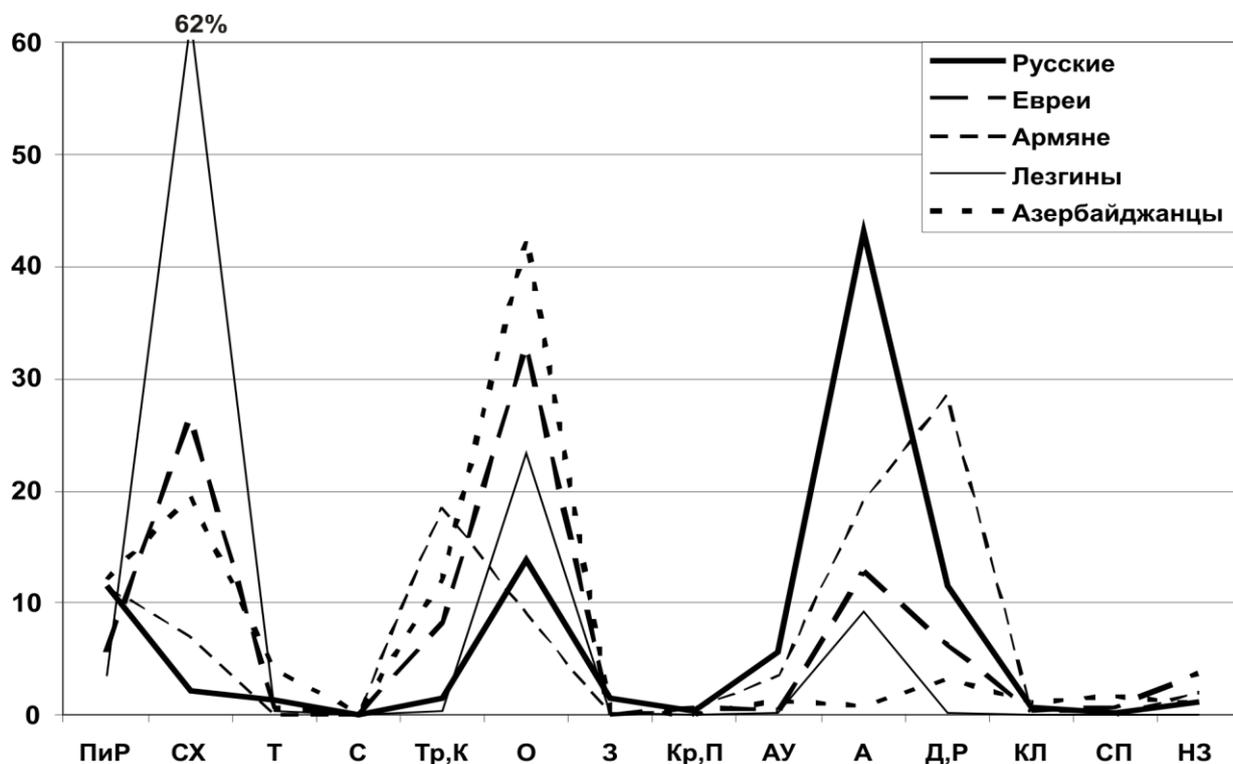
Начало XX в. – время ошутимого роста армянских территориальных групп Дагестана, пополняемых беженцами из различных провинций Турецкой империи. По данным В.М. Кабузана общая численность армян Дагестана в 1914–1920 г. составляла уже 4,3 тыс. человек. Иными словами, выросла в 2,6 раз в сравнении с концом XIX века.

¹ Ованесов Б.Т. Возникновение армянской общины в г. Темир-Хан-Шуре (г. Буйнакск) в XVIII-XIX вв. <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/431-vozniknovenie-armyanskoj-obshchiny-v-g-temir-khan-shure-g-bujnaxsk-v-xviii-xix-vv.html>.

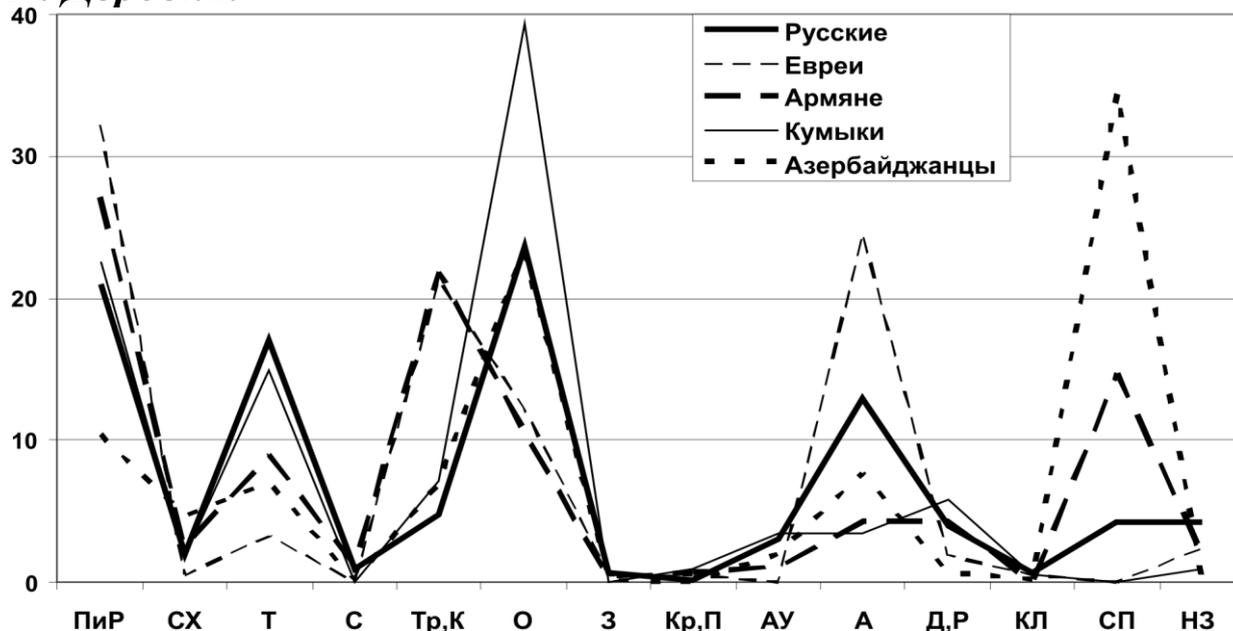
Названная цифра, не совсем стыкуется с данными переписи 1926 г., обнаружившей в Дагестанской АССР 5,9 тыс. армян, причем с учетом Кизлярского округа, включенного в состав республики в ноябре 1922 года. Если бы на территории дореволюционного Дагестана на рубеже 1920-х гг. действительно проживало более 4 тыс. армян, то с включением кизлярской общины, итоговая цифра по ДАССР должна была находиться в диапазоне 7-7,5 тыс. человек. Впрочем, социальный динамизм данного времени мог обнаруживаться в столь же стремительной этнодемографической трансформации населения тех или иных территорий/центров, как и в быстрой количественной пульсации отдельных этнических групп¹. И данная констатация имеет прямое отношение к истории армянского населения Дагестана. Достаточно сказать, что уже не раз упоминавшееся вторжение турецких войск в Закавказье в 1918 г., заставило порядка 50 тыс. беженцев накануне захвата туками Баку, отплыть из города на кораблях в Петровск (около 40 тыс.) и отчасти в Дербент (несколько тысяч). Тем самым, на короткое время, армянское население того же Петровска могло вырасти на математический порядок.

Итак, есть все основания полагать, что рост армянских общин Дагестана в первых десятилетиях XX в. был достаточно поступательным. Причем основная масса армян по-прежнему тяготела к городским центрам, причем самым крупным. Получение Махачкалой статуса республиканской столицы, придавшее экономике и социальной сфере города дополнительный толчок, нашло отражение и в опережающем росте местной общины. В конце 1930-х г. она уже заметно превосходит по своему размеру дербентскую, не говоря о территориальных группах армян в других центрах республики.

¹ Но показательно и то, что когда в 1930-е гг. северные районы (в т.ч. и Кизляр) исключают из состава республики очередная перепись (1939 г.) фиксирует в Дагестане, возвращенном к своему дореволюционному пространственному формату, только 2,85 тыс. армян.

А. Дербент

Б. Петровск (Махачкала)

Рис. 3.26. Социально-профессиональная структура ведущих национальностей Дербента и Петровска, 1897 г.
(% от общего числа занятых)

К рис. 3.26: ПиР - Промышленность и ремесло; СХ - Сельское хозяйство; Т - Транспорт; С - Связь; Тр, К - Торговля, кредит; О - Обслуживание; З - Здравоохранение; Кр, П - Культура и просвещение; АУ - Административно-управленческий аппарат; А - Армия; Д, Р - Дворяне, рантье; КЛ - Культ; СП - Социальная патология (тюрьма, проституция); НЗ - Лица неопределенных занятий

Уровень урбанизации республиканской диаспоры, составлявший в середине 1920-х гг. 82,5%, вырос к концу 1930-х гг. до 92,6%. И вполне предсказуемо – сколько-нибудь широко за пределами городов армяне были расселены только в Кизлярском районе, административно выведенном из состава республики в это время. В пределах остального Дагестана число сельских армян оставалось минимальным. Чуть более 200 человек, из которых 48 приходилось на окрестности Дербента. В других районах республики армянское население, как правило, составляло от нескольких до 10–15 человек, большинство которых проживало в районных административных центрах. В своей массе это были одинокие мужчины (из 211 сельских армян Дагестана в 1939 г. на 164 мужчин приходилось только 47 женщин).

Фиксируемый более чем двукратный рост республиканской диаспоры в 1940–1950-е гг., в первую очередь, был связан с очередным административно-территориальным переделом – возвращением в состав Дагестана северных территорий, в т.ч. Кизлярского района. Но не меняется, ни география армянского населения, ни основные его средоточия. Армяне по-прежнему сконцентрированы в городах; причем, прежде всего, в трех центрах – в Махачкале, Дербенте и Кизляре, на которые приходится $\frac{3}{4}$ всех представителей диаспоры¹.

Три эти городские общины сопоставимы по своему размеру (1,5–1,8 тыс. человек в каждой), хорошо интегрированы в социально-экономическую жизнь своих центров, занимают заметное место среди ведущих этнических групп. Прежде всего, в Кизляре, в котором армяне до начала 1980-х гг. оставались по численности вторым (после русских) народом города. Но и в предельно многонациональном Дербенте они – седьмая этническая группа.

Казалось бы, все располагало к их дальнейшему росту, а значит и уверенному демографическому расширению всей респуб-

¹ Чтобы представить сколь дисперсно-неравномерной была география сельского армянского населения в республике достаточно указать, что в половине (21) районов Дагестана армян в 1970 г. не было вообще; в 11 других было по 1–3 человека, еще в двух 4–6, в трех – по несколько десятков (30–50 человек). Основная же масса была сосредоточена только в двух: в Тарумовском (661 человек) и Кизлярском (358) районах.

ликанской общины. Но уже в 1960-е гг., когда ряд южнороссийских региональных диаспор увеличился на 40–70%, а другие ограничили 10–20% роста, дагестанская выросла только на 1,2%. Иными словами, почти весь ее естественный прирост, составлявший в этом десятилетии не менее 15%, был «съеден» миграцией и ассимиляционными процессами. Последние, однако, имели весьма ограниченный масштаб и основные демографические потери были связаны с оттоком.

Итак, уже в 1960-е гг. армяне начинают покидать республику. А в следующем десятилетии естественный прирост оказывается не в состоянии компенсировать этой убыли – дагестанская община, единственная на всем Юге России, сократившая свой размер в 1970-е годы. Эти прямые потери невелики (всего лишь 150 человек). И приходится, прежде всего, на общину Кизляра и его района, а также второго «северного» района республики – Тарумовского, группа армян в котором за 1970–1979 гг. сократилась почти на 100 человек (с 661 до 568). В других городах республики армяне сохранили свою численность. А дербентская община даже продемонстрировала уверенный рост.

Продолжила сжиматься республиканская община и в последнее советское десятилетие. Миграционная волна, хлынувшая на Юг России из Закавказья, Дагестан обошла стороной¹. Как результат, республика и в 1980-е гг. оказалась единственным южнороссийским регионом, сократившим численность своего армянского населения.

Эта вполне сложившаяся к концу советского периода тенденция не могла не усилиться в кризисные 1990-е годы, связанные со взрывным ростом межнациональной напряженности, глубоким социально-экономическим кризисом, в максимальной степени поразившем республику Северного Кавказа. А соседство сепаратисткой, стремительно погружающейся в социальную архаику Ичкерии, только усиливало элементы хаоса в основных сферах жизнедеятельности Дагестана.

¹ За исключением столичной Махачкалы, армянская община которой выросла на 11%. Впрочем, заметную часть этого прироста дала ее собственная естественная динамика.

**Динамика армянского населения в городах Дагестана,
1897–2010 гг. (тыс. чел., %)**

Город	1897	1939	1970	1979	1989	2002	2010
Махачкала	0,47	1,32	1,77	1,78	1,98	1,69	1,45
%	4,85	1,52	1,0	0,7	0,6	0,32	0,27
Дербент	0,62	0,89	1,54	1,73	1,48	1,53	1,36
%	4,23	2,61	2,7	2,6	1,9	1,5	1,4
Кизляр	3,52	2,51	1,63	1,48	1,50	1,18	1,0
%	48,4	10,44	5,5	4,80	3,8	2,5	2,0
Каспийск			0,11	0,12	0,09	0,15	0,17
%			0,3	0,25	0,14	0,2	0,17
Хасавюрт	0,06	0,12	0,09	0,07	0,055	0,048	0,042
%	1,11	0,51	0,16	0,11	0,07	0,04	0,03
Избербаш		0,02	0,05	0,05	0,05	0,07	0,04
%		0,40	0,3	0,25	0,17	0,17	0,07
Буйнакс	0,42	0,21	0,11	0,08	0,043	0,037	0,03
%	4,56	0,95	0,28	0,18	0,1	0,07	0,05
Кизилюрт			0,02	0,02	0,03	0,043	0,024
%			0,17	0,1	0,1	0,1	0,08
Южносухокумск			0,023	0,028	0,027	0,012	0,006
%			0,3	0,27	0,22	0,13	0,06

И потому 9%-ное сокращение республиканской общины в 1989–2002 гг. можно считать на удивление скромной демографической результирующей самого сложного периода в постсоветской истории РФ, Юга России и самого Дагестана. Впрочем, динамика данной общины в последние десятилетия является иллюстрацией, сколь нелинейной может быть связь между количественными трендами и социально-экономической ситуацией в обществе. Армянское население республики, в своей массе, стойко перенесшее все тяготы и не покинувшее Дагестан в самые сложные годы реформ, существенно ускорило свой отток в стабильные 2000-е годы. За период 2002–2010 гг. республиканская община сократилась еще на 12%.

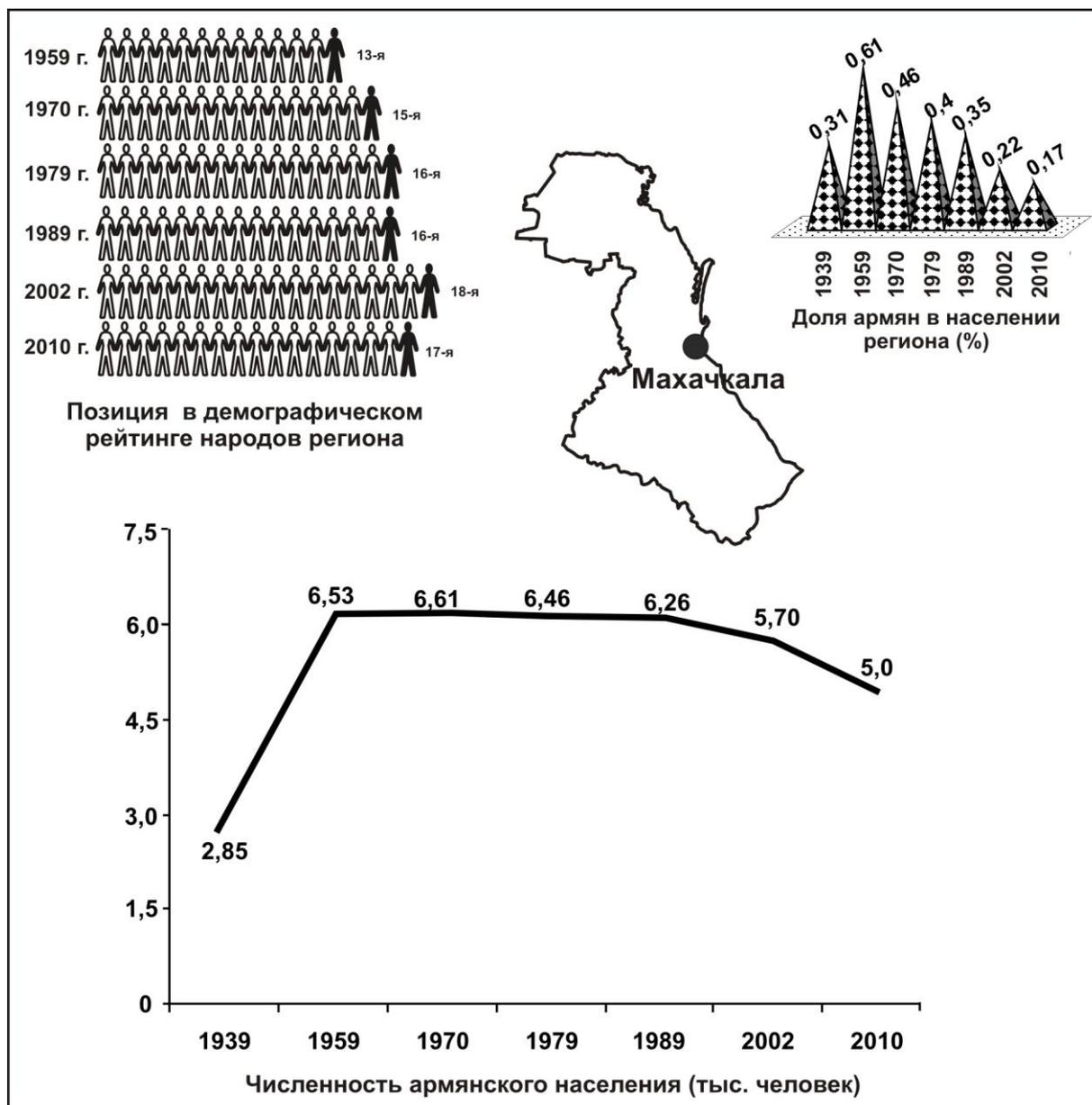

Рис. 3.27. Динамика армянской общины, 1939–2010 гг.

Причем отступление армян было уже повсеместным – сжимались все три крупнейшие городских общины Дагестана. Самым наглядным это этническое отступление было на севере республики – в Кизлярском и Тарумовском районах. Еще в 1979 г. армянская община Кизляра была по численности второй национальной группой города. К 1989 г. она уже только пятая, в начале 21 в. – восьмая. И это уже не только удельное сжатие на фоне стремительно растущих титульных общин. Число армян в Кизляре сократилось за 1989–2010 гг. с 1,5 до 1,0 тыс. человек.

**Армянское население по районам Дагестана
1939-2010 гг. (чел.)**

районы	1939	1970	1989	2010	районы	1939	1970	1989	2010
Ахвахский	3	0	0	0	Курахский	1	0	0	0
Ахтынский	6	2	1	0	Лакский	1	0	0	0
Бабаюртовский	23	6	8	3	Левашинский	3	0	0	0
Ботлихский	0	0	2	53	Магарамкентский		0	1	4
Буйнакский	16	2	1	0	Новолакский		1	0	5
Гергебильский		0	0	0	Ногайский		31	13	10
Гумбетовский	0	0	0	0	Рутульский	0	0	0	0
Гунибский	1	0	1	0	Сергокалинский	6	1	0	0
Дахадаевский	0	0	0	0	Шамильский район		1	1	0
Дербентский	48	50	53	35	Сулейман-Стальский	17	3	5	0
Докузпаринский	1			0	Табасаранский	6	1	2	3
Казбековский	0	0	0	0	Тарумовский		661	629	392
Кайтагский	7	0	0	0	Тляратинский	0	0	0	0
Карабудахкентский	9	2	1	0	Унцукульский	0	0	0	0
Каякентский	17	4	0	0	Хасавюртовский	7	13	9	0
Кизилюртовский		0	0	0	Хивский	1	40	27	0
Кизлярский		567	277	164	Хунзахский	2	0	0	13
Кулинский	0	1	0	0	Цумадинский	1	0	0	0
Кумторкалинский	16			6	Цунтинский	1	0	2	0
					Чародинский	1	0	0	0

В 2010 г. на три ведущих городских общины Дагестана по-прежнему приходилось $\frac{3}{4}$ всех армян республики. Но сельская география их уже почти окончательно свелась к двум районам – Кизлярскому и Тарумовскому, которые также стремительно теряют свое армянское население. Несколько десятков армян все еще проживает и в окрестностях Дербента. В целом же из 41 административного района республики в 29 перепись 2010 г. вообще не обнаружила армян. А этническая группа из 50 человек в

высокогорном Ботлихском районе относилась к дислоцированной здесь воинской части.

Из 1460 поселений республики армяне (числом от 4 человек) в настоящее время проживают только в 42. И по широте своего пространственного присутствия (2,6% населенных пунктов) дагестанская община армян в 10–15 раз уступает другим республиканским диаспорам Юга России (за исключением Чечни и Ингушетии).

Вместо заключения.

Демографические и расселенческие перспективы армянских общин на Юге России – первая треть XXI века

В смысловом отношении понятие «перспектива» включает для обыденного сознания определенный заряд оптимизма; связано с положительной оценкой возможного развития событий, о какой бы сфере реальности речь ни шла. Эта семантическая особенность не может не находить своего отражения и в сфере профессиональной науки. Даже оставаясь в рамках чисто научного дискурса исследователю сложно называть «перспективами» тенденции развития явно нисходящего, увядающего социального явления.

С этим обстоятельством пришлось столкнуться и автору в предыдущем этнодемографическом очерке, посвященном украинцам Юга России¹. Исследуя возможные сценарии динамики данного национального сообщества в ближайшие десятилетия и обнаруживая множество признаков его быстрого ассимиляционно-депопуляционного угасания в южном макрорегионе, было психологически сложно называть перспективой эти заключительные стадии эволюции одной из крупнейших южнороссийских этнических групп, столь активно участвовавшей в становлении целого ряда региональных сообществ.

Зато данное «оптимистическое» понятие в полной мере и во всех его смыслах приложимо к возможным сценариям предстоящей демографической динамики армянской общины Юга России. Стремительно количественно выросшая в постсоветский период и осязательно расширившая свою географию, южнороссийская ди-

¹ Суций С.Я. Украинцы Юга России. Демографическая история одного регионального сообщества. Ростов-н/Д, 2013.

аспора превратилось в крупнейшее средоточие армянского народа за пределами его собственного государства.

В настоящее время, как уже отмечалось, на Юг России приходится более половины армянской диаспоры всей РФ. Причем в пределах самого южного макрорегиона, весьма компактного по меркам гигантской страны, выделяется пространственное ядро – три региона (Кубань, Дон и Ставрополье), на которые приходится основная масса южнороссийских армян. А в пределах этих трех регионов, в свою очередь, можно выделить собственный эпицентр (рис. 1). И данная компактность позволяет рассматривать южнороссийскую общину, как самостоятельное средоточие армян за пределами этнической родины.

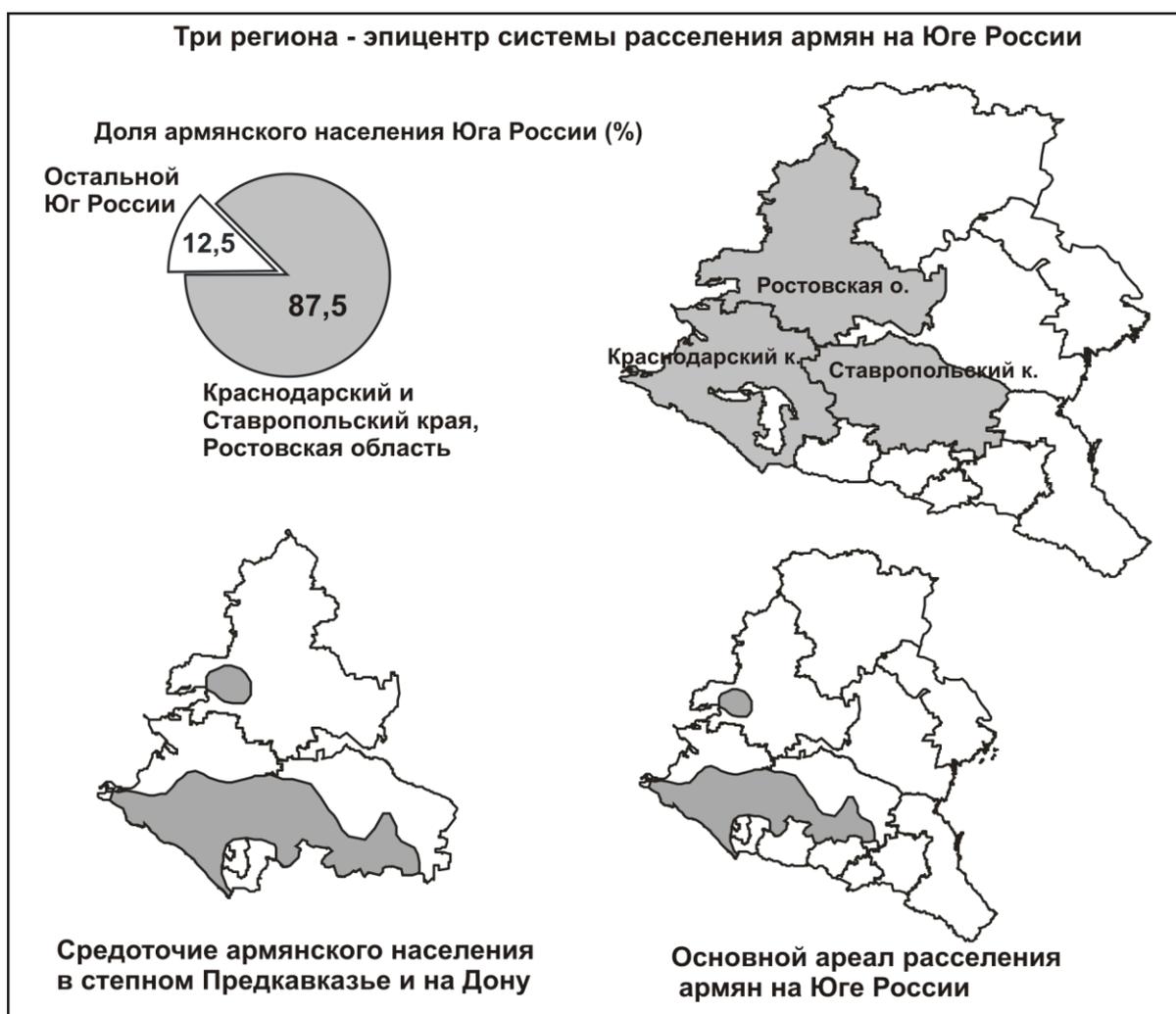

Рис. 1. Основные территории расселения армян на Юге России в начале XXI века

Впрочем, случилось это уже 15–20 лет назад. Период глубоких социальных потрясений и катаклизмов, сопровождавшийся переселением значительных масс армянского населения на Юг России, уложился в основном в одно десятилетие (1988–1998 гг.), включившее последние годы СССР и начало становления постсоветских государств. К концу 1990-х миграционная волна спадает, число переселенцев, прибывающих в южнороссийские регионы сокращается в разы.

Тем самым, к началу XXI в. новая география армянского народа в России и ее южном макрорегионе в целом была сформирована. И уже в пределах этого более обширного пространственного контура начинается миграционный переток армянского населения, оптимизирующий данную вновь возникшую (причем нередко «авральным» путем) расселенческую сеть больших и малых территориальных средоточий.

Мы видим перемещение армян внутри южнороссийских регионов и между ними. Обнаруживаем и более дальние миграции, которые, впрочем, в настоящее время весьма ограничены по своему количественному масштабу – основная масса местных армян, меняя местожительство, в настоящее время делает это в пределах своего региона, либо же перемещается в одни из сопредельных с ним субъектов Федерации, в пределах Юга России.

Какими факторами будут в ближайшие десятилетия определяться демографическая и расселенческая динамика армян Юга России? Три основных составляющих количественной динамики любого национального сообщества – это показатели естественного воспроизводства, миграция и ассимиляционные процессы. Рассмотрим их по отдельности.

1. Естественный прирост у российских армян сократился с ежегодных 15–16‰ в конце советского периода к почти нулевой отметке в начале XXI в. Но уже через 2–3 года пошел в рост, во второй половине «нулевых» составил 4–6‰ и в дальнейшем закрепился на этом уровне (в этом отношении диаспора не отлича-

лась от Армении). Тем самым, ежегодное естественное пополнение южнороссийского массива армян может составлять порядка 2,5–4 тыс. человек (25–40 тысяч за десятилетие).

Медианный возраст населения большинства армянских региональных общин Юга России в настоящее время составляет 33–36 лет, увеличившись в первом десятилетии XXI в. на 2–3 года. Диаспоры постепенно стареют (рис. 2). Но процесс этот весьма затяжной. И являясь заметно более «возрастными» чем, к примеру, северокавказские общины, южнороссийские армяне в своей массе по-прежнему люди репродуктивного возраста. Учитывая возрастную структуру региональных общин, как и детородную активность их женского населения, можно с достаточной уверенностью предполагать устойчивое сохранение существующих масштабов естественного прироста в ближайшие 10–20 лет.

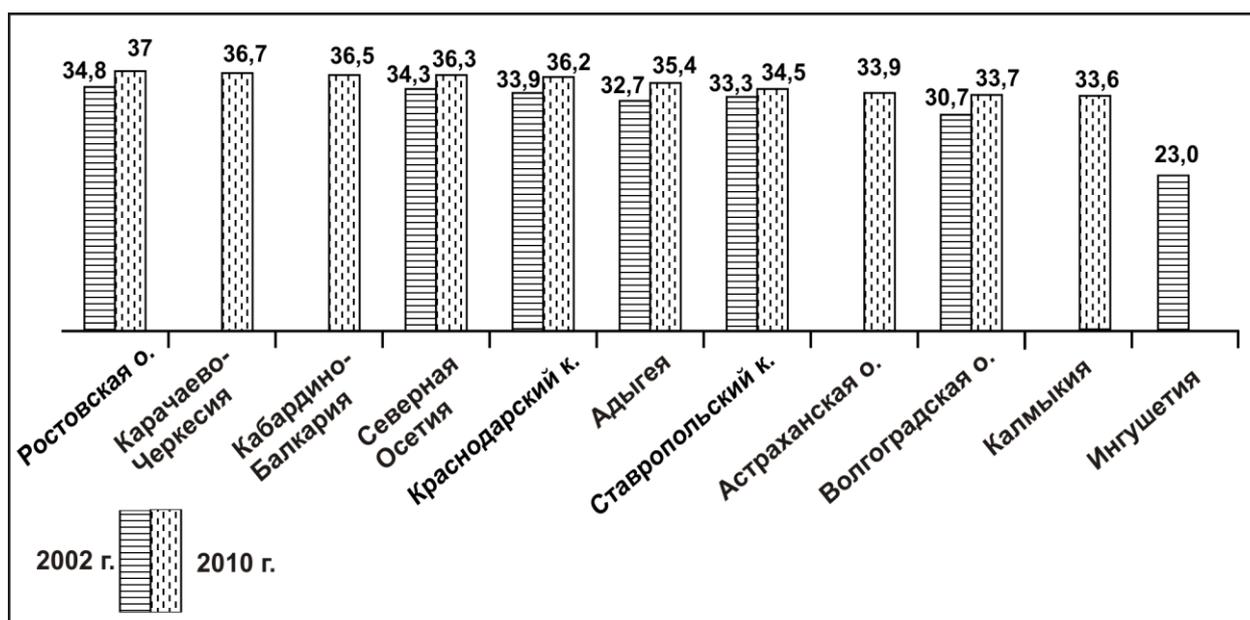

Рис. 2. Медианный возраст армянского населения регионов Юга России, 2002–2010 гг. (число лет)

2. Куда более подвижной является миграционная составляющая количественной динамики этнических групп. Тем более, когда речь идет о столь мобильном сообществе, как армяне, в процессе своего исторического развития включивших перемену местожительства в число основных способов этнического самосохранения и воспроизводства. К тому же события 1990-х гг. в оче-

редной раз реанимировали данную способность армянского народа.

Но не будем забывать и того, что речь, по-сути, идет о «форс-мажорной» технологии, используемой в период глубоких кризисов, в ситуации серьезной опасности и угрозы основам жизнедеятельности. Оценивая возможные направления и общий потенциал миграционной активности южнороссийских армянских общин это обстоятельство надо учитывать. Существующие в настоящее время масштабы миграции армянского населения являются весьма ограниченными. И есть все основания полагать, что они сохранятся на данном низком уровне. Только достаточное серьезное нарушение политической и социально-экономической стабильности РФ (и ее Южного макрорегиона) или Закавказья заставит быстро пойти вверх миграционную активность армян. Однако серьезная дестабилизация России и ее южных соседей в настоящее время представляется маловероятной. Зато в пределах самого макрорегиона территориальная перецентрировка армянского населения, связанная с его миграционным перетоком может быть достаточно ощутимой.

Долговременной тенденцией общего порядка, на наш взгляд, является постепенное перемещение армян из республик Северного Кавказа (за исключением Адыгеи) в южнороссийские области и края, прежде всего в три региона степного Предкавказья – основные средоточия армянского населения не только Юга России, но и всей РФ. Причем в таком качестве они еще более повышают свою привлекательность для новых переселенцев, как из Армении, так и из многих других регионов РФ.

В целом, есть все основания полагать, что миграционное сальдо армянского сообщества всего Юга России будет оставаться устойчиво положительным. Иными словами армяне в макрорегион будут преимущественно прибывать, хотя уровень такого миграционного прироста едва ли будет значительным (несколько тысяч человек в год).

3. Достаточно сложно рассчитать и возможные ассимиляционные потери армянского массива Юга России. Но можно сделать ряд предположений общего характера. Данные последних двух российских переписей свидетельствуют о высоком уровне сохра-

нения армянами своего национального языка (3/4–4/5 представителей региональных общин в начале XXI в. имели его в качестве родного). Но параллельно подавляющее большинство южнороссийских армян свободно владеют русским. То есть, являются билингвами, демонстрируя при этом высокий уровень не только экономической, но и социокультурной интеграции в жизнедеятельность своих региональных сообществ.

Налицо отчетливая аккультурация – достаточно высокая степень культурно-языкового обрусения, обычно предваряющая стадию непосредственно этнической русификации. Неутешительны для хранителей армянских национальных традиций и данные социологических опросов представителей региональных диаспор о приемлемости межнациональных браков (табл. 1).

Табл. 1

Насколько приемлемы для Вас межнациональные браки?¹

Насколько приемлемы	Ростовская область			Краснодарский край		
	Общее	Город	Село	Общее	Город	Село
Абсолютно	35,4	42,9	27,5	19,0	23,1	11
Вполне	51,2	47,6	55	31,4	30	34,1
Нежелательны	12,2	9,5	15	24,4	28,1	17,1
Неприемлемы	0	0	0	13,6	13,6	14,6
Затруднились	1,2	0	2,5	11,6	5,6	23,2

Как видим, для самого значительного большинства донских армян (более 86%) такие браки абсолютно или вполне приемлемы. Соответствующий показатель для кубанской диаспоры 50%. Но и здесь, доля респондентов для которых такие браки оказались неприемлемыми, была крайне малой (13,6%). Вполне прогнозируемо горожане обеих диаспор оказались более открытыми для матримониальных отношений с представителями других народов, нежели местные сельские армяне. Но даже в сельской местности у 82,5% донских армян и у 45,1% кубанских, отношение к межнациональным бракам было положительным.

¹ Таблица взята из: Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов-на-Дону, 2011, С. 115, 130.

С учетом всего сказанного можно было бы прогнозировать уже на ближайшую перспективу быстрый рост ассимиляционных процессов, способных отрицательно (и весьма существенно) сказаться на размере крупнейших южнороссийских армянских общин. Но есть ряд аргументов, которые, на наш взгляд, не позволяют линейно проецировать высокий уровень аккультурации и психоповеденческой совместимости региональных армян со славянским большинством непосредственно в область демографических процессов.

Достаточно напомнить, что уже несколько поколений местного армянского населения демонстрирует высокие показатели социокультурной интеграции и межнациональной брачности, что, однако, не привело к сколько-нибудь значительной ассимиляции региональных общин. Причем данный вывод относится и к донской диаспоре 1970–1980-х гг., имевшей более укорененный, старожильческий состав, нежели армяне Кубани.

Даже в конце советского периода, речь шла не столько об односторонней русификации, сколько о сложном сдвоенном процессе с двумя встречными трендами – смешанное потомство межнациональных семей (русско-армянский вариант был самым распространенным среди них) частично выбирало русскую национальную идентификацию, а частично самоопределялось армянами.

При этом, количество смешанных семей оставалось весьма ограниченным. В самом конце советского периода, согласно исследованию А.Е. Тер-Саркисянц у сельских армян Дона (жители Мясниковского района) доля смешанных браков составляла только 11,6%. К 1996 г. данная цифра подросла до 13,1%. В большинстве случаев речь шла об армяно-русских семьях. Причем сочетание «армянин – русская» встречалось в разы чаще сочетание «русский – армянка» (в 1990 г. перевес был 4,5 кратным, к 1996 г. он сократился до 3,5-кратного).

Тем самым, только 11–13% молодежной генерации сельских армян Дона оказывались в зоне повышенного ассимиляционного риска. Но здесь необходимо учитывать, что в советский период национальность детей, в смешанных семьях, как пра-

вило, записывалась по отцу. Согласно исследованиям А.Е. Тер-Саркисянц, данный традиционный подход в максимальной степени поддерживался армянскими мужчинами, но придерживалось его и большинство женщин (табл. 2).

Табл. 2

Определение национальности детей в смешанных семьях¹

Варианты ответов	Краснодарский край		Ставропольский край		Ростовская область	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
По национальности отца	80,0	59,3	67,8	48,2	81,6	71,4
По национальности матери	-	1,7	3,6	5,4	-	-
По желанию юноши/девушки при получении паспорта	20,0	39,0	28,6	46,4	18,4	28,6

Учитывая же кратный перевес армянских отцов в смешанных семьях, потомство последних в своем большинстве выбирало армянскую национальность. Итак, из всей генерации детей и подростков сельских армян Дона в конце советского периода 87–89% относились к моноэтническим семьям. А из оставшихся 11–13% определялось в качестве русских (и других «неармян») только 2,5–3%.

Доля смешанных браков у городских армян Дона (как и в городской среде других регионов Юга России) могла быть значительно выше. Но даже если предположить, что она достигала 25–30% (т.е. превышала в 2–2,5 раза показатель «селян»), основную их часть составляли семьи с армянским отцом, то есть доминирующей этнокультурной привязкой детей к армянской идентичности. И в общей сложности не более 6–8% генерации детей и подростков могли самоопределяться как «не армяне».

¹ Таблица взята из: Тер-Саркисянц А.Е. Армяне: история и этнокультурные традиции. М., 1998, С. 355

Впрочем, вне зависимости от записи в паспорте, «полукровки», как правило, имели сложную самоидентификацию и могли одновременно соотносить себя с обоими народами, составляя своего рода этнокультурную периферию своих общин. И большое (если не определяющее) значение в этом случае имел выбор супруга/супруги. Если это был представитель армянского народа, дети полностью восстанавливали армянскую идентификацию. В обратном случае, процесс ассимиляции, как правило, вступил в завершающую стадию.

Количественная демографическая результирующая данных противоположных тенденций всегда оставалась сложной, различаясь по периодам и конкретным территориальным общинам. Но в целом даже в отношении донской армянской диаспоры, максимально укорененной в русскую социоэтнокультурную среду, можно было говорить об известном равновесии ассимиляционных потерь и пополнения (или небольшом перевесе первой составляющей). Соответственно общины Кубани и Ставрополя демонстрировали еще большую устойчивость.

А значительное пополнение южнороссийских общин в 1990-е гг. еще более расширило и укрепило их этнокультурное ядро. И хотя с начала XXI в. ассимиляционные процессы в местной армянской среде снова начинают усиливаться, едва ли они не только ближайшей, но и в среднесрочной перспективе (к 2025–2030 гг.) могут принять сколько-нибудь значительные масштабы. Речь, очевидно, будет идти о русификации локальных групп (или отдельных индивидов), находящихся, на периферии ареала расселения армян, т.е. вынесенных и плотно встроенных в инокультурную среду.

Это, к примеру, может быть некоторое число семей – переселенцев последней миграционной волны, оказавшихся в небольшом русском городе, вплоть до 1990-х гг. практически не имевшем армянского населения. Очевидно, что такая локальная группа попадает под мощный этносоциокультурный пресс. И если старшее поколение ему устойчиво противопоставит, то для подрастающего поколения, внутренне пластичного

и переимчивого, данная задача может оказаться уже не под силу (по крайней мере, для части молодежи). Процессы языковой, ментальной и поведенческой аккультурации, межнациональные браки – все будет работать на ускоренную русификацию такой локальной группы. Чтобы во втором-третьем поколении окончательно не раствориться в доминирующем этнокультурном субстрате ей либо надо будет пополниться мигрантами-соплеменниками (что в современных условиях далеко не всегда возможно), либо придется «отступить» – перебраться в одно из более крупных средоточий региональной армянской общины.

Но и русификация таких локальных групп, и переселение их в более крупные центры диаспоры, на деле означает сокращение общего ареала расселения армян в регионе. Иными словами, учитывая ограниченные масштабы возможной в ближайшие 10–20 лет ассимиляции армян, русификация может влиять не столько на демографическую динамику их южнороссийского массива, сколько на географию его региональных общин, их пространственную широту.

Продолжая разговор о географии армян на Юге России, напомним, что после осязаемого расширения в 1990-е гг. она скорее демонстрирует черты стабилизации. Очевидно, что период прямолинейной территориальной экспансии остался в прошлом. И в настоящее время более или менее осязаемая депопуляция многих вновь возникших локальных групп армянского населения – есть свидетельство поиска им новых, более экономически и социально приемлемых мест для жизни.

Попытаемся теперь в общих чертах представить наиболее вероятные сценарии количественной динамики крупнейших средоточий армянского населения на Юге России, предполагая, что в текущем десятилетии у него будет сохраняться существующий в настоящее время коэффициент естественного прироста (4–6‰ в год), а в 2020-е гг. он сократится на 1–2 ‰.

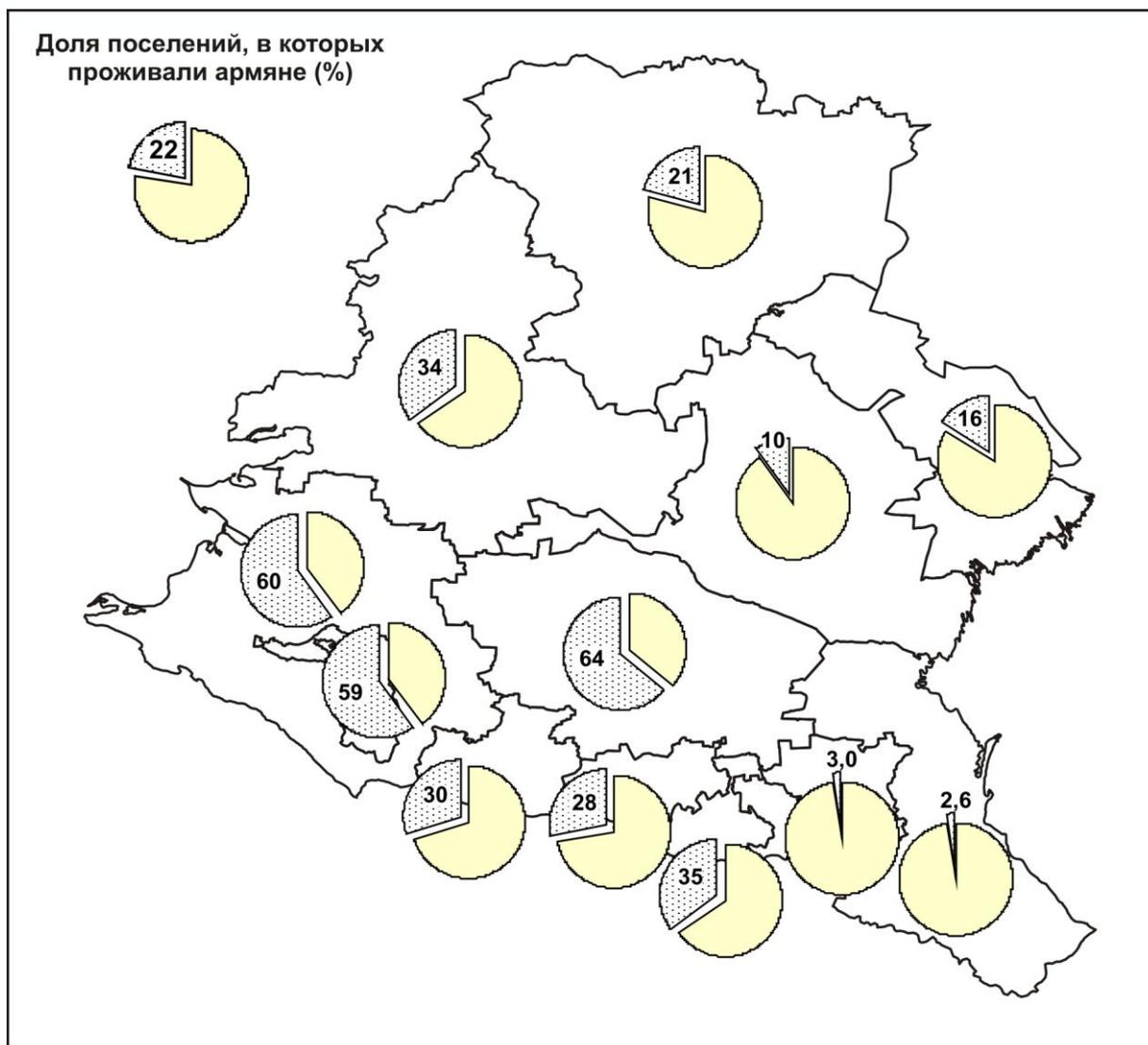

Рис. 3. Широта территориальной представленности армянского населения по регионам Юга России, 2010 г. (% поселений, в которых проживали армяне)

Кубань

Как уже говорилось, результаты переписи 2010 г. с большой вероятностью несколько занижают реальную численность краевой армянской общины, которая к этому времени могла составлять 295–310 тыс. человек. Естественная динамика общины в текущем десятилетии способна увеличить ее еще на 12–18 тыс. человек. При этом Кубань с большой вероятностью останется весьма привлекательным местом для новых мигрантов, как из Армении, так и возможно из других регионов России.

Материалы краевой миграционной статистики 2011–2013 гг. данное предположение полностью подтверждают. Ежегодное положительное миграционное сальдо Кубани с Арменией в этот период составляло около 3 тыс. человек (приток 3–3,5 тыс., отток 0,2–0,6 тысяч)¹. Конечно интенсивность данного процесса в значительной степени определялась предстоявшей сочинской Олимпиадой. Масштабные инфраструктурные проекты существенно расширяли региональный рынок труда, привлекая желающих заработать из всех уголков России и ближнего зарубежья. Но и после 2014 г. край не потерял своей системной привлекательности. Особенно для трудовых мигрантов ориентированных на работу в сфере услуг и разнообразного сервиса. И потому, даже сократившись по сравнению с 2011–2013 гг., ежегодное миграционное пополнение кубанской диаспоры в середине – второй половине текущего десятилетия вряд ли опустится ниже 1–1,5 тыс. человек, позволив, тем самым, нарастить ее общую численность за 2011–2020 гг. на 15–20 тыс. человек.

Третья составляющая демографической динамики – ассимиляция, как представляется, в данное время едва ли способна превысить несколько тысяч человек и сможет «съесть» только самую незначительную часть демографического довеса полученного естественным и механическим приростом краевой общины (за десятилетие он может составить 27–38 тыс. человек). И к 2020 г. армянская община Краснодарского края может достигнуть 315–345 тыс. человек.

Очевидно и то, что привлекательность отдельных районов и городов края для новых переселенцев будет различной. Наибольшие шансы на миграционный прирост сохраняют районы Причерноморья, как территория динамичного социально-экономического развития с максимальным развитием сферы услуг и посредничества.

¹ Касьянов В.В. Армянская диаспора на Кубани: социально-экономическая адаптация на рубеже 20-21 вв. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2015, С. 42.

Повторимся, для почти всего Большого Сочи армяне в настоящее время наряду с русскими являются ведущей национальной группой населения. Зачастую речь идет о русско-армянском доминирующем этнокультурном массиве, в который встраиваются все остальные, менее крупные этнические группы местного населения. Столь высокая степень демографической укорененности общины становится самостоятельным фактором притяжения для всё новых армянских переселенцев.

Не может не привлекать мигрантов и краевая столица – самый динамичный городской центр Юга России, способный уже в течение 10–15 лет стать третьим «миллионником» макрорегиона, а в несколько более отдаленной перспективе и крупнейшим его городом. Другие территории и центры Кубани могут, как притягивать, так и терять свое армянское население в результате межрегиональной и внутрикраевой миграции.

Но демографические тренды, характерные для текущего десятилетия с большой вероятностью сохранятся и в следующем. Количественный рост кубанской диаспоры продолжится и в 2020-е годы (даже с учетом некоторого сокращения ее естественного прироста и усиления ассимиляционных процессов). Специалисты Госкомстата прогнозируют сохранение высокой миграционной привлекательности края вплоть до 2030 года.

Учитывая подвижность и переменчивость миграционных потоков, подобные расчеты могут строиться только с допущением сохранения существующих политических и социально-экономических тенденций. Любой серьезный социальный формажор перечеркивает исследовательские построения, что наглядно подтвердили 1990-е гг., «отменившие» все прогнозы советского времени.

Итак, при сохранении стабильности в стране и южном макрорегионе, Кубань за счет миграционного прироста может пополниться в третьем десятилетии XXI в. на 250–500 тыс. новых жителей. И нет никаких сомнений, что армянская община в этот

рост внесет свой вклад. Пускай он будет далеко не столь весомым как в 1990-е гг., но те же 10–20 тыс. человек миграции (называемые нами для текущего десятилетия), очевидно, могут сохраниться и в 2020-е гг., позволив общине вырасти к 2030 г. до 335–370 тыс. человек.

Не вызывает сомнения и то, что краевая география армянского населения, как и ее сложившаяся территориальная центрировка – с двумя крупнейшими средоточиями в Причерноморье и столичном районе (Краснодар с окрестными районами) – сохранят свои основные контуры.

Ростовская область

Перепись 2010 г. обнаружила на Дону 110,7 тыс. армян. Количественный диапазон в 120–130 тыс. человек представляются более вероятным для оценки размера их областной общины в данное время. Во втором десятилетии XXI в. ее рост должен был продолжиться. Прежде всего, за счет естественной динамики, которая в состоянии увеличить общину в 2010-е гг. на 5–8 тыс. человек. Но с большой вероятностью продолжит работать на демографический рост диаспоры и миграция. В 2006–2010 гг. только за счет приезжих из самой Армении община выросла на 5,4 тыс. человек. Даже вполне возможное сокращение масштабов притока позволит областной увеличиться ей в текущем десятилетии еще на несколько тысяч человек.

Однако, донские армяне демонстрируют повышенный уровень культурно-языкового обрусения и открытости к межнациональным бракам. Что не может не сказываться на темпах и масштабах их ассимиляции. И потому, едва ли количественный рост донской диаспоры во втором десятилетии XXI в. может превысить 10–15 тыс. человек. А в третьем, с учетом некоторого сокращения коэффициента естественного прироста и встречной активизации ассимиляционных процессов демографический рост общины может оказаться минимальным или вообще остановиться.

Что никак не отразится на ее позиции ведущей областной диаспоры и второй этнической группы региона, роль которой в основных сферах его жизнедеятельности будет продолжать поступательно расти, как и ее представленность в ведущих социальных иерархиях.

Едва ли способна серьезно трансформироваться и сложившаяся система расселения диаспоры. Тем более, что она напрямую соотносится с общей географией областного населения сконцентрированного на юго-западе региона, в пределах Ростовской агломерации и прилегающих к ней сельских районов. Ростов и Мясниковский район – два основных средоточия соответственно городских и сельских донских армян, сохранятся в таком качестве на всю обозримую перспективу.

Ставропольский край

Тенденции естественной и миграционной динамики, обозначенные нами для армянских общин Кубани и Дона, в полной мере относятся и к диаспоре Ставрополья. Устойчивый естественный прирост, начинающий сокращаться с третьего десятилетия века; пульсирующая миграция, способная меняться от года к году в разы, но в целом дающая демографический прирост краевому армянскому сообществу; ассимиляция, малозаметная в настоящее время, но способная несколько усилиться уже через 10–15 лет, не говоря уже о более отдаленной перспективе.

Аналогичной является и наиболее вероятная результирующая этих сопряженных процессов – продолжение в ближайшие 15–20 лет демографического роста краевой диаспоры, поступательного, но все более медленного. За 2010–2020 гг. число армян на Ставрополье может вырасти на 15–22 тыс. человек. Вклад естественного прироста (7–10 тыс.) и миграции (8–15 тыс.) может оказаться сопоставимым, при небольшой ассимиляции, способной составить 2–3 тыс. человек. Тем самым, в 2020 г. община в состоянии достигнуть 180–195 тыс. человек, а к следующему десятилетнему рубежу, при благоприятном сочетании факторов естественной и механической динамики, превысит отметку в 200 тыс. человек.

Но в любом случае она укрепитя на позиции второго национального сообщества края, демографически превосходящего совокупную численность следующих за ним четырех крупнейших общин региона. Практически не вызывает сомнения и то, что ближайшие десятилетия не смогут серьезно изменить сложившейся системы расселения общины, плотно заселившей южные и западные районы края, составляющий единый пространственный ареал, протянутый от Новоалександровского района на «край-

нем» западе Ставрополя до Курского района (с исторической Эдиссией) на юго-востоке. Сохранятся и два демографических эпицентра этого ареала – столичный и кавминовдский, на которые в общей сложности приходится более половины краевых армян.

Нижнее Поволжье (Астраханская и Волгоградская области)

Демографическая динамика общины Волгоградской области будет определяться естественной динамикой (небольшой прирост) и некоторым миграционным оттоком, результирующая которых будет близка к нулю (в текущем десятилетии чуть вероятней минимальный рост диаспоры, в следующем – ее сокращение). Астраханская община – реальный претендент на депопуляцию, как и община Калмыкии. Тем самым, число армян в данном субрегионе Юга России в ближайшие два десятилетия с большой вероятностью будет сокращаться, хотя темпы этой нисходящей динамики будут незначительными.

Табл. 3

Динамика численности крупнейших армянских региональных общин Юга России, 2010-2030 гг. (тыс. чел.)

регионы	Перепись 2010 г.	Реальная численность в 2010 г.	2020 г.	2030 г.
Краснодарский край	281,7	295–310	320–345	335–370
Ростовская область	110,7	120–130	130–145	135–150
Ставропольский край	161,3	165–175	180–195	185–205
Волгоградская область	27,8	28-29	28,5-30	28-29
Астраханская область	5,8	6,0	5,5-5,7	5,2-5,5
Адыгея	15,6	17,5-18	18-20	19-22
Северная Осетия	16,2	16,2	15-16	14-15
Остальные республики Юга России	14,2	14,2	12,7-13,3	11,2-12,3
Юг России (млн. чел.)	0,63	0,66-0,7	0,71-0,77	0,73-0,81

Республиканский Северный Кавказ

Динамика армянских общин в республиках Северного Кавказа будет зависеть от уровня этнополитической и межнациональной стабильности, социально-экономического динамизма и степени

комплексной этнизации общественной жизни республиканских социумов. Ровно от этих же факторов зависит и активность миграционного оттока местных русских – обстоятельство, самостоятельно влияющее на изменение численности армянских общин. Много раз отмеченная их социокультурная русскоцентричность, делает армян своего рода «заложниками» русского этнического присутствия в республиках. Тем более, что именно русско-армянская экономическая взаимодополнительность позволяет диаспорам реализовываться в привычной для себя сфере торговли и посредничества. Как результат, с быстрым выклиниванием русской этнической среды, на Северном Кавказе сжимаются и профессиональные ниши местного армянского населения.

И потому, устойчивый характер русского этнокультурного отступления практически из всех республик Южного макрорегиона (за исключением Адыгеи), является индикатором почти неизбежной депопуляции местных армянских общин, отчетливо проявившейся уже в первом десятилетии XXI в. (а в республиках северо-восточного Кавказа еще ранее).

Потеряв в 2002–2010 гг. порядка 5–15% своего населения, в текущем десятилетии эти общины могут сократиться еще на 10–15%. В лидерах депопуляции с большой вероятностью окажется диаспора Дагестана. А североосетинская община, почти столетие сохранявшая позицию крупнейшей на всем республиканском Северном Кавказе, к 2020 г. уступит это место диаспоре Адыгеи. Не вызывает сомнения и то, что данные две республики (преимущественно русская по национальному составу Адыгея и преимущественно христианская по конфессиональной принадлежности населения Северная Осетия) – останутся основными средоточиями армян на Северном Кавказе на всю обозримую перспективу. В 2010 г. на них приходилось почти 2/3 армянского населения всех южнороссийских республик. И в дальнейшем эта доля, скорее всего, будет только возрастать.

Продолжится и общий переток армян из республиканского пояса Юга России в его русскую (обл-краевую) часть, преимущественно в степное Предкавказье и, прежде всего, на Кубань. Если в последние 10–15 лет на Краснодарский край приходилось по-

рядка 44–45% всех южнороссийских армян, то к 2030–2035 гг. этот показатель может вплотную приблизиться к половине.

Итак, практически непрерывно восходящий демографический тренд южнороссийского армянского сообщества, с большой вероятностью продлится и на ближайшие десятилетия, увеличивая его комплексную роль в развитии Юга России и всех крупнейших его регионов.

Рис. 4. Динамика армянского населения Юга России, 1800-2030 гг. (тыс. чел., %)

Приложение 1

Геодемография армянской общины Крыма (история и современность)

Не вызывает сомнения, что Крым был знаком армянам с времен античности. И в период существования Боспорского царства они должны были посещать ведущие его центры, в том числе и столицу – Пантикапей (район современной Керчи). Причем речь, может идти не только о единичном появлении на полуострове выходцев из Армении, но о достаточно устойчивом присутствии Крыма в торговой географии армянских купцов, после завоеваний Митридата и Тиграна Великого охватывавшей весь бассейн Черного и Азовского морей¹.

Еще более увеличивается присутствие армян в жизни местных сообществ в византийский период развития полуострова. Небольшие общины армянского населения, очевидно, могли складываться в Херсонесе и в других прибрежных центрах Крыма, начиная с VIII века. Эти территориальные группы существенно выросли во второй половине XI в., после падения Анийского царства (Армении Багратидов), захваченного в 1045 г. Византией и окончательно разгромленного спустя два десятилетия (1065 г.) сельджуками. Значительное число беженцев покидавших Ани несколькими, разнесенными во времени миграционными волнами, переселилось в Крым на протяжении следующих столетий. Центральным их средоточием на полуострове с XI–XII в. становится генуэзская колония Каффа (Феодосия). Имеется немало письменных источников подтверждающих активную торговлю местных армянских купцов с константинопольскими соплеменниками².

¹ Микаелян В.В. История крымских армян. Ереван–Симферополь. 2004, С. 10.

² Там же, С. 11.

Но география армянских общин на полуострове в эти столетия, включала и многие другие центры, в том числе Сурож (Судак), Херсонес; основанный переселенцами г. Казарапат, а позднее Оробазар (Армянск)¹. Более того, по мнению А.Е. Тер-Саркисянц в XIV–XVIII вв. по своей численности армяне являлись вторым народом полуострова после татар. В пользу данного утверждения может указывать и цифра, согласно которым только в одной Кафе в 1470-х гг. (то есть в преддверии захвата полуострова Османской Портой), из 70 тыс. жителей, 47 тыс. являлись армянами².

В достоверности данных цифр есть большие сомнения, учитывая, что 50–100 тысяч человек – размер крупнейших городов Европы этого времени. И число жителей самой метрополии – Генуи (на протяжении XV в. постепенно терявшей статус великой средиземноморской торговой державы) в данное время едва ли превышал 50–70 тыс. человек. Но несомненно, что Кафа была крупным центром (10–20 тыс. жителей?), в населении которого армяне играли если не ведущую, то очень значимую роль (безусловно, речь должна идти о многотысячной общине).

Османское завоевание Крыма обернулось резким сокращением местного армянского населения, мигрировавшим в другие центры своей обширной диаспорной ойкумены, в том числе на Юго-Западную Русь и в Польшу. Но не раз уже отмеченная принципиальная пространственная подвижность данной расселенческой сети проявила себя и в данном случае. Достаточно скоро, убедившись, что Крымское ханство ставшее вассалом Порты, по-прежнему дает возможность диаспоре развиваться и занимать привычную для себя социально-экономическую нишу, армяне начали возвращаться на полуостров. И должны были достаточно быстро вернуть значимые позиции в местной торговле и ремесле.

¹ Тер-Саркисянц А.Е. Армяне – история и этнокультурные традиции. М., 1998, С. 276.

² Ананян Ж.А. Хачатурян В.А. Армянские общины России, Ереван, 1993, С. 13.

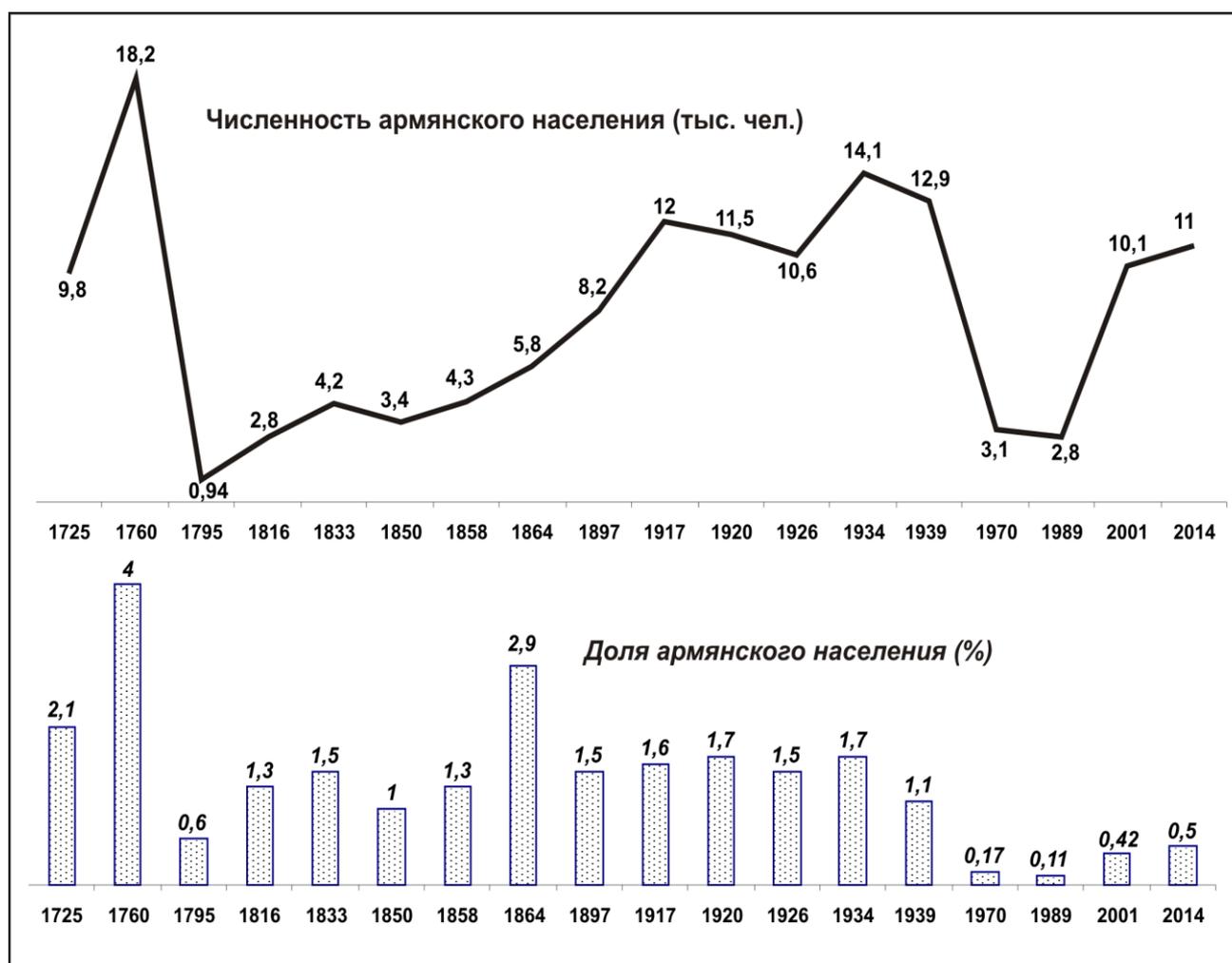

Рис. 1. Динамика армянской общины Крыма, 1725–2014 гг. (тыс. чел, %)

Этот новый период в развитии общины оказывается весьма продолжительным. На протяжении XV–XVIII вв. – армяне один из наиболее крупных и экономически влиятельных народов Крыма, уступающий по численности только татарам и, быть может, грекам. Сохраняется в данный период и география общины – ведущие ее средоточия располагаются вдоль побережья Крыма (Кафа/Феодосия, Сугдея/Судак, Гезлев/Евпатория) или недалеко от берега, в южной части полуострова (Сурхат/Старый Крым, Красаубазар/Белогорск, Бахчисарай, Акмечеть/Симферополь).

Завершается данный «поступательный» период развития диаспоры в конце XVIII в., массовым переселением крымских армян на Дон, детали которого уже рассматривались в разделе, посвященном донской общине.

Как известно, с полуострова в 1778 г. вышло около 12,6 тыс. армянских переселенцев – самая значительная часть крымской диаспоры. Составленная организатором данного начинания А.В. Суворовом ведомость, зафиксировавшая численность, пол и место выхода переселенцев позволяет достаточно детально представить географию расселения армян на полуострове в середине – второй половине 18 века (но есть все основания полагать, что речь идет о доататочно устойчивом ареале расселения, сложившимся в таком виде много ранее указанного периода)¹.

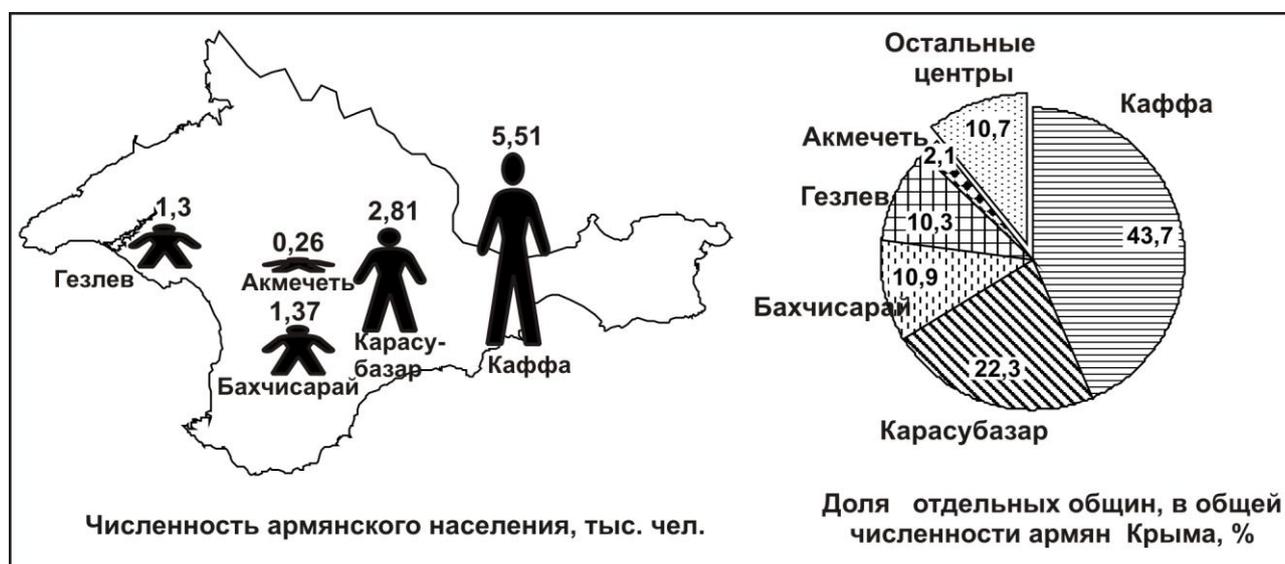

Рис. 2. Крупнейшие армянские общины в городах Крыма в конце 1770-х гг. (тыс. чел., %)

Прежде всего, отметим городской характер крымской общины. Из 12,6 тыс. переселенцев горожанами являлись 11,4 тыс. человек и только 1,2 тыс. проживали в сельских общинах. Очевидна и центральная роль феодосийской городской диаспоры, составлявшей более 5,5. тыс человек (43,7% всех переселенцев). А всего на четыре ведущих центра (Каффу, Карасубазар, Бахчисарай, Гезлев) приходилось более 87% всех мигрантов. Показательно и то, что в ведомости было перечислено

¹ На высокую степень укорененности армянских общин указывает, в частности, и гендерное равновесие, фиксируемое не только для всего переселенческого массива (6,4 тыс. мужчин и 6,2 тыс. женщин), но и отдельных его групп, представляющих разные территориальные общины.

только 15 пунктов выхода. Иными словами, армянских территориальных общин в Крыму было достаточно немного¹.

Как известно, одной из целей переселения армян из Крыма, было ослабление торгово-экономического потенциала Крымского ханства. Но уже в 1783 г., спустя всего несколько лет после переселения армян на Дон, полуостров окончательно теряет государственную независимость и включается в состав империи. Тем самым, армяне еще не успевшие пустить глубокие корни на нижнем Подонье, «теоретически» могли бы вернуться к своему оставленному четырем годами ранее местообитанию.

Этого, между прочим, настоятельно требовали все те же социально-экономические причины. Даже спустя два десятилетия после ухода армян и греков из Крыма экономика полуострова не сумела восстановить понесенные потери. И новоприсоединенный край предстал перед Россией «в пораженном от оттого виде. Она содрогнулась от того, что деревни превратились в развалины, сады в запущенные леса, ремесла, промышленность в тунейдство, и уверилась, что осудила на сиротство новых своих чад еще прежде их усыновления»².

Однако массового возвращения армян в Крым не состоялось. Причины этого требуют самостоятельного изучения. Отметим только, что едва ли переселенцы окончательно обжиться и обустроиться на новом месте или забыли Крым, с которым были связаны столетия развития их общины и где остались родные кладбища, покинутые дома и сады. Можно, конечно, предположить, что такого возвращения не хотели российские власти. Но и нижнее Подонье, и Крым с конца XVIII в. – части обширного Ново-

¹ Или же маленькие сельские группы армянского населения не нашли отражения в данном документе. Однако такому предположению противоречит указание ведомости с. Тапчак, из которого вышло 10 переселенцев, а также сел Бурундук-отар и Чуруксу давших соответственно 40 и 8 мигрантов.

² П. Сумароков. Досуги Крымского судьи, второе путешествие в Тавриду. ч. 1. СПб, 1803, С. 160.

российского края, формируемого от Одессы до Кубани. В каком месте армянские колонисты стали бы прикладывать усилия для его освоения и социально-экономического развития большого значения не имело. Другое дело, что власти, немало содействовавшие переселению армян на Дон, могли не хотеть тратиться «по новой». В этом случае, не запрещая возвращаться на полуостров, ответственность за данное начинание власть полностью перекладывает на общественную инициативу самих армян. Между тем, люди совсем недавно испытавшие все тяготы многомесячного перехода, понесшие при этом существенные человеческие потери, в своей массе едва ли были настроены повторять данный опыт. Тем более, что полученные ими привилегии позволяли вполне успешно заниматься своей привычной деятельностью на новом месте¹.

Так или иначе, но в Крым вернулось самая незначительная часть донских мигрантов². И новая диаспора на полуострове формировалась за счет переселенцев из многих других очагов расселения армянского народа. Процесс этот растянулся более, чем на столетие. В его поступательно восходящей демографической динамике обнаруживается заминка (середина XIX в.) и очевидное ускорение (конец этого же столетия). В 1897 г. в пределах Крыма проживало уже более 8 тыс. армян.

¹ О том, что они делали это достаточно успешно свидетельствуют воспоминания уже упоминавшегося П. Палласа. «Большая часть жителей Нахичевана живут теперь в хороших каменных домиках, крытых черепицею, кроме того ни построили за собственный счет городскую думу с красивой квадратной площадью перед ней, окруженную лавками, где можно купить продукты их производства, всякого рода съестные припасы и очень хороший хлеб... Сбыт всех этих продуктов в соседнюю округу очень велик, потому что среди казаков мало ремесленников. Тут есть три церкви, не считая монастыря с церковью... улицы расположены правильно, параллельно р. Дон. Дома поставлены довольно далеко друг от друга и снабжены всеми необходимыми удобствами [Цит по: Малхасян. История анийских, крымских, донских армян. Ростов-на-Дону, 2010, С. 31]

² Если в 1779 г., после исхода общины, в пределах Крыма насчитывалось чуть более тысячи человек армянского населения, то и спустя полтора десятилетия (в середине 1790-х) численность его оставалась практически такой же, даже несколько сократилась.

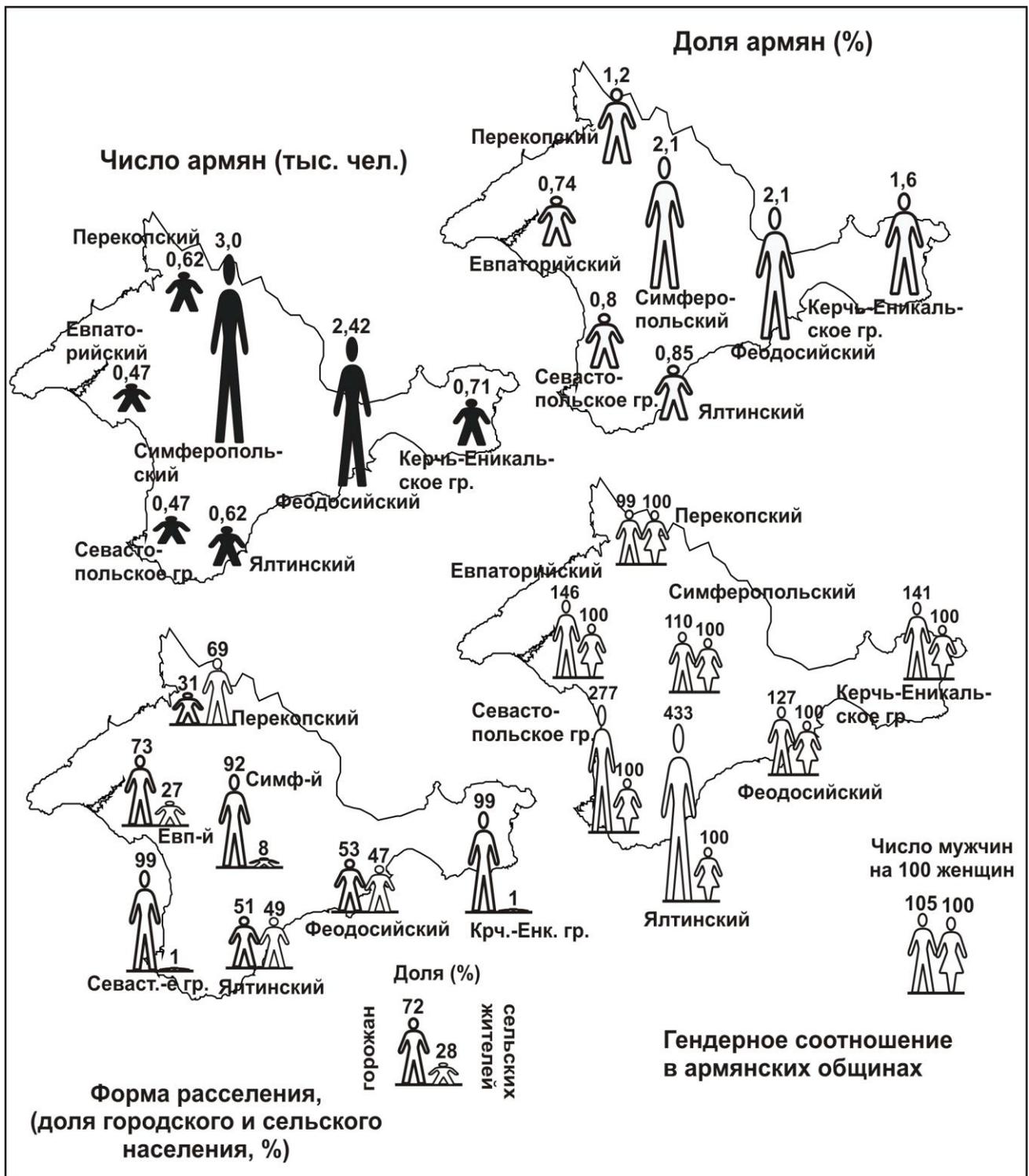

Рис. 3. Территориальные общины армянского населения Крыма (1897 г.)

Как видим (рис. 3), основная их масса по-прежнему концентрировалась в прибрежных южных районах и губернской столице - Симферополе. При этом гендерное соотношение большинства территориальных общин указывало на период быстрого демогра-

фического роста (перевес мужчин в них был самым значительным, достигая максимума в Ялтинском уезде).

Начало XX в. – период дальнейшего роста крымской общины, которая в это время, как и все остальные южнороссийские центры средоточия армянского населения пополнялась новыми переселенцами. По данным Википедии численность армян на полуострове возросла к 1917 г. до 12 тыс. человек. Но в научной литературе присутствуют и более высокие цифры, согласно которым уже к 1913 г. община составляла порядка 15 тыс. человек, а в 1919 г. достигла 19 тысяч¹. Учитывая масштабы переселенческого потока этого времени и показатели роста региональных общин, данные цифры представляются весьма вероятными.

Очевидно и то, что часть беженцев, по мере стабилизации положения в стране и на Юге России, должна была покинуть полуостров и к середине 1920-х, крымская община составляла 10,7 тыс. человек, из которых 7,03 тыс. (65,6%) проживало в городах (прежде всего, в Симферополе, Керчи, Феодосии и Севастополе).

Но в отличие от диаспор степного Предкавказья. Северного Кавказа и нижнего Повожья армянское население Крыма в последующие годы продемонстрировало быстрый рост, достигнув своего количественного максимума в середине 1930-х, когда на полуострове проживало более 14 тыс. армян. К концу 1930-х это число несколько сократилось. Община по-прежнему тяготела к административной столице и береговым городам (из 12,95 тыс. ее представителей почти 61% проживал в городах).

Центральную роль в демографической динамике общины середины – второй половины XX в. сыграла депортация 1944 года. В конце июня, через месяц после депортации татарского населения Крыма, с полуострова были выселены греки (15 тыс. человек), болгары (12 тыс.), армяне (10 тыс. человек). Тем самым, ряд крупнейших общин полиэтничного Крыма практически прекратил свое существование.

¹ Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа (с древнейших времен до начала XIX века). М., 2005, С. 364.

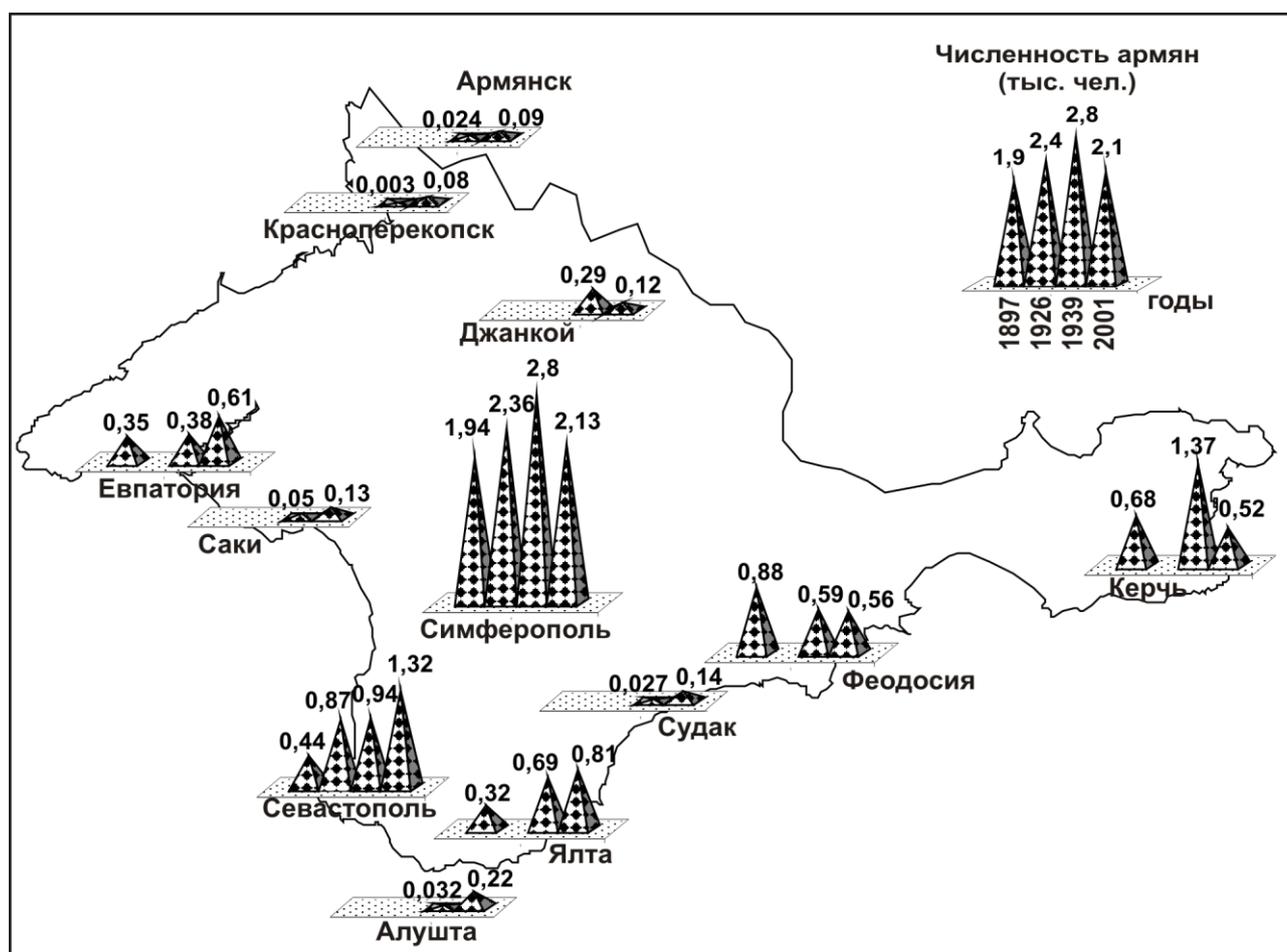

Рис. 4. Динамика армянского населения в городах Крыма, 1897–2001 гг. (тыс. чел.)

Численность армян на полуострове в послевоенные десятилетия оставалась самой незначительной. Небольшие их группы проживали в крупнейших городах Крыма и южных его районах. Восстановление диаспоры начинается только в самом конце советского периода. Как и в других регионах Юга России, стремительный количественный рост пришелся на 1990-е годы, в течение которых крымская община выросла более чем в 3,5 раза, впервые за полвека превысив 10-тысячную планку и переместившись за период 1989–2001 гг. с десятой на шестую позицию в демографическом рейтинге народов полуострова. Тем самым, Крым оказался включенным в широкий пространственный ареал постсоветской армянской миграции, охватившей значительную часть РФ и многие регионы Украины, в состав которой в это время входил и Крым. Как и во все предыдущие периоды, основными точками роста местной общины стали городские центры (уровень урбанизации общины в начале XXI в. составлял более 67%).

Но несмотря на столь значительный рост, во всех городских центрах и административных районах полуострова доля армян ограничивалась достаточно скромными 0,3–0,6% населения (табл. 1).

Табл. 1

**Армянское население по городам и районам
Крыма, 2001 (чел, %)**

Города	чел.	%	Районы	чел.	%
Симферополь	2130	0,59	Бахчисарайский	183	0,20
Севастополь	1319	0,35	Белогорский	190	0,29
Ялта	813	0,58	Джанкойский	179	0,22
Евпатория	607	0,52	Кировский	198	0,34
Феодосия	557	0,51	Красногвардейский	399	0,43
Керчь	518	0,33	Ленинский	311	0,45
Алушта	223	0,43	Первомайский	108	0,27
Судак	137	0,47	Раздольненский	242	0,65
Саки	130	0,46	Сакский	376	0,46
Джанкой	117	0,27	Симферопольский	849	0,57
Армянск	94	0,35	Черноморский	140	0,41
Краснопереконск	80	0,26			

Перепись, проведенная осенью 2014 г., уже после присоединения полуострова к РФ, обнаружила в Крыму 11 тыс. армян. Иными словами, «нулевые» стали периодом количественной стабилизации диаспоры. И есть все основания полагать, что время данного геодемографического равновесия продлится и дальше, на всю обозримую перспективу.

Приложение 2

Доля армянского населения в городах и районах степного Предкавказья, Дона, нижнего Поволжья, 1897-2010 гг. (%)

Города

Ростовская область

Города	1897	1926	1939	1989	2002	2010
Азов			0,023	0,25	0,91	1,15
Аксай			0,61	0,84	2,50	2,88
Батайск			0,4	0,38	2,91	2,5
Бел. Калитва				0,20	0,87	0,9
Волгодонск				0,34	0,59	0,60
Гуково				0,22	0,86	0,98
Донецк				0,12	0,35	0,34
Зверево				0,13	0,14	
Зерноград				0,50	1,05	1,29
Каменск-Шахт.			0,74	0,29	1,01	0,94
Константиновск			0,46	0,42	1,55	1,81
Кр. Сулин			0,56	0,50	1,23	1,3
Миллерово			0,26	0,17	0,72	0,69
Морозовск				0,38	1,62	1,55
Ростов	7,1	5,7	4,87	3,10	4,14	3,83
Новошахтинск			0,09	0,21	0,68	0,78
Новочеркасск	0,61	1,0	2,05	0,90	1,51	1,62
Пролетарск				0,22	1,23	1,29
Сальск	0,45	3,81	1,06	0,27	1,23	1,26
Семикаракоры				0,25	1,17	1,21
Таганрог	0,49	0,65	0,68	0,47	1,09	1,19
Шахты (Александр.-Грушевск)	0,65	0,36	0,24	0,42	1,71	1,81
Цимлянск			0,02	0,17	0,80	0,84

Краснодарский край

Города	1897	1926	1939	1989	2002	2010
Абинск			0,46	2,79	5,22	5,33
Анапа	1,86		2,61	4,8	5,95	6,76
Апшеронск			0,44	6,24	8,1	7,88
Армавир	26,3	18,5		6,38	8,62	8,46
Белореченск			2,27	5,43	10,88	9,92
Геленджик	1,49		0,90	1,68	2,74	2,72
Горячий ключ			3,93	3,75	6,06	5,7
Гулькевичи			0,41	1,0	2,62	2,13
Ейск	0,71		5,32	5,91	1,15	1,16
Кореновск			0,21	1,63	3,06	3,06
Краснодар	2,8	8,29	3,86	2,51	3,31	3,63
Кропоткин			2,11	2,18	4,13	3,78
Крымск			0,19	0,34	3,59	3,62
Курганинск			0,35	6,26	9,35	9,68
Лабинск			1,43	1,76	3,51	3,29
Новокубанск			0,31	1,56	6,56	6,28
Новороссийск	2,31	6,07	4,74	2,93	3,68	3,40
Приморско-Ахтарск			0,61	0,44	0,55	0,44
Славянск-н/К.	0,36		2,04	1,68	4,00	3,53
Сочи	6,0		3,43	9,84	14,26	13,65
Темрюк	0,47		0,29	0,39	0,97	0,79
Тимашевск			0,60	1,46	3,29	3,1
Тихорецк			0,82	0,68	1,50	1,55
Туапсе	4,17		4,06	7,06	8,30	8,49
Ходыженск			0,11		8,0	7,51
Усть-Лабинск				1,6	3,10	3,23

Ставропольский край

Города	1897	1926	1939	1989	2002	2010
Александровское	0,34					
Благодарный				0,68	3,9	3,6
Буденновск (Св.Креста)	54,9		13,0	6,00	7,5	7,4

Георгиевск	2,01		3,46	5,06	10,7	11,6
Ессентуки			2,83	2,49	5,4	3,6
Зеленокумск				0,87	2,7	2,7
Железноводск				1,56	2,3	2,5
Изобильный			0,14	1,24	3,2	3,0
Ипатово			0,07	0,25		0,35
Кисловодск			8,03	8,57	11,2	9,1
Лермонтов				0,79	1,9	1,9
Мин.воды			0,77	2,71	6,8	8,7
Михайловск					8,0	6,7
Невинномысск			0,79	0,90	1,77	1,8
Нефтекумск				1,49	1,9	1,8
Новоалександровск				1,47	3,2	3,6
Новопавловск				2,2	4,8	5,3
Пятигорск	3,2	7,85	7,26	7,87	12,29	13,4
Светлоград				0,53		1,1
Ставрополь	1,68	2,8	1,81	2,26	4,26	5,2

Астраханская область

Города	1897	1926	1939	1989	2002	2010
Астрахань	3,6	1,49	0,41	0,41	0,94	0,8
Ахтубинск					0,53	0,39
Енотаевск	0,07				0,5	0,66
Нариманов					0,4	0,4
Камызяк					0,46	0,54
Красный Яр	0,52					
Царев	0,05					

Волгоградская область

Города	1897	1926	1989	2002	2010
Волгоград	0,14	0,39	0,38	1,5	1,5
Волжский				0,8	0,8
Дубовка				0,12	0,1
Камышин	0,03			0,66	0,6
Котельниково				0,9	0,7
Котово				0,71	0,71

Михайловск				0,67	0,52
Николаевск				0,53	0,27
Серафимоич				0,70	0,69
Урюпинск	0,04			0,21	0,17
Фролово				1,06	1,13

Районы

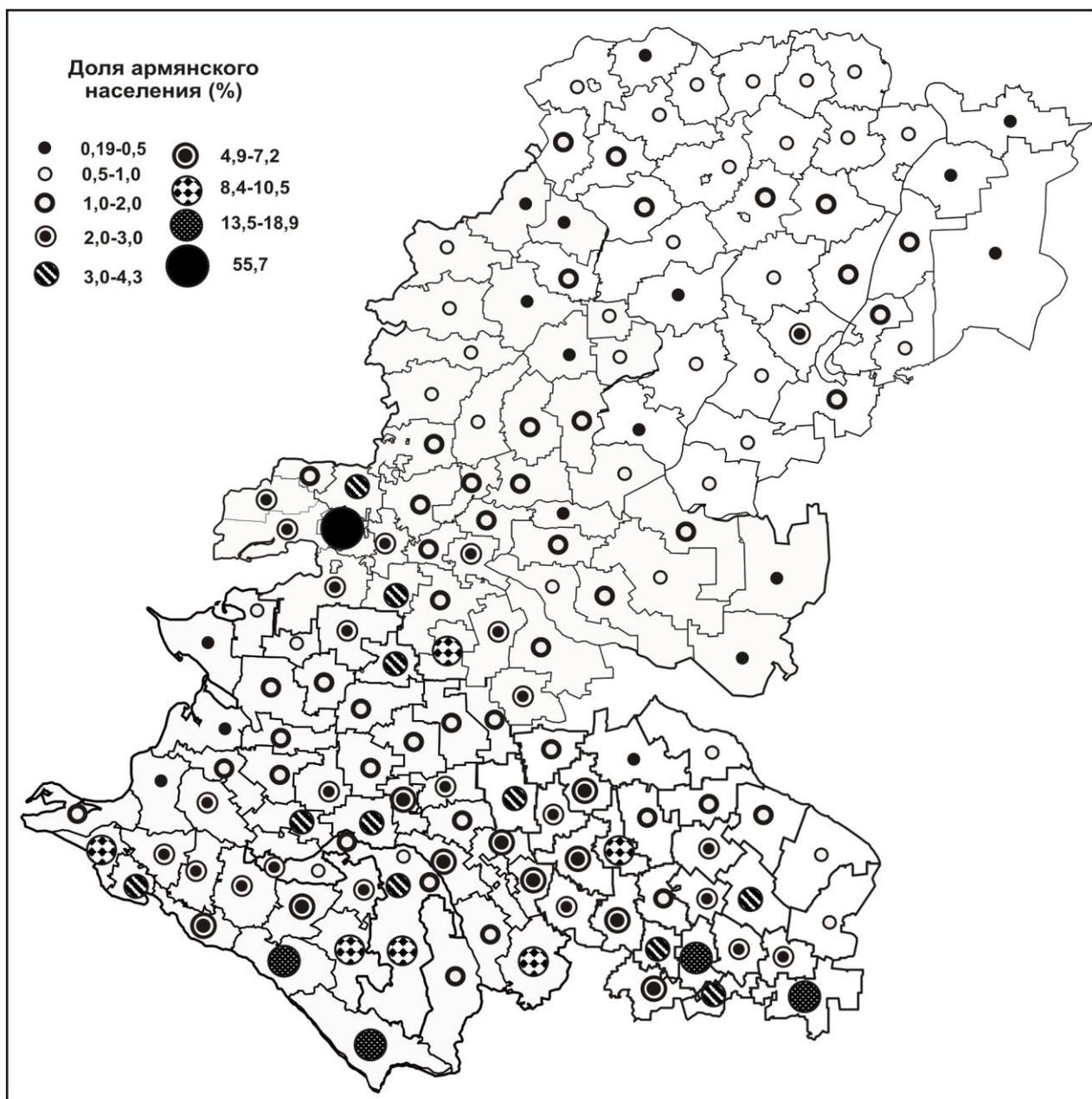

Рис. 1. Доля армянского населения по районам (%), 2010 г. (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская и Волгоградская области, Адыгея)

Ростовская область

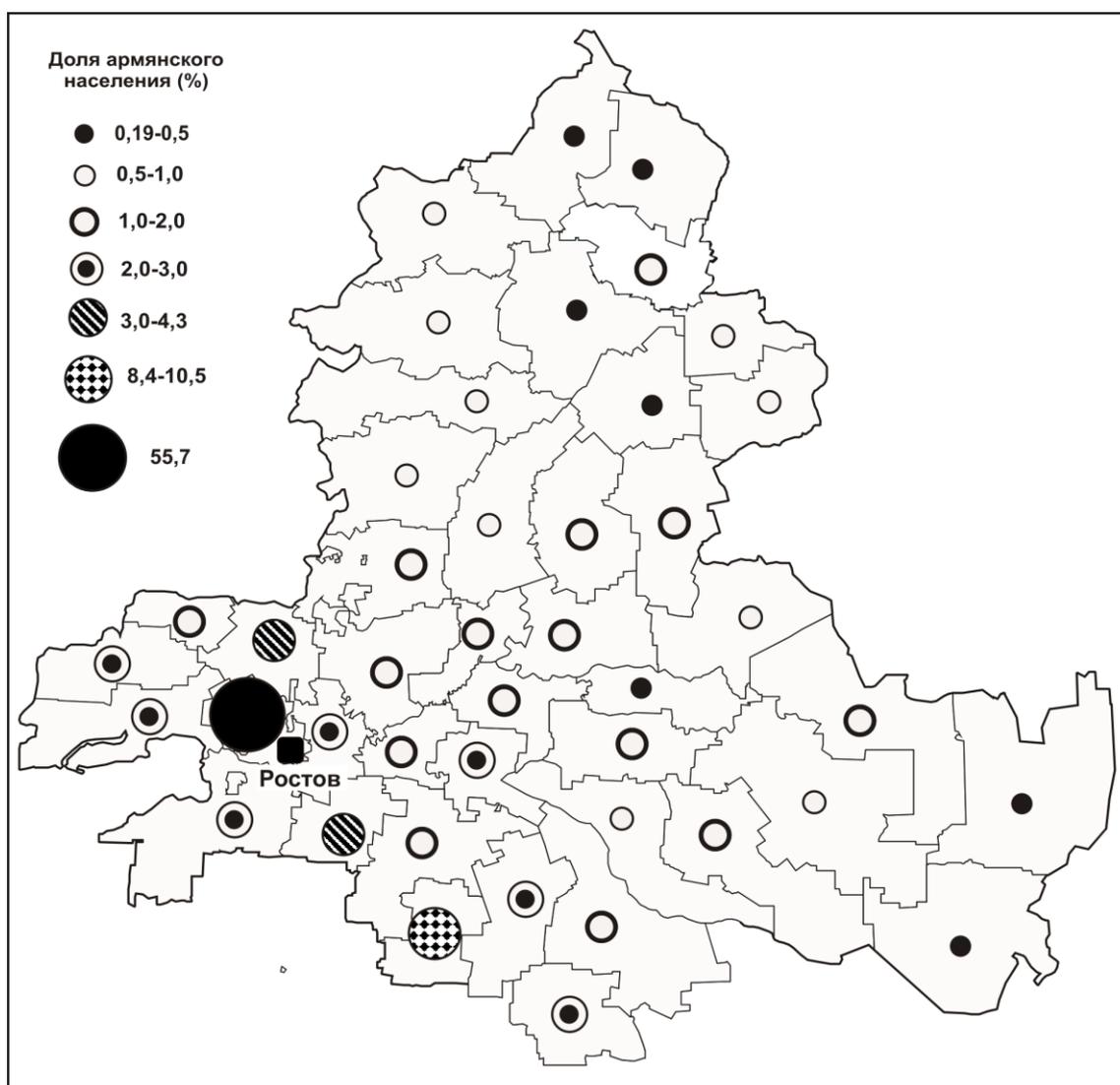

Рис. 2. Доля армянского населения по районам Ростовской области (%), 2010 г.

Доля армянского населения, 1989-2010 гг.

районы	1989	2002	2010	районы	1989	2002	2010
Азовский	0,42	1,8	2,1	Миллеровский	0,13	0,59	0,66
Аксайский	0,68	2,4	2,8	Милютинский		0,35	0,41
Багаевский	0,43	1,9	2,0	Морозовский	0,36	1,6	1,4
Белокалитвинский	0,16	1,1	0,81	Мясниковский	38,9	38,2	55,7
Боковский	0,35	0,87	1,1	Неклиновский	0,35	1,6	2,1
Верхнедонской	0,18	0,41	0,28	Обливский		0,75	0,78
Веселовский	0,52	1,7	2,1	Октябрьский	0,41	1,5	1,7
Шолоховский	0,2	0,49	0,37	Орловский	0,31	1,2	1,3
Волгодонской		0,72	0,70	Песчанокопский	0,32	1,9	2,6
Дубовский	0,39	1,8	2,0	Пролетарский	0,19	0,91	0,91

Егорлыкский	4,7	7,1	8,4
Заветинский		0,39	0,42
Зерноградский	0,5	1,7	1,8
Зимовниковский		0,32	0,86
Кагальницкий	0,74	3,3	3,8
Каменский	0,23	0,88	0,9
Кашарский			0,19
Константиновский	0,3	1,4	1,6
Красносулинский	0,16	0,78	1,2
Куйбышевский	0,48	1,7	2,0
Мартыновский	0,25	1,5	1,3
Матвеево-Курганский	0,42	2,8	2,9

Ремонтненский		0,52	0,39
Родионово-Несветайский	0,51	2,4	4,0
Сальский	0,21	1,2	1,2
Семикаракорский	0,39	1,2	1,2
Советский		0,67	1,0
Тарасовский	0,2	0,68	0,96
Тацинский	0,23	0,86	1,1
Усть-Донецкий	0,3	1,2	1,2
Целинский	0,55	2,5	2,6
Цимлянский	0,18	0,87	0,92
Чертковский	0,22	0,7	0,77

Краснодарский край

Доля армянского населения, 1989-2010 гг.

районы	1989	2002	2010
Анапский	9,8		
Абинский	1,8	2,9	3,0
Апшеронский	8,0	11,2	10,3
Белоглинский	1,0	1,5	1,4
Белореченский	4,1		2,5
Брюховецкий	0,89	1,5	1,4
Выселковский	0,93	1,5	1,5
Гулькевичский	1,0	2,2	1,9
Динской	2,0	3,9	4,2
Ейский	0,45	0,85	0,9
Кавказский	5,9	7,2	7,7
Калининский	1,6	2,1	2,0
Каневский	0,50	1,2	1,2
Кореновский	1,25	2,2	2,2
Красноармейский	1,2	2,1	2,3
Крыловский	1,7	3,4	3,5
Крымский	0,77		2,0
Курганинский	4,7	7,2	5,9
Куцеский	1,1	2,3	2,6

районы	1989	2002	2010
Лабинский	1,9		1,2
Ленинградский	0,61	1,2	1,2
Мостовский	0,49	1,1	1,1
Новокубанский	4,0	6,8	6,9
Новопокровский	1,2	1,8	2,0
Отрадненский	5,3	8,8	9,8
Павловский	0,48	0,91	1,0
Приморско-Ахтарский	0,42	0,73	0,43
Северский	1,2	2,0	2,0
Славянский	0,68		0,42
Староминский	0,42	0,91	1,0
Тбилисский	1,4	3,2	5,0
Темрюкский	1,1	1,9	1,8
Тимашевский	1,7	2,9	2,9
Тихорецкий	1,5	2,8	2,6
Туапсинский	18,4	21,0	18,9
Успенский	3,5	4,9	4,9
Усть-Лабинский	2,1	3,6	3,5
Щербиновский	0,44	0,73	0,57

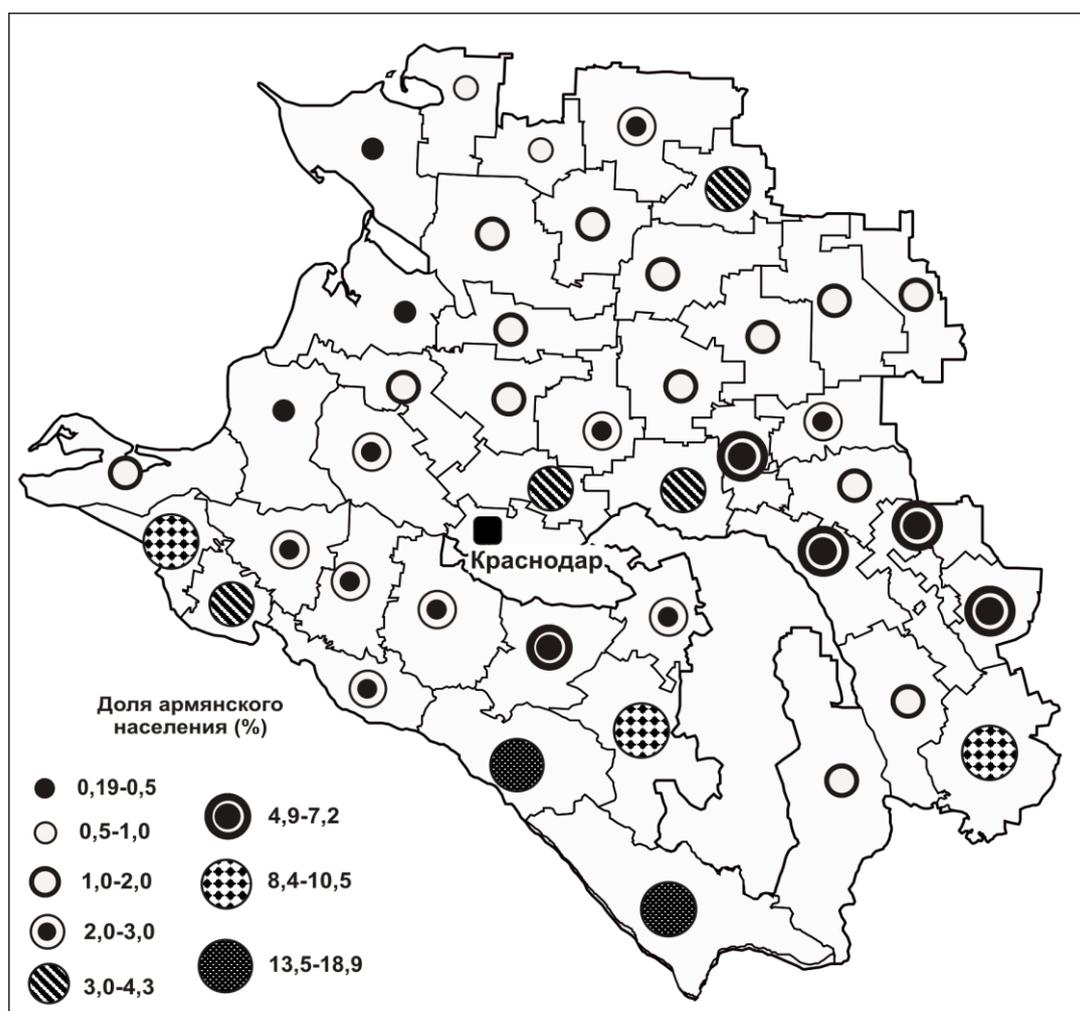

Рис. 3. Доля армянского населения по районам Краснодарского края (%), 2010 г.

Ставропольский край

Доля армянского населения, 1989-2010 гг.

районы	1989	2002	2010	районы	1989	2002	2010
Александровский	0,58	1,7	1,7	Курский	10,9	14,2	14,1
Апанасенковский	0,21	0,89	0,83	Левокумский	0,32	0,62	0,57
Арзгирский	0,30	1,1	1,1	Минераловодский	3,9	7,8	9,3
Благодарненский	0,49	2,6	2,5	Нефтекумский	1,0	1,2	0,96
Буденновский	1,1	3,3	3,4	Новоалександровский	1,6	3,9	4,3
Георгиевский	6,0	12,5	13,5	Новоселицкий	1,1	2,5	2,7
Грачевский	2,7	8,3	10,2	Петровский	0,49	1,4	1,3
Изобильненский	1,1	2,6	2,7	Предгорный	3,3	6,3	7,2

Ипатовский	0,24	0,47	0,43
Кировский	1,9	3,6	4,0
Кочубеевский	0,8	2,4	2,6
Красногвардейский	0,67	1,7	1,6
Андроповский	1,3	5,1	5,5

Советский	0,92	2,3	2,1
Степновский	1,7	2,3	2,3
Труновский	2,0	4,4	5,1
Туркменский	0,62	1,2	1,5
Шпаковский	3,3	6,5	6,5

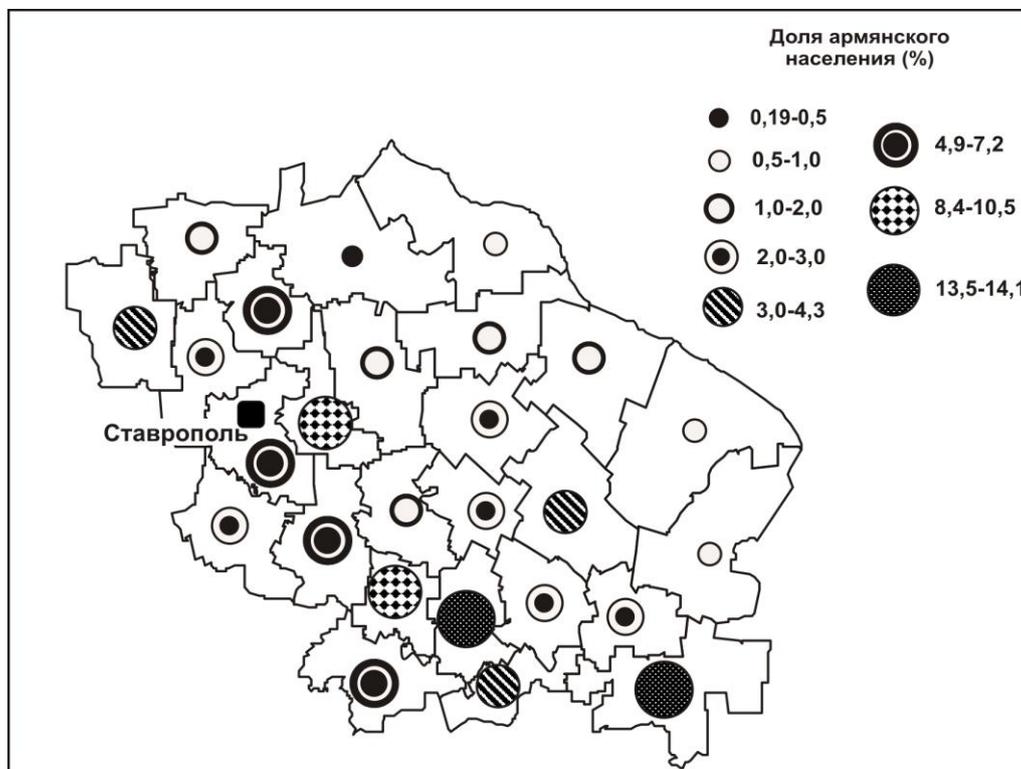

Рис. 4. Доля армянского населения по районам Ставропольского края (%), 2010 г.

Волгоградская область

Доля армянского населения, 2002-2010 гг.

районы	2002	2010	районы	2002	2010
Алексеевский	1,0	1,0	Нехаевский	0,49	1,1
Быковский	1,0	1,1	Николаевский	0,52	0,39
Городищенский	1,7	2,2	Новоаннинский	0,77	0,83
Даниловский	0,85	0,89	Новониколаевский	0,27	0,39
Дубовский	1,2	1,4	Октябрьский	0,76	0,96
Еланский	0,46	0,51	Ольховский	0,77	1,2
Жирновский	0,91	0,94	Палласовский	0,13	0,12
Иловлинский	1,0	1,0	Руднянский	0,61	0,56

Калачевский	0,62	0,52
Камышинский	0,63	0,81
Киквидзенский	0,68	0,66
Клетский	0,28	0,25
Котельниковский	0,60	0,53
Котовский	0,52	0,7
Кумылженский	1,4	1,5
Ленинский	0,65	0,65
Михайловский	0,20	0,55

Светлоярский	0,91	1,1
Серафимовичский	0,58	0,71
Среднеахтубинский	0,98	1,0
Старополтавский	0,16	0,29
Суровикинский	0,56	0,57
Урюпинский	0,30	0,51
Фроловский	0,81	0,88
Чернышковский	0,30	0,27

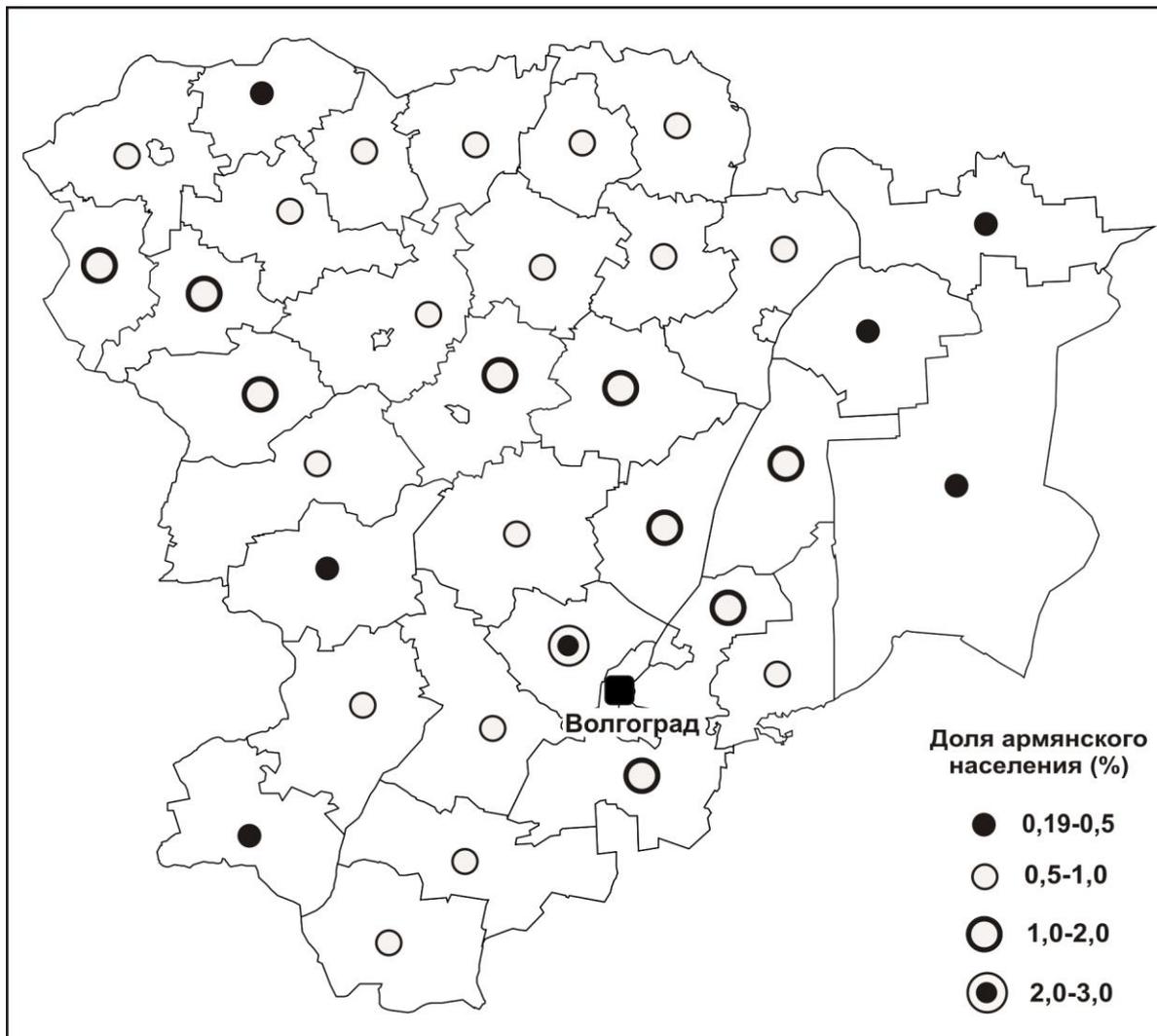

Рис. 5. Доля армянского населения по районам Волгоградской области (%), 2010 г.

Приложение 3

Численность армян в населенных пунктах южнороссийских регионов, 2002-2010 гг.

(статическая база собрана Д.Г. Котеленко)

Принятые сокращения:

пгт – поселок городского типа

пст – поселок сельского типа

кп – курортный поселок

рб – рабочий поселок

В столбце за 2002 г. цифра «0» обозначает отсутствие информации о численности местного армянского населения

Ростовская область

(армянское население 30 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	район	Тип поселения	Число армян (чел.)		Доля армян в населении (%)
				2002	2010	
1.	Ростов-на-Дону		город	43901	41282	3,83
2.	Чалтырь	Мясниковский	село	11185	11183	73,4
3.	Шахты	Шахты	город	4160	4266	1,81
4.	Крым	Мясниковский	село	3870	4143	83,9
5.	Таганрог		город	3067	3036	1,2
6.	Большие Салы	Мясниковский	село	2635	2784	79,9
7.	Батайск		город	3055	2664	2,44
8.	Новочеркасск		город	2540	2544	1,58
9.	Шаумяновский	Егорлыкский	хутор	1474	1622	86,2
10.	Ленинаван	Мясниковский	хутор	1113	1242	73,0
11.	Аксай	Аксайский	город	948	1195	2,9
12.	Волгодонск		город	1121	1024	0,6
13.	Азов		город	750	944	1,16
14.	Красный Крым	Мясниковский	хутор	872	877	82,7
15.	Новошахтинск		город	738	858	0,78
16.	Каменск-Шахтинский		город	936	825	0,89
17.	Сальск		город	754	762	1,26
18.	Гуково		город	614	660	0,98
19.	Кагальницкая	Кагальницкий	станция	508	608	0,89

20.	Красный Сулин	Красносулинский	город	530	526	1,29
21.	Ленинакан	Мясниковский	хутор	399	437	72,6
22.	Матвеев Курган		пст	312	436	2,82
23.	Егорлыкская	Егорлыкский	станция	321	435	2,47
24.	Каменоломни	Октябрьский	пгт	417	419	3,74
25.	Морозовск		город	473	416	1,54
25.	Султан-Салы	Мясниковский	село	436	410	60,3
27.	Белая Калитва		город	410	395	0,91
28.	Кулешовка	Азовский	село	380	390	2,86
29.	Песчанокопское	Песчанокопский	село	299	374	3,53
30.	Целина	Целинский	пст	371	373	3,51
31.	Троицкое	Неклиновский	село	205	371	11,1
32.	Зерноград	Зерноградский	город	0	344	1,30
33.	Багаевская	Багаевский	станция	275	326	2,11
34.	Самарское	Азовский	село	270	320	3,04
35.	Дубовское	Дубовский	село	258	313	3,66
36.	Зверево		город	371	312	1,41
37.	Константиновск		город	0	305	1,81
38.	Калинин	Мясниковский	хутор	225	296	0,78
39.	Семикаракорск		город	276	290	1,21
40.	Веселый	Веселовский	пст	236	280	0,31
41.	Жуковское	Песчанокопский	село	198	275	1,07
42.	Родионово-Несветайская	Родионово-Несветайский	слобо- да	144	260	4,08
43.	Пролетарск	Пролетарский	город	0	258	1,28
44.	Орловский	Орловский	пст	232	257	1,29
45.	Миллерово	Миллеровский	город	277	251	0,69
46.	Веселый	Мясниковский	хутор	186	239	15,6
47.	Тацинская	Тацинский	станция	170	207	2,08
48.	Николаевка	Неклиновский	село	136	198	3,09
49.	Большой Лог	Аксайский	хутор	91	196	4,55
50.	Куйбышево	Куйбышевский	село	154	189	3,07
51.	Несветай	Мясниковский	село	218	187	36,9
52.	Донецк		город	185	171	0,34
53.	Зимовники	Зимовниковский	пст	136	165	0,91
544.	Рассвет	Аксайский	пст	130	164	3,3
55.	Большая Мартыновка	Мартыновский	слобо- да	151	160	2,61
56.	Глубокий	Каменский	пгт	0	151	1,53
57.	Чертково	Чертковский	пст	134	150	1,39
58.	Таганрогский	Егорлыкский	хутор	48	144	1,62
59.	Рыбасово	Сальский	пст	158	138	25,9
60.	Большекрепинская	Рд.-Несветайский	слобо-	65	137	6,88

			да			
61.	Мечетинская	Зерноградский	станция	96	134	18,7
62.	Ажинов	Багаевский	хутор	93	131	11,3
63.	Новороговская	Егорлыкский	станция	130	131	8,45
64.	Сусат	Семикаракорский	хутор	126	128	7,25
65.	Покровское	Неклиновский	село	132	127	10,3
66.	Кировская	Кагальницкий	станция	110	126	2,19
67.	Цимлянск	Цимлянский	город	0	126	0,84
68.	Кривянская	Октябрьский	станция	93	122	1,17
69.	Истомино	Аксайский	хутор	28	119	7,23
70.	Алексеевка	Матв.-Курганский	село	127	117	12,3
71.	Тарасовский	Тарасовский	пст	88	117	1,30
72.	Грушевская	Аксайский	станция	100	115	2,63
73.	Мокрый Батай	Кагальницкий	пст	130	114	5,45
74.	Чернышевка	Зерноградский	хутор	129	113	6,78
75.	Верхнекундрюченская	Усть-Донецкий	станция	95	103	9,25
76.	Потапов	Волгодонской	хутор	71	102	3,39
77.	Янтарный	Аксайский	пст	43	99	8,04
78.	Аграфеновка	Рд.-Несветайский	слобо- да	75	95	8,91
79.	Александровка	Азовский	село	99	94	1,99
80.	Елизаветовка	Азовский	село	54	92	4,71
81.	Ольгинская	Аксайский	станция	61	90	1,62
82.	Недвиговка	Мясниковский	хутор	105	87	4,48
83.	Новокадамово	Октябрьский	пст	69	86	5,51
84.	Богданов	Каменский	хутор	79	83	12,3
85.	Платово	Красносулинский	хутор	45	83	4,33
86.	Элитный	Аксайский	пст	98	82	26,2
87.	Новобатайск	Кагальницкий	село	58	82	15,4
88.	Средний Егорлык	Целинский	село	84	82	3,47
89.	Родионовка	Целинский	хутор	11	81	45,5
90.	Михайлов	Тацинский	хутор	69	80	2,96
91.	Красный Маныч	Веселовский	хутор	66	77	12,0
92.	Малокирсановка	Матв.-Курганский	село	67	76	5,77
93.	Рясное	Матв.-Курганский	село	50	75	4,72
94.	Обливская	Обливский	станция	66	75	0,76
95.	Кугей	Азовский	село	48	70	4,12
96.	Каргинская	Боковский	станция	54	70	4,52
97.	Красногорняцкий	Октябрьский	пст	44	70	3,99
98.	Октябрьский	Аксайский	пст	31	69	2,94
99.	Ленина	Аксайский	хутор	38	69	1,94
100.	Хапры	Мясниковский	хутор	61	69	7,07
101.	Прогресс	Сальский	пст	84	69	20,5

102.	Апаринский	Усть-Донецкий	хутор	71	67	2,34
103.	Новобессергеновка	Неклиновский	село	49	66	1,86
104.	Бессергеновская	Октябрьский	станица	61	66	3,16
105.	Новомирский	Азовский	пст	75	64	4,88
106.	Щепкин	Аксайский	пст	136	64	4,81
107.	Ясенево	Сальский	пст	0	63	0,61
108.	Холодный Плес	Красносулинский	хутор	88	62	13,7
109.	Мальчевская	Миллеровский	станица	46	62	1,81
110.	Задонский	Азовский	хутор	53	61	5,81
111.	Рясной	Егорлыкский	хутор	19	61	51,3
112.	Кульбаково	Матв.-Курганский	село	53	61	7,7
113.	Красный Десант	Неклиновский	хутор	25	61	5,96
114.	Саркел	Цимлянский	пст	57	61	4,43
115.	Терновский	Егорлыкский	хутор	61	60	19,5
116.	Комаров	Мартыновский	хутор	47	59	5,68
117.	Южный	Мартыновский	пст	53	59	2,39
118.	Красноармейский	Орловский	пст	36	59	1,59
119.	Волошино	Рд.-Несветайский	хутор	29	59	7,91
120.	Апанасовка	Белокалитвинский	хутор	57	58	7,4
121.	Нижнежуравский	Константиновский	хутор	47	58	11,8
122.	Анастасиевка	Матв.-Курганский	село	91	58	3,97
123.	Мостовой	Усть-Донецкий	хутор	66	58	12,6
124.	Костино-Горский	Константиновский	хутор	55	57	25,9
125.	Новотроицкое	Азовский	село	49	56	3,7
126.	Самбек	Неклиновский	село	42	56	2,42
127.	Генеральское	Рд.-Несветайский	село	32	55	6,86
128.	Круглое	Азовский	село	50	54	2,31
129.	Пешково	Азовский	село	58	54	1,41
130.	Гуляй-Борисовка	Зерноградский	хутор	106	54	2,31
131.	Каменный Брод	Рд.-Несветайский	хутор	14	54	7,61
132.	Вороново	Целинский	пст	58	54	3,11
133.	Кавалерский	Егорлыкский	хутор	35	53	2,17
134.	Старая Станица	Каменский	хутор	34	53	0,62
135.	Костино-Быстрянский	Морозовский	хутор	64	53	4,76
136.	Александровка 2-я	Мясниковский	село	54	53	6,75
137.	Николаевский	Кагальницкий	хутор	55	52	6,42
138.	Красюковская	Куйбышевский	слобо- да	39	52	1,23
139.	Усть-Донецкий	Усть-Донецкий	пгт	55	52	0,44
140.	Верхнесоленный	Веселовский	хутор	42	51	2,90
141.	Развильное	Песчанокопский	село	46	51	0,94
142.	Журавлевка	Целинский	село	21	51	6,14
143.	Латоново	Матв.-Курганский	село	44	49	3,56

144.	Островского	Аксайский	хутор	106	48	410
145.	Красный	Багаевский	хутор	50	48	2,71
146.	Скосырская	Тацинский	станция	39	48	8,48
147.	Новостройка	Зерноградский	пст	45	47	11,5
148.	Лихой	Красносулинский	хутор	25	47	1,48
149.	Большая Неклиновка	Неклиновский	село	88	47	4,65
150.	Свободный	Целинский	хутор	22	47	11,4
151.	Ильинка	Белокалитвинский	хутор	42	46	3,96
152.	Романовская	Волгодонской	станция	28	45	0,55
153.	Березовая Роща	Кагальницкий	пст	29	45	11,1
154.	Манычская	Багаевский	станция	50	44	2,68
155.	Крутинский	Белокалитвинский	хутор	30	44	4,42
156.	Малиновка	Кагальницкий	пст	41	44	7,72
157.	Тамбовка	Целинский	хутор	72	44	7,94
158.	Ремонтное	Ремонтненский	село	44	43	0,60
159.	Горняцкий	Белокалитвинский	пст	41	42	0,53
160.	Красное Знамя	Веселовский	хутор	18	42	3,83
161.	Вешенская	Шолоховский	станция	47	42	4,54
162.	Стефанидинодар	Азовский	село	25	41	3,09
163.	Победа	Азовский	хутор	25	41	2,60
164.	Водопадный	Аксайский	пст	25	41	4,43
165.	Мирный	Егорлыкский	хутор	100	41	3,89
166.	Советка	Неклиновский	слобо- да	27	41	454
167.	Приморка	Неклиновский	село	27	41	1,08
168.	Ивановка	Сальский	село	51	41	2,38
169.	Мелиховская	Усть-Донецкий	станция	50	41	1,14
170.	Носово	Неклиновский	село	22	40	5,46
171.	Ефремовка	Неклиновский	село	31	40	4,03
172.	Синявское	Неклиновский	село	33	40	1,04
173.	Маньково- Калитвенское	Чертковский	село	37	40	1,08
174.	Койсуг	Азовский	пст	15	39	657
175.	Кагальник	Азовский	село	29	39	4,81
176.	Марьевка	Матв.-Курганский	село	41	39	8,18
177.	Боковская	Боковский	станция	48	38	0,79
178.	Персиановский	Октябрьский	пст	73	38	0,55
179.	Степной Курган	Сальский	пст	43	38	3,62
180.	Топилин	Семикаракорский	хутор	33	38	2,49
181.	Старочеркасская	Аксайский	станция	24	37	1,69
182.	Екатериновка	Матв.-Курганский	село	63	37	4,38
183.	Слободской	Семикаракорский	хутор	49	37	4,22
184.	Новополтавский	Азовский	пст	42	36	3,51

185.	Заплавская	Октябрьский	станция	26	36	1,35
186.	Каменная Балка	Орловский	хутор	23	36	2,77
187.	Летник	Песчанокопский	село	26	36	1,18
188.	Лопанка	Целинский	село	36	36	1,86
189.	Прогресс	Волгодонской	пст	27	35	2,41
190.	Щеглов	Дубовский	хутор	34	35	4,93
191.	Большая Орловка	Мартыновский	слобо- да	17	35	0,86
192.	Новониколаевка	Матв.-Курганский	село	62	35	5,40
193.	Каменно-Андрианово	Матв.-Курганский	село	38	35	5,04
194.	Вареновка	Неклиновский	село	34	35	1,11
195.	Маркин	Октябрьский	хутор	52	35	2,85
196.	Миллерово	Куйбышевский	село	31	34	3,38
197.	Марфинка	Матв.-Курганский	село	43	34	3,08
198.	Барило-Крепинская	Рд.-Несветайский	слобо- да	21	34	2,71
199.	Краснодонецкая	Белокалитвинский	станция	22	33	2,84
200.	Жуковская	Дубовский	станция	29	33	2,55
201.	Лиховидовский	Боковский	хутор	21	32	12,6
202.	Сорговый	Зерноградский	пст	38	32	1,94
203.	Щедрый	Мясниковский	пст	19	32	20,4
204.	Камышевка	Орловский	хутор	29	32	2,32
205.	Новая Целина	Целинский	пст	21	32	1,72
206.	Лозной	Цимлянский	хутор	30	32	1,81
207.	Овощной	Азовский	пст	17	31	1,28
207.	Коксовый	Белокалитвинский	пст	0	31	0,41
208.	Кугейский	Егорлыкский	хутор	43	31	2,56
209.	Шебалин	Заветинский	хутор	24	31	3,43
210.	Весело-Вознесенка	Неклиновский	село	21	31	1,55
211.	Болдыревка	Рд.-Несветайский	хутор	25	31	3,62
212.	Новоалександровка	Азовский	хутор	10	30	1,48
213.	Садовый	Багаевский	пст	21	30	4,09
214.	Войнов	Егорлыкский	хутор	24	30	4,38
215.	Новые Постройки	Зерноградский	пст	11	30	11,0
216.	Красновка	Каменский	хутор	33	30	0,76
217.	Копани	Неклиновский	хутор	9	30	17,2
218.	Веселый	Неклиновский	хутор	14	30	3,13
219.	Рассыпное	Песчанокопский	село	34	30	2,75

Краснодарский край

(армянское население 100 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
1.	Сочи	Сочи	город	79861	46706	13,6
2.	Краснодар	Краснодар	город	27694	26789	3,64
3.	Армавир	Армавир	город	14908	15663	8,47
4.	Новороссийск	Новороссийск	город	11909	8061	3,4
5.	Туапсе	Туапсинский	город	5323	5363	8,5
6.	Белореченск	Белореченский	город	6563	5345	9,93
7.	Нижняя Шиловка	Сочи	село	4365	4660	85,9
8.	Курганинск	Курганинский	город	0	4587	96,7
9.	Отрадная	Отраденский	станция	3865	4060	17,5
10.	Анапа	Анапа	город	3710	3898	67,5
11.	Кропоткин	Кавказский	город	3236	3012	3,77
12.	Казанская	Кавказский	станция	2674	3002	27,3
13.	Апшеронск	Апшеронский	город	0	2995	7,89
14.	Высокое	Сочи	село	2102	2464	63,1
15.	Веселое	Сочи	село	2067	2249	54,3
16.	Славянск-на-Кубани	Славянский	город	2567	2224	3,50
17.	Новокубанск	Новокубанский	город	2308	2189	6,28
18.	Гай-Кодзор	Анапа	село	2100	2147	72,4
19.	Крымск	Крымский	город	2026	2055	3,62
20.	Горное Лоо	Сочи	село	1967	2055	61,7
21.	Лабинск	Лабинский	город	2204	2049	3,28
22.	Черешня	Сочи	село	1896	2024	83,2
23.	Анапская	Анапа	станция	1756	1933	12,0
24.	Абинск	Абинский	город	-	1865	5,33
25.	Верхний Юрт	Сочи	село	1688	1801	64,3
25.	Новомихайловский кп	Туапсинский	кп	-	1783	17,7
27.	Горячий Ключ	Горячий Ключ	город	3106	1775	5,89
28.	Старая Станица	Армавир	станция	1395	1701	22,4
29.	Тимашевск	Тимашевский	город	-	1649	3,09
30.	Молдовка	Сочи	село	1422	1540	68,6
31.	Верхневеселое	Сочи	село	1182	1532	56,0
32.	Новотитаровская	Динской	станция	1340	1504	6,08

33.	Хадыженск	Апшеронский	город	-	1494	7,53
34.	Геленджик	Геленджик	город	2094	1490	2,72
35.	Барановка	Сочи	село	1384	1458	64,3
36.	Усть-Лабинск	Усть-Лабинский	город	-	1384	3,25
37.	Сергей-Поле	Сочи	село	1233	1365	71,0
38.	Тенгинка	Туапсинский	село	1253	1354	59,9
39.	Динская	Динской	станция	1217	1330	3,82
40.	Супсех	Анапа	село	1429	1304	1,96
41.	Ладожская	Усть-Лабинский	станция	1349	1275	8,6
42.	Кореновск	Кореновский	город	-	1238	3,05
43.	Елизаветинская	Краснодар	станция	1072	1215	5,5
44.	Раевская	Новороссийск	станция	1045	1172	11,7
45.	Тбилисская	Тбилисский	станция	1024	1157	4,57
46.	Новоалексеевская	Курганинский	станция	943	1124	3,11
47.	Заветный	Армавир	поселок	1155	1070	22,1
48.	Прогресс	Сочи	село	1036	1031	6,4
49.	Черниговское	Апшеронский	село	1084	1029	38,7
50.	Джубга кп	Туапсинский	пгт	0	1006	19,4
51.	Старотитаровская	Темрюкский	станция	769	998	8,25
52.	Нефтегорск	Апшеронский	пгт	0	983	18,7
53.	Тихорецк	Тихорецкий	город	980	952	1,54
54.	Куцевская	Куцевский	станция	699	908	3,22
55.	Рассвет	Анапа	хутор	654	858	56,8
56.	Натухаевская	Новороссийск	станция	722	854	13,1
57.	Коноково	Успенский	село	790	835	10,6
58.	Заря	Анапа	хутор	745	829	70,2
59.	Раздольное	Сочи	село	786	793	35,4
60.	Ейск	Ейский	город	1088	773	9,02
61.	Прочноокопская	Новокубанский	станция	740	766	16,4
62.	Гулькевичи	Гулькевичский	город	0	752	2,13
63.	Старокорсунская	Краснодар	станция	664	748	6,12
64.	Попутная	Отраденский	станция	624	739	12,8
65.	Шаумян	Туапсинский	село	739	718	44,7
66.	Краевско-Армянское	Сочи	село	727	713	44,0
67.	Орел-Изумруд	Сочи	село	594	706	13,7
68.	Трудобеликовский	Красноармейский	хутор	629	695	7,4
69.	Шепси	Туапсинский	село	769	685	21,5
70.	Каневская	Каневский	станция	741	681	1,54
71.	Красная Поляна	Армавир	хутор	513	660	21,3
72.	Кроянское	Туапсинский	село	618	622	42,0
73.	Афипский	Северский	пгт	0	609	3,22
74.	Тверская	Апшеронский	станция	549	608	18,9
75.	Октябрьская	Крыловский	станция	549	599	5,33

76.	Волковка	Сочи	село	715	591	25,1
77.	Верхнеармянское Лоо	Сочи	село	559	583	91,0
78.	Верхнее Буу	Сочи	село	608	583	64,1
79.	Нижнее Учдере	Сочи	село	331	582	40,9
80.	Успенское	Успенский	село	593	581	4,68
81.	Старовеличковская	Калининский	станция	615	572	4,25
82.	Казачий Брод	Сочи	село	489	570	4,22
83.	Красная Воля	Сочи	село	553	564	56,9
84.	Глубокий	Новокубанский	пст	513	557	15,1
85.	Пластуновская	Динской	станция	432	540	5,26
86.	Медведовская	Тимашевский	станция	476	504	3,02
87.	Северская	Северский	станция	473	498	2,0
88.	Саратовская	Горячий Ключ	станция	373	494	8,71
89.	Витязево	Анапа	село	364	491	6,19
90.	Прикубанский	Новокубанский	пст	497	478	15,9
91.	Степной	Курганинский	пст	443	474	21,4
92.	Нововеличковская	Динской	станция	351	465	5,06
93.	Мессажай	Туапсинский	село	548	464	32,3
94.	Лермонтово	Туапсинский	село	398	463	41,1
95.	Владимирская	Лабинский	станция	459	459	6,36
96.	Советская	Новокубанский	станция	428	453	5,02
97.	Роговская	Тимашевский	станция	457	453	5,76
98.	Великовечное	Белореченский	село	429	442	7,64
99.	Садовый	Отраденский	хутор	408	423	33,7
100.	Верхнениколаевское	Сочи	село	490	420	41,3
101.	Ленинградская	Ленинградский	станция	462	419	1,15
102.	Дружный	Белореченский	пст	378	402	3,1
103.	Верхнеармянская Хобза	Сочи	село	399	402	70,8
104.	Ахтырский	Абинский	пгт	416	400	20,0
105.	Васюринская	Динской	станция	481	398	2,99
106.	Ольгинка	Туапсинский	село	375	394	17,5
107.	Отделение N 2 СКЗНИИСиВ	Краснодар	пст	314	393	16,3
108.	Полтавская	Красноармейский	станция	412	392	1,48
109.	Старомышастовская	Динской	станция	327	387	3,65
110.	Разбитый Котел	Сочи	село	361	385	71,3
111.	Кабардинская	Апшеронский	станция	321	379	15,7
112.	Волконка	Сочи	село	356	373	79,9
113.	Варениковская	Крымский	станция	303	370	2,49
114.	Воронежская	Усть-Лабинский	станция	269	366	4,27
115.	Фастовецкая	Тихорецкий	станция	400	364	4,26

116.	Хлебороб	Сочи	село	349	362	62,0
117.	Белая Глина	Белоглинский	село	384	359	2,08
118.	Пляхо	Туапсинский	село	396	356	29,7
119.	Нефтяная	Апшеронский	станция	315	355	20,4
120.	Варваровка	Анапа	село	316	352	17,8
121.	Николаенко	Апшеронский	хутор	380	352	34,4
122.	Калинина	Апшеронский	хутор	383	351	31,2
123.	Октябрьский	Туапсинский	пст	399	350	18,3
124.	Георгиевское	Туапсинский	село	377	333	20,7
125.	Пригородный	Туапсинский	пст	308	331	40,5
126.	Беранда	Сочи	село	321	330	74,0
127.	Тешебс	Геленджик	село	0	328	4,18
128.	Новопокровская	Новопокровский	станция	331	327	1,66
129.	Южный	Динской	пст	294	323	6,31
130.	Марьянская	Красноармейский	станция	281	319	3,0
131.	Пшехская	Белореченский	станция	243	315	6,22
132.	Детляжка	Сочи	село	355	310	6,04
133.	Дедеркой	Туапсинский	село	314	310	41,9
134.	Первая Синюха	Лабинский	хутор	311	308	18,0
135.	Родниковская	Курганинский	станция	330	306	3,68
136.	Староминская	Староминский	станция	281	304	1,02
137.	Семигорский	Новороссийск	хутор	296	296	18,6
138.	Темрюк	Темрюкский	город	0	296	0,79
139.	Ордынка	Сочи	село	276	293	71,8
140.	Горный	Новороссийск	хутор	19	285	4,2
141.	Мысхако	Новороссийск	село	274	284	3,65
142.	Крыловская	Крыловский	станция	316	282	0,21
143.	Васильевка	Сочи	село	224	281	63,7
144.	Каштаны	Сочи	село	262	273	41,1
145.	Дефановка	Туапсинский	село	375	270	14,5
146.	Гирей	Гулькевичский	пгт	0	267	4,05
147.	Ленина	Краснодар	хутор	281	267	3,61
148.	Долгогусевский	Белореченский	хутор	194	265	17,2
149.	Ильский	Северский	пгт	0	260	1,09
150.	Бжид	Туапсинский	село	296	259	45,0
151.	Холмская	Абинский	станция	209	254	1,45
152.	Бесскорбная	Новокубанский	станция	239	247	4,23
153.	Горское	Туапсинский	село	265	246	47,4
154.	Терновый	Белореченский	хутор	248	245	96,8
155.	Выселки	Выселковский	станция	233	245	1,26
156.	Ковалевское	Новокубанский	село	252	242	7,44
157.	Богушевка	Сочи	село	237	242	68,8
158.	Борисовка	Новороссийск	село	143	241	7,58

159.	Варваровка	Сочи	село	216	236	83,1
160.	Красная Горка	Апшеронский	хутор	231	235	42,5
161.	Павловская	Павловский	станица	219	234	0,75
162.	Переясловская	Брюховецкий	станица	273	233	2,76
163.	Новодмитриевская	Северский	станица	175	231	4,41
164.	Гойтх	Туапсинский	село	335	231	51,6
165.	Гусаровское	Отраденский	село	117	227	15,4
166.	Победа	Новороссийск	хутор	228	226	87,9
167.	Кирпильская	Усть-Лабинский	станица	168	225	4,06
168.	Красный Октябрь	Крымский	хутор	199	219	76,0
169.	Кавказская	Кавказский	станица	167	218	1,96
170.	Галицыно	Сочи	село	202	216	21,7
171.	Платнировская	Кореновский	станица	195	215	1,79
172.	Гайдук	Новороссийск	село	187	215	2,87
173.	Петропавловская	Курганинский	станица	166	213	3,19
174.	Мостовской	Мостовский	пгт	0	207	0,83
175.	Новые Поляны	Апшеронский	пст	193	205	8,87
176.	Сукко	Анапа	село	177	202	6,39
177.	Смоленская	Северский	станица	205	202	2,66
178.	Старонижестеблиевская	Красноармейский	станица	174	201	1,97
179.	Кочергин	Курганинский	хутор	194	200	54,8
180.	Раздольное	Кущевский	село	150	199	18,3
181.	Молькин	Горячий Ключ	хутор	100	192	8,27
182.	Малько	Апшеронский	хутор	193	189	56,8
183.	Индюк	Туапсинский	село	200	189	22,5
184.	Вардане-Верино	Сочи	село	181	187	63,0
185.	Илларионовка	Сочи	село	186	187	42,2
186.	Тарусин	Анапа	хутор	170	185	47,8
187.	Новоджерелиевская	Брюховецкий	станица	174	184	3,66
188.	Русская Мамайка	Сочи	село	202	181	44,8
189.	Марьина Роща	Геленджик	село	21	179	2,37
190.	Ермоловка	Сочи	село	214	178	48,1
191.	Вольное	Успенский	село	162	176	5,02
192.	Константиновская	Курганинский	станица	178	169	4,68
193.	Зубова Щель	Сочи	село	238	169	67,9
194.	Стрелка	Темрюкский	пст	228	168	3,38
195.	Красная Батарея	Крымский	хутор	156	167	20,5
196.	Безымянное	Горячий Ключ	село	168	166	18,9
197.	Юровка	Анапа	село	157	164	4,64
198.	Алексеевская	Тихорецкий	станица	141	163	4,86
199.	Ярославская	Мостовский	станица	143	162	2,98
200.	Березовый	Краснодар	пст	169	158	2,34

201.	Спокойная	Отраденский	станция	148	158	2,90
202.	Терзиян	Туапсинский	хутор	211	157	77,0
203.	Спасов	Апшеронский	хутор	130	156	43,8
204.	Новомышастовская	Красноармейский	станция	151	156	1,56
205.	Лобова Балка	Крыловский	хутор	160	156	52,2
206.	Брюховецкая	Брюховецкий	станция	148	154	0,7
207.	Новый Мир	Новопокровский	хутор	171	154	85,1
207.	Отрадо-Ольгинское	Гулькевичский	село	188	152	4,28
208.	Новокорсунская	Тимашевский	станция	139	152	3,07
209.	Новорождественская	Тихорецкий	станция	173	151	2,33
210.	Андреевская	Калининский	станция	138	150	8,60
211.	Майкопское	Гулькевичский	село	190	149	3,63
212.	Альтмец	Сочи	село	195	147	75,8
213.	Верхнеякорная Щель	Сочи	село	157	147	55,9
214.	Восточная	Усть-Лабинский	станция	178	147	0,71
215.	Троицкая	Крымский	станция	152	146	2,15
216.	Дружелюбный	Краснодар	пст	0	144	3,01
217.	Михайловская	Курганинский	станция	141	144	1,75
218.	Калиновое Озеро	Сочи	село	159	142	19,1
219.	Новолеушковская	Павловский	станция	142	141	2,20
220.	Приморско-Ахтарск		город	0	141	4,40
221.	Темижбекская	Кавказский	станция	145	139	2,40
222.	Родники	Белореченский	пст	109	138	4,26
223.	Небуг	Туапсинский	село	157	136	3,43
224.	Новоукраинское	Гулькевичский	село	135	134	2,32
225.	Изобильное	Отраденский	село	114	134	28,1
225.	Новомалороссийская	Выселковский	станция	130	132	2,37
226.	Радищево	Новокубанский	село	92	130	16,0
227.	Куринская	Апшеронский	станция	112	127	6,68
228.	Ляпино	Новокубанский	хутор	120	127	8,90
229.	Верхнее Учдере	Сочи	село	148	127	6,9
230.	Новодеревянковская	Каневский	станция	120	126	1,85
231.	Кривенковское	Туапсинский	село	114	125	4,79
232.	Адагум	Крымский	хутор	94	124	4,40
233.	Шкуринская	Куцевский	станция	92	123	2,71
234.	Дмитриевская	Кавказский	станция	45	122	3,46
235.	Дядьковская	Кореновский	станция	150	122	2,79
236.	Новоминская	Каневский	станция	124	120	1,00
237.	Павловский	Крымский	хутор	137	120	11,0
238.	Унароково	Мостовский	село	131	119	5,91
239.	Горькая Балка	Новопокровский	село	90	118	5,28
240.	Красная Поляна	Сочи	пгт	0	118	2,58
241.	Молодежный	Белореченский	пст	147	117	6,38

242.	Широчанка	Ейский	пст	105	116	1,92
243.	Октябрьский	Ленинградский	пст	108	115	4,58
244.	Гунайка Четвертая	Туапсинский	село	144	115	67,6
245.	Садовое	Туапсинский	село	145	115	22,5
246.	Гостагаевская	Анапа	станция	97	112	1,15
247.	Челбасская	Каневский	станция	96	112	16,2
248.	Молдаванское	Крымский	село	93	112	3,41
249.	Новосельское	Новокубанский	село	92	112	8,75
250.	Бестужевское	Сочи	село	134	112	39,0
251.	Светлая Заря	Курганинский	хутор	110	111	9,96
252.	Анастасиевская	Славянский	станция	123	111	1,05
253.	Староцербиновская	Щербиновский	станция	154	110	0,61
254.	Калининская	Калининский	станция	126	109	0,81
255.	Крутой	Тихорецкий	пст	114	109	13,5
256.	Марьино	Успенский	село	115	109	5,07
257.	Кирпичное	Туапсинский	село	96	108	9,12
258.	Березанская	Выселковский	станция	110	107	15,4
259.	Курчанская	Темрюкский	станция	115	107	1,62
260.	Пластунка	Сочи	село	58	106	4,25
261.	Каткова Щель	Сочи	село	96	104	61,2
262.	Воронцовка	Ейский	село	97	101	4,61
263.	Малотенгинская	Отрадненский	станция	86	101	6,42
264.	Сенной	Темрюкский	пст	78	100	2,68
265.	Горный	Туапсинский	пст	106	100	9,64

Ставропольский край

(армянское население 30 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
1.	Пятигорск		город	27217	18851	13,4
2.	Ставрополь		город	14899	17540	4,51
3.	Кисловодск		город	14754	11713	9,14
4.	Георгиевск		город	7487	8305	11,6
5.	Горячеводский		поселок	6105	6679	18,1
6.	Минеральные воды		город	5697	6669	8,7
7.	Эдиссия	Курский	село	5339	5376	92,6
8.	Михайловск	Шпаковский	город	0	4761	6,71
9.	Буденновск	Буденновский	город	1806	4585	7,37
10.	Незлобная	Георгиевский	станция	3435	4343	22,3

11.	Ессентуки	Ессентуки	город	4381	3624	3,59
12.	Лысогорская	Георгиевский	станция	2637	3372	30,2
13.	Свободы	Пятигорск	поселок	0	3321	18,4
14.	Иноземцево	Железноводск	поселок	2265	2603	9,35
15.	Краснокумское	Георгиевский	село	1942	2357	15,6
16.	Невинномысск	Невинномысск	город	2330	2161	1,84
17.	Юца	Предгорный	село	1403	1751	18,8
18.	Курская	Курский	станция	1468	1718	14,3
19.	Надежда	Шпаковский	село	995	1436	13,6
20.	Новопавловск	Кировский	город	1118	1397	5,27
21.	Суворовская	Предгорный	станция	1060	1318	7,50
22.	Константиновская	Пятигорск	станция	1060	1317	15,3
23.	Старомарьевка	Грачевский	село	1061	1295	21,4
24.	Курсавка	Андроповский	село	1065	1208	10,2
25.	Благодарный	Благодарненский	город	1327	1182	3,63
25.	Изобильный	Изобильненский	город	1223	1166	2,95
27.	Александрийская	Георгиевский	станция	885	1026	10,5
28.	Этока	Предгорный	село	1114	980	34,4
29.	Новоалександровск	Новоалександ- ровский	город	0	961	3,60
30.	Донское	Труновский	село	860	945	6,33
31.	Зеленокумск	Советский	город	0	906	2,67
32.	Подгорная	Георгиевский	станция	719	892	15,2
33.	Заветное	Кочубеевский	село	604	826	20,6
34.	Прасковья	Буденновский	село	848	825	7,57
35.	Григорополисская	Новоалекс-овский	станция	664	758	8,51
36.	Ессентукская	Предгорный	станция	754	744	3,69
37.	Александровское	Александровский	село	649	658	2,40
38.	Гражданское	Минераловодский	село	469	609	19,5
39.	Винсады	Предгорный	село	494	609	6,88
40.	Железноводск	Железноводск	город	2837	596	2,44
41.	Пятигорский	Предгорный	пст	508	572	11,6
42.	Кугульта	Грачевский	село	377	538	9,66
43.	Нижнеподкумский	Пятигорск	поселок	419	524	22,7
44.	Георгиевская	Георгиевский	станция	466	521	8,42
45.	Марьинская	Кировский	станция	503	520	5,73
46.	Спицевка	Грачевский	село	424	512	14,7
47.	Орбельяновка	Минераловодский	село	394	483	29,8
48.	Нефтекумск	Нефтекумский	город	472	470	1,77
49.	Кочубеевское	Кочубеевский	село	469	464	1,97
50.	Грачевка	Грачевский	село	390	450	6,76
51.	Труновское	Труновский	село	317	447	7,30
52.	Лермонтов	Лермонтов	город	476	427	1,90

53.	Светлоград	Петровский	город	0	427	1,12
54.	Московское	Изобильненский	село	327	425	7,62
55.	Новый	Георгиевский	пст	349	424	14,2
56.	Джуца	Предгорный	пст	144	369	33,7
57.	Темижбекский	Новоалекс-овский	пст	368	349	9,08
58.	Красногвардейское	Красногвардей-ский	село	368	347	2,19
59.	Стародубское	Буденновский	село	322	344	7,87
60.	Верхнерусское	Шпаковский	село	338	342	6,56
61.	Темнолесская	Шпаковский	станция	276	339	13,2
62.	Зольская	Кировский	станция	291	337	3,61
63.	Рыздвяный	Изобильненский	пгт	304	327	4,24
64.	Солуно-Дмитриевское	Андроповский	село	324	303	9,63
65.	Садовое	Предгорный	село	247	302	18,5
66.	Спорный	Изобильненский	хутор	200	293	19,1
67.	Новоселицкое	Новоселицкий	село	278	290	3,32
68.	Безопасное	Труновский	село	244	278	4,21
69.	Покойное	Буденновский	село	292	276	3,08
70.	Солдато-Александровское	Советский	село	383	271	2,85
71.	Пелагиада	Шпаковский	село	238	268	3,93
72.	Прикумское	Минераловодский	село	202	265	14,4
73.	Чернолесское	Новоселицкий	село	201	243	4,38
74.	Новозаведенное	Георгиевский	село	302	238	4,63
75.	Ленинский	Минераловодский	пст	196	238	13,6
76.	Бешпагир	Грачевский	село	215	237	6,03
77.	Татарка	Шпаковский	село	201	237	3,77
78.	Первомайский	Минераловодский	пст	211	234	5,85
79.	Нагутское	Минераловодский	село	216	227	7,28
80.	Красное	Грачевский	село	185	226	9,91
81.	Дунаевка	Минераловодский	село	176	225	30,6
82.	Марьины Колодцы	Минераловодский	село	179	210	9,57
83.	Богдановка	Степновский	село	219	203	14,4
84.	Тугулук	Грачевский	село	174	202	9,20
85.	Рождественская	Изобильненский	станция	192	199	7,06
86.	Арзгир	Арзгирский	село	199	196	1,34
87.	Ивановское	Кочубеевский	село	182	192	2,55
88.	Побегайловка	Минераловодский	село	184	188	7,74
89.	Советская	Кировский	станция	169	174	21,8
90.	Гофицкое	Петровский	село	188	174	3,41
91.	Аликоновка	Кисловодск	поселок	182	162	12,5
92.	Дубовка	Шпаковский	село	146	160	9,55

93.	Дивное	Апанасенковский	село	197	159	11,4
94.	Сунжа	Минераловодский	село	130	157	21,0
95.	Долина	Минераловодский	село	128	155	33,5
96.	Анджиевский	Минераловодский	поселок	163	153	2,29
97.	Степное	Степновский	село	130	149	2,66
98.	Шаумянский	Георгиевский	пст	155	147	4,71
99.	Змейка	Минераловодский	пст	117	143	5,81
100.	Бородыновка	Минераловодский	пст	139	143	5,61
101.	Обильное	Георгиевский	село	120	132	20,2
102.	Журавское	Новоселицкий	село	137	131	4,41
103.	Овощи	Туркменский	село	117	130	5,49
104.	Фазанный	Кировский	пст	75	123	8,40
105.	Комсомолец	Кировский	пст	122	123	3,93
106.	Средний Подкумок	Пятигорск	поселок	80	120	8,61
107.	Хорошовский	Предгорный	хутор	62	109	16,2
108.	Новоблагодарное	Предгорный	село	62	108	3,30
109.	Новая Пролетарка	Предгорный	хутор	68	105	12,4
110.	Греческое	Минераловодский	село	89	103	9,54
111.	Орловка	Буденновский	село	13	101	3,02
112.	Еруслановка	Минераловодский	село	94	101	40,2
113.	Загорский	Минераловодский	пст	74	101	6,49
114.	Золотушка	Пятигорск	село	52	101	12,6
115.	Красный Пахарь	Минераловодский	хутор	84	100	3,25
116.	Куршава	Андроповский	село	107	99	6,14
117.	Ладовская Балка	Красногвардейский	село	101	99	2,09
118.	Каясула	Нефтекумский	село	133	99	1,98
119.	Демино	Шпаковский	хутор	178	99	3,61
120.	Радуга	Новоалекс-овский	пст	78	96	1,66
121.	Зеленогорский	Кисловодск	поселок	97	95	6,46
122.	Новотерский	Минераловодский	пст	91	91	4,97
123.	Левокумское	Левокумский	село	125	89	0,87
124.	Ипатово	Ипатовский	город	0	87	0,34
125.	Донская Балка	Петровский	село	69	84	3,93
126.	Балтийский	Курский	пст	83	83	5,09
127.	Русское	Курский	село	66	82	1,75
128.	Спасское	Благодарненский	село	110	81	3,27
129.	Балахоновское	Кочубеевский	село	64	80	1,99
130.	Саблинское	Александровский	село	56	79	2,70
131.	Казьминское	Кочубеевский	село	73	79	1,39
132.	Архангельское	Буденновский	село	98	76	1,56
133.	Нижняя Александровка	Минераловодский	село	50	75	4,90

134.	Расшеватская	Новоалекс-овский	станция	75	75	1,41
135.	Летняя Ставка	Туркменский	село	78	75	1,68
136.	Крымгиреевское	Андроповский	село	65	74	3,74
137.	Новоульяновский	Георгиевский	пст	107	74	3,7
138.	Подкумок	Предгорный	пст	101	74	2,14
139.	Краснозоринский	Новоалекс-овский	пст	75	73	5,51
140.	Ульяновка	Минераловодский	село	58	72	3,82
141.	Красночервонный	Новоалекс-овский	хутор	62	72	4,31
142.	Золотаревка	Ипатовский	село	63	71	5,50
143.	Лиманный	Новоалекс-овский	пст	44	68	22,8
144.	Шишкино	Благодарненский	село	60	67	4.41
145.	Преградное	Красногвардей-ский	село	85	67	2,07
146.	Бекешевская	Предгорный	станция	75	64	2,06
147.	Новомарьевская	Шпаковский	станция	49	64	2,42
148.	Суркуль	Андроповский	село	59	63	4,92
149.	Нагорный	Грачевский	хутор	43	63	22,7
150.	Рассвет	Новоалекс-овский	пст	67	63	12,0
151.	Благодатное	Петровский	село	48	61	1,19
152.	Подлужное	Изобильненский	село	61	59	2,69
153.	Тищенское	Изобильненский	село	49	59	1,79
154.	Солнечнодольск	Изобильненский	пгт	81	59	0,49
155.	Елизаветинское	Благодарненский	село	50	58	1,84
156.	Терек	Буденновский	пст	37	58	3,15
157.	Воровсколеская	Андроповский	станция	71	56	3,04
158.	Верхнетамбуканский	Предгорный	пст	53	56	11,6
159.	Санамер	Предгорный	пст	47	56	2,10
160.	Усть-Невинский	Кочубеевский	хутор	36	54	6,85
161.	Привольный	Курский	хутор	64	54	7,47
162.	Острогорка	Лермонтов	село	50	53	2,45
163.	Новая Кугульта	Труновский	село	60	53	6,71
164.	Барсуковская	Кочубеевский	станция	81	51	1,09
165.	Андреевский	Кочубеевский	хутор	47	49	12,2
166.	Перевальный	Минераловодский	хутор	80	49	4,62
167.	Ясная Поляна	Предгорный	пст	43	48	9,52
168.	Николина Балка	Петровский	село	41	47	17,7
169.	Казинка	Шпаковский	село	39	47	2,17
170.	Верхняя Кугульта	Грачевский	пст	35	46	5,18
171.	Свободный Труд	Минераловодский	хутор	41	46	13,2
172.	Шведино	Петровский	село	26	46	2,25
173.	Малые Ягуры	Туркменский	село	28	46	2,35
174.	Садовое	Арзгирский	село	56	45	2,85
175.	Старопавловская	Кировский	станция	35	44	1,53

176.	Луначарский	Кисловодск	поселок	22	44	4,12
177.	Новомихайловское	Красногвардейский	село	48	44	2,18
178.	Отказное	Советский	село	46	44	1,46
179.	Иргаклы	Степновский	село	48	44	1,11
180.	Дыдымкин	Курский	хутор	52	43	4,33
181.	Бурлацкое	Благодарненский	село	70	42	1,28
182.	Передовой	Изобильненский	пст	54	42	1,48
183.	Барсуковский	Кочубеевский	хутор	28	42	1,13
184.	Затеречный	Нефтекумский	пст	71	42	0,55
185.	Андреевский	Советский	хутор	56	42	4,92
186.	Крутобалковский	Новоалекс-овский	пст	39	41	14,8
187.	Сухоозерный	Предгорный	хутор	0	41	36,6
188.	Боргустанская	Предгорный	станица	48	41	1,02
189.	Балковский	Георгиевский	пст	34	40	3,60
190.	Новая Деревня	Курский	хутор	52	40	4,91
191.	Камбулат	Туркменский	село	29	40	1,74
192.	Вязники	Шпаковский	хутор	32	40	8,32
193.	Архиповское	Буденновский	село	39	39	4,18
194.	Камышовый	Кировский	пст	25	39	25,7
195.	Родниковый	Предгорный	пст	36	39	11,2
196.	Железноводский	Предгорный	пст	62	38	2,22
197.	Нежинский	Предгорный	пст	42	38	1,04
198.	Птичье	Изобильненский	село	29	37	0,73
199.	Правокумское	Левокумский	село	43	37	0,83
200.	Соломенское	Степновский	село	72	37	1,42
201.	Петровский	Кочубеевский	хутор	20	36	8,82
202.	Галицино	Кочубеевский	село	29	35	9,66
203.	Привольное	Пятигорск	село	10	35	8,10
204.	Ташла	Шпаковский	хутор	16	35	8,88
205.	Базовый	Грачевский	хутор	12	34	5,32
206.	Староизобильная	Изобильненский	станица	45	34	1,37
207.	Горнозаводское	Кировский	село	38	33	1,14
207.	Фельдмаршальский	Новоалекс-овский	хутор	48	33	3,79
208.	Сенгилеевское	Шпаковский	село	28	33	1,27
209.	Сергиевское	Грачевский	село	48	32	1,31
210.	Новотроицкая	Изобильненский	станица	42	32	0,41
211.	Краснодарский	Новоалекс-овский	хутор	8	32	7,39
212.	Равнинный	Новоалекс-овский	пст	25	32	3,58
213.	Светлый	Новоалекс-овский	пст	24	32	2,68
214.	Вознесенский	Петровский	хутор	28	32	25,6
215.	Степной	Кочубеевский	хутор	29	31	10,7
216.	Ростовановское	Курский	село	43	31	1,73

217.	Гремучий	Благодарненский	хутор	6	30	14,6
218.	Константиновское	Петровский	село	32	30	0,61

Волгоградская область

(армянское население 20 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
1.	Волгоград	Волгоград	город	14931	15055	1,49
2.	Волжский	Волжский	город	2505	2517	0,81
3.	Камышин	Камышин	город	787	695	0,59
4.	Городище	Городищенский	пгт	0	634	2,97
5.	Фролово	Фролово	город	419	428	1,13
6.	Михайловка	Михайловка	город	432	309	0,53
7.	Средняя Ахтуба	Среднеахт.-нский	пгт	243	277	1,92
8.	Краснослободск	Среднеахт.-нский	город	0	245	1,53
9.	Кумылженская	Кумылженский	станция	205	223	2,81
10.	Ерзовка	Городищенский	пгт	0	211	3,44
11.	Быково	Быковский	пгт	0	188	2,44
12.	Котово	Котовский	город	185	168	0,70
13.	Иловля	Иловлинский	пгт	0	152	1,35
14.	Новоаннинский	Новоаннинский	город	0	149	0,83
15.	Дубовка	Дубовский	город	181	141	0,99
16.	Жирновск	Жирновский	город	166	141	0,84
17.	Котельниково	Котельниковский	город	174	140	0,69
18.	Суровикино	Суровикинский	город	149	130	0,69
19.	Ольховка	Ольховский	село	81	127	2,35
20.	Краснооктябрьский	Волжский	поселок	68	119	0,93
21.	Ленинск	Ленинский	город	101	117	0,87
22.	Нехаевская	Нехаевский	станция	34	114	2,44
23.	Елань	Еланский	пгт	0	101	0,68
24.	Карповка	Городищенский	село	54	97	6,10
25.	Светлый Яр	Светлоярский	пгт	0	93	0,74
25.	Приволжский	Светлоярский	пст	44	89	0,73
27.	Горный Балыклей	Дубовский	село	50	81	3,05
28.	Октябрьский	Октябрьский	рб	61	81	1,32
29.	Калач-на-Дону	Калачевский	город	0	75	0,29
30.	Алексеевская	Алексеевский	станция	89	71	1,69
31.	Урюпинск	Урюпинск	город	85	71	0,17
32.	Петров Вал	Камышинский	город	0	69	0,52

33.	Серафимович	Серафим.-чский	город	67	64	0,69
34.	Новый Рогачик	Городищенский	пгт	0	61	0,88
35.	Новинка	Жирновский	село	47	59	12,7
36.	Новониколаевский	Новониколаев-ский	пгт	0	59	0,59
37.	Рудня	Руднянский	пгт	0	59	0,81
38.	Зимняцкий	Серафим.-чский	хутор	49	59	3,22
39.	Линево	Жирновский	пгт	45	57	9,44
40.	Аржановская	Алексеевский	станция	21	55	7,14
41.	Бережновка	Николаевский	село	50	54	3,29
42.	Кирова	Светлоярский	пст	35	53	2,02
43.	Даниловка	Даниловский	пгт	49	52	9,85
44.	Мариновка	Калачевский	село	49	52	6,05
45.	Старая Полтавка	Старополтавский	село	30	52	12,7
46.	Нижняя Добринка	Жирновский	село	58	49	3,30
47.	Песковатка	Дубовский	село	36	48	3,72
48.	Умет	Камышинский	село	27	47	3,76
49.	Большие Чапурники	Светлоярский	село	44	47	1,45
50.	Шуруповский	Фроловский	хутор	46	46	4,95
51.	Пичуга	Дубовский	село	32	45	3,33
52.	Александровка	Иловлинский	село	37	44	5,15
53.	Заплавное	Ленинский	село	46	44	1,21
54.	Лог	Иловлинский	село	0	42	1,12
55.	Медведицкий	Жирновский	пгт	36	40	3,08
56.	Грязнуха	Камышинский	хутор	7	40	50,6
57.	Николаевск	Николаевский	город	85	40	0,27
58.	Безымянка	Михайловский	хутор	23	39	2,28
59.	Орловка	Городищенский	село	8	38	2,48
60.	Преображенская	Киквидзенский	станция	41	38	0,69
61.	Давыдовка	Дубовский	село	9	37	5,03
62.	Лозное	Дубовский	село	31	37	2,72
63.	Лапшинская	Котовский	станция	0	36	4,58
64.	Царицын	Городищенский	пст	16	35	3,30
65.	Кузьмичи	Городищенский	пст	24	35	1,49
66.	Водино	Октябрьский	село	46	35	23,5
67.	Клиновка	Ольховский	село	0	35	13,5
68.	Ильмень	Руднянский	село	17	34	2,93
69.	Чернышковский	Чернышковский	пгт	0	34	6,29
70.	Березовская	Даниловский	станция	31	33	1,88
71.	Дубовый Овраг	Светлоярский	село	28	33	1,58
72.	Верхние Липки	Фроловский	хутор	34	33	6,07
73.	Красный Пахарь	Городищенский	хутор	29	31	5,6
74.	Солдатско-Степное	Быковский	село	21	30	3,22

Астраханская область

(армянское население 10 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
1.	Астрахань	Астрахань	город	4592	4114	0,80
2.	Харабали	Харабалинский	город	0	238	1,31
3.	Ахтубинск	Ахтубинский	город	237	161	0,39
4.	Камызяк	Камызякский	город	69	84	0,54
5.	Черный Яр	Черноярский	село	75	66	0,85
6.	Началово	Приволжский	село	46	53	0,97
7.	Енотаевка	Енотаевский	село	43	49	0,64
8.	Успенка	Ахтубинский	село	32	43	0,44
9.	Икрыное	Икрянинский	село	47	42	0,42
10.	Нариманов	Наримановский	город	37	42	0,40
11.	Евпраксино	Приволжский	село	17	33	2,39
12.	Яксатово	Приволжский	село	15	29	0,81
13.	Кирпичного Завода	Приволжский	пст	17	28	0,94
14.	Осыпной Бугор	Приволжский	село	27	26	0,79
15.	Три Протока	Приволжский	село	20	25	0,97
16.	Лиман	Лиманский	пст	0	24	0,27
17.	Оранжереи	Икрянинский	село	31	23	0,52
18.	Токарев	Ахтубинский	хутор	0	22	0,39
19.	Красный Яр	Красноярский	село	14	22	1,86
20.	Никольское	Енотаевский	село	8	21	0,40
21.	Лесное	Лиманский	село	22	19	0,90
22.	Волго-Каспийский	Камызякский	пгт	14	17	0,66
23.	Трусово	Наримановский	пст	9	17	1,06
24.	Аксарайский	Красноярский	пст	80	15	1,22
25.	Старокучергановка	Наримановский	село	11	15	2,48
25.	Карагали	Приволжский	село	11	15	0,62
27.	Красные Баррикады	Икрянинский	пгт	22	14	0,22
28.	Солянка	Наримановский	село	23	14	0,37
29.	Новоурусовка	Красноярский	село	11	13	1,13
30.	Тинаки	Наримановский	пст	0	12	2,63
31.	Ушаковка	Черноярский	село	17	12	0,77
32.	Белячий	Красноярский	пст	5	11	2,91
33.	Ашулук	Харабалинский	пст	0	11	0,80

34.	Ильинка	Икрянинский	пгт	0	10	0,22
35.	Пригородный	Наримановский	пст	0	10	1,21

Адыгея

(армянское население 30 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
1.	Майкоп	Майкоп	город	5060	4039	2,84
2.	Северо-Восточные Сады	Майкопский	хутор	1373	1442	42,5
3.	Тулский	Майкопский	пгт	0	1330	12,4
4.	Яблоновский	Тахтамукайский	пгт	0	1214	4,64
5.	Пролетарский	Майкопский	хутор	698	726	70,5
6.	Цветочный	Майкопский	пст	620	625	44,7
7.	Дондуковская	Гиагинский	станция	429	530	8,03
8.	Кужорская	Майкопский	станция	333	347	9,83
9.	Энем	Тахтамукайский	пгт	0	339	1,89
10.	Гиагинская	Гиагинский	станция	320	321	2,28
11.	Веселый	Майкоп	хутор	14	285	2,53
12.	Вольное	Кошехабльский	село	236	213	5,79
13.	Красногвардейское	Красногв.-ский	село	171	192	2,03
14.	Абадзехская	Майкопский	станция	220	189	5,25
15.	Шаумян	Майкопский	хутор	175	180	45,9
16.	Грозный	Майкопский	хутор	114	155	37,7
17.	Гавердовский	Майкоп	хутор	82	133	3,67
18.	Келермесская	Гиагинский	станция	75	118	4,29
19.	Натырбово	Кошехабльский	село	107	115	3,90
20.	17 Лет Октября	Майкопский	хутор	79	95	54,0
21.	Причтовский	Майкопский	хутор	110	94	24,6
22.	Кошехабль	Кошехабльский	аул	84	93	1,29
23.	Краснооктябрьский	Майкопский	пст	85	93	1,66
24.	Новый	Тахтамукайский	пст	22	84	4,42
25.	Игнатьевский	Кошехабльский	хутор	101	81	8,11
25.	Новая Адыгея	Тахтамукайский	пст	30	81	3,95
27.	Первомайский	Майкопский	пст	90	79	6,18
28.	Еленовское	Красногв.-ский	село	80	77	2,96
29.	Козет	Тахтамукайский	аул	77	77	4,35
30.	Табачный	Майкопский	пст	48	74	4,20
31.	Тахтамукай	Тахтамукайский	аул	60	74	1,42
32.	Адыгейск	Адыгейск	город	62	72	5,89

33.	Белое	Красногв.-ский	село	66	70	2,40
34.	Шевченко	Теучежский	хутор	68	68	11,0
35.	Бжедугхабль	Красногв.-ский	аул	61	65	7,23
36.	Северный	Майкоп	поселок	52	65	5,05
37.	Шунтук	Майкопский	хутор	45	64	7,50
38.	Совхозный	Майкопский	пст	44	64	4,62
39.	Дьяков	Майкопский	хутор	43	59	4,37
40.	Советский	Майкопский	хутор	46	57	11,9
41.	Удобный	Майкопский	пст	29	52	3,93
42.	Каменноостский	Майкопский	пст	0	52	0,72
43.	Курджипская	Майкопский	станция	24	50	9,42
44.	Новый	Гиагинский	пст	51	49	3,63
45.	Глюстенхабль	Теучежский	пгт	0	45	1,24
46.	Гончарка	Гиагинский	пст	31	42	2,73
47.	Нижний Айрюм	Гиагинский	село	35	38	13,6
48.	Западный	Майкоп	поселок	0	37	11,7
49.	Образцовое	Гиагинский	село	25	34	9,94
50.	Победа	Майкопский	пст	16	34	3,72
51.	Новый Сад	Тахтамукайский	хутор	25	33	3,64
52.	Большесидоровское	Красногв.-ский	село	46	32	2,13
53.	Казенно-Кужорский	Кошехабльский	хутор	44	31	3,87

Северная Осетия

(армянское население 10 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
1.	Владикавказ	Владикавказ	город	12364	11290	3,72
2.	Моздок	Моздокский	город	2592	2338	6,38
3.	Беслан	Правобережный	город	383	471	1,28
4.	Ардон	Ардонский	город	227	255	1,36
5.	Заводской	Владикавказ	поселок	227	253	1,51
6.	Луковская	Моздокский	станция	201	199	3,81
7.	Алагир	Алагирский	город	160	131	0,63
8.	Октябрьское	Пригородный	село	91	111	1,07
9.	Михайловское	Пригородный	село	101	94	1,02
10.	Камбилеевское	Пригородный	село	44	88	1,17
11.	Архонская	Пригородный	станция	55	72	0,88
12.	Сунжа	Пригородный	село	62	62	0,53
13.	Павлодольская	Моздокский	станция	41	46	0,84
14.	Эльхотово	Кировский	село	72	42	0,33

15.	Троицкое	Моздокский	село	26	39	1,05
16.	Гизель	Пригородный	село	26	37	0,47
17.	Ногир	Пригородный	село	30	27	0,24
18.	Терская	Моздокский	станция	36	25	0,93
19.	Кадгарон	Ардонский	село	11	24	0,78
20.	Дзуарикау	Алагирский	село	14	23	1,35
21.	Чикола	Ирафский	село	15	22	3,13
22.	Дигора	Дигорский	город	23	20	0,18
23.	Верхняя Саниба	Пригородный	село	7	20	1,11
24.	Ир	Пригородный	село	27	18	0,53
25.	Балта	Владикавказ	село	14	17	1,83
25.	Новый Батако	Правобережный	село	10	16	0,53
27.	Нарт	Ардонский	село	0	15	1,17
28.	Мичурино	Ардонский	село	11	14	0,90
29.	Притеречный	Моздокский	пст	15	13	0,76
30.	Виноградное	Моздокский	село	16	12	0,51
31.	Бурон	Алагирский	пст	10	11	2,08

Кабардино-Балкария

(армянское население 10 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
1.	Прохладный	Прохладный	город	2103	2142	0,9
2.	Нальчик	Нальчик	город	2047	1810	0,31
3.	Майский	Майский	город	0	179	0,67
4.	Тырныауз	Эльбрусский	город	93	102	0,49
5.	Нарткала	Урванский	город	118	84	0,26
6.	Ново-Покровский	Прохладненский	хутор	67	82	0,75
7.	Баксан	Баксан	город	120	73	0,2
8.	Прималкинское	Прохладненский	село	62	58	1,25
9.	Солдатская	Прохладненский	станция	51	41	0,95
10.	Красносельское	Прохладненский	село	32	28	2,21
11.	Приближная	Прохладненский	станция	17	24	1,30
12.	Терек	Терский	город	36	24	0,12
13.	Ново-Осетинский	Прохладненский	хутор	18	23	4,47
14.	Лесное	Прохладненский	село	40	23	2,70
15.	Пролетарское	Прохладненский	село	17	21	0,88
16.	Чегем	Чегемский	город	8	19	0,11
17.	Екатериноградская	Прохладненский	станция	19	15	0,41
18.	Шалушка	Чегемский	село	9	15	0,13

19.	Александровский	Прохладненский	хутор	8	11	4,0
20.	Ново-Ивановское	Майский	село	7	10	0,43
21.	Кенже	Нальчик	село	9	10	0,10
22.	Цораевский	Прохладненский	хутор	0	10	8,06

Дагестан

(армянское население 10 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
1.	Махачкала	Махачкала	город	1692	1453	0,25
2.	Дербент	Дербент	город	1528	1365	1,15
3.	Кизляр	Кизляр	город	1185	1003	0,21
4.	Карабаглы	Тарумовский	село	421	304	0,43
5.	Каспийск	Каспийск	город	152	170	0,017
6.	Ботлих	Ботлихский	село	0	53	0,49
7.	Хасавюрт	Хасавюрт	город	48	42	0,03
8.	Избербаш	Избербаш	город	72	41	0,07
9.	Тарумовка	Тарумовский	село	56	40	0,74
10.	Комсомольский	Кизляр	поселок	23	39	1,44
11.	Буйнакск	Буйнакск	город	37	33	0,06
12.	Хазар	Дербентский	село	17	25	0,52
13.	Альбурикент	Махачкала	поселок	19	25	0,20
14.	Кизилюрт	Кизилюрт	город	43	24	0,07
15.	им Жданова	Кизлярский	село	11	19	0,96
16.	им К.Маркса	Кизлярский	село	12	18	0,82
17.	Хунзах	Хунзахский	село	0	13	0,31
18.	им Кирова	Кизлярский	село	21	12	1,77
19.	Южное	Кизлярский	село	12	12	0,67
20.	Керликент	Кизлярский	село	7	10	5,10

Калмыкия

(армянское население 10 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
1.	Элиста	Элиста	город	344	282	0,28
2.	Городовиковск	Городовиковский	город	107	104	1,09

3.	Соленое	Яшалтинский	село	79	49	2,82
4.	Приютное	Приютненский	село	25	44	0,74
5.	Березовское	Яшалтинский	село	24	40	4,24
6.	Эсто-Алтай	Яшалтинский	пст	30	37	2,73
7.	Троицкое	Целинный	село	26	35	0,29
8.	Яшалта	Яшалтинский	село	20	27	0,57
9.	Садовое	Сарпинский	село	39	23	0,35
10.	Розенталь	Городовиковский	село	11	21	3,64
11.	Салын	Элиста	пст	8	20	7,72
12.	Лагань	Лаганский	город	9	19	0,13
13.	Большой Царын	Октябрьский	пст	16	19	0,35
14.	Малые Дербеты	Малодербетовский	село	0	15	0,23
15.	Ики-Бурул	Ики-Бурульский	пст	16	12	0,30

Карачаево-Черкесия

(армянское население 10 и более человек в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
1.	Черкесск		город	2058	1688	1,31
2.	Карачаевск		город	232	163	0,76
3.	Дружба	Прикубанский	село	170	138	4,07
4.	Зеленчукская	Зеленчукский	станица	149	114	0,59
5.	Исправная	Зеленчукский	станица	49	68	1,59
6.	Усть-Джегута		город	104	62	0,20
7.	Эркен-Шахар	Ногайский	пст	46	50	1,20
8.	Курджиново	Урупский	село	36	34	0,57
9.	Сторожевая	Зеленчукский	станица	6	32	0,38
10.	Теберда		город	46	30	0,33
11.	Адыге-Хабль	Адыге-Хабльский	аул	18	27	0,68
12.	им Коста Хетагурова	Карачаевский	село	17	23	0,83
13.	Майский	Прикубанский	пст	20	23	2,82
14.	Медногорский	Урупский	пгт	18	23	0,39
15.	Псыж	Абазинский	аул	16	21	0,26
16.	Спарта	Адыге-Хабльский	село	40	16	2,80
17.	Учкекен	Малокарачаевский	село	24	14	0,08
18.	Уруп	Урупский	село	0	13	0,85
19.	Дубянский	Адыге-Хабльский	хутор	9	10	3,85
20.	Киево-Жураки	Адыге-Хабльский	хутор	16	10	2,15
21.	Эрсакон	Адыге-Хабльский	аул	9	10	0,38

22.	Октябрьский	Прикубанский	пст	8	10	0,64
-----	-------------	--------------	-----	---	----	------

Чечня и Ингушетия

(поселения, имевшие армянское население в 2010 г.)

№	Поселение	Район	Тип поселения	Число армян (чел.)		% армян в населении
				2002	2010	
Чечня						
1.	Грозный	Грозный	город	184	372	0,14
2.	Калиновская	Наурский	станица	0	49	0,79
3.	Наурская	Наурский	станица	8	17	0,2
4.	Шали	Шалинский	город	0	10	0,02
5.	Борзой	Шатойский	село	0	9	0,64
6.	Курчалой	Курчалойский	село	0	6	0,026
7.	Шелковская	Шелковский	станица	8	5	0,05
8.	Червленная	Шелковский	станица	0	4	0,044
9.	Гикаловский	Грозненский	поселок	0	3	0,032
10.	Гудермес	Гудермесский	город	0	3	0,007
Ингушетия						
1.	Джейрах	Джейрахский	село	0	3	0,23
2.	Магас	Магас	город	0	3	0,12
3.	Малгобек	Малгобек	город	9	3	0,01
4.	Экажево	Назрановский	село	0	3	0,02

Научное издание

Суший Сергей Яковлевич

**Армяне Юга России и Крыма
(геодемографический очерк)**

Заказ № 4060

Подписано в печать

Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Times»

Печать ризограф. Печ. п.л. 18

Тираж 300 экз.

Отпечатано в Копицентр

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Суворова, 19

www.kcentr.com / www.копицентр-ростов.рф

(863) 250-11-25, (863) 247-34-88

E-mail: 2501125@mail.ru